

Непокорная из семьи Вандербильт

Тереза Энн Фаулер

ПОРЯДОЧНАЯ ЖЕНЩИНА

Роман

Annotation

Альва Эркин Смит – одна из четырех дочерей почтенного, но обедневшего семейства.

В прошлом остались жизнь в Париже и придворные балы. Чтобы восстановить положение, Альве необходимо что-то предпринять. Для женщины той эпохи ответ очевиден – найти богатого мужа.

Это история о знаменитой семье миллионеров Вандербильт, частью которой стала Альва. Но не навсегда.

Именно она прославилась среди движения суфражисток, потребовав в возрасте 42 лет развод ради другого мужчины, поставив на карту прежнюю благополучную жизнь и мнение общества.

-
- [Тереза Фаулер](#)
 -
 -
 - [Жемчуг](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Ее второй акт](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)

- [Глава 8](#)
- [Примесь](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
- [Созвездие](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
- [От автора](#)
- [Благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)

- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)

- [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
-

Тереза Фаулер

Порядочная женщина

Therese Anne Fowler
A Well-Behaved Woman

© Ермашкевич Т., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Посвящается Джону за все

Настоящее произведение является художественным вымыслом. Персонажи, организации и события, описанные в настоящем романе, являются продуктами воображения автора или используются в художественных целях.

Судьбой женщины правит любовь, которую она готова принять.

Джордж Элиот^[1]

Жемчуг

*Невинности жемчуг ласкает взгляд,
Блеск бриллианта в глазах сверкает,
Вот чем юная девушка красит
Свой подвенечный наряд.*

*Из «Подарка для юных леди» (Автор
неизвестен)*

Глава 1

Когда ее спрашивали о Вандербилтах и Белмонтах, о торжествах и бесчинствах, особняках и балах, тяжбах, предательствах и размолвках – когда спрашивали о причинах ее шокирующих поступков, Альва отвечала, что началось все очень просто: жила-была несчастная девушка – мать ее умерла, а отец угасал с той же скоростью, с какой таяло его состояние. Летом 1874 года в свои двадцать два она чувствовала себя созревшим плодом, которому суждено сгнить на ветке, если никто его не сорвет.

– Барышни, никуда не уходите, – предупредила миссис Хармон восемь юных леди в скромных дневных платьях и соломенных шляпках, что покинули уют двух экипажей и столпились на входе в трущобы точно выводок утят.

Людей в этом квартале было очень много, а места мало, полуденный зной наполнился резким запахом конского навоза, покрывавшего брусчатку на узких улицах. Проходы меж домов завалены старыми матрасами, обломками мебели и ржавыми консервными банками. Неподвижный воздух – мутный из-за угольной сажи. На целый квартал – от Брум-стрит до Гранд-стрит – от окна к окну тянутся веревки, увешанные безжизненно поникшим бельем. Казалось, даже дома не могут стоять ровно и проседают.

– Никуда не уходить? – подняла бровь Армида, сестра Альвы. – А куда, по ее мнению, мы могли бы здесь пойти?

– Как куда – к дьяволу, конечно, – отозвалась одна из девушек. – Как и все местное население.

Остроумный ответ принадлежал мисс Лидии Рузвельт, из ойстер-бэйских Рузвельтов^[2], кузине или племяннице (Альва запомнила) одной из учредительниц благотворительного общества. Стоит ее спросить – она перескажет всю родословную Рузвельтов в мельчайших подробностях. Само собой, Альва спрашивать не собиралась.

«Местное население» составляли изможденные девушки и женщины, которые сновали туда-сюда с какими-то узлами, старики, сидящие на ступеньках домов или подпирающие стены, и множество

играющих на улице ребятишек, большая часть босиком – детей грязнее Альва в жизни не видела.

Мисс Хэдли Берг, птица одного с мисс Рузвельт полета, поддержала подругу:

– А чего еще от них ожидать? Эти люди рождаются неполноценными.

– Вы действительно в это верите? – осведомилась Альва.

– Верю во что? – переспросила мисс Берг, поправляя шляпку так, чтобы солнце не светило в лицо. – В то, что они неполноценны? – Она кивнула в сторону мальчика с грязными волосами и ободранными коленками, который рассматривал их, ковыряясь в зубах. – Что нищета – их естественное состояние?

– Разумеется, обстоятельства играют немалую роль, – заметила Армида.

Альва взглянула на нее. Они обе знали это слишком хорошо. Если их собственные обстоятельства не улучшатся как можно быстрее, они вместе с двумя младшими сестрами вполне могут пополнить ряды тех, чьи семьи ютятся в одной-единственной комнате без водопровода и делают свои дела у всех на виду в переулке или прямо во дворе. Сестрам уже пришлось ограничить себя в еде и развлечениях, довольствоваться двумя слугами вместо девяти прежних и в меру своих сил скрывать это от окружающих.

Девушки ждали, пока извозчики под управлением миссис Хармон разгрузят корзины, в которых лежало по двадцать муслиновых мешочков, перевязанных бечевкой. В каждом мешочке – небольшой швейный набор, состоящий из двух иголок, нитки, булавок и наперстка, книжечка с незатейливыми жизнеутверждающими стихами, леденец и четыре пенни. Все утро они собирали эти мешочки и теперь должны были раздать их самым бедным детям Манхэттена – беспризорникам, подкидышам, иммигрантам, сиротам. По словам миссис Хармон, хороший портной может зарабатывать целых десять долларов в неделю. Даже ребенок способен заработать двадцать центов в день – достаточно, чтобы изменить свою жизнь.

Мисс Рузвельт заявила:

– Конечно, белых мальчиков можно отмыть и отправить в школу, но джентльменами они не станут. Это просто невозможно – уж такими их создал Господь.

Мисс Берг добавила:

– Если бы только они не увлекались спиртным...

– Вот именно, – согласилась мисс Рузвельт. – Ирландцы разве что не рождаются пьяными. Без бутылки их мужчины ни за одно дело не возьмутся. Даже женщины к этому склонны. На той неделе нам пришлось уволить горничную – мама увидела, как она, пьяная в стельку, прятала по карманам столовое серебро!

– Немцы, между прочим, не многим лучше, – сказала мисс Берг.

Армида вздохнула:

– Наша немка-гувернантка и вправду была ужасной...

– Была? Кто же теперь воспитывает ваших сестер?

– Армида, – торопливо ответила Альва. – Она прекрасно справляется, а теперь, когда мамы не стало, девочкам лучше с ней, чем с чужими людьми.

– Четыре незамужние девушки, оставшиеся без матери, – покачала головой мисс Рузвельт. – Какая жалость.

– Но хуже всего евреи, – не унималась мисс Берг. – И не в пьянстве дело – если я не ошибаюсь, они не пьют из религиозных соображений. Но они такие... подозрительные, подлые... и коварные, точно – они невероятно коварные.

Альва не выдержала:

– Зато, я полагаю, все белые американцы, исповедующие христианство, совершенны?

Мисс Рузвельт закатила глаза.

– Мисс Смит, мы же просто констатируем факты. Возможно, получи вы лучшее образование, поняли бы, какие глупости говорите.

Армида поспешила встать между ними:

– Кажется, у миссис Хармон все готово.

– Итак, барышни, – возвестила миссис Хармон, присоединившись к девушкам. – Напоминаю вам, что настоящие христиане щедры не только делами, но и словами. – Раздав мешочки и построив девушек по парам, она продолжила: – Мы все можем стать лучше, независимо от происхождения. Имея необходимые средства и образование, все способны сделаться честными и порядочными людьми.

– Да, миссис Хармон, – прощепетали девушки хором.

Честными и порядочными. Возможно, это все, на что смогут рассчитывать Альва и ее сестры, если хотя бы одна из них не выйдет

замуж за состоятельного человека, – а учитывая отсутствие каких бы то ни было предложений, сделать это будет непросто. Семейство Смит переехало в Нью-Йорк еще до войны^[3], покинув ныне посрамленный Юг. Во время войны они жили в Париже, и теперь, вернувшись в Нью-Йорк, обнаружили, что для никербокеров^[4], этих преуспевающих коренных манхэттенцев, сестры Смит недостаточно хороши. Так же мало они привлекали и самонадеянных нуворишей, которые толпами прибывали в Нью-Йорк. Все, что оставалось девушкам, – искать где-то посередине.

Но даже это удавалось им с трудом. Дело в том, что четыре прекрасно воспитанные девушки из приличной семьи совершенно терялись в массе им подобных, а ряды джентльменов после войны, напротив, значительно поредели. Все это вынудило Альву скрепя сердце согласиться на некоторые ухищрения, которые должны были дать плоды через несколько недель и целью коих был один из тех самых молодых людей, что занимали промежуточное положение.

Миссис Хармон вошла в здание, девушки последовали за ней и теперь стояли в душном зловонном коридоре. Воздух здесь был гораздо теплее, чем на улице. Миссис Хармон приложила платок к щеке, потом ко лбу. Мисс Рузвельт закрыла платочком нос.

– Если мы будем достаточно расторопны, нам не придется здесь задерживаться, – подбодрила всех миссис Хармон.

Мисс Рузвельт и мисс Берг она поручила обойти первый этаж, остальных девушек распределила в зависимости от их происхождения – чем ниже статус, тем выше этаж.

– Барышни Смит, вы идете на четвертый, – сказала она и кивнула в сторону мрачной внутренности здания. – Всем все понятно? Я буду ждать снаружи.

– Жаль, что вам так не повезло, – произнесла мисс Рузвельт.

Мисс Берг добавила:

– Да, приятного мало. Я слышала, наверху живут прокаженные и идиоты.

– Даже прокаженные и идиоты заслуживают милосердия, – ответила Армида, взглядом приказав Альве не поддаваться на провокацию.

Альва зашагала вверх по лестнице. Нет, она ни за что не покажет, что им удалось ее задеть. Первый этаж или четвертый – какая, в самом

деле, разница? Это всего лишь обстоятельства. Они еще ничего не значат.

Армида не отставала от Альвы. На лестницах запах мочи усилился. Стараясь не дышать носом, Альва повесила корзинку на локоть и обеими руками приподняла юбки, чтобы они не касались грязных ступенек. Снизу уже раздавался стук в двери и голоса девушек: «Добрый день, мадам...»

Порядок действий был таков: две девушки на этаж, останавливаться у каждой двери, затем «вежливо постучать, представиться, узнать, есть ли в семье дети. Если пригласят внутрь, оставаться в дверях и ничего не трогать – вши и блохи умеют прыгать». Каждому ребенку от шести до четырнадцати полагался один набор. Четырнадцатилетние считались взрослыми и должны были сами зарабатывать на пропитание. К четырнадцати они уже знали, как избежать выселения и отправки с Центрального вокзала бог весть куда работать на фермах, ранчо, плантациях или в шахтах. Альва слышала, что на Юге были семьи, с радостью берущие детей на место освобожденных рабов. Девочки, которых отправляли в западные штаты, нередко становились женами местных землевладельцев. Она представила себе их жизнь: потерять родителей и дом, выйти замуж за дряхлого, сплевывающего табак фермера с изрытым оспой лицом, подниматься ни свет ни заря, чтобы подоить козу или корову, один сопливый отпрыск на руках, другой – еще в животе... Какое облегчение, что Джулии, младшей из сестер Альвы, уже исполнилось пятнадцать.

Они с Армидой наконец добрались до тускло освещенной площадки четвертого этажа и остановились передохнуть. В воздухе стоял странный резкий металлический запах. Альва хотела спросить о нем у сестры, как вдруг заметила девушку, лежащую без движения у второй двери. Темная до черноты кровь пропитала ее юбки и растеклась вокруг. Армида ахнула, развернулась и побежала вниз по лестнице, зовя на помощь миссис Хармон.

Дрожа всем телом, Альва опустилась на колени возле девушки и взяла ее за руку. Рука оказалась холодной и безвольной. Грудь девушки была неподвижна. Альва наклонилась и приложила к ней ухо. Тишина.

Альва отшатнулась. Ее била такая дрожь, что ее не удавалось сдерживать, даже обхватив себя руками.

Девушка умерла. И перед этим ей было страшно и больно.

Несколько лет назад Альва слышала на каком-то приеме, как две холеные дамы, разодетые в мех и жемчуга, обсуждали визит, который они незадолго до того нанесли в трущобы квартала Файв-Пойнтс^[5]:

– Просто удивительно, не правда ли?

– Да, совершенно невероятно! Представьте, что для кого-то в этом заключается вся жизнь – к счастью, наверняка недолгая.

– Люди готовы умереть, чтобы только выбраться оттуда!

И рассмеялись над своим остроумием. Альва тогда тоже улыбнулась, еще не зная, насколько тонка грань между привилегированной жизнью и нищетой. Умереть, чтобы выбраться, – ужасно смешно!

А теперь она сидит возле мертвой девушки. Была ли бедняжка напугана тем, что с ней происходит, или, возможно, почувствовала облегчение, ведь ждать от этой жизни ей было нечего?

На ступеньках раздались торопливые шаги.

– Кэти! – воскликнула девочка, чье сходство с умершей бросалось в глаза. – О нет, нет, нет... – Альва отодвинулась, девочка упала на колени, схватила умершую за плечи и попыталась приподнять ее. – Ну же, Кэти, – повторяла она. Голова умершей запрокинулась назад. В глазах девочки застыла паника. – Кто-то пошел за доктором, но разве его дождешься... Откуда идет кровь? Что мы можем сделать?

– Слишком поздно, – проговорила Альва. – Мне очень жаль. Она уже не дышала, когда я... Мы пришли слишком поздно.

– Неправда! – зарыдала девочка. – Что случилось? Когда я уходила утром, все было в порядке.

– Мне очень жаль.

У Альвы в кошельке было пятьдесят центов. Дрожащей рукой она протянула их девочке.

– Это, конечно, немного, но...

Девочка отмахнулась:

– Деньги ей не помогут!

– Но вы сможете...

– Только это вы и умеете! Уходите отсюда! – крикнула девочка. Лицо ее раскраснелось, по щекам текли слезы. – Уйдите!

– Мне жаль, – повторила Альва и оставила девочку ожидать врача, который не сможет ничего исправить.

Ее слова эхом отдавались у Альвы в голове. Мертвой девушке деньги и вправду не помогут. «Но, Господи, – подумала она, – пусть они помогут мне!»

Глава 2

Все без исключения девицы на выданье были невероятно хорошенькими – фарфоровая кожа с нежным румянцем, осиные талии, шелка, поблескивающие подобно воде в лучах солнца. Обеденный зал отеля «Гринбрайер» был полон девушек, чьи заботливые матери без устали напоминали им, как правильно держать чашку, дабы подчеркнуть хрупкость запястья; отовсюду только и слышалось: «... выпрями спину, улыбайся, скромный взгляд, и опусти ресницы». Молодые люди, числом втрое меньше, все в крахмальных белых воротничках и льняных куртках, смотрели по сторонам, улыбались и кивали, точно покупатели на аукционе племенных лошадей.

Мисс Консуэло Изнага, ближайшая подруга Альвы с детских лет, когда они проводили лето в Ньюпорте^[6], придумала, как найти ей жениха, и настояла на том, что «Гринбрайер» для этого – самое подходящее место. По крайней мере, для Альвы. Сама Консуэло, располагая средствами, связями и красотой, замуж отнюдь не торопилась – в этом просто не было необходимости, ведь ее отцу удалось сохранить свое богатство.

Изнага владели плантациями сахарного тростника на Кубе. До войны они каждое лето спасались от кубинского зноя в мягком климате Ньюпорта и часто селились на той же улице, где семейство Смит снимало коттедж, сбежав от удушающей жары Манхэттена. Господин Изнага любил повторять: «Человек должен верно служить земле, сделавшей его богатым» – завуалированная критика в адрес отца Альвы, который гораздо охотнее продавал хлопок, чем выращивал его. Поскольку рынок хлопка находился в Нью-Йорке, жена и дочери Мюррэя Смита поселились там же. Не подозревая о натянутых отношениях между отцами, Альва и Консуэло привязались друг к другу с той беззаветной любовью, каковой способствует беспечное детство, и больше замечали у себя сходства, нежели различия.

В годы войны они каждую весну проводили несколько недель в Париже. Расставаясь, писали письма. Позже, вскоре после возвращения Смитов на Манхэттен, отец Консуэло из деловых

соображений тоже купил там дом. Альва знала Консуэло как саму себя. Ничто не могло встать между ними. Даже когда на семью Альвы обрушились несчастья, Консуэло оставалась ее верной подругой.

Она выбрала для Альвы Уильяма Киссэма Вандербильта, с которым познакомилась год назад в Женеве. Все звали его просто Ви-Кей. Манхэттенец в третьем поколении, родом он был из богатой семьи, которой никак не удавалось выбиться в высшее общество. Консуэло убедила его, что безупречная родословная Альвы в сочетании с состоянием и влиятельностью Вандербильтов поможет склонить чашу весов в нужную сторону, и Вандербильты вместе со Смитами наконец получат признание.

Слишком уж оптимистичное пророчество.

И все же, по мнению Консуэло, Уильям заинтересовался как ее обещаниями, так и ее подругой. По мнению же самой Альвы, он походил на резвящегося щенка – ее не покидало ощущение, что каждый раз при встрече он весело ее обнюхивал и убегал. Она ему, конечно, понравилась. Но ему также нравилось дурачиться с друзьями, править четвериком в Центральном парке, показывать карточные фокусы, участвовать в регатах и вести оживленные беседы с привлекательными юными леди, в числе которых оказалась и Альва. «Альва Смит? Честная, порядочная девушка?» – скажет он своим друзьям и выберет другую, с более интересными характеристиками.

– Посмотри-ка. – Консуэло указала на троицу молодых людей, входящих в просторный зал с высокими потолками. – Я же говорила, что он придет. – Она подозвала официанта и вручила ему свою карточку, на которой успела что-то написать.

– Передайте господину Вандербильту – вон тому джентльмену в голубом сюртуке, – что мы приглашаем его вместе с друзьями составить нам компанию.

Официант ушел, и Альва тяжело вдохнула.

– Волнуешься? – спросила Консуэло. – Не бойся. Он подойдет.

– И что тогда?

– Тогда ты поднимешь свою чашку, чтобы подчеркнуть хрупкость...

– Консуэло, я не шучу.

– И перестань хмуриться! «Юные леди, которые надеются найти мужа, достойного во всех отношениях, должны заботиться о бледности

и гладкости кожи и приятном выражении лица» – это я прочла в «Правилах этикета». А еще, если часто хмуриться, будешь выглядеть старше на шесть лет! Научно доказано. – Консуэло умолкла и нахмурилась: – Что это там происходит?

Альва обернулась – посланный ими официант еще пересекал просторы зала, а к джентльменам уже подошел другой. Он вручил что-то Уильяму и указал на столик, за которым сидели юные леди, которые, по всей видимости, и передали это «что-то». Молодые люди встали из-за стола и направились к девушкам. Русоволосый Уильям с ямочками на щеках на ходу принял у подошедшего официанта записку Консуэло и сунул ее в карман.

– Ну вот, – вздохнула Альва, повернувшись к Консуэло. – На твоём плане можно ставить крест.

– Это на твоей уверенности можно ставить крест! Да, Тереза Фэйр хороша собой. Здорово, наверное, иметь такие рыжие волосы! Но зато миссис Фэйр настолько невыносима, что лишь самый отчаявшийся человек осмелится иметь с ней дело.

– Хороша собой и юна, – заметила Альва. – Ей, наверное, не больше четырнадцати.

– В Греции девочек выводят в свет в десять – в Нью-Йорке это тоже не запрещается. Поэтому радуйся, что тебе не придется конкурировать с ребенком. – Консуэло потянулась за своей чашкой. – Не расстраивайся. Уильяму ни к чему фэйровское серебро. Его дед сказочно богат.

– Да, но всего лишь дед, а не отец.

– Очень старый дед, который не будет жить вечно. – Консуэло наблюдала за компанией. – Интересно, сколько у него в самом деле денег?

– У Уильяма?

– У его деда, Командора ^[7] Вандербильта. Писали, что его паровая яхта размером с военный корабль еще двадцать лет назад стоила полмиллиона долларов! У отца Уильяма состояние тоже немаленькое. Все, что им нужно, – твоя безупречная родословная, которая перевесит любые слухи о военных спекуляциях, политических подкупах и делишках сына.

– Сына? Какого сына?

– Папа говорит, что дядя Уильяма, Корнелий Вандербилт, заядлый игрок и никогда не платит по долгам. Еще с ним случаются припадки. Конвульсии.

– Ты никогда мне об этом не рассказывала!

– Точно?

– Если бы я знала, я...

– Отказалась бы от него? Но ты не можешь себе это позволить.

Альва снова повернулась в сторону столика Терезы Фэйр.

– Какое платье... – Она сокрушенно покачала головой.

– Фигурка у нее точеная, это правда. Но, как я уже сказала, ее невыносимая мамаша...

– Жить с ними не станет.

– Не стала бы. – Консуэло погрозила Альве ложечкой. – Если бы. Но этому «если бы» не суждено случиться, поскольку мисс Фэйр – посредственность. Зато ты – настоящая награда.

– Только в сравнении.

До войны, прежде чем нью-йоркское общество отвернулось от тех, чье состояние не было давным-давно нажито на местных территориях, семейству Смит жилось не хуже никербокеров – а если верить матери Альвы, Фиби Смит, даже лучше: они были более образованными, шире смотрели на мир – ведь она вывозила дочерей в Европу, едва они начинали доставать до корабельных перил. Кроме того, их род, древний и значимый, по меркам южных штатов, в Европе считался еще более древним и значимым – Смиты являлись потомками французских и шотландских аристократов. «Мои дочери рождены, чтобы носить короны», – рассказывала Фиби всем, кто готов был ее слушать.

– Все познается в сравнении, – заявила Консуэло. – А дареному коню в зубы не смотрят.

– Лулу всегда говорит, что с плохими зубами лучше вообще не связываться.

– Что может знать старая рабыня? Тем более – посмотри на него: зубы у него прекрасные.

– Да, но будет еще прекраснее, если он перестанет демонстрировать их мисс Фэйр.

Альва поправила вырез платья. Платье было старым и сидело не так хорошо, как раньше. Одно из последних, что она заказала в

Париже, прежде чем отец перевез семью обратно в Нью-Йорк. В ту пору Альва еще не понимала, что его хлопковый бизнес угасает так же тихо, но бесповоротно, как ее мать.

Вместе с повадками южанина и непоколебимой уверенностью в том, что договор можно заключить всего лишь при помощи рукопожатия, отец захлебнулся под настойчивыми волнами беспринципных дельцов, которые сбивали цены и лезли друг другу на шею, только бы удержаться на плаву. Вдобавок он вложил огромное количество денег в Конфедерацию и южные банки. Богатства, принесенные обширными хлопковыми плантациями, деньги, которые помогли ее предкам выйти в высшее общество, исчезли почти без следа.

Консуэло одернула Альву:

– Прекрати теревить платье. И сколько можно хмуриться!

– Прости, но это слишком унижительно, разве ты не понимаешь? – Альва принялась ковырять ноготь на большом пальце, с трудом справляясь с желанием его погрызть. – Как жаль, что после падения империи^[8] мы не переехали в Лондон. Дженни Джером там познакомилась со своим мужем, лордом Черчиллем. И у Минни тоже будет титул, – сетовала она, вспоминая подруг. – Я всегда думала, что выйду за джентльмена, у которого есть титул, земли и слуги. У которого есть история за плечами. Мама постоянно мне это внушала.

– Все матери так делают.

– Но к этой цели стоит стремиться, – возразила Альва. – В этом она не ошибалась.

– Да, цели у твоей мамы всегда были достойными, но вот средства для их достижения – совершенно неправильными. И почему никто ей об этом не говорил? Ума не приложу.

Всю свою юность Альва не сомневалась, что ее мать расчетлива, но вместе с тем очаровательна и пользуется уважением в свете. Сей уверенности она лишилась на приеме во дворце Тюильри, когда, сидя позади императрицы Евгении^[9] (и находясь в совершенном восторге от этой близости), услышала слова императрицы: «По-моему, миссис Мюррэй Смит – самая нелепая дама при дворе. Без умолку твердит о своих предках-аристократах, которые, кажется, жили на свете сотни лет назад. Но если ее послушать, так они у власти до сих пор».

Альве тогда сквозь землю хотелось провалиться. Императрица говорила о ее матери. Императрица считала ее мать нелепой. Сама императрица...

Компаньонка ее величества ответила:

– Полностью с вами согласна – невероятно напыщенное существо. Впрочем, это даже забавно! Она уверена, что каждой из ее дочерей уготована судьба королевы. Или императрицы. Держите ухо востро! – шутливо предостерегла она и рассмеялась.

Императрица возразила:

– Мне это забавным не кажется. И мне жаль ее бедных девочек – в приличном обществе на них никто и не взглянет.

Альва не решалась подняться со своего места, боясь привлечь внимание, и продолжала сидеть, переживая невыносимый стыд и ужас.

Ее мать оказалась посмешищем.

В приличном обществе на них никто никогда не взглянет.

Теперь же мать покоилась в могиле, а сама Альва была здесь, в Западной Вирджинии, и, затянутая в корсет, сражалась – не особенно, впрочем, успешно – за внимание простого джентльмена.

Она застряла в Нью-Йорке, где вдоль бесконечных улиц тянулись обшарпанные жилые дома, а витрины магазинов подпирали покосившиеся ветхие многоэтажки. Манхэттен был совершенно неинтересен – красивых особняков совсем мало, а взмывающих ввысь костелов или прелестных парков, вроде тех, которыми Луи-Наполеон^[10] украсил округи Парижа, тут и вовсе не имелось. Лишь уродливые стены из кирпича и бурого песчаника и еще доски, копоть, одноногие бродяги и мертвые лошади, гниющие на улицах.

Альва нуждалась в помощи.

Некоторое время юные леди пили чай в тишине. Альва видела, что сознание подруги работает совсем как у Эммы из романа Остин. Консуэло представила ее Ви-Кею на ужине у одной знакомой несколько месяцев назад. Консуэло позаботилась о том, чтобы Альва получила приглашение на первый бал его сестры. Консуэло выискивала его повсюду и обязательно упоминала при встрече Альву, превознося ее саму, хвастая ее выдающейся родословной и членством ее отца в клубе «Юнион»^[11], внушая ему, что только его женитьба поможет Вандербильтам завоевать положение в обществе, которое так

упорно их отвергает. Ни одну наследницу никербокеров за него не отдадут. Альва Смит – наилучшая альтернатива.

Задумчиво постукивая ложечкой по ладони, Консуэло произнесла:

– Я не понимаю, почему он... Не то чтобы я очень беспокоилась, но было бы неплохо, если бы о мисс Фэйр пошел какой-нибудь возмутительный слухок. Что-нибудь скандальное – например, что ее видели выходящей из домика конюха.

– Но она оттуда не выходила. Или выходила?

– Кто знает наверняка?

Альва попробовала сменить тему:

– Тот торговец углем из Питтсбурга, который сидел рядом со мной за ужином...

– Альва.

– Он очень мил и в общем-то недурен собой. Может быть, и хорошо, что он не из древнего рода...

– Альва!

– И денег у него, наверное, больше, чем у Уильяма.

– Это временно. И перестань.

Альва понизила голос:

– У него есть деньги. А мне они нужны. Возможно, он – лучшее, на что я могу рассчитывать.

– Но он же просто нувориш. А ты из рода самих Деша. Твой дед был конгрессменом, дядя – губернатором. Ты не имеешь права связывать свою жизнь с нуворишем, у которого уголь под ногтями.

– Моя мать была из рода Деша. А я из Смитов. Мой отец – инвалид, который не в состоянии заплатить по счетам. И если я как можно скорее не выйду замуж, нам придется сдавать комнаты жильцам и брать стирку на дом.

Эта картина очень ясно встала у Альвы перед глазами: отец прикован к постели, он может только пить бульон с ложечки; сутки напролет по дому шастают неприятно пахнущие посторонние люди; она вместе с сестрами разрывается между готовкой, растопкой каминов и мытьем посуды, летом бьет мух, а зимой утепляет туфли ветошью. Их жизнь может стать такой же несчастной, как жизнь людей, которых она видела в трущобах, их будущее – настолько же туманным, как будущее сестры умершей девушки. Ни один джентльмен не женится на дочерях Смита, и они все заболеют оспой

или лихорадкой и умрут безобразной смертью – четыре старые девы, которых мать когда-то прочила в герцогини, маркизы или по меньшей мере в жены пэров. А может, они замерзнут зимой, и итальянец-иммигрант, обнаружив их тела под снегом, напишет оперу об их прекрасной и трагической смерти, прославится, отправится в мировое турне, заработает целое состояние и женится на девушке из обедневшей семьи европейских аристократов, которая возьмет себе имя Армида.

Вслух же Альва продолжила:

– Нас донимает бакалейщик. Я не помню, когда мы в последний раз платили прачке или Лулу...

– Да, я все понимаю, но я же знаю тебя – одних денег тебе будет мало.

Альва обернулась, чтобы еще раз взглянуть на Уильяма, внука человека, которому принадлежат чуть ли не все железные дороги на востоке, который построил Центральный вокзал Нью-Йорка, который пользовался расположением самого президента Гранта. Он и двое его друзей сидели за столиком в компании Терезы Фэйр, миссис Фэйр и двух замужних дам. Миссис Фэйр что-то с жаром рассказывала и кивала головой, точно курица.

Смотреть на Уильяма было приятно. Альва даже признавала его красивым. Зубы и правда у него отличные. И он весьма обходителен. Все так говорят. Бойкий и веселый, приятнейший и добрейший молодой человек. Конечно же, он гораздо более выгодная партия, чем какой-то питтсбургский угольщик. Глядя на него, Альва представила себе жизнь, полную удобств, жизнь, в которой ей не придется волноваться, мерзнуть или бояться, что она никому не нужна. Жизнь, в которой она, одетая по последней моде, будет восседать во главе полированного обеденного стола из красного дерева, Уильям будет сидеть на противоположном конце, а их друзья и знакомые – по сторонам, наслаждаясь французскими винами, фаршированными голубями и нежнейшими заварными пирожными *au crème*...

И не имело никакого значения, что дед его, Командор, считался грубым, эксцентричным и бесцеремонным человеком. Совершенно не важно, что его дядя слишком сильно увлекался карточными играми. И что сам Уильям не мог похвастать ни титулом, ни землями, ни какими-либо выдающимися поступками или подвигами со стороны предков

хоть в какой-то войне. Альва уже утратила возможность получить титул. Если она выйдет замуж за питтсбургца, вероятно, приобретет определенную уверенность в жизни, однако для общества она будет миссис Никто. Сделавшись же частью семьи Вандербильт, Альва станет по меньшей мере миссис Некто.

Когда Альва вновь повернулась к Консуэло, та, прищурившись, осматривала ее наряд.

– В каком платье ты будешь танцевать вечером?

– В сером фаевом – я знаю, о чем ты думаешь, но Лулу перешла лиф. Сейчас, конечно, носят другие, но оно хотя бы похоже...

– Моя мама предлагала подобрать тебе наряды на этот год. А ты отказалась, чтобы не ранить гордость отца.

– Гордость – это все, что у него осталось.

Столик Фэйров взорвался смехом. Ах, как Уильям улыбнулся мисс Фэйр! Ах, как она зарделась! Теперь Альва представила за столом из красного дерева мисс Фэйр – та восседала на ее месте, пила ее вино, ела ее голубей и слизывала со своих тоненьких, украшенных серебряными кольцами пальчиков крем ее пирожных. Мисс Фэйр сидела напротив мужа, который предназначался ей, Альва же, по локти в кипятке и щелоче, отстирывала чужие простыни – возможно даже, и самих Вандербильтов.

Консуэло взяла подругу за руку и заявила:

– Ты наденешь мое новое платье из розового муслина.

– Как будто это решит все проблемы. Нет, – отказалась Альва. – Спасибо, но в розовом я выгляжу ужасно.

Сидевшие за столиком мисс Фэйр встали и направились к французским дверям. Уильям вел мисс Фэйр под руку. Они покинули зал.

– Вот и конец, – проговорила Альва.

Что бы там ни думала Консуэло, у мистера Вандербильта явно другие планы.

– Не смей так легко сдаваться! Куда делась моя неутомимая подруга, которая бегала быстрее любого мальчишки, не боялась пробраться за кулисы в опере, и вообще...

– Эта подруга не всемогуща, – ответила Альва, поднимаясь из-за стола. – Не стану я бегать за мужчиной, который по плану должен был

бегать за мной. Оставляю его мисс Фэйр. Или, может быть, тебе? Если ты о нем такого высокого мнения.

Консуэло не ответила, и поступила правильно, ибо Альва не очень бы обрадовалась, услышав, что сама Консуэло планирует сделать более выгодную партию, чем Вандербильт, – ей нужен кто-то повнушительней. И что Альва бросает слова на ветер. И что Консуэло делает для Альвы все, что может, и Альва должна быть ей за это благодарна.

Благодарность. Как близка она к обиде.

После чая, когда все прилегли вздремнуть, Альва стояла у окна в своей комнате – от волнения она не могла уснуть. Консуэло права – нельзя выходить замуж только из-за денег. Альва надеялась получить также и положение в обществе. Хотя по иным причинам, нежели у ее матери, ведь Альва не искала всеобщего обожания или возможности потешить самолюбие. Просто статус позволял женщине свободнее распоряжаться своей жизнью, защищал ее от чужих прихотей и капризов судьбы.

Об угольщике из Питтсбурга (который, в общем-то, и сам вполне может ей отказать) никто не слышал. Вандербильты же, с другой стороны, приобрели вес в политике. Альва читала газеты – они добились многого. Надо перестать артачиться и заполучить внимание Уильяма – в первую очередь ради себя самой. И если ей каким-то образом удастся провести их в высшее общество, их жизнь превратится в настоящую сказку.

Альва вызвала коридорного и велела ему сходить за Лулу.

– Скажите, что мы едем в город.

Они отправились в галантерейную лавку, где Альва купила четыре ярда черного тарлатана. Затем попросила извозчика остановиться у склона, поросшего полевыми цветами. Отмахиваясь от пчел, они вместе с Лулу нарезали портновскими ножницами огромные охапки золотарника. Спустя два часа после возвращения комната Альвы напоминала портняжную мастерскую – стол был завален обрезками ткани и ниток, ножницами, иголками и булавками, раскрученные ленты и остатки тарлатана висели на кресле. Пол был усеян листьями и стеблями растений.

В те годы в моду вошло украшать маленькими бутонами прическу или прикреплять несколько цветков к лифу или верху рукава. Альва пошла дальше. Вместе с Лулу они прикрепили к юбке драпировку из тарлатана, затем разложили платье на кровати и старательно украсили его гирляндами крохотных букетиков золотарника.

– Как... эффектно! – воскликнула Консуэло, появившаяся в своем платье из розового муслина. – Сколько цветов...

– Она заставила меня собирать их по холмам, словно рабыню, – пожаловалась Лулу.

– Мы же там были совсем недолго.

– Я работаю в доме.

– Но ты бы не позволила мне делать это самостоятельно!

– Мистер Смит с меня за это шкуру бы спустил.

– Но это же прекрасные холмы, полные ароматных цветов...

– Полные пчел, – пробурчала Лулу. – И вы ходили там без шляпки...

Консуэло взяла Альву за руки и придирчиво осмотрела оценивающим взглядом с головы до ног.

– Прекрасно, – вынесла она свой вердикт. – Я так понимаю, ты снова в игре?

– Я не хочу закончить свою жизнь в трущобах.

– Даже не думай об этом! Думай о хорошем, и все будет хорошо. Теперь, когда Уильям тебя обнаружит, – а он непременно это сделает, если знает, что ищет, – ты должна этим воспользоваться в полной мере, – напутствовала Консуэло. – Мужчине важно почувствовать, что он выиграл награду, которой позавидуют все его друзья. Очаровывай его, Альва. Льсти ему. Понимаешь? Этой наградой должна стать ты.

Подойдя к бальному залу, Альва поняла, что совершила ошибку. Она и забыла, что стены здесь коралловые, а потолки – бледно-розовые. Даже освещение в зале казалось розоватым. Более неудачного выбора сделать она не могла.

Все остальные девушки, конечно же, приняли во внимание цвет интерьера. Зал был полон платьев бежевых, кремовых, палевых, серебряных, жемчужных, серых, полынных, бледно-голубых и зеленых, а также всех оттенков розового. Одна смелая юная леди выбрала наряд глубокого гранатового цвета. Ее платье и каштановые

волосы были убраны нитями мелкого жемчуга. Верх совершенства! Альва же стояла у входа как черно-золотое... пирожное.

Зато она определенно не осталась без внимания.

– Мисс Смит! Как... необычно.

– Вот это да! Я уже забыла, когда видела что-то подобное.

– Надеюсь, у ваших партнеров по танцам не будет аллергии на золотарник.

– Довольно осенний стиль, не находите?

– Это траур по уходящему лету?

Стиснув зубы, Альва развернулась, чтобы уйти, и столкнулась с матерью Терезы Фэйр.

– Мисс Смит, дорогая! – проговорила медовым голосом миссис Фэйр, сама элегантность в своем серо-голубом платье, с бриллиантами в ушах и на шее. И на талии. И на запястьях. И на пальцах. – Как оригинально! Столько цветов! И... вы надели юбку с обручами?

Обручей в юбке не было, однако Альве пришлось добавить кринолина, чтобы юбка не провисала – теперь она расплывалась за это ручейками пота, которые стекали по ягодицам и бедрам в чулки.

Миссис Фэйр прибавила:

– Вы настоящая южная красавица!

– Я в самом деле родом из Мобила в Алабаме. Мой отец – вирджинец. Моя семья жила на Юге за сто лет до Революции^[12].

Альва знала, что Фэйры – ирландские иммигранты и возвращаются в высших кругах исключительно благодаря тому, что несколько лет назад мистер Фэйр отправился на запад в поисках лучшей жизни и вместе с двумя соотечественниками обнаружил одно из крупнейших месторождений серебра. До этого миссис Фэйр содержала пансион.

– Весьма оригинально с вашей стороны, принимая во внимание количество джентльменов, прибывших с Юга, – заметила миссис Фэйр.

– С чего бы мне оригинальничать? – парировала Альва, развернулась и направилась обратно ко входу.

В бальный зал она вошла с достоинством знающей себе цену молодой леди.

В некоторой степени ее необычный наряд имел успех – целый час или, возможно, дольше Альва танцевала то с одним южанином, то с

другим. Большинство были отмечены печатью благородной нищеты, которую на Юге прощали гораздо охотнее. Их горделивая осанка как бы говорила: «Да, мне приходится носить хлопковые перчатки вместо лайковых, и да, я пытаюсь скрыть потертости на туфлях». Войска северян втоптали их в землю, убивая людей, уничтожая поля, разрушая и сжигая дома. Их рабы убежали, особняки обветшали, на плантациях уже девять лет после поражения Конфедерации никто не работал. Однако их влиятельные фамилии остались неприкосновенными. Знай они, что и у Альвы за душой нет ничего кроме громкого имени, она бы провела этот час, стоя у розовой стены. А Уильям между тем успел потанцевать чуть ли не с каждой из присутствующих девушек.

После вальса питтсбургский угольщик так и не выпустил руку Альвы, продолжая говорить:

– У меня назначена встреча с очень важными людьми из Нью-Йорка. Уголь – это будущее Америки, ее сила. Я хочу сказать, политическая сила. Не все это понимают. А ведь прямо сейчас изобретаются угольные генераторы, сила которых в будущем – я имею в виду, физическая сила... то есть сила электричества, а это один из видов физической силы – позволит снабжать электричеством как индивидуальные, то есть частные, так и коммерческие учреждения...

Альва отчаянно искала взглядом Консуэло в надежде на спасение, как вдруг позади раздался голос:

– Простите, что прерываю вашу беседу...

Альва обернулась – это был Уильям.

Он продолжил:

– Мисс Смит, не уделите ли вы мне несколько минут?

– Конечно! – воскликнула Альва, и тут же спохватилась – не слишком ли стремительно? Возможно, она только что уничтожила на корню тот слабый интерес, который Уильям к ней испытывал. Хотя, может, и нет никакого интереса, и он, как и все прочие, хотел лишь спросить о золотарнике.

Кавалер Альвы был явно раздосадован, хотя недовольства не выказал. Угольщик поклонился и покинул их.

Альва произнесла:

– Мне очень приятно иметь возможность...

Какую возможность? Что бы сказала мисс Фэйр?

– Возможность быть удостоенной вашего внимания. Право, я польщена, – прибавила она.

Уильям пропустил ее вперед, приглашая пройти на широкую каменную террасу, ведущую к изысканному саду. На фоне лилового неба Аллеганские горы казались фиолетовыми. Пересмешник без устали сыпал трелями синицы, кардинала, крапивника и гаички. Если бы Альве не предстояло в ближайшие минуты действовать согласно отведенной ей роли, она могла бы в полной мере насладиться обстановкой. Она могла бы насладиться даже компанией Уильяма. Вместо этого Альва пыталась справиться с волнением и, как подобает настоящей леди, ждала, пока джентльмен начнет разговор.

Они пересекли террасу и спустились в сад. Уильям не промолвил ни слова. Они принялись бродить по тропинкам – и вновь ни слова. Наконец Альва не выдержала затянувшегося молчания и проговорила:

– Кажется, вам понравилось танцевать на балу.

Точнее, танцевать на балу со всеми, кроме нее.

– Вы заметили? Это правда – в отличие от моего старшего брата я не намерен провести свои лучшие годы за столом, высчитывая коэффициенты прибыльности морских перевозок. Вы ведь тоже провели вечер неплохо. Вы пользовались популярностью.

Тогда почему вы не пригласили меня на танец?

(В приличном обществе на них никто и не взглянет.)

– Благодарю, – промолвила Альва. – Я училась танцевать в Париже – при дворе, – подчеркнула она согласно сценарию. – Моя старшая сестра Армида была дебютанткой на одном из балов императора Наполеона в Тюильри. Я тоже их посещала, когда подросла. Моя мать была близка с императрицей Евгенией и ее знаменитой подругой, Мелани де Пурталес.

(Громко сказано.)

(Будь наградой.)

На тех балах мать демонстрировала Альву знатным джентльменам, словно та была развлечением, которое им обещают. Она всем рассказывала, как хорошо ее дочь танцует, как прекрасно говорит по-английски, по-французски и по-немецки. Может быть, она пока и не первая красавица, но ведь очень хорошенькая и так прекрасно себя держит, *n'est-ce pas?*^[13] А уж ее родословная...

Уильям пригласил Альву присесть на скамейку, и она попробовала завести с ним беседу.

Она: «Как вам нравится эта новая игра – лаун-теннис? Держу пари, вы в ней очень хороши». (Похлопать ресницами. Улыбнуться.)

Он: «Я и вправду играю в теннис и, кажется, довольно неплохо. Хотя сейчас для него слишком жарко. Зато для яхтинга самое время».

Она: «Вы долго жили в Лондоне? А в Париже? *Parlez-vous français?*»^[14] (Долго. В Женеве. В школе.)

Он: «У меня страсть к лошадям – разводить их, устраивать скачки. Согласитесь – просто невероятные животные». (Она – молча – не согласилась.)

Однако Уильям, похоже, не получал от беседы никакого удовольствия. Он тер глаза. Чихнул, достал платок и вытер нос. У Альвы сводило от волнения живот. Ей казалось, они целую вечность сидят в лодке, попавшей в водоворот. Улыбка словно приклеилась к ее лицу. Наконец она выпалила:

– Мне очень не нравится вам такое говорить. Но на днях я кое-что слышала. О мисс Фэйр. И лично мне хотелось бы знать подобное о леди, прежде чем становиться ее другом. – Брови Уильяма заинтересованно поползли вверх, и Альва продолжила: – Судя по всему, она вступила в... довольно близкие отношения... с молодым человеком, который работает на ее семью.

– Неужели?

– С конюхом. – Брови Уильяма поднялись еще выше. Альва прибавила: – Так мне сообщили. Я не знаю, правда ли это, но...

– У меня были некоторые сомнения насчет мисс Фэйр, – сказал он и снова чихнул. – Это только их подтверждает.

– Я очень не люблю распространять слухи, но в данном случае...

– Мисс Смит, – перебил ее Уильям и положил перчатки на скамейку.

Снова взял их в руки. Положил обратно. Похлопал по ним.

– Мисс Смит, – повторил он. – У Корнеля, моего старшего брата, трое детей. У Маргарет, старшей сестры, – четверо. У моей младшей сестры Эмили – один, и – с вашего позволения – второй вот-вот появится.

– Как много у вас племянников, – заметила Альва. – На праздниках, должно быть, очень весело.

– Это правда.

– И я уверена, что ваше присутствие делает их еще веселее, – выдала она самым подобострастным тоном.

Уильям снова поднял перчатки со скамейки и сжал в руках.

Опять чихнул.

– Мне кажется, это, – он прижал к носу платок, – все цветы на вашем платье.

– Ах, прошу прощения, – воскликнула Альва, принялась обрывать цветы с подола и отбрасывать подальше.

– Прошу вас, не надо, – махнул он рукой в ответ на ее извинение и отодвинулся на дальний конец скамейки. – Я хотел уточнить – как я понимаю, ваш отец сейчас испытывает некоторые затруднения.

Альва остановилась. Он решил поговорить о ее отце?

– Что ж, – проговорила она, – да, правда, но это ненадолго. Понимаете ли, отец приболел. Как только он поправится...

– Безусловно. Однако, если вы не против, я бы с радостью предложил ему свою помощь. Я хотел бы побеседовать с ним, когда вернусь в Нью-Йорк.

Неужели Вандербильты начали ссужать деньгами и Уильям ищет клиентов? Быть может, она действительно переоценила свои возможности. Быть может, ей лучше сию же минуту вернуться к угольщику из Питтсбурга...

– Это очень мило с вашей стороны, – ответила Альва, подбирая юбки и поднимаясь со скамейки. – Но мне кажется, он предпочел бы...

– Я имею в виду – побеседовать с ним как его зять, – добавил Уильям, тоже вставая.

– Как его зять?

– Я... да. Конечно, если вас это устроит. Я давно искал возможность поговорить с вами наедине. Именно поэтому и приехал сюда. Я сознаю, что мое предложение может показаться вам неожиданным...

– Если не сказать больше! Вы даже не пригласили меня на танец.

– Прошу прощения. Я... Мисс Смит, мне нелегко принимать серьезные решения. Мне пришлось собрать все свое мужество, чтобы только поговорить с вами. Поскольку, как справедливо замечают мои родные, мне пора... Поэтому я подошел к этому вопросу со всем вниманием, и, как вы, я думаю, знаете, мы – все мы – располагаем

весьма небольшим выбором, соответствующим нашему положению, и вы показались мне хорошим вариантом, и, насколько я могу судить, вы чувствуете то же самое. В моем отношении.

Альва стояла и моргала самым нелепым образом. Потом засмеялась.

– Мисс Смит?

Неужели все настолько просто?

– Боюсь, я не понял шутки, – проговорил Уильям.

Несколько комплиментов, парочка угодливых замечаний, брошенных на подготовленную почву.

Вернув самообладание, Альва уточнила:

– Вы уверены?

– Уверен.

– Я думала, что мисс Фэйр...

Уильям покачал головой:

– Она мне не подходит. Но вы – вас устраивает мое предложение?

– Да. Да! Более чем. Именно это я и надеялась услышать.

Рот Уильяма растянулся в улыбке, и он вновь стал похож на довольного щенка.

– Прекрасно. Значит, продолжим знакомство в Нью-Йорке. Я надеюсь, вы поймете, что со мной приятно иметь дело – если нет, вы всегда можете отказаться.

– Мне уже чрезвычайно приятно иметь с вами дело. Мистер Вандербильт, прошу вас, навестите моего отца как можно скорее.

– Можете называть меня Уильям.

– Только если вы будете называть меня Альва.

– Альва, – произнес он. – Альва. Отлично. Значит, договорились.

Следующим утром Альва встретила в коридоре мисс Фэйр.

– Очень умно, мисс Смит. – Голос мисс Фэйр звучал еще более кукольно, чем ее внешность. – Весь вечер вы делали вид, что интересуетесь господином с Юга, однако это была всего лишь уловка. Я видела вас в саду. Вы влюблены в него, не так ли?

– Влюблена?

– В мистера Вандербильта. Даже не пытайтесь отрицать.

«Влюблена в него? – пронеслось в голове у Альвы. – Да мы едва знакомы».

Вслух же она сказала:

– Что ж, теперь это очевидно. Я вынуждена это признать. Он предложил мне выйти за него замуж, и я согласилась. Мне весьма жаль, если это расстроило ваши планы. Но в будущем вас ждет множество других возможностей. Желаю вам всего наилучшего.

Любовь слишком ненадежна, на ней нельзя построить брак – каждая юная леди знает об этом. «Чувствами должен управлять рассудок», – повторяла мадам Дэнис, любимая учительница Альвы. «Рассудок вас накормит, оденет, обеспечит вас домами, лошадьми и безделушками. Чувства подобны шторму в океане и, если вам повезет, доставляют лишь небольшое неудобство. Но сколько девушек потеряло дорогу в этом шторме. Некоторые из них так и не вернулись».

Альве не нужно любить Уильяма Вандербильта. Ей нужно выйти за него замуж.

Глава 3

– Я много рассказывал о вас отцу и деду, – сказал Уильям Альве во время прогулки по парку Вашингтон-сквер перед ужином в доме Командора. – Они с нетерпением ждут возможности убедиться, какую прекрасную партию я составил. По-моему, дед даже подстриг бакенбарды ради такого случая.

– Я тоже буду рада с ними познакомиться.

Альва была довольна собой – такой энтузиазм со стороны будущих родственников казался ей очень трогательным.

Уильям добавил:

– Но я бы не хотел, чтобы вы обманулись в своих ожиданиях. В газетах деда зовут старым тираном не без причины.

– Он и правда тиран?

– Вовсе нет. Но он – как бы это выразиться – в меньшей мере владеет искусством держать себя в обществе, чем джентльмены, с которыми вы привыкли иметь дело.

– Если вы опасаетесь, что я буду судить по его поведению о вас, можете не беспокоиться – в моих правилах воздавать каждому по его собственным заслугам.

– Прекрасно! Это и в моих правилах. Общество погрязло в мудреных нормах и обычаях...

– И в самом деле! Иногда это так раздражает.

– Приятно, что вы меня понимаете – и что вы весьма интеллигентны! Я так и сказал отцу и деду: «Она не из тех барышень, которые не умеют думать самостоятельно». Взять хотя бы ваше платье с цветами – к сожалению, именно на эти цветы у меня аллергия, – я сообщил им, что вы были единственной девушкой на балу, проявившей оригинальность.

– А вы были единственным джентльменом, чье мнение для меня важно.

В общем-то ее комплимент был довольно искренним. Только убедительно ли он прозвучал? Альве никак не удавалось постичь искусство тонких намеков в той мере, в которой, как ей казалось, им владели другие женщины – взять, к примеру, придворных французских

дам. Для них подобные разговоры что-то вроде игры – игры, представлявшейся Альве забавной, когда в ней можно участвовать лишь в качестве наблюдателя.

В доме Командора Альву и Уильяма проводили в кабинет. Комната с высокими потолками была обставлена добротной, однако без претенциозности. Оба джентльмена встали, чтобы их поприветствовать. Мистер Вандербильт, отец Уильяма, оказался полным лысеющим мужчиной с темными кустистыми бакенбардами, переходящими в усы, и добрыми карими, слегка раскосыми глазами. Черты лица Командора напоминали черты сына, но волосы у него были седые, а голубые глаза смотрели испытующе. Он был высоким, сухощавым и жилистым, несмотря на то, что разменял девятый десяток. И бакенбарды у него действительно оказались подстрижены очень аккуратно.

Командор подошел к Альве и взял ее за руку:

– Добро пожаловать, мисс Смит! Вот этот мальчик твердит о вас без умолку.

– Надеюсь, то, что вы слышали, говорит в мою пользу, если же нет – прошу вас, признайтесь в этом сейчас, чтобы у меня была возможность ретироваться.

Мистер Вандербильт, в свою очередь, тоже взял ее руку со словами:

– Не беспокойтесь, Уильям дал вам самую блистательную характеристику.

– Блистательную? Ну вот, теперь я боюсь, что мне не удастся оправдать ваши ожидания.

– Неужели вы не умеете блистать? – усмехнулся Командор и взглянул на отца Уильяма. – Билли, девчонка не умеет блистать!

– Какая жалость, – вздохнул мистер Вандербильт и в притворном разочаровании покачал головой.

– Ну, значит, и дело с концом. Выметайтесь! – Командор указал ей на дверь.

Вдохновенная столь радушным приемом, Альва заявила:

– К вашему сведению, я умею блистать, но, продемонстрировав эту свою способность, я затмила бы вас всех, что с моей стороны было бы весьма нескромно.

– Ага! Умница, за словом в карман не лезет, – обрадовался Командор, подталкивая Уильяма локтем. – Блистайте не стесняясь! Это уже пошло на пользу нашему мальчику. – И Командор ущипнул Уильяма за щеку.

Альва застенчиво улыбнулась («скромный взгляд и опусти ресницы»). Не так уж и сложно быть чьей-то наградой, если для этого достаточно поупражнять умственные способности. Она надеялась, что Уильям так же остер на язык, как эти джентльмены, хотя ему пока не довелось продемонстрировать подобное.

На ужин подали жаркое из говяжьих ребрышек, морковь в карамели, шпинат со сливками и маринованную свеклу. Альва наслаждалась каждым кусочком, который подносила ко рту, однако ни разу не взяла на вилку столько, сколько хотелось бы, – негоже прослыть чревоугодницей. Но какое же это было удовольствие! Еще лучше, чем обмен остротами. Даже если Уильям окажется не семи пядей во лбу, по-крайней мере питаться она будет прекрасно, как и представляла себе тем вечером в Гринбрайере. Лишь за одно только это она была благодарна Консуэло.

Беседой за столом заправлял Командор. Вначале он поведал о своем детстве на ферме отца на Статен-Айленде, после чего принялся потчевать всех волнующими историями о своих путешествиях по диким рекам Никарагуа и Нью-Джерси на пароходе. Рассказы мистера Вандербильта были гораздо скромнее – он пересказал родословную семьи Вандербильт, а затем упомянул, как тоже занимался фермерством, пока отец не привлек его к железнодорожному бизнесу.

Командор сказал:

– Все не так просто. Когда он был мальчишкой, я понял – точно не семи пядей во лбу. Пустомелей его называл. Вечно он куда-то уходил. Тогда я решил: «Раз любит ходить, пусть ходит за плугом!» И отдал ему ферму, потому что здесь от него толку не было. Однако этот хитрый лис показал мне, на что способен! Никогда еще ферма так не процветала. И я отдал ему весь бизнес: все дороги, дела, расчеты, – весь бизнес, ей-богу, и теперь мы получаем доходы, которые раньше нам и не снились.

– Мне кажется, разговоры о прибыли не очень интересны мисс Смит, – невозмутимо произнес мистер Вандербильт. – Наверняка она предпочитает темы, более близкие женщинам. – И он поинтересовался

здоровьем ее отца, разузнал о каждой из сестер и попросил рассказать о годах, проведенных в Париже.

Что же, пора продать себя еще раз.

Альва сообщила им, что училась в хорошей школе:

– ...Хотя, конечно, ездить в город мне нравилось больше, чем сидеть в душном классе. Моя мать часто бывала в обществе и при дворе. Мы ходили в оперу, на балет, спектакли и концерты. *Je parle tres bien le français*^[15], как вы могли догадаться. Прекрасное детство. Очень много внимания в моей семье уделяли искусству и красоте. Признаюсь, когда-то мне хотелось быть дочерью императрицы Евгении. Но больше не хочется, – добавила она. – Моя доля не может быть прекраснее.

В завершение самого изысканного ужина, который Альва ела в течение года или даже дольше, Командор поднял бокал великолепного портвейна «Гаррафейра» и заявил:

– Уильям, мальчик мой, от имени твоего отца и от себя лично я хочу сказать, что ты не обманул надежды семьи. Мисс Смит – девушка утонченная и благовоспитанная, в этом нет сомнения. Мы благословляем ваш союз!

Альва прекрасно показала себя и теперь могла спокойно пожинать плоды своей победы. И в то же время обвинение Терезы Фэйр в том, что она влюблена в Уильяма, сидело у нее на плече, совсем как ручной пересмешник матери когда-то, и твердило на ухо: «Любовь. *Liebe. L'amour. Amore*». Любовь к мужчине. Она читала о ней в книгах. Кажется, это происходило с другими девушками, но Альва не могла представить себе, что чувствуют влюбленные, точно так же, как не могла вообразить, что чувствуют птицы в полете.

Предостережения мадам Дэнис, несомненно, справедливы, однако неужели в любви действительно нет ничего хорошего? Чувства ненадежны, переменчивы и отнимают много времени. Из-за них героини романов постоянно попадают в неприятности. Лишь когда Элизабет Беннет перестала думать о мистере Дарси слишком много, а он – о ней, они смогли быть вместе. Только когда страсть мистера Рочестера поубавилась после тяжелого ранения, он стал достоин внимания благоразумной Джейн Эйр.

Ведь нельзя заставить человека полюбить.

Уильям выбрал ее, он женится на ней, и со временем они станут похожи на его родителей. Альва будет вести его хозяйство. Рожать ему детей. По меньшей мере она превратится в важную светскую даму. Ей никогда не придется жить в трущобах или умирать в одиночестве. Этого должно быть вполне достаточно.

– Моя мать вернулась из летнего путешествия и хотела бы пригласить вас на чай, – сообщил Уильям, стоя у окна в тесном кабинете Альвы в конце сентября.

Он зашел к ней перед отправлением на Лонг-Айленд, куда он вместе с приятелями уезжал поохотиться на перепелов. Младшая сестра Альвы, Джулия, тоже была в кабинете и делала вид, что пишет письмо подруге.

Сестры видели Уильяма всего пару раз, и им было очень любопытно, каков собой человек, который станет их спасителем. Они уже и не ждали, что кто-нибудь посватается к Армиде – в свои двадцать семь она могла надеяться лишь на вдовцов и разведенных. Девятнадцатилетняя Дженни была самой хорошенькой из сестер, однако слишком застенчивой и меланхоличной. Джулия, которой исполнилось пятнадцать, взбалмошная и капризная, к замужеству была совершенно не готова, сделай ей кто-либо предложение. Альве казалось, что сестры распяли ее своими надеждами, как биолог распяливает лягушку на дощечке.

Альва наблюдала за Уильямом. Стройный, высокий, с серо-голубыми глазами и румяными щеками. Его волосы золотились в солнечном свете. По сути, он и есть «золотой мальчик». Альва и впрямь получила награду.

Уильям продолжил:

– Если вы свободны, лучше прийти в четверг. Там будут три моих сестры и Элис – жена Корнеля. И еще Джордж. Ему нет и двенадцати, но мать его балует. Вы, конечно, понимаете, как всем не терпится с вами познакомиться.

– Это взаимно. Прямо сейчас отправлю ей записку. – Альва подошла к столу и велела Джулии уйти.

– Зачем мне уходить? – спросила Джулия, не двигаясь с места.

– Потому что я прошу.

– Ты не просишь, ты командуешь.

– Оставь нас, пожалуйста, – ласково произнесла Альва.

Джулия взглянула на Уильяма:

– Вы настаиваете?

– Иди же, – сказала Альва. – Вот поэтому мне и приходится командовать.

Уильям с улыбкой наблюдал, как Джулия ушла, надув губы.

– Так вот, – сказал он, продолжая разговор, пока Альва писала записку. – Давайте подумаем. Вы можете принести оранжевые лилейники. Они сейчас цветут? Или фиалки. Их она тоже любит. Должен вас предупредить – вы не из тех, кого она выбрала бы для меня. Сейчас она решила оставить светскую жизнь и ищет общества таких же спокойных людей. Но вы ей все равно понравитесь.

– Я уверена, что она мне понравится. И все остальные тоже.

Уильям принялся мерить шагами небольшое пространство между столом и дверью.

– Да, еще – она любит оперу. Они с отцом берут Флоренс, Лилу и Джорджа на каждое представление. Можете упомянуть постановки, которые видели.

– Опера, – кивнула Альва. – Хорошо. Я...

– Хотя нет, лучше вообще не говорите об опере.

– Почему же?

– Чувствительная тема. В Академии^[16] отказываются продать моему отцу ложу. Называют военным спекулянтom, хотя охотно принимали его пожертвования и сами неплохо нажились на войне, – Уильям повернулся к ней: – Прошу прощения. Я не хотел так злиться.

– Что вы, я совершенно с вами согласна – такое отношение с их стороны ничем не оправдано.

– Но это так расстраивает отца, а вместе с ним и мать...

– Значит, я не буду упоминать оперу.

– Если, конечно, у вас нет возможности как-то помочь им решить эту проблему.

Возможности у Альвы не было.

– Может быть, – сказала она. – Я подумаю об этом.

– И дело не только в опере. Флоренс ужасно расстроилась, не попав в список участников бала дебютанток у миссис Астор^[17].

Альва благообразно умолчала, что тоже не попала в этот список.

– И еще было ужасно неприятно, когда нас не приняли в клуб «Юнион». Я чрезвычайно благодарен вашему отцу за то, что он организовал кампанию в поддержку моих братьев, отца и меня.

– Для него это большая честь, – ответила Альва, хотя отец лишь подписал письма, которые она отправила в комиссию по приему и знакомым членам клуба.

У отца совершенно отсутствовала дипломатическая жилка – такими вопросами всегда занималась их мать.

Альва закончила писать, сложила записку и вручила Уильяму.

– Пожалуйста, передайте это матери, а об остальном я позабочусь.

Уильям принял записку и, не выпуская руки Альвы, заставил ее встать со стула.

– Понимаете, именно это мне в вас и нравится. На вашем месте любая другая разнервничалась бы и взмахнула платочком со словами: «Ах, как же я могу вам помочь?» А вы привыкли действовать. Спасибо вам, – сказал он. – Благодаря вам я стану героем семьи, – и неожиданно поцеловал.

Альву целовали и раньше. Когда ей было десять, сын смотрителя дедушкиной плантации увидел, как она гуляет в саду одна, и поспорил, что она позволит ему это сделать, – то был невинный детский поцелуй. Позже она целовалась с юным пианистом в Париже, мать которого давала ей и сестрам уроки пианино. Мама их застукала, дала ей оплеуху и запретила выходить из комнаты три дня. Затем уволила учительницу и рассказала всем, что ее сын охоч до юных девушек. Неужели Альва тогда стала его добычей? И если это так, почему оплеуха досталась ей, а не ему? Из-за всего, что произошло, она чувствовала стыд и неловкость. Поцелуй Уильяма произвел сходный эффект.

Он отпустил ее со словами:

– Прошу вас, извините. Я воспользовался моментом.

Судя по звукам из коридора, Джулия успела уйти недалеко. Альва отступила назад.

– Надеюсь, погода во время ваших путешествий будет хорошей.

– А я надеюсь, что нет, – ответил Уильям, подходя к столу за шляпой. – Мужчинам нравятся бурные моря.

– Берегите себя. – Она удивилась нежности, которую вдруг почувствовала к этому человеку.

А может, это страх сжал ее горло – ведь если с Уильямом что-нибудь случится, – все пропало.

Утро выдалось теплым, и после похода в магазин Тиффани на Юнион-сквер Альва и Консуэло присели отдохнуть на скамейке в тени дубов. Шурша юбками по брусчатке, мимо прошли две леди в нарядных летних платьях из муслина с зонтиками в тон.

Хотя обычно Альва все схватывала на лету, ей потребовалось немало усилий, чтобы выучить имена всех членов семьи Вандербилт и удерживать их в голове. Трудность заключалась не столько в их количестве, сколько в том, что они постоянно повторялись.

– Сам Уильям, его отец и один из его племянников – все Уильямы, – жаловалась она Консуэло, которая проверяла, верно ли подруга все запомнила. – Сколько же в этом мире Уильямов – Уильям Шекспир, Уильям Блейк, Уильям Вордсворт...

– Еще генерал Уильям Текумсе Шерман^[18], не забудь.

На что Альва ответила:

– Да уж, в Атланте его забудут не скоро, – и продолжила: – Имя Командора – Корнелиус, так же зовут младшего из его двух сыновей и его старшего внука – брата Уильяма.

Консуэло заметила:

– Как же мне понравилась та брошка с изумрудом в центре и эмалевыми листиками. Вот бы Ви-Кей купил тебе опал с бриллиантами. Или бархатку со спиральками из камушков. – Она нарисовала пальцем в воздухе завитушку.

– Так что сына и внука Корнелиусов тоже зовут Корнелями, – продолжала Альва, не слушая подругу. В настоящий момент драгоценности волновали ее меньше всего. – И хотя технически сын Командора должен быть вторым Корнелиусом, его зовут Корнелиус Джеремиа – Си-Джей, а Корнелиус «второй» – это его внук, то есть старший брат Уильяма.

– Не забудь, что Корнелиус Джеремиа – черная овечка, поэтому, если о нем пойдет речь, делай вид, что ничего не знаешь.

– Не забуду. Зато тот Корнелиус, который брат Уильяма, – воплощение всех добродетелей и пример для подражания.

– Вот именно. И если ты будешь повторять это как можно чаще и желательно на публике, сумеешь заслужить милость его жены Элис – а

она, знаешь ли, однажды станет матриархом всего семейства.

Альва подняла взгляд от записей:

– Я считаю, подобное звание надо заработать.

– Ты так говоришь лишь потому, что Уильям – не первый наследник. Тебе придется отравить Корнеля или придумать еще что-нибудь в таком духе, чтобы занять ее место.

– Но мы ведь не при феодализме живем! Я тоже могу быть матриархом!

– То есть Элис должна просто взять и подвинуться? – рассмеялась Консуэло.

– Все, не отвлекай меня. Я очень занята.

Альва снова заглянула в свои записи. Сыну Элис и Корнеля, Уильяму Генри II, было четыре года, и называли его Билл. Их младшему сыну, Корнелиусу III, шел второй год, и его называли Нейли. Своего первенца (старшую сестру Нейли) Элис и Корнель именовали Элис.

– В этой семье напрочь отсутствует воображение, – буркнула Альва.

– Просто запомни имена.

Альва положила записи в карман:

– Что, если я не понравлюсь миссис Вандербильт? Уильям сказал, я не из тех девушек, кого бы она ему выбрала.

– Она никогда не скажет это тебе в лицо.

– Спасибо за поддержку! Только я все равно волнуюсь. У меня ведь нет никакого положения в обществе.

– Может, и нет. Деньги ты и так сможешь тратить.

– Как думаешь, может, нам сбежать и обручиться тайно? Лучше всего на следующей неделе. Как раз придет домовладелец за оплатой.

– Да, конечно, тайное бракосочетание прекрасно отразится на твоём положении в обществе. Дерзай.

– Будь я мужчиной, я бы уже давно избавила нашу семью от неприятностей.

Консуэло чмокнула Альву в щеку.

– Будь ты мужчиной, я бы вышла за тебя замуж.

– Нет, ты бы дождалась кого-нибудь поблагороднее.

– Ты права. Но тебя я любила бы больше.

На следующий день, не успела Альва опуститься в кресло в гостиной Вандербильтов, как миссис Вандербильт, чья наружность так и излучала доброжелательность, сообщила:

– Я поговорила с сыном. Если вы не против, не будем ждать долго после помолвки – мне кажется, лучше всего назначить свадьбу на декабрь.

Три сестры Уильяма и их свояченица Элис смотрели на Альву так, словно она и в самом деле была лягушкой на дощечке. Альва надеялась познакомиться и с Джорджем, однако у мальчика, по всей видимости, нашлись дела поинтереснее, чем рассматривать невесту брата, сидя в душевой комнате. Да и что, собственно, рассматривать? Темноволосая девушка среднего роста с крупными ноздрями на квадратном лице. Не дурнушка – умные карие глаза, выразительные брови, светлая чистая кожа. Но ничего такого, ради чего Джордж прервал бы свои занятия – скорее всего, он сейчас читал. Уильям как-то говорил (в некотором замешательстве), что редко видит мальчика без книги в руках.

– Я понимаю, это слишком скоро, – продолжила миссис Вандербильт, – но нам не терпится заполучить вас. Кроме того, ваша безукоризненная репутация не даст никому повода сделать нежелательные выводы.

После этих слов Альва ее полюбила, не раздумывая.

– В декабре? – повторила Лила. – Как здорово! Представляете, если к свадьбе выпадет снег!

Четырнадцатилетняя Лила, хорошенькая, точно бутон розы, росла в совершенно иных условиях, нежели ее старшие братья и сестры. Мистер Вандербильт набросал Альве в общих чертах летопись американских Вандербильтов. Они вели свою историю с 1650 года, когда будущий основатель рода по имени Аэртсон покинул голландский городок Де Билт и прибыл на Статен-Айленд как слуга, работающий по контракту. Уильям и семеро его братьев и сестер родились на статен-айлендской ферме, которую Командор и отдал под начало их отца, прежде чем привлечь его к железнодорожному бизнесу. Много лет назад они переехали в город. Младшие, Лила и Джордж, были уже типично городскими детьми.

Сам Командор тоже вырос на ферме. Его отец был земледельцем и паромщиком, поэтому паромщиком стал и Командор. Потом он занялся

пароходами и, в конце концов, перешел на железные дороги. Впрочем, свой дом в Манхэттене он построил лишь в 1846 году и потому считался парвеню – другая причина, по которой семья не вошла в число «лучших» голландцев Нью-Йорка – Бикманов, Стейвексантов, Шермерхорнов и Джонсов. И, конечно, еще был одиозный дядя Сиджей.

– Снег? Надеюсь, все же обойдется без снега, – заметила Элис, усаживая малышку Элис, нежное шестилетнее создание с очаровательной улыбкой, в кресло рядом с Альвой. – Представьте, как промокнут туфли и юбки.

– А мне кажется, это очень романтично, – отозвалась Лиля.

– Романтично, – пролепетала маленькая Элис. Ее платье было того же нежно-желтого оттенка, что на ее тете Лиле. – А я буду угощать всех чаем.

Альва погладила ее по головке:

– Спасибо, это будет очень кстати.

– Смотрите, она не забудет ваше обещание, – предупредила Элис. – Лучше не тешить ее надеждами.

Альва обратилась к девочке:

– Может быть, ты напоишь чаем самых главных гостей перед свадьбой? Ведь в день свадьбы ты будешь очень занята.

– Почему я буду занята?

– Как почему – а кто же будет нести цветы?

Они обсудили все детали. Свадебный завтрак подадут здесь, в доме родителей жениха, четырехэтажном угловом здании с собственными конюшнями. Флоренс сказала, что Альве следует выбрать белоснежное платье по примеру королевы Виктории, и торт тоже должен быть белоснежный, как у Ее Величества.

– Символ невинности невесты, – прокомментировала Элис, простодушно глядя на Альву круглыми глазами. – И саму церемонию, конечно, нужно провести в церкви Святого Варфоломея.

– Но мы же ходим в церковь Голгофы. Мне очень не хотелось бы расстраивать Преподобного Уошберна и его жену.

– После свадьбы вы будете ходить в церковь Святого Варфоломея, – заявила Элис. И это был отнюдь не вопрос.

Альва вежливо улыбнулась. Сейчас лучше воздержаться от споров.

– Конечно, если таково будет желание моего мужа, – ответила она.

Уильям не рассказывал Альве об Элис, за исключением того, что она уже семь лет являлась женой его старшего брата. Альва не ожидала, что она окажется такой... миловидной. У Элис было лицо сердечком, которое украшали нежные, полные губы, ясные голубые глаза, завидные ресницы и ухоженные брови, чуть темнее шелковистых белокурых волос. Для женщины, родившей за последние четыре года троих детей, младшему из коих только исполнился год, она сохранила невероятную стройность. Альва подумала, что сама она и в двенадцать лет вряд ли могла похвастаться такой тонкой талией.

– Мисс Смит, – обратилась к ней маленькая Элис, – когда вы с дядей Уильямом поженитесь, я буду приходить к вам в гости и играть с братиками и сестричками.

Мать похлопала девочку по руке.

– Элис, это невежливо.

– Если вы не против, – сконфуженно добавила малышка.

– Давай для начала выберем платье для девочки, которая понесет цветы, – предложила Альва.

– И для вас тоже надо выбрать платье! – воскликнула Лила. – Вы должны перещеголять мою сестру Маргарет. Она слишком много о себе воображает.

– Маргарет – наша старшая сестра, – объяснила Флоренс. – Вам нужно обратиться к миссис Бьюкенен – дочери Астор либо покупают платье в Париже, либо шьют у нее. И Стейвесанты тоже.

Миссис Вандербильт покачала головой.

– Девочки, что у вас за страсть все превращать в соревнование?

– Мама, простите, но с тех пор, как вы вышли замуж, прошло время и многое изменилось, – возразила Флоренс. И обратилась к Альве: – У мамы есть родственники среди Рузвельтов, и ради нас она старается сделать так, чтобы их стало больше.

– Интересно. Можно подробнее?

Эмили начала рассказывать:

– Ее бабушкой по линии отца была Корнелия Рузвельт. Отец Корнелии, Исаак Рузвельт, стал одним из первых сенаторов после Войны за независимость, был федералистом, сторонником Александра Гамильтона. Все называли его Патриот.

– Сенатор Рузвельт, – проговорила Альва, вспомнив высокомерие Лидии Рузвельт и ее презрительное отношение к окружающим. – Звучит внушительно.

– Судя по тому, какой прием нам оказывают – а чаще не оказывают, – так не скажешь, – вздохнула Эмили.

– Возможно, в свете просто не догадываются о вашем происхождении?

– Может быть, – согласилась Флоренс. – Мама считает, что хвастаться неприлично.

– Дело в том, что свет отказывается принимать нашего дедушку, Командора, – пояснила Эмили. – В газетах его называют – цитирую: «барон-разбойник в условиях современного феодализма».

– Еще его зовут железнодорожным деспотом. Конечно, с появлением в семье Элис наше положение немного улучшилось, – добавила Флоренс.

Элис скромно пожала плечами, и Эмили продолжила:

– Хотя отец Элис, мистер Гвинн, родом из Сент-Луиса, он пользуется уважением со стороны своих коллег-юристов. Поэтому жены и дочери его коллег нас принимают охотнее. Но сейчас все время Элис отнимают дети и церковь, – сказала она беспечно. Чересчур беспечно. – Поэтому, мисс Смит, мы надеемся, что вы сможете продолжить начатое.

Миссис Вандербильт вновь покачала головой:

– Я даже не пытаюсь понять всю эту шумиху вокруг «высшего общества». Одних в него почему-то принимают, другим отказывают... Как будто после войны написали новый свод правил и раздали его только некоторым дамам.

– Мама, в этом нет ничего мудреного, – ответила на это Флоренс. – Просто сейчас важнее всего, какая у семьи история и репутация.

– Да, – подхватила Эмили. – В семье должно насчитываться не меньше четырех поколений джентльменов. Как у мисс Смит – если не ошибаюсь, ваши предки переехали сюда в начале восемнадцатого века?

– Верно, – кивнула Альва. – Но поначалу они жили не на Манхэттене.

– Это не важно, – отмахнулась Эмили.

Миссис Вандербильт продолжала сокрушаться:

– Теперь, чтобы твоя дочь попала в правильное общество и удачно вышла замуж, нужно участвовать в каких-то состязаниях! Раньше все было иначе.

– Не отчаивайся, теперь у нас будет мисс Смит, которая станет нашим полководцем, – улыбнулась Флоренс.

Вот только у мисс Смит не было ни оружия, ни войск. Мисс Смит вполне могла оказаться испорченным товаром, который всучили доверчивому покупателю. Если бы мисс Смит была чуточку умнее, она уже давно сменила бы тему разговора.

– Миссис Вандербильт, – произнесла Альва. – Я хотела спросить, можете ли вы посоветовать нам с Уильямом агента по недвижимости. Я думаю, что...

– Мама, расскажите ей! – перебила Лила.

– О чем?.. – удивилась Альва.

– У нее для вас есть сюрприз.

– Сюрприз! – подпрыгнула малышка Элис.

Миссис Вандербильт улыбнулась внучке.

– Что ж, кажется, теперь мне не удастся сохранить это в секрете. Мой муж решил подарить вам с Уильямом на свадьбу дом на Сорок четвертой улице. Мы подумали, что это станет отличным началом семейной жизни.

– В дом уже подбирают прислугу, – прибавила Эмили, положив руку на свой округлившийся живот. – Оглянуться не успеете, как вам понадобится помощь.

– По крайней мере, мы на это надеемся, – поддержала миссис Вандербильт. – Что касается слуг, я обратилась в агентство...

– Боже мой! – воскликнула Альва, подойдя, чтобы поцеловать ее. – Невероятная щедрость с вашей стороны. Право же, я не знаю, как вас благодарить...

Миссис Вандербильт покраснела.

– Прошу вас, сядьте. Это мелочь – и, уж поверьте, этот дом нужен мне не меньше, чем вам обоим. Я рада, когда никто ни в чем не нуждается.

Усевшись в кресло, Альва сказала:

– Вы упомянули прислугу. Я немного облегчу вам задачу. Со мной переедет Мэри...

– Мэри? – переспросила мисс Вандербильт.

– Дочь нашей служанки. Ей всего пятнадцать, но она помогает нам с прическами и нарядами едва ли не с рождения.

Элис недоумевала:

– На вас работает ребенок?

– Дело в том, что ее мать, Лулу, была рабыней. Она решила не уходить от нас, и, само собой, девочка...

– Не хотите ли вы сказать, что ваша камеристка – негритянка? – осведомилась Элис.

– Именно. Это идеальная для нее должность, и она прекрасно с ней справляется.

– В лучших семействах вся прислуга белая, – возразила Элис.

Альва изо всех сил старалась держать себя в руках.

– Она мне нравится, я ей доверяю, и ей все равно скоро придется устраиваться на работу. Поэтому она остается со мной.

– Она хотя бы читать умеет? – осведомилась Элис.

– Да, Лулу водила ее в школу. – Альве с трудом удалось не повысить голос.

– Надеюсь, она не совсем черная, – заметила миссис Вандербильт.

– Ее кожа довольно светлая, – начала Альва. – Вот только это совершенно ничего...

– А кто ее отец? – перебила Элис.

– Не понимаю, какое отношение это имеет к делу.

Миссис Вандербильт вмешалась:

– Это не важно. Очень мило с вашей стороны заботиться о ее положении.

– Благодарю вас, – сказала Альва, натянуто улыбаясь Элис, которая ответила ей столь же неискренней улыбкой.

– Когда у вас выдастся свободный денек, – сменила тему миссис Вандербильт, игнорируя их взгляды, – мы должны вместе заехать в агентство миссис Коулмэн и подобрать остальных слуг. Как же это захватывает! – Она посадила внучку на колени. – А ты любишь играть с кукольным домиком?

Глава 4

– Еще девять недель! – вздохнула Армида, закрывая бухгалтерскую книгу отца. У них осталось семьдесят пять долларов. В месяц расходы составляли самое меньшее девяносто пять долларов. И без того им уже приходилось перебиваться картошкой, сыром, яйцами и хлебом. Она продолжила: – Если я пока не стану платить по некоторым счетам, мы как-нибудь справимся. Я уже заплатила прачке и бакалейщику, а для остальных придумаю оправдание.

– Например, вот такое: «О господи, мы совершенно забыли об оплате, сами понимаете – вся эта суета перед свадьбой с мистером *Вандербильтом*», – изобразила рассеянность Консуэло.

– Отличная отговорка, – кивнула Альва. – Армида, можешь поучиться.

Они сидели в гостиной – Консуэло показывала Альве карточную игру, которую освоила в Лондоне, и наигрывала смешные мелодии на банджо. Мюррэй Смит дремал или читал наверху – он теперь редко занимался чем-то другим, поскольку любое усилие могло повлечь за собой еще один инфаркт.

– Что касается твоей свадьбы... – начала было Армида.

– Давай не будем, – попросила ее Альва. – Мы так хорошо проводим время.

Теперь, когда ее будущее и будущее ее семьи было обеспечено, бытовые вопросы казались невыносимыми – ведь ей придется покинуть дом, впервые жить отдельно от сестер. Сама мысль об этом казалась странной и пугающей – всю жизнь они были четырьмя шлюпками, связанными вместе в бушующем море, а теперь ее лишь вскоре перережут.

Рядом больше не будет ворчуньи Лулу, которая присматривала за ней с самого рождения.

У Альвы будет муж, который потребует от нее исполнения супружеского долга. Она пока не вполне понимала, что именно значит «супружеский долг», но знала, что это подразумевает физический контакт, которого ждала с ужасом. Бояться *этого* было ее обязанностью – по крайней мере, так утверждали «Журнал для леди»,

мать и сам Господь Бог. Поэтому Альва убедилась, что и вправду боится.

Замужество предполагало и появление детей, которых нужно вынашивать и рожать – процессы, сопровождающиеся несказанной болью и риском. А учитывая количество сирот в книгах и в жизни, сей риск, как сказал бы мистер Шекспир, был смертельным.

Консуэло отложила банджо.

– Нет, давайте обсудим. Ты уже выбрала платье?

– Тебе никогда не говорили, что ты совсем не понимаешь намеков?

– Постоянно это слышу, – парировала Консуэло. – Так что насчет платья?

– У миссис Бьюкенен пока нет времени. Она занята бальным нарядом для миссис Уильям Астор. Мне сообщили, она примет меня в следующий вторник.

– Ах да, конечно, – заявила Консуэло. – С заказом миссис Астор повременить нельзя, ведь это миссис Астор повелевает луной, небесными светилами и, наверное, дождями тоже. Как, безусловно, и мистер Макаллистер, ее регент.

Уорд Макаллистер, южанин, родом из Саванны, был неотъемлемым атрибутом летних месяцев, которые подруги проводили в Ньюпорте. Походил он на жизнерадостного шмеля, порхающего от одного семейства к другому, осыпая всех пылью своего жизнелюбия и рекомендаций. Он продолжал заниматься этим и в Нью-Йорке под бдительным надзором Кэролайн Астор.

– А мне он нравится, – сказала Альва.

Консуэло кивнула:

– Конечно, он нравится всем дамам.

– Но мистером Астором миссис Астор не командует, – возразила Альва. – Хотя кто знает...

– А мистер Астор вообще существует?

– В газетах о нем частенько пишут.

Мистер Астор, владелец паровой яхты, выполнению всех социальных обязательств предпочитал простую жизнь морского волка.

– Может, не будем совать свой нос в чужие дела? – вмешалась Армида.

– Если ты настаиваешь, – ответила Альва.

– Помимо платья важно обсудить кое-что еще, – напомнила Армида. – Мы не говорили о том, что происходит в первую брачную ночь.

Консуэло ткнула Альву в бок.

– Когда в платье больше нет нужды.

Армида продолжила:

– Хотелось бы мне быть более осведомленной... Но все же того, что я знаю, достаточно, дабы ты не осталась совершенно несведущей в этом деле. – Сестра запнулась. – Это ведь так?

– Я предпочитаю слово «непосвященная».

– Ты не можешь обойтись без подобных замечаний, да?

– Просто «несведущая» звучит уничижительно.

Консуэло вмешалась:

– Тебе следует отдать Альве должное – точность лежит в основе успеха.

– В основе успеха лежит успех, – в шутку возразила Альва.

– Воистину так – и снова она права! – поддержала подругу Консуэло.

– Именно.

– Я говорю о серьезных вещах, – обиделась Армида.

– А мы разве смеемся? Я – само воплощение серьезности, – не унималась Альва.

Армида вновь начала:

– Как вы знаете, целью любого брака является продолжение рода...

– Но цель моего брака – спасение.

– Наверняка ты получишь и то, и другое, – заметила Консуэло.

– Это правда, продолжение рода приносит спасение.

– Совсем как банковский счет.

– Девочки, прошу вас, угомонитесь. Хотя бы притворитесь серьезными.

Обе послушно сложили руки на коленях и сели ровно.

– Продолжайте, – выдала Альва с каменным лицом.

– Насколько я знаю, мужчины испытывают особые нужды, которые относятся к... – Армида остановилась. – Помнишь, у дедушки в бараках для рабов стены были обшиты такими досками со вбитыми колышками? Так вот – представь, что жена – это доска, а муж –

колышек. Точнее, нет, у него есть колышек. У всех мужчин. Он находится там, где у нас...

Альва с Консуэло прыснули со смеху.

– Колышек!

– Я просто пытаюсь объяснить...

– Но он, конечно, должен быть из плоти, – заявила Альва. – Он... он похож на палец? Может, в нем есть кости? Или одна кость?

Армида нахмурилась:

– Я не знаю. Может, и так.

Альва представила что-то вроде крошечного слоновьего хобота. Однажды она видела слона в цирке Барнума. Есть ли в слоновьем хоботе кости?

– А мужчины могут им шевелить?

– Альва, о чем ты думаешь? – зарделась Армида.

– А тебе разве не интересно? Какой он длины? И куда он девается, когда мужчина не занят... продолжением рода?

Сквозь очередной взрыв хохота Консуэло Армида проговорила:

– Это не важно. Он сам знает, как эта штука работает и как с ней управляться. Вот что важно: ни в коем случае не подавай виду, будто тебе нравится то, что он делает. Доска – это метафора. Руки держи по бокам. И не... не извивайся.

– Не извивайся! – не унималась Консуэло.

Альва нахмурилась:

– Армида, как ты можешь. Я ведь не животное.

На самом деле она была животным. Как еще объяснить то, что она делала в юности? Гуляя в парке при школе в Нейи-сюр-Сен, Альва любила ложиться на поваленные деревья, прижимаясь к ним всем телом. Иногда она тайком каталась на пони без седла, обхватив его за бока ногами. Купаясь в ванной, она нарочно терла то место, до которого запрещено дотрагиваться без необходимости. Маман была твердо убеждена, что, потакая столь грязным желанием, девушка себя губит. Альва себя губить не хотела, однако и поделаться с собой ничего не могла – ощущения, которые она испытывала, были чудесными, и, поскольку никто после этого не начал относиться к ней иначе, продолжала это делать. Ровно до того дня, когда мать зашла в ванную и застала ее за этим занятием. Она выволокла Альву из ванны и, не

позволив ей даже закутаться в полотенце, поставила лицом к рукомойнику и подняла расческу...

«Неужели моя дочь – животное?» (Удар.)

«Моя дочь никогда не будет вести себя подобным образом» (Удар.)

«Похоть – это смертный грех!» (Удар.)

«Если ты сделаешь это еще раз, ни один приличный мужчина не женится на тебе. Ты все поняла?»

Альва все поняла.

Армида тем временем продолжила:

– Дело, в том, что когда мужчины делают это с женщинами, они поддаются своим животным инстинктам. Они хотят заниматься... непотребствами. И твоя задача – этому помешать.

– Непотребствами?

Сестры обменялись беспомощными взглядами. Армида пожала плечами:

– Так говорила мадам Уитакер.

Мадам Уитакер жила по соседству с ними в Париже. Армида бывала в ее салоне по средам, когда модные леди и джентльмены собирались там выпить коньяка и мадеры и немного посплетничать.

Армида сказала:

– Предположим, это значит, что они ведут себя низко.

– И низко значит?..

– Я не знаю. Не знаю! Не важно. Я рассказываю тебе все это только потому, что порой ты ведешь себя не так, как положено леди, и...

– Что за чушь! – воскликнула Консуэло. – Мы же не в Средневековье живем...

Армида закрыла рот Консуэло ладонью.

– Альва, если твоему мужу покажется, что ты не вполне целомудренна...

– Не покажется. Я буду доской.

– Потому что одереveneешь от страха! – засмеялась Консуэло.

– А кто бы не одеревенел? – проговорила Армида.

Спустя несколько дней расстроенный Уильям пришел, чтобы сообщить – его племянница, Элис, скончалась. Вся семья не могла

оправиться от случившегося – у малышки начался жар, доктор не увидел в этом ничего серьезного. Однако угасла девочка так стремительно, что не успели даже послать за священником. И хотя, слушая Уильяма, Альва сочувствовала убитым горем родителям и переживала за собственную судьбу, поскольку свадьбу пришлось отложить, она не могла отделаться от другого чувства, которого стыдилась, – чувства облегчения.

Ведь о том, что происходит, когда в платье больше нет нужды, можно было не думать – по крайней мере, пока.

Глава 5

Чувство облегчения не покидало Альву до тех пор, пока погожие деньки не закончились, а вместе с ними в кладовой не иссякли летние запасы. В январе Альве пришлось ограничиться двумя приемами пищи в день, чтобы Дженни и Джулии, которые еще росли, доставалось больше. Альве уже стало безразлично, что произойдет с ней и в первую брачную ночь, и в любую другую. В желудке постоянно было пусто. Ключицы и скулы у нее настолько выдались, что однажды на воскресной службе миссис Уошберн отвела ее в сторонку со словами:

– Мисс Смит, вы страшно исхудали и ужасно бледны. Я должна спросить: у вас туберкулез?

– О господи, нет, со мной все в порядке, – уверила Альва. – Просто нервничаю перед свадьбой.

– Но нельзя же забывать о еде!

О еде Альва помнила всегда – во снах она видела дымящиеся пироги с мясом, жаркое с соусом, свежайшие пирожные... Чтобы, проснувшись, столкнуться с суровой реальностью в виде одного-единственного яйца или тарелки каши, слабенького кофе и ворчания Джулии:

– Зачем только этому ребенку надо было умирать?

Альва ее ругала:

– Нельзя думать только о себе, ты должна ее пожалеть.

– Что толку ее жалеть – она ведь уже мертвая. А я хочу есть. Дома все время холодно. Весь уголь уходит на папину комнату.

– Ты предпочла бы, чтобы твой больной отец замерз?

– Мы прокляты, – не унималась Джулия. – Раньше мы жили так хорошо, а теперь мне приходится спать в одной кровати с Дженни в комнате, где изо рта идет пар.

– Но ведь вдвоем спать теплее.

– У нее нос свистит. Почему все неправильно? Когда папа поправится? Он ведь не умрет, правда? Я не переживу, если он умрет. Это нечестно.

У Альвы не было сил терпеть все это еще три месяца. Она могла бы попросить Уильяма выделить ей часть средств, которые будут

причитаться ей в будущем, – он, безусловно, не откажет. Но ведь она и так терзалась, оттого что выходит замуж по расчету, – просить у него помощи еще до того, как она станет ему принадлежать, было чересчур. Однако обращаться к мистеру Изнаге или дальним родственникам ей тоже не хотелось. Отцу это было бы неприятно, да ей и самой не хотелось, чтобы посторонние мужчины решали ее проблемы. Альва совершенно не походила на тех представительниц своего пола, которые предпочитали оставаться беспомощными. Знатные дамы, судьбы которых мало отличались от судьбы перышка в порывах ветра, ее не привлекали. Она сумеет помочь себе сама.

Чтобы сэкономить на угле, отец оставался в постели, окруженный грелками, подушками и стегаными одеялами. Когда Альва вошла, он лежал на левом боку (доктора сказали, что это способствует кровообращению), открыв рот, в котором на месте коренных зубов темнела пустота. Даже во сне он дышал с трудом. Альва поставила поднос на бюро и услышала, что отец проснулся.

– Любовь моя, это вы?

– Это Альва, папа, – сказала она, поворачиваясь к нему. – Я принесла вам ленч.

Он приподнялся на локте.

– Можете передать отцу, что я согласен. Я сделаю, как он велит.

– Папочка, о чем вы говорите? – Пустая бутылочка от страмониума^[19] лежала на прикроватном столике. Фаулеров раствор^[20] тоже закончился. Альва положила пузырьки в карман. – У вас был еще один приступ? Вам больно?

– Я уйду из права и стану работать на него в Мобиле. Если вы этого желаете. Хотя, видит бог, я не продавец.

Альва опустилась на колени у кровати.

– Папочка, я – Альва. Твоя дочь.

Она потянулась к его запястью, чтобы посчитать пульс.

Отец оттолкнул ее руку:

– Фиби, вам нельзя здесь оставаться. Уходите, пока кто-нибудь вас не увидел.

– Папа, перестаньте. Я Альва. Мама умерла. Сейчас тысяча восемьсот четвертый год...

– Уходите, прошу вас, – прошептал он. – Если моя мать увидит вас здесь, вы погибли. Пожалуйста. Уходите.

– Хорошо. – Альва с трудом сдержала слезы. Отец сильно опух, был ужасно бледным, только на щеках играл лихорадочный румянец, который тоже не предвещал ничего хорошего. Возможно, он и четырех месяцев не протянет. А может быть, и четырех дней. – Я ухожу. – Она подошла к бюро, взяла из нижнего ящика шкатулку и выбежала из комнаты.

Узкую шкатулку, обтянутую синим бархатом и украшенную изящными золотыми узорами, маман называла своей сокровищницей. В ней хранилось восемь украшений, которые сестры должны были унаследовать. Мама любила доставать их из шкатулки и аккуратно раскладывать на туалетном столике. Девочки собирались вокруг и, затаив дыхание, смотрели, как на столике один за другим появлялись короткая нитка жемчуга, три броши с самоцветами, кольцо с бриллиантом и рубином, изумрудные серьги, золотой браслет, инкрустированный опалами, и булавка для платка с эмалевым павлином. Глаз павлина был сделан из крохотного, но очень яркого бриллианта, а по хвосту рассыпаны разноцветные камушки. У каждой из сестер имелось свое любимое украшение, только Джулия никак не могла определиться с выбором. Впрочем, это было не важно – сестрам казалось, что украшения никогда им не будут принадлежать, ведь для этого они должны потерять маму, что представлялось им просто невозможным. Когда же это все-таки случилось, Армида спрятала шкатулку.

– Маман сказала, что каждая из нас получит одно украшение на свадьбу и одно – в честь рождения первенца.

Так и будет. Но сперва Альва отнесет их в ломбард и постарается выторговать за них побольше денег. Потом, как только они с Уильямом поженятся, она выкупит их, а сестрам скажет, что нечаянно упаковала украшения со своими вещами, когда готовилась к переезду. Прекрасный план.

Надев уличное платье, Альва положила шкатулку в старенькую полинявшую меховую муфту, которую носила разве что не с детства. Когда она проходила мимо гостиной, Армида поинтересовалась:

– Куда ты собралась? Там ужасная погода – мокрый снег...

– Нужно зайти в аптеку, – бросила Альва через плечо, пряча шкатулку в муфте. – У папы закончились лекарства. А потом меня наконец-то примет миссис Бьюкенен.

Армида запахнула шаль поплотнее и отложила книгу.

– Свадебное платье... я забыла, что это сегодня! Я только возьму накидку...

– Нет, тебе лучше остаться. Папе нездоровится, а Лулу вышла с девочками.

– Но я не хочу, чтобы ты шла туда одна. А где Консуэло? Может, она с тобой ходит?

– Она все еще на Кубе с матерью. Спасибо за помощь, но я справлюсь. Честно.

– Но ведь показываться в обществе без компаньонки...

– Я всего лишь выйду в город.

– Сейчас не время рисковать репутацией.

– Не переживай, все будет хорошо. Проверь иногда, как там папа. Он... в общем, он перепутал меня с мамой. Отнеси ему кофе, он поможет рассеять туман в голове.

Армиду взволновали ее слова – именно этого Альва и добивалась. Теперь сестра думала только об отце, и Альва могла без помех приступить к выполнению своего плана.

Когда она вышла на улицу, тучи уже рассеивались. В воздухе витали запахи намочшей шерсти и едкого дыма. Солнце, проглядывающее из-за бегущих облаков, не спасало от порывов холодного ветра. Альва подумала – может, Уильям предпочел бы проводить летние месяцы в более теплом климате, скажем, в Марселе. Марсель стоило посетить хотя бы ради местной кухни – буйабес, кролик по-провански, «ножки в мешочках»...

Купив лекарства, Альва села на конку, чтобы добраться до центра города. Рабочие девушки из трущоб устремили на нее презрительные взгляды из-под челок и замызганных шляпок. Альва отвернулась.

Улицы заполнили повозки и телеги, камни мостовой еще не просохли после дождя. Владельцы магазинов раскладывали козырьки. Перед кафе стояли столики со стульями – неубедительное подражание парижской улочке. Альва многое бы сейчас отдала, чтобы оказаться в Париже, где на берегу Сены играет аккордеон и вокруг раздаются чарующие звуки *le français*^[21], рядом с ней – обожающий ее муж,

слоеные пирожки с яблоками и кофе с молоком, изысканная кованая решетка балкона в ее доме, откуда она будет любоваться прекрасными экипажами с их не менее прекрасными пассажирами...

На Чемберз-стрит конка накренилась – лошади резко остановились. Впереди перевернулась повозка, потянув за собой упряжь. Повсюду разлетались грязь и навоз, перекресток был заблокирован, мужчины ругались, вокруг собралась толпа зевак. Заплакал ребенок. Девушки, сидевшие рядом с Альвой, встали и направились к выходу.

– А вы лучше не выходите, – заметила одна из них. У нее был русский акцент. – Еще запачкаетесь.

– Да, вы для этой улицы слишком важная особа, – поддержала ее компаньонка.

Важная особа? Какой же обманчивой может быть внешность. Однако Альва промолчала – возразить ей было нечего, ведь отец ее жениха раз в месяц ужинал с самим президентом.

Альва дождалась, пока девушки выйдут, поднялась и вслед за ними окунулась в толпу.

Ей пришлось изрядно поработать локтями, чтобы добраться до противоположной стороны улицы. Упавшие лошади ржали то ли от боли, то ли от страха. Люди спешили их обойти, налетали друг на друга, что-то кричали. Шляпка Альвы сбилась, и она потянулась ее придержать.

Какое счастье снова оказаться на тротуаре, вне хаоса и грязи! Остановившись у табачной лавки, Альва подняла руки и принялась поправлять шляпку, высматривая среди витрин ломбард...

Руки...

– Нет! – вскрикнула она, напугав двух стоявших неподалеку мужчин.

Наверное, муфта упала, когда она пробиралась сквозь толпу.

Альва ринулась обратно в людской поток, наталкиваясь на одних, отпихивая других, не отрывая взгляда от брусчатки... Тщетно.

Конка! Она еще стояла на месте. Альва поспешила туда, забралась внутрь. Сердце ее стучало как барабан, пока она обыскивала сиденья и пол.

– Она должна быть здесь!

– Мисс? – Водитель вышел из кабины в вагон.

– Муфта, вы не видели здесь муфту? Или шкатулку, синюю бархатную шкатулку?

– Я нашел только половинку сэндвича...

Альва выбежала из вагона и вновь принялась искать шкатулку на мостовой, моля бога, чтобы пропажа нашлась. Все было напрасно.

Вернувшись на тротуар, она вытерла слезы и решила, что больше не будет плакать. «Я со всем разберусь потом. Обязательно». А сейчас есть дела поважнее. Нельзя появляться у миссис Бьюкенен заплаканной и чумазой.

Альва сунула руку в карман пальто, чтобы достать денег на экипаж до магазина на Четырнадцатой улице.

Кошелек тоже пропал.

По дороге к миссис Бьюкенен Альва сосредоточилась на предстоящем разговоре, а не на своей глупости и утрате. Дурацкая гордость. Полюбуйтесь, как она решает самостоятельно любые проблемы! Bravo, Альва Смит.

«Перестань, – говорила она сама себе. – Что сделано, то сделано. Потом что-нибудь придумаешь».

Чтобы договориться о цене с миссис Бьюкенен, ей ни в коем случае нельзя показывать волнение. Нужно убедить портниху создать образ современной невесты, доселе невиданный вне дворцовых стен. И, как было оговорено, превзойти при этом Маргарет Вандербильт-Шепард. Альва договорится о выгодной цене, а отец оплатит счет, когда после свадьбы получит деньги. И если в животе у нее заурчит, она сделает вид, что этого не было.

Переступив порог магазина, Альва услышала:

– Полагаю, к нам пожаловала будущая миссис Вандербильт! Приятно познакомиться!

Миссис Бьюкенен поспешила к ней навстречу и пожала кончики пальцев. Она оказалась гораздо моложе и красивее, чем Альва представляла. Немного за тридцать. Внимательные серые глаза, русые волосы, нос с круглым, как ягодка, кончиком. Она напомнила Альве белку.

– Я читала о вашей помолвке с «юным принцем Вандербильтом» – они его прямо так и называют, и, судя по иллюстрации, именно так он и выглядит! Давайте я помогу вам снять

пальто! А теперь присаживайтесь и поведайте мне во всех деталях, как мы сделаем вашу свадьбу по-настоящему незабываемой.

«Если она состоится», – подумала Альва, усаживаясь на жаккардовую кушетку и расстегивая перчатки. Миссис Бьюкенен села на другой конец.

– Если вы имеете в виду платье... – произнесла Альва, откалывая шляпку и кладя ее в сторону. Мать научила ее раздеваться до того, как это предложат сделать. Что, по ее словам, свидетельствует о светской искушенности. Опыте. Создает впечатление, что тебя не удастся провести ни с тканью, ни с ценой. Тогда, стоя перед портнихой в одном корсете и нижнем платье, готовая к снятию мерок, ты почувствуешь, что все под твоим контролем, и не будешь стесняться.

– Вырез в форме сердца, – заявила миссис Бьюкенен и жестом подозвала строгую женщину, которая сновала по мастерской. – Записывайте. Бледно-зеленый сатин...

– Белый, – произнесла Альва. – Белый цвет – это не обсуждается.

– Ах, и вы из англофилов? Я так надеялась, что Виктория быстро выйдет из моды, но она не сдает позиций.

– С пышными оборками, – добавила Альва.

– С буйством оборок! И декольте, чтобы подчеркнуть грудь. Встаньте, дорогая.

Альва встала.

– Не уверена, стоит ли еще больше подчеркивать мою... – Она опустила глаза.

– Мода диктует свои правила. Мы должны подчиняться.

– Но моему мужу...

– Ему очень понравится, я уверена, и всем его друзьям-джентльменам тоже – лучше не придумай!

– Но платье должно быть скромным, – возразила Альва и, показывая на линию декольте, предложила: – Может быть, сюда добавить кружево?

– Конечно! Нижнюю блузку из тончайшего кружева, сотканного самими ангелами! И я подберу для вас шелк такой гладкий, как будто его наливают из бутылок. Для лифа, конечно же, японский китовый ус и... хм... – Миссис Бьюкенен положила руки Альве на бедра и повернула ее в одну сторону, потом в другую. – Мелкий жемчуг? Или опалы?

– Опалы будут лучше всего. – «И дороже», – подумала Альва. Но с деньгами, которые достанутся ее отцу по брачному договору, они смогут все оплатить. – Принц Альберт очень любил опалы.

– Запишите это, – кивнула миссис Бьюкенен своей серьезной помощнице.

Они обсудили отделку рукавов, швы, вышивку и пуговицы. Закончив со снятием мерок (попутно миссис Бьюкенен отчитала Альву за чрезмерную худобу), портниха сообщила:

– Набросок платья будет готов к следующему понедельнику.

– Прекрасно. Я так благодарна, что вы уделите мне время. Прошу прощения, что нашу встречу пришлось отложить.

– Но ведь это произошло не по вашей вине. Ужасное событие... Все, что нам остается в подобных случаях, – искать светлую сторону... Значит, приходите в понедельник, часов в...

– Одиннадцать, – подсказала строгая женщина.

– В одиннадцать. Договорились? Если вам все понравится, мы возьмем задаток в пятьдесят процентов и примемся за работу.

– Задаток?

– Ах, прошу вас, только не обижайтесь. Ничего личного. Дело в том, что не всем в этом городе можно доверять – если не сказать больше! Если клиентка передумает или – а такое уже случалось – вдруг не сможет заплатить за платье, у нас не получится продать его кому-то другому. А мужчины сейчас так увлекаются игрой на бирже, словно это и правда игрушки. Некоторые, конечно, выигрывают. Зато другие проигрываются в пух и прах! Поэтому теперь мы просим задаток у всех, даже у миссис Астор. Смутные нынче времена, смутные. Мы просто вынуждены приспособливаться!

– Безусловно, – сказала Альва так, словно это новое требование ничего не меняло. – Моему отцу захочется узнать, сколько стоит платье...

– Пока рано называть конкретную сумму.

Вот это неожиданность. Как же ей торговаться, когда цена неизвестна?

– Может быть, вы назовете ее хотя бы примерно.

Портниха подняла глаза к потолку, словно цифры были на нем нарисованы.

– От восьмисот до тысячи двухсот долларов – да, разброс сильный, но точнее я сказать не смогу, пока не выберу бусины для отделки.

– Так много? Серьезная сумма.

Мать ни разу не платила больше сотни долларов даже за самые изысканные наряды, сшитые лучшими портнихами Парижа.

Миссис Бьюкенен кивнула:

– Да, знаю, что поделатъ, послевоенная инфляция берет свое. Но будущей миссис Вандербильт я могу предложить только самое лучшее!

Альва догадалась, что фамилия Вандербильт оказала на масштабы инфляции гораздо большее влияние, чем экономические последствия войны, закончившейся десять лет назад.

В любом случае положение скверное. Задаток ни в четыреста, ни в шестьсот, ни даже в пятьдесят долларов она оставить не могла.

– Конечно, – произнесла она. – Это просто чудесно. Я так волнуюсь!

Проводив Альву до двери, миссис Бьюкенен снова пожала кончики ее пальцев:

– До понедельника!

– Да, – кивнула Альва, переступая порог. – Жду с нетерпением.

Сейчас можно пойти домой, окунуть ноги в таз с горячей водой и подумать о том, как выпутаться из неприятностей, которые она же сама на себя и навлекла. Да уж, чрезвычайно разумная юная леди. И не говорите. Настоящая деловая дама.

У крыльца остановилось очень простое и дорогое ландо, из которого вышла мисс Лидия Рузвельт. Полненькая, в ослепительном голубом шерстяном пальто с воротником из лисьего меха. Она защебетала:

– Мисс Смит, какая приятная встреча. Вы заходили к миссис Бьюкенен? Ну разве она не прелесть?

– Да, это правда. Она занимается моим свадебным платьем. Я ведь выхожу замуж за вашего кузена.

– Кузена? – мисс Рузвельт выглядела озадаченной. – Но я слышала о вашей помолвке с Уильямом Вандербильтом.

– Я так и сказала.

– Дорогая, вы что-то перепутали. Вандербильты, как бы им того ни хотелось, с нами не в родстве.

– Вы ошибаетесь, мисс Рузвельт. Мать моего жениха – внучка одного из Рузвельтов.

– И она носила фамилию Рузвельт?

– Нет, ее девичья фамилия – Киссэм. Однако ее дедом был сенатор Исаак Рузвельт.

– Получается, они родственники в каком колене? По-моему, вы хватаетесь за соломинку. Сейчас все знают только то, что Командор Вандербильт – неотесанный мужлан и нарушитель закона.

– Прошу вас, мисс Рузвельт, – такие нелюбезные речи не делают вам чести.

– Так все говорят. – Мисс Рузвельт подняла воротник повыше, чтобы укрыться от ветра. – Кроме того, он сплюнул табак на туфлю моего отца.

– Нарочно?

– Какое это имеет значение?

– Вы очень несправедливы к семье Вандербильт. Миссис Астор, к примеру – урожденная Кэролайн Шермерхорн, – избавила семейство Астор от подобной репутации.

– Но она и правда была родом из семьи Шермерхорн. А не троюродной родственницей Рузвельтов. – Мисс Рузвельт направилась к двери миссис Бьюкенен, потом остановилась и выдала: – Знаете, мисс Смит, мне вас очень жаль.

– Жаль?

– Ах... по всей видимости, слухи вас еще не достигли.

«Уходи, – думала Альва. – Не позволяй ей насладиться твоим поражением. Пожелай ей доброго дня и уходи». У себя в воображении она уже видела эту сцену и разочарование на лице мисс Рузвельт...

– Расскажите, что за слухи, и я положу им конец.

Наклонившись, мисс Рузвельт накрыла ладонью руку Альвы.

– Вы знакомы с мистером Гордоном Беннетом, чей отец владеет «Геральд трибьюн»? На прошлой неделе он организовал небольшой круиз для друзей – они наблюдали за китами, – и ваш мистер Вандербильт, как я слышала, оказался весьма увлечен кое-кем из гостей – девушкой, отец которой занимается добычей серебра. Фэйр, если не ошибаюсь. Да, точно, мисс Фэйр.

– Вы ошибаетесь. Мой жених соблюдает траур и не присутствовал на яхте мистера Беннета.

– Возможно, и нет. Если, разумеется, он и правда соблюдает траур, – пожала плечами мисс Рузвельт. – Только это не важно. Даже если он и женится на вас, это вовсе не значит, что вам удастся купить себе положение в обществе. Впрочем, у вас хотя бы будет платье, и наверняка получше того, в котором, как я слышала, вы показались в Гринбрайере.

Будь Альве сейчас десять лет, она повалила бы мисс Рузвельт на землю и отмутузила – ах, как от нее доставалось мальчишкам, которые потешались над тем, что она лазает по деревьям и строит замки из палок и камней. Почему всегда находится кто-нибудь, кто осуждает ее саму и ее семью, заставляет чувствовать себя нелепой и ничтожной, хотя все, что она пытается делать, свидетельствует об обратном?

Альва выпрямилась и проговорила:

– Хорошего вам дня, мисс Рузвельт.

– И вам, мисс Смит.

Отойдя от крыльца, она уже и думать ни о чем другом не могла, кроме слуха об Уильяме. Был ли он и в самом деле на яхте Гордона Беннета? И была ли с ними на борту Тереза Фэйр? И мог ли Уильям уделить девушке столько внимания (а она ведь младше, чем Джулия!), чтобы другим показалось, будто он ею «весьма увлечен»?

Такое вполне возможно – в конце концов, Альва его почти не знала.

Если ничего не случилось, тогда почему об этом ходят слухи?

А если что-то произошло, то по какой причине? Может, Уильям всего лишь любит пофлиртовать? Или оказался настолько непостоянным, что решил не впрягать в свою повозку старую клячу вроде Альвы, имея под рукой Терезу Фэйр – моложе, красивее и без нужды в деньгах... И к тому же совершенно очевидно, что та его просто обожает, а может, даже и любит.

Альва тоже старалась проявлять чувства. Вероятно, она старалась недостаточно.

«Я должна полюбить его».

Со временем, возможно, у нее это получится.

Только вот красивее она точно не станет. И моложе.

Мозоли на ногах, которые Альва натерла по дороге к миссис Бьюкенен, полопались, и теперь обжигающая боль пронизывала левую пятку и мизинец, большой палец на правой ноге и наружную часть стопы...

Уильям развлекал Терезу Фэйр на яхте Гордона Беннета. Для чего ему это?

Если придется, она переживет разрыв с ним, хотя, безусловно, сделается изгоем – ни один джентльмен не пожелает иметь дело с объедками с чужого стола.

И все же это не будет концом света. Ей придется забыть об изначальном плане и научиться довольствоваться малым.

Забыть о бутербродах с маслом и малиновым джемом.

Забыть о жизни состоятельной привилегированной леди,

о фаршированных голубях,

об оплаченных счетах,

о перинах из гусяного пуха,

о полном желудке,

о теплом доме.

Забыть о защите, которую дает женщине удачное замужество.

Забыть о поддержке для Армиды, Дженни и Джулии. И для папы. И Лулу, и Мэри.

А они ведь так на нее рассчитывают, их достаток, благополучие и безопасность зависят от ее свадьбы с Уильямом. Или кем-то вроде него.

«Я должна постараться».

Альва остановилась, чтобы пропустить повозку с рыбой. Ее одолевала усталость, она умирала от голода, а проблемы росли как снежный ком.

«Деньги ей не помогут!» – сказала та девушка в трущобах.

«Но они могут помочь, – думала Альва. – Могут. Мне они должны помочь. Обязательно. Так и будет».

Альва заставила себя сосредоточиться на фактах. Мисс Рузвельт могла быть не права. Даже если она и сказала правду, Альва все еще способна переманить удачу на свою сторону. Ей всего лишь нужно попросить кое-кого о помощи, и, к сожалению, это мужчина. Однако сейчас не время думать о гордости. Пока не время.

– Мистер Уорд Макаллистер скоро вернется, – сообщила Альве служанка. – Если желаете, можете подождать его в вестибюле.

Стоять Альва больше не могла, а потому с готовностью опустилась на скамейку со словами:

– Спасибо, я так и сделаю.

Городская резиденция Макаллистера располагалась в изысканном особняке на Шестнадцатой улице вблизи Пятой авеню. Проживал он там со своей женой Сарой, неприметной дамой, чьей главной отличительной чертой были деньги, полученные ею в наследство от отца, парходного магната. Мистер Макаллистер имел обыкновение совершать неторопливые прогулки по Пятой авеню, где мог посмотреть на соседей и, конечно же, показать себя. И хотя самые успешные жители Нью-Йорка (включая Кэролайн Астор, а также печально известную мадам Рестелл, промышленную абортими) жили в той части Пятой авеню, где номера улиц гораздо выше, множество уважаемых людей, в том числе Макаллистер, продолжали обитать в старых кварталах.

Что носят в этом сезоне джентльмены? Рыжие перчатки или серые? Возможно, цилиндры стали немного ниже по сравнению с прошлым годом? Из войлока они или из бобрового фетра? У кого нынче заказывать фрак – у братьев Брукс или у Ветцеля? Какие запонки выбрать – с эмалью или чистого золота? Мистера Макаллистера занимали и такие вопросы – он стремился не отставать от моды. Однако главной областью его экспертизы была вовсе не одежда, а человеческие взаимоотношения, именно поэтому к нему так часто обращались леди всех возрастов и титулов.

Мистер Макаллистер знал практически все о главных представителях манхэттенского общества. Это являлось делом его жизни. Какое-то время он был юристом, однако служить на поприще закона оказалось не так увлекательно, как заниматься жизнью друзей. Например – за кого выйдет мисс Кэрри Астор, когда придет ее пора? И хотя ей не исполнилось и шестнадцати и она даже официально не была представлена в свете, некоторые молодые (и не особенно молодые) люди уже добивались ее внимания на пикниках, званых вечерах и балах. Ее мать Кэролайн, близкий друг Макаллистера, беспокоилась, что младшая мисс Астор влюбится в одного из таких Лотарио^[22] и пойдет против родительской воли, как ее сестра Эмили, в прошлом

году выскочившая за этого несуразного вдовца Джеймса ван Алена. Последует ли Кэрри по ее стопам? Если такое случится, на ком именно она остановит свой выбор? Мистер Макаллистер уверял, что подобные вопросы могут занимать его днями напролет. И это была истинная правда.

По слухам, мистер Макаллистер должен был унаследовать миллионное состояние, однако его планы расстроились, когда тетушка, чьи влияние и поддержка когда-то способствовали его вхождению в высшие круги нью-йоркского общества, разделила все свои средства между Историческим обществом штата Джорджия и пресвитерианской церковью. Макаллистеру не оставалось ничего, кроме как присоединиться к юридической фирме своих отца и брата в Калифорнии. Он любил рассказывать, что в ту пору они втроем неплохо зарабатывали, составляя иски и улаживая споры, пока золото вокруг лилось рекой. Однако лихорадка не могла длиться вечно, и, как бы он ни старался, ему не хватало жесткости Командора Вандербильта или воротил с Уолл-стрит мистера Дрю и мистера Гульда, или шотландца мистера Карнеги – людей, которые преодолевали любое препятствие на своем пути подобно быкам – наклонив голову и выставив рога. Так что ему оставалось только найти богатую невесту, что он наконец и сделал. Наследство, которое Сара получила от отца, позволило Уорду Макаллистеру отойти от дел и заняться тем, что у него выходило лучше всего.

Альва услышала, как к дому подъехал экипаж. Через несколько мгновений щелкнул замок входной двери.

– Мисс Смит, какой сюрприз! – воскликнул мистер Макаллистер, входя в дом. – Чем обязан?

Альва встала и протянула руку.

– Как хорошо, что вы приехали.

– И правда, неплохо, – произнес он, загадочно улыбаясь.

Элегантными движениями он снял шляпу, перчатки, пальто, кашне и передал служанке.

– Проходите, прошу вас. Вещи можете оставить миссис Шаффер.

За все годы их знакомства мистер Макаллистер почти не изменился. Возможно, немного пополнил и полысел, но усы и эспаньолка оставались такими же холеными, разве что слегка поседели. Он был среднего роста, но казался ниже, и, несмотря на

внимание, которое он уделял своему внешнему виду, и стремление к утонченности, чем-то напоминал миниатюрного петушка.

Альва вручила экономке пальто и – в очередной раз за этот день – отколола шляпку со словами:

– Я надеялась застать вас дома – мне нужен профессиональный совет.

– А также горячий напиток! Чай или кофе? А может быть, вы желаете шоколаду? Мне привозят лучший какао – из самой Дании.

– Да, благодарю – тогда шоколаду.

Мистер Макаллистер провел Альву в кабинет:

– Позвольте поинтересоваться здоровьем вашего отца?

– Он следует предписаниям врача, – ответила она, садясь в кресло.

И поведала, как переживает за отца (сильно преуменьшив серьезность его состояния), и о том, что, когда она выйдет за Уильяма, отец и сестры наконец переедут в дом получше.

– Но это произойдет только в том случае, если свадьба состоится.

– В чем же дело? Этому что-то мешает?

– Точно я не знаю, но до меня дошел неприятный слух... Мистер Макаллистер, я могу просить у вас совета?

– Безусловно!

– Семья Вандербильт очень хорошая. Они тратят свое время и деньги на добрые дела. Помогают церкви. Водят дружбу со многими уважаемыми людьми – включая президента Гранта. И тем не менее ваша добрая знакомая – миссис Астор – ни разу не приняла у себя никого из этой семьи, даже мать моего жениха, женщину с безупречным вкусом и нравами, среди предков которой значится Исаак Рузвельт, чей вклад в жизнь Нью-Йорка, как вам должно быть известно, неоценим.

– Вот это речь!

– Прошу прощения. Исправить эту ситуацию – мой долг. – Альва понизила голос и добавила: – И от этого зависит моя собственная судьба.

– Вы тоже хотите занять место в высшем обществе...

– Нет. То есть, конечно, хочу. Но сейчас важно не это. От того, смогу ли я улучшить положение Вандербильтов в обществе, зависит

моя собственная значимость – в качестве невесты, разумеется. Я делаю все, что в моих силах, но...

– Но, возможно, этого недостаточно, чтобы жених оставался тверд в своем выборе?

– Да, именно этого я боюсь.

– Думаете, он может расторгнуть помолвку?

Альва кивнула:

– Вандербильты заслуживают признания, они прекрасные люди и должны стать частью высшего общества. Вы ведь не будете это отрицать.

– Напротив, я совершенно с вами согласен. Я довольно близко общался с Командором и был закадычным другом его сына Корнелиуса Джереми – разумеется, до того, как бедняга пошел по кривой дорожке.

Альву тронуло это признание:

– Значит, вы поможете мне найти решение? Правда, сейчас я смогу отплатить вам лишь своей благодарностью...

– А кто требует большего? Я весьма рад этой возможности, и мне лестно, что вы обратились ко мне. И я именно тот, кто вам нужен, вы же знаете.

– Я в этом уверена. И хочу спросить ваше мнение об одном неотложном деле. Видите ли, я заказала свадебное платье у миссис Бьюкенен...

– Одна из моих славных знакомых!

– Действительно? Значит, если мы с вами сможем сохранить помолвку...

– Конечно, сможем, – уверил мистер Макаллистер. – Положитесь на меня.

– Мне надо внести задаток за платье, но у меня нет такой возможности. Платье должно получиться великолепным – истинный шедевр, безусловно, стоящий той тысячи долларов, которую за него просят. Но как мне уговорить миссис Бьюкенен отложить оплату, пока отец не получит деньги после свадьбы?

– Мисс Смит, кажется, я понимаю ваши намерения, однако, поверьте – сейчас вам ни к чему платье за тысячу долларов. Нет-нет-нет. Вам нужен скромный наряд – этакая литота. Чтобы получить

признание миссис Астор и ее соратников, вы должны стать воплощением благородной простоты.

Служанка принесла поднос с кексами, печеньем и чайничком шоколада. Мистер Макаллистер продолжил:

– Я знаю, в какое сложное финансовое положение попал ваш отец. Подобное случается даже с лучшими из нас. Многие из моих знакомых южан оказались в схожих обстоятельствах. Ужасная вещь – война. Ужасная. Вы не виноваты в несчастьях, которые выпали на вашу долю! И хотя я, конечно, не желаю лишать миссис Бьюкенен возможности выполнить ваш заказ, но лучше попробовать совершенно оригинальным образом преобразить одно из платьев, которыми вы уже располагаете. Скажем, свадебное платье вашей матери – вы сможете его найти?

– Думаю, да. Но оно голубого цвета.

– Тем лучше! Уже тридцать лет все выходят замуж в белом – так предсказуемо и скучно! Миссис Бьюкенен для нашего предприятия не подойдет – она берет слишком дорого, и, если честно, слишком потакает вкусам своих клиентов-нуворишей, хотя, безусловно, никогда бы не подумала навязывать подобные вкусы миссис Астор. А поскольку люди из разных слоев общества не пересекаются, миссис Бьюкенен удастся получить свое от каждой. Такова жизнь.

– На самом деле, я...

– Отнесите платье матери мисс Донован – это юная, но невероятно талантливая портниха. Ее мастерская находится на Принс-стрит. Передайте ей мои слова – «благородная простота». Она поймет, что нужно сделать. Что же касается миссис Бьюкенен – скажите ей, что из сентиментальности вы решили быть на свадьбе в платье своей покойной матушки, вы ведь выходите замуж первой из сестер. И тут же добавьте, что восхищаетесь ее работой и по возвращении из медового месяца закажете у нее (по совету своего дорогого друга мистера Макаллистера) весь зимний гардероб.

– Вы уверены, что так будет лучше? – усомнилась Альва.

– Вы ведь спросили моего совета?

– Да, конечно. Прошу прощения.

Мистер Макаллистер склонил голову и продолжил:

– В разговоре с обеими дамами обязательно упоминайте мое имя. В подобных случаях оно работает как волшебное заклинание. – Он

взмахнул воображаемой палочкой. – Колдовство заключается в обыкновенной ловкости, однако зритель все равно ему верит.

Альве тоже хотелось поверить.

– Вы просто чудо. Я перед вами в долгу.

– Что же касается вашей ценности как невесты – у меня есть прекрасная идея. Если вы с вашим женихом не сочтете это слишком поспешным – все-таки он еще носит траур, – то я внесу вас в список своих гостей на февральском Балу Патриархов, где лично представлю вас миссис Астор.

– Вы в самом деле собираетесь это сделать?

– Совершенно верно.

– Но мне казалось, что ни я, ни мой жених не подходим...

– Милая, поверьте, я знаю, о чем говорю. Как вы изволили заметить – в подобных вопросах я настоящий эксперт.

– Да, разумеется, в этом я не сомневаюсь. Просто я и надеяться не могла получить от вас приглашение... Это именно то, что мне нужно. Уверена, родные моего жениха будут несказанно рады.

– Вот и превосходно. Сообщите ему эту новость поскорее – ему наверняка захочется обновить свой наряд для приемов. Вам же вновь рекомендую остановить выбор на скромном платье. – Мистер Макаллистер на секунду задумался. – И еще – миссис Астор любит, когда леди носят розовое. Опять-таки можете смело обращаться к мисс Донован. И не забудьте сказать, что действуете по моей рекомендации, а также, что желаете отложить оплату до апреля.

– Мистер Макаллистер, вы не представляете, как я вам благодарна. – Альва старалась не выглядеть чересчур эмоциональной.

Ведь в конечном счете, приблизившись к Вандербильтам, Макаллистер выиграет не меньше. Обычное деловое соглашение. Джентльмены заключают такие соглашения постоянно, и слезы при этом у них не закипают. Альва живо представила, как по тротуарам Уолл-стрит идут джентльмены, то и дело возводящие очи небесам и прижимающие к глазам носовые платки.

Мистер Макаллистер ответил:

– Помогать друзьям – мое любимое занятие. Угощайтесь, пожалуйста. – Он подал Альве блюдо с печеньями. – Возможно, теперь, когда волноваться больше не о чем, к вам вернется аппетит. Вы непозволительно исхудали.

Альва взяла печенье.

– Мой аппетит никуда не пропадал. Есть мне хочется постоянно, а похудела я только потому, что мы весьма стеснены в средствах. У нас нет денег, и я... – Ее голос дрогнул. Она попыталась взять себя в руки, но ничего не вышло – слезы бессильной злобы потекли по щекам: – Сегодня просто ужасный день. Меня ограбили.

– Ограбили? Это неслыханно! – Мистер Макаллистер предложил Альве платок. – Вы не пострадали?

– Пострадала только моя гордость. Хотя, конечно, родные пострададут от потери. Не нужно было выходить в город одной.

– Не корите себя. Я ведь вижу, у вас были благие намерения. Я попрошу своего бакалейщика прислать вам продуктов, потом закажете еще – за мой счет. И даже не вздумайте отказываться. Считайте это свадебным подарком. Вот, возьмите на извозчика, – сказал он, достав кошелек и отсчитав два доллара.

Собравшись с силами, Альва ответила:

– Вы просто подарок небес. Я вам все верну, при первой же возможности.

– Даже не думайте! – всплеснул он руками. – Я помогаю вам как друг. И не забывайте – одного вашего присутствия на балу недостаточно. Войну нельзя выиграть, победив в одной битве – для этого нужна стратегия. Поэтому считайте, что на Балю Патриархов мы готовим не штурм, а всего лишь первоначально наступление.

– Понимаю.

– Отлично. Можете обращаться ко мне по любому поводу. Вам наверняка пригодится совет, как вести домашнее хозяйство. Кстати, вы уже выбрали дом? Могу порекомендовать отличного агента по недвижимости.

– Отец моего жениха нашел нам дом на Сорок четвертой улице, рядом с Пятой авеню.

– Дальше Сороковой! Очень хорошо. Прекрасный выбор для молодых людей, которых не заботит преодоление больших расстояний. Это определенно входит в моду. Буду рекомендовать своим друзьям. Ну а теперь вам пора, – сказал мистер Макаллистер, поднимаясь. Альва тоже встала. – Ваш жених будет рад услышать приятные новости – возможно, настолько рад, что захочет жениться поскорее.

– Вы такой оптимист.

– Поверьте, мир прекрасен, совершенно прекрасен, если правильно на него смотреть.

Купив у булочника два «кошачьих язычка» в шоколаде, Альва взяла экипаж и по дороге к особняку Вандербильтов откинулась на спинку сиденья со вздохом облегчения – натертые ноги отдыхали, в животе больше не урчало, и сама жизнь как будто налаживалась.

Альве не терпелось рассказать о своих достижениях Консуэло. Хотя, возможно, будет лучше, если все посчитают, что она получила приглашение на Бал Патриархов только благодаря расположению мистера Макаллистера. Альва полностью доверяла подруге, однако событие окажет больший эффект, если никто не узнает (даже случайно) об усилиях, которые Альве пришлось для этого приложить.

Взмахни палочкой и произнеси заклинание.

Экипаж остановился у дома номер 459 на Пятой авеню. Альва поднялась к двери и позвонила:

– Доложите мистеру Вандербильту – Уильяму, – что его хочет видеть Альва Смит.

По дороге в гостиную Альва старалась скрыть от дворецкого свою хромающую походку.

Дворецкий указал на софу.

– Пожалуйста, подождите здесь.

Как только он отвернулся, Альва с облегчением опустилась на софу.

– Какой сюрприз! – воскликнул Уильям, присоединившись к ней.

Впрочем, как заметила Альва, приятным он этот сюрприз не назвал.

Ничем не выдав своего смущения, она произнесла:

– У меня есть новости, которые я посчитала необходимым сообщить вам лично.

– Надеюсь, новости хорошие?

Альва кивнула.

– Сегодня днем я случайно встретила мистера Макаллистера. Он хочет пригласить нас на Бал Патриархов.

– Он вам так и сказал?

– Да. Узнав, что мы женимся, он решил таким образом представить нас обществу. Мистер Макаллистер дружен с моей семьей

с тех пор, как я была маленькой девочкой, – импровизировала Альва на ходу. – И очень рад возможности оказать мне услугу. То есть нам обоим. – Она заставила себя улыбнуться той улыбкой, какой улыбалась в тот вечер, когда он сделал ей предложение. Улыбкой, содержащей в себе все, что Тереза Фэйр не могла и никогда не сможет предложить.

– Это же отличная новость! – Теперь Уильям тоже улыбался. – А как обрадуются мои сестры! Вы знали об этой возможности?

– Может быть, – кокетливо ответила Альва.

– Останетесь на чай? Мамы и Лилы дома нет, зато Флоренс захочет узнать все подробности, и слушать меня ей будет совершенно неинтересно. – Он вызвал звонком служанку. – На кухне есть отличный салат из лобстера, повар подает его на тостах с маслом. Мама говорит, вам нужно побольше есть.

– Не хочу расстраивать вашу маму. Буду рада остаться.

Ночью, в постели, после неудачных попыток заснуть, Альва зажгла лампу и повернулась к Армиде:

– Проснись. Мне нужно кое в чем признаться.

Не открывая глаз, Армида проворчала из-под одеял:

– Альва, спи.

– Я решилась на это только из-за трудностей. Я хотела все исправить.

– О чем ты говоришь?

– Я потеряла украшения.

Армида открыла глаза и села в кровати.

– То есть...

– Да, сундучок с сокровищами. Только не начинай меня отчитывать, мне и без того тошно, а сделать уже ничего нельзя. Я собиралась сдать их в ломбард, по дороге случилась авария, там было много людей, и кто-то украл у меня шкатулку. Не вздумай рассказывать об этом девочкам. Потом, когда у меня будут деньги, я все верну.

– Но это будет не то! Это ведь были наши семейные реликвии...

– Значит, куплю что-нибудь еще красивее и с хорошей историей.

– Но это будет чужая история!

– Это все, что я могу сделать. Мне ужасно жаль.

Армида тяжело вздохнула:

– Я знаю.

Альва задула лампу, и они какое-то время лежали молча, хотя она чувствовала, что сестра тоже не спит.

– Как бы мне хотелось, чтобы он мне нравился больше.

– Кто?

– Уильям. Он хорош собой, очень мил, но... в общем, он не особенно интересный. Я всегда думала, что мой муж будет образованным, тонким и остроумным, что его будет интересовать не только спорт.

Армида повернулась лицом к Альве:

– Ты не обязана выходить за него. Мы сможем заработать себе на жизнь самостоятельно, даже если и придется жить поскромнее. Уговорим папу перебраться за город, заведем огород и...

– Что? Ни в коем случае! – Альва вспомнила все, что читала о пропавших урожаях, бродягах-мародерах и постелях, кишущих блохами. – Мне кажется, со временем он начнет мне нравиться. У него отличные зубы.

За два дня непрерывного снегопада дороги покрыл целый фут снега, и повозкам на смену пришли сани. Вечером перед самым Балом Патриархов снег прекратился, из-за облаков показалось усыпанное звездами небо. Альве нравились улицы Манхэттена, дышащие свежестью и белизной. Снег делал город по-настоящему праздничным. Отовсюду раздавалась перекличка бубенцов на упряжках. Извозчик Уильяма помог ей сесть в сани. Сам Уильям, укутанный в бобровую шубу, тоже забрался в сани и уселся рядом. Извозчик сел на козлы, взял в руки поводья, и сани тронулись.

Мистер Макаллистер посоветовал Альве приехать попозже – тогда у него будет возможность сразу представить их миссис Астор.

– Она должна увидеть вас прежде, чем о вас услышит. И помните – достаточно лишь добиться ее признания. Наша цель – небольшое вторжение на ее территорию.

Небольшое вторжение этим прекрасным снежным вечером, под руку с весьма привлекательным джентльменом. Джентльменом, который, судя по всему, до сих пор хотел взять ее в жены, который не собирался жениться на рыжеволосой наследнице серебряных рудников и, возможно, никогда этого не хотел, не катался на яхте Гордона

Беннета и не сомневался, что Альва ему подходит. Так это или нет, мисс Лидия Рузвельт, сама того не ведая, оказала им большую услугу, внушив Альве сомнения на сей счет.

– Волнуетесь?

Альва кивнула:

– А еще я очень рада. Это ведь огромный вклад в наше будущее.

– Да! Вы бы видели, как суежилась Лила, – поправляла галстук, подбирала запонки...

– Она хочет, чтобы все прошло идеально, ведь от нашего успеха зависит и ее будущее. И будущее Флоренс и моих сестер. Я уверена, им когда-нибудь удастся составить прекрасную партию.

– И они должны благодарить за это вас, моя дорогая. Мне не терпится увидеть наши имена в завтрашней газете. Не удивлюсь, если отец повесит ее в рамке на стену.

Впервые мистер Макаллистер дал Бал Патриархов несколько лет назад. Он и группа нью-йоркских джентльменов составили список из двадцати пяти человек (включая их самих), чьи семьи входили в манхэттенское общество задолго до Британского вторжения 1776 года^[23] и доходы которых в настоящий момент достигали не менее миллиона долларов. Способы получения дохода джентльменами не обсуждались. Группа получила название «Общество Патриархов». Каждый член общества мог пригласить на бал, проводившийся в конце зимы, двенадцать гостей – из числа тех, чьи семьи жили в Нью-Йорке по меньшей мере в течение двух, а еще лучше – трех поколений.

Перед балом печатали пригласительные билеты, на которых патриарх (а чаще его жена или секретарь) собственноручно писал имя приглашенного. Назначалась тема бала. Гостям предписывалось прийти в парадном платье. Без пригласительного билета попасть на бал было невозможно, поэтому, как и надеялся мистер Макаллистер, они стали самой желанной добычей светской элиты. Запретный плод всегда сладок.

Последним штрихом стало предложение Кэролайн Астор стать лицом Общества, его формальным руководителем и символом превосходства. Лучший выбор и представить сложно – ее предки жили здесь во времена, когда индейцев на острове Манхэттен было больше, чем белых людей. Помимо того, Кэролайн считалась любимицей

Макаллистера – с глазу на глаз он называл ее «моя мистическая роза». По крайней мере, так говорили.

С ростом числа богачей – новоявленных миллионеров, разжившихся на золотой и серебряной лихорадках, на биржевых спекуляциях, продаже земель или войне – Нью-Йорк захлестнула волна неотесанных, а частенько и вовсе неумытых крикливых нуворишей, которые считали, что непременно должны стать частью высшего общества. Большинство этих людей не знали разницы между суповой ложкой и десертной, совершенно не умели говорить по телефону, у них отсутствовало малейшее понятие о приличиях. В светской хронике нередко появлялись сообщения о том, что кто-то из них приходил в Академию музыки на громкие премьеры и требовал лучшие места. Получив отказ, они пытались выкупить ложи у их владельцев.

Альва понимала, что мистер Макаллистер считает сложившееся положение вещей не только увлекательным, но и выгодным для себя, ведь таким образом внутри общества создавалась определенная иерархия, а он помогал отчаявшимся матерям улучшить положение своих дочерей в свете – этот процесс сопровождался тратой тысяч долларов, от чего сам он немало выигрывал.

Мистер Астор, по обыкновению, бал пропускал. Каждую зиму он отправлялся на своей яхте во Флориду, к приветливым берегам Джексонвилла, и оставался там до самой Пасхи, когда приличия требовали его появления в церкви рядом с женой. Поэтому на всех балах Кэролайн Астор сопровождал мистер Макаллистер. Поприветствовав гостей, она, как правило, проводила остаток вечера, сидя на бархатном диванчике, стоящем на возвышении, окруженная избранным кругом приближенных. Оттуда она наблюдала за танцующими, роняя то хвалебные, то осуждающие реплики. Она выслушивала «новости» и высказывала свое мнение на их счет – леди, наносящие визиты знакомым, потом неделями разносили ее слова по домам лучших семейств.

Если Альве этим вечером удастся завоевать расположение миссис Астор (какой-то шанс на это все-таки имелся), она сможет расслабиться, пока данное расположение сохраняется. Возможно, на годы. А может быть, и навсегда. Ну, в самом деле, что помешает

миссис Астор посчитать их с Уильямом достойными присоединиться к высшему свету?

Мистер Макаллистер не хотел, чтобы Альва питала слишком большие надежды, это понятно. Тем не менее во всем Нью-Йорке не найти более достойных претендентов, чем она и Уильям. А раз так, то миссис Астор, если она и в самом деле столь мудра и проницательна, как о ней говорят, должна с готовностью взять их под свое крыло.

К одиннадцати часам, когда прибыли Уильям и Альва, три сотни гостей наводнили бальный зал. По его периметру расставили стулья, а полы натерли до зеркального блеска. С узкой верхней галереи доносились звуки камерного оркестра. Гости хватало и в салоне – там можно было насладиться изысканным ужином а-ля фуршет от шеф-повара Ранхофера.

Альва заметила мистера Макаллистера – тот с кем-то беседовал. Как и остальные джентльмены, он облачился в накрахмаленную белую рубашку с воротничком и белым шелковым галстуком, черный фрак-визитку и черный цилиндр. Однако, в отличие от прочих, выбрал бледно-желтый жилет – довольно неожиданно для столь консервативного мероприятия. Альва подумала – он не отказался бы припудрить лоснящийся лоб, щеки, подбородок и нос, как это делали дамы и французы в старые времена. При французском дворе он чувствовал бы себя как дома – хотя и здесь, в эрзац-монархии Кэролайн Астор, мистер Макаллистер справлялся прекрасно.

Он устремился поприветствовать новоприбывших.

– Доброго вечера вам обоим! – Отступив на шаг, он внимательно рассмотрел наряд Альвы: – Сама простота и элегантность! Цвет немного темнее, чем я предлагал, но, вынужден признать, гранатовый вам к лицу. Изысканная отделка в тон – я ведь говорил, что мисс Донован сделает все как надо. А это декольте – какая изящная линия!

Шлейф платья тоже был скромным, без воланов, и Альва просто перекинула его через руку.

– Мисс Смит, я вами горжусь – и вами тоже, сэр, – добавил мистер Макаллистер, обращаясь к Уильяму. – Вы производите прекрасное впечатление, мой юный друг. Просто прекрасное.

– Благодарю вас. За приглашение в том числе, – поклонился Уильям.

– Не стоит благодарности! Я подумал, что джентльмен, которому удалось завоевать самую прекрасную юную леди в Нью-Йорке, меня не разочарует – так и есть!

Альве хотелось его расцеловать.

– Вы сегодня тоже настоящий франт, – сказала она.

– Я заказал костюм у Мэтью Рока, выложил за него пятьдесят долларов – совершенно издевательская цена. В Лондоне с меня взяли бы в половину меньше – хотя, конечно, мне для этого пришлось бы отправиться в Лондон, а у меня пока что совершенно нет времени на путешествия! Помимо подготовки приема у Марты Вашингтон, балов Старой гвардии и Французского общества, я полностью посвятил себя сегодняшнему вечеру. Как-никак, это главное событие зимнего сезона, я не мог доверить его посторонним людям. Но что же это я! Идемте, я представлю вас миссис Астор. У меня хорошее предчувствие: вино сегодня течет рекой – итальянский Пьемонт тысяча девятьсот пятьдесят второго года, если не ошибаюсь. Отличный был год для неббиоло, если верить господину Ранхоферу.

Мистер Макаллистер провел молодых людей к возвышению в центре зала, где расположилась Кэролайн Астор в компании госпожи Купер и госпожи Дрессер. Румянец, игравший на щеках госпожи Астор, и ее слегка рассеянная улыбка свидетельствовали о том, что вино ей пришлось по вкусу.

– Позвольте представить вам мисс Альву Смит и мистера Уильяма Киссэма Вандербильта, свадьба которых состоится этой весной.

Уильям поклонился, Альва протянула руку – а Кэролайн Астор, не удостоив их даже взглядом, обратилась к мисс Купер с вопросом:

– Дорогая, как вам понравился кофе в Калькутте? Одни его превозносят, другим же он кажется отвратительным. Что вы думаете на этот счет?

Альва почувствовала, как лицо ее становится пурпурным в тон платья. Она, разумеется, не рассчитывала на радушные объятия, но подобное обращение... Просто возмутительно! Так оскорбить ее, так унижить, и притом совершенно незаслуженно! Ее, Альву Смит, юную леди с безукоризненной репутацией, такую изящную, так прекрасно воспитанную, официально приглашенную на этот бал. И ее жених не уступал ей ни в чем. Альва уже собралась высказать вслух все, что думает, однако господин Макаллистер ловко подхватил ее под руку и

увел в сторону, взглядом приказав Уильяму следовать за ними. На ухо Альве он произнес:

– Она нарочно ведет себя бестактно, не позволяйте ей себя спровоцировать. Я вас предупреждал, это будет вторжением на ее территорию. Оставайтесь выше этого, мисс Смит, пусть все убедятся в вашем благородстве. У вас есть прекрасная возможность продемонстрировать утонченные манеры.

Альва взяла себя в руки, приосанилась, улыбнулась жениху и произнесла громко и отчетливо, так, чтобы услышали все окружающие:

– Как жаль, что госпоже Астор начали изменять зрение и слух.

Господин Макаллистер не стал дожидаться реакции публики и потянул Альву к буфету, причитая на ходу:

– Святые небеса... Дитя мое, вы меня удивляете! Вынужден признать – те, кто умудряется заскучать в свете, просто невнимательны. Вот это драма – словно решаются судьбы империй!

Альве было нехорошо. Ее гордость снова оказалась сильнее. Она так надеялась на этот вечер, представляя, как они с Уильямом завоюют симпатию миссис Астор. Следовало внимательнее отнестись к словам мистера Макаллистера.

И все же на лице Уильяма она увидела неприкрытое восхищение. Стоящие вокруг смотрели на нее с таким же выражением.

– Только представьте, что будет с Командором и отцом, когда они об этом услышат! Позвольте, я принесу вам шампанского.

Глава 6

В середине апреля Альва отправилась на встречу с миссис Вандербильт на Сорок четвертую улицу – в дом, куда ей до сих пор не позволялось заходить. Ей было наказано готовиться к грядущей свадьбе, а заботы о доме оставить будущей свекрови.

Уильяма Альва тоже последний раз видела в конце зимы. Вместе с друзьями он отправился на яхте Гордона Беннета в Сент-Огастин. Иногда он присылал ей из портовых городов весточки на открытках по два пенни: «Чудесный день на море! Думаю о вас», «Куплю себе яхту и назову «Альва»!», «Мама писала, что готовит для вас сюрприз. До чего ей нравится возиться с дочерьми». И последняя открытка: «Возвращаюсь на следующей неделе. Вы скучали по мне? Скоро увидимся».

Альва аккуратно отправляла ответы на почту Сент-Огастина. Скорее всего, Уильям получал сразу несколько. «Попутного ветра!» или «У нас уже совсем весна – ветер теплый и на деревьях бутоны».

Банальности, но что еще она могла написать?

«Какой ваш любимый цвет?»

«Однажды я задержала дыхание так надолго, что мама дала мне затрещину, чтобы я начала дышать».

«Вы знаете, что делать в нашу брачную ночь? А вы знаете, как это делается?»

Потому что – нет, на самом деле Альва по нему не скучала. Она ждала его возвращения лишь потому, что измучилась в ожидании свадьбы (и первой брачной ночи) и тех перемен, которые за ней последуют.

После пяти лет непрерывных потрясений – им пришлось уехать из Парижа, заболела и умерла мать, теперь болел отец, их семья потеряла все свое состояние, потом Альва изо всех сил пыталась найти подходящего жениха – ей хотелось только покоя и защищенности.

– Добрый день! – Миссис Вандербильт махала рукой, стоя в дверях четырехэтажного особняка.

Здание из бурого песчаника выглядело тесноватым и простым, совершенно непримечательным, впрочем, относительно новым и

достаточно приятным на вид (беднякам выбирать не приходится). Улица тоже была неплохая: один ее конец выходил на Пятую авеню, другой – на Шестую. Тротуар выложен кирпичом, мостовая ровная, почти без выбоин. На кленовых деревьях распускались первые листочки, лимонно-зеленые в лучах солнца.

– Здравствуйте! – Альва взбежала по ступеням. – Я остановилась полюбоваться домом. Какое чудное место!

– Вам нравится? Я надеюсь, вы с Уильямом будете довольны. Я хочу, чтобы все мои дети были довольны. Я, наверное, слишком многого прошу, не правда ли? Учитывая изменения, которые сейчас происходят чуть ли не каждый день. – Она поцеловала Альву. – Но не слушайте меня. Заходите!

В салоне, стоя плечом к плечу, их ожидали шестеро слуг. Когда миссис Вандербильт представляла их Альве, они кланялись и делали реверансы. Первыми были представлены дворецкий и экономка, которые прежде служили в других домах Вандербильтов. Затем повар, лакей и горничная. Последней была дочь Лулу – Мэри, которая нервно улыбалась. Стоя рядом с остальными, она выглядела темнее, чем обычно казалась Альве. Возможно, все дело было в горничной, ирландской девушке по имени Бриджет, – ее кожа розовела, как снег на заре.

– Очень рада с вами познакомиться. Кроме Мэри – с ней я знакома с рождения. Ее мать управляет хозяйством в нашем доме – то есть в доме моего отца. А вот вы, полагаю, должны быть рады с ней познакомиться.

Эти шестеро людей обеспечат существование Альвы. Она будет в ответе за их благополучие, а они – за ее. Необходимо соблюдать гармонию. Залог гармонии – правильное применение власти и авторитета. Поэтому, несмотря на чувство неловкости и свой юный возраст, Альва продолжила:

– Надеюсь, вы будете относиться друг к другу с уважением и добротой, тогда всем обитателям дома будет здесь хорошо. Вы все очень важны для меня. То есть для нас – меня и мистера Вандербильта – и для всего дома.

Ее лицо пылало – она слишком долго говорила и потому сочла нужным добавить серьезным тоном:

– И самое главное: я не потерплю в доме... гиппопотамов. Обладателей гиппопотамов я буду казнить без суда и следствия.

Слава богу, они улыбнулись, и Альва со спокойной душой попросила миссис Вандербильт показать ей дом.

Пройдя прекрасно обставленные комнаты первого этажа, миссис Вандербильт направилась к лестнице.

– Мне не терпится показать вам вашу спальню. Мы с Лилой очень постарались.

Комната слева от лестничной площадки окнами выходила на улицу. Оттуда просматривалось раскинувшееся на пять акров Кротонское водохранилище. Ближе, на углу Сорок второй улицы и Пятой авеню, темнели руины Приюта для цветных детей-сирот, который сожгли протестующие против призыва 1863 года^[24]. Альву всегда поражало жестокое отношение бунтовщиков к детям. К детям! На них напали только из-за того, что цвет кожи у них был такой же, как у тех, кого белые сделали рабами. Потом президент запретил брать их в рабство. Южанам-рабовладельцам не понравилось, что им указывают, и они развязали войну, в которую оказались втянуты небогатые северяне. Разъяренные белые люди, которые вымещали свой гнев на беззащитных негритянских детях. Люди, которые считали себя христианами. Альва не винила их за нежелание участвовать в войне, однако то, каким образом они выражали свой протест, было непростительно. Впрочем, ей даже понравилось, что вид из окна станет напоминать ей о том, на что способны разозлившиеся люди, дабы она не принимала за должное свое положение в обществе и ту защиту, которую оно давало.

Окна спальни были задрапированы занавесками из чинца^[25] в бело-розовую полоску. Им же были отделаны нижняя часть стен, туалетный столик, кровать и балдахин. Выглядело чудовищно.

– Как мило! – проговорила Альва.

Миссис Вандербильт с облегчением улыбнулась.

– Как же я рада, что вам понравилось. Надеюсь, вам здесь будет хорошо.

– Конечно! Вы столько сделали ради меня, я этого совершенно не заслужила. Мне не хватает слов, чтобы выразить вам свою признательность.

Это, по крайней мере, было правдой.

Одетая в ловко перешитое свадебное платье матери, Альва зашла в комнату отца попрощаться.

Он сел и посмотрел на нее.

– Фиби...

– Нет, папа, я Альва. Ваша дочь.

Отец в недоумении заморгал, потом прищурился.

– Я... – Он потер лицо, снова моргнул и облокотился на подушки, не отрывая от нее взгляда. Через несколько мгновений узнал: – Да, точно, Альва. – Он замолчал. – У тебя сегодня свадьба?

– Свадьба. – Она сжала его руку. – Через минуту я отправляюсь в церковь.

– Простишь мне, что я все пропускаю?

– Папа, ну что вы такое говорите! Я ведь знаю – вы непременно поехали бы, если бы могли.

– Жаль, что твоя мать сейчас не с нами. Ты так на нее похожа в этом платье.

Мисс Донован сделала юбку менее пышной, избавившись от двух рядов оборок и изящно задрапировав турнюр, добавила белый шлейф из тончайшего, почти прозрачного шелка. Он же пошел на рукава-крылышки и отделку по линии декольте. Ни бантика, ни ленточки, ни кружева – безукоризненно простое платье, как того и требовало событие. Надев его, Альва почувствовала себя настоящей невестой из сказки.

– Похожа, я знаю, – прошептала она и поцеловала отца.

В вестибюле ее ждали Армида и Лулу, которая протянула Альве букет со словами:

– Золотарника здесь нет.

Альва улыбнулась:

– Лулу, как же я буду скучать по твоему командирскому тону.

– Теперь вы будете командовать собой самостоятельно. Помню, как вы забрались на фонтан в Тюильри, вам было лет десять, раскинули руки в стороны и заявили: «Я буду императрицей!» А потом повернулись и упали спиной прямо в воду. Другая девочка расплакалась бы, но только не вы – вы тут же встали в промокшем платье, с прилипшими к лицу волосами, и произнесли: «Лулу, *une serviette, s'il vous plaît*»^[26].

Альва рассмеялась:

– Я этого не помню, ты выдумываешь!

– Все так и было! Идите же, извозчик Вандербильтов не будет ждать весь день.

– Конечно, – кивнула Альва. Она глубоко вдохнула и выдохнула. – До встречи! Мы с Мэри будем присылать вам открытки из Саратога-Спрингс!

Прибыв в церковь, сестры встретили в притворе Консуэло и ее отца, который любезно согласился провести мисс Смит к алтарю. Он взял Альву под руку, Армида же присоединилась к Дженни, Джулии и другим подружкам невесты, ждавшим в церкви.

– Да ты вся сияешь! – заметила Консуэло. – Неужели и правда влюбилась?

Альва оставила вопрос без ответа. Ее сияние было обманчивым – она не чувствовала того волнующего тепла, которое наполняло Элизабет Беннет при мысли о мистере Дарси, и не считала, что ее с Уильямом союз превратится в идиллическое единение родственных душ. Скорее наоборот – Альва начинала сомневаться в необходимости брака с кем бы то ни было. В церкви ее ждал привлекательный, но совершенно неинтересный джентльмен, которому через несколько минут, согласно Закону Божьему и законам этой страны, она будет принадлежать. Он сможет делать с ней все, что посчитает нужным. В «Джейн Эйр» мистер Рочестер, узнав, что жена сошла с ума, запер ее на чердаке, а сам стал искать внимания других женщин. Если через несколько часов, когда наступит ночь и они останутся наедине, Уильям захочет заняться непотребством (что бы это ни значило), что она с этим поделает? Ничего. Если ему что-то не понравится, вдруг он запрет ее или прогонит? И даже ударит?

«Нет, он ни за что меня не ударит. Уильям Киссэм Вандербильт – хороший человек».

Она должна полюбить его. Будь сейчас на месте Альвы Тереза Фэйр, у нее голова бы кружилась от счастья. Что ж, может быть, и у Альвы закружится, только немного позже. Она ведь старше Терезы Фэйр, многое повидала, ее не так легко вывести из равновесия, как молоденькую девушку. Просто нужно время, чтобы получше узнать друг друга, вот и все.

Раздались звуки органа. Двери открылись, Консуэло произнесла: «Начинаем!» – и выступила в проход между рядами.

Представители высшего общества заполнили все скамьи. По случаю свадьбы они облачились в лучшие весенние наряды. Банты и бутоньерки из белых лент виднелись на каждом ряду. Подружки невесты были хороши, как ангелочки, друзья жениха – безупречно элегантно. Сам Уильям светился от радости. После мессы они будут принимать поздравления от десятков гостей в доме ее новоиспеченных родственников. Упряжка из шести лошадей повезет из церкви украшенный лентами экипаж сначала домой, а потом на Центральный вокзал, где они с Уильямом сядут в личный вагон Вандербильтов и отправятся в Саратога-Спрингс.

Мистер Изнага взял Альву под руку:

– Прошу?

Быть может, причина ее учащенного пульса и сбивчивого дыхания не только нетерпение, но и любовь? Просто она еще не научилась ее распознавать. Интересно, что сейчас чувствует Уильям? Что, если, пройдя в двери, а затем к алтарю, она обнаружит, что пока она сама завоевывала внимание его семьи, пыталась пережить отсрочку брака и планировала свадьбу – Уильям влюбился в нее без оглядки? Но узнает она об этом не сейчас, когда они будут давать клятвы перед Богом, а в конце дня, в отеле в Саратога-Спрингс.

Когда Альва и Уильям остались одни, предоставленные только самим себе, оба не знали, что делать.

Они подъехали к отелю «Гранд Юнион» и вошли внутрь. Уильям расписался в журнале, и их проводили в номер. Они сняли шляпы. Альва стянула перчатки и сжала их в руках. Гончие Уильяма улеглись у его ног. Мэри и Максвелл – камердинер Уильяма – молча стояли неподалеку.

– Думаю, сейчас самое подходящее время, – сказал Уильям, глядя на Альву.

Она ждала продолжения. Он тоже чего-то ждал.

– Для чего?

Уильям повернулся к Максвеллу:

– Шкатулка.

– Ах, да.

Максвелл выбежал из гостиной в спальню, предназначавшуюся для Уильяма, и тут же вернулся с плоским деревянным ящичком.

Уильям взял шкатулку и протянул Альве со словами:

– Небольшой подарок в честь праздника. Надеюсь, вы не разочаруетесь.

Держа шкатулку одной рукой, Альва открыла крышку. Внутри, на подкладке из темно-синего бархата лежала свернутая нить сверкающего жемчуга.

– О господи...

– Вам понравится история ожерелья: его первой владелицей была Екатерина Великая. Позже оно принадлежало императрице Евгении, но, думаю, ей пришлось пожертвовать им в силу жизненных обстоятельств.

– Императрице... Полагаю, я даже видела ожерелье на ней! Как же вам удалось...

– Это все Командор. Я хотел выбрать украшение с драгоценными камнями, но он вспомнил, что вы провели детство во Франции, и заставил меня найти что-нибудь подходящее. Мой дед все замечает и принимает во внимание. Я лишь последовал его совету. Хотя, конечно, пришлось попотеть, чтобы найти для вас идеальный подарок.

Альва взяла одну жемчужину двумя пальцами. Каждая из этих драгоценных бусин когда-то касалась кожи двух женщин, которыми Альва восхищалась больше всего на свете.

Она подняла на мужа (своего мужа!) взгляд, полный радости и уважения.

– У меня нет слов.

– Но вы довольны?

Альва кивнула:

– Огромное вам спасибо. В самом деле... Я не знаю...

– Мне приятно, что оно вам понравилось. Вы можете надеть его завтра вечером.

– Да, обязательно.

Уильям потер бакенбарды большим пальцем.

– Что же, предполагаю, вы хотите отдохнуть.

– Да, это был очень долгий день, – согласилась Альва.

Мэри отвела ее в спальню, чтобы помочь раздеться. Уильям с собаками в сопровождении камердинера удалился в свою комнату.

Спальня во французском стиле оказалась настоящей мечтой. В изразцовом камине потрескивал огонь. Белые стены между панелями из полированного ореха были расписаны колокольчиками. В центре, на ковре из голубого плюша, стояла кровать с балдахином. На белом сатине полога играли отблески огня. Вот бы запереться сейчас в комнате, надеть жемчуга, лечь на кровать, закрыть глаза и не думать о том, придется ли ей сегодня открыть свое тело взгляду Уильяма, будет ли он от нее чего-то ждать, понравится ли ей то, что она почувствует, и плохо ли, если понравится...

– День и правда был долгим. Давайте я вам помогу, – прозвучал голос Мэри.

– Да-да, конечно. – Альва развела руки в стороны, давая Мэри добраться до пуговиц. Чтобы отвлечься от своих мыслей, она спросила: – Чем ты занималась в дороге?

– Мне понравилось смотреть в окно. Я впервые ехала в таком быстром поезде – ведь по Шестой авеню электрички ползут медленнее пешеходов. А эти новые поезда просто удивительные! Я не понимаю, как локомотиву удается тащить такие тяжелые вагоны. – Мэри сняла с Альвы корсаж. – Еще я немножко почитала. Чтение – это магия, правда? Мама говорит, что только благодаря эмансипации мы теперь можем учиться читать и писать, не скрываясь.

– Когда я была девочкой, я совсем не думала о вас как о рабах. Родители всегда говорили «слуги». – Юбка упала, и Альва вышла из нее. – Как люди могут быть собственностью? Да, мои родители росли в совершенно другом времени и месте, только я этого не понимаю. Ты чувствовала тогда, что кому-то принадлежишь?

Мэри покачала головой:

– Я была совсем маленькой.

– Что ты сейчас читаешь?

– Историю одной юной кастильской леди, которая должна была выйти замуж за своего кузена, но он вернулся домой и признался ей, что женился на другой. Называется «Ужасная тайна».

– Действительно, ужасная.

Держа пеньюар в руке, Мэри задумчиво произнесла:

– Но она такая доставучая, что я его не виню.

– А та, на которой он женился?

– Кроткая и покладистая, как ягненок.

– Что тут скажешь, – вздохнула Альва, пока Мэри надевала на нее сорочку, – автор прекрасно понимает мужчин.

Оставшись в одном пеньюаре, Альва по-новому оценила тепло комнаты. Она присела за туалетный столик. Мэри подала ей флакончик духов. Альва открыла бутылочку, коснулась пробкой запястий, провела за ушами. Сколько раз она видела, как это делает мама? Какими необыкновенными казались маленькой девочке приготовления женщины из высшего общества к выходу. Мама всегда выполняла все действия ритуала, как усердный прихожанин на мессе.

– Что сделать с волосами? – поинтересовалась Мэри – волосы у Альвы до сих пор были убраны в высокую прическу.

– Я... я не знаю. Заплети в косу, как обычно, или...

– В романе, о котором я говорила, у брошенной героини волосы «цвета воронова крыла», и они падают ей на плечи. И он, то есть кузен, не может глаз от нее отвести.

Пока Альва думала, что ответить, Мэри спросила:

– Может, примерите свои жемчуга?

– Ладно, – улыбнулась Альва. На это она согласилась без колебаний. – Но только на минутку. – Она достала ожерелье из коробки и ахнула: – Господи!

Нить оказалась длиной в несколько футов и была тяжелее, чем Альва себе представляла. Собрав жемчуг в ладони, она жестом попросила Мэри помочь.

– Подумать только... – выдохнула Альва, когда они выложили нить в четыре ряда на ее груди. Она прижала ладонь к жемчужинам. – Я совершенно их недостойна, но, Мэри... владеть ими... – Она покачала головой. – Екатерина была величайшей русской императрицей – прогрессивная, интеллигентная... Наверное, императрице Евгении они были очень дороги.

– А теперь они будут дороги вам.

– Уверена, ей не хватает их... как и всего, чем она раньше владела. – Альва посмотрела на Мэри. – Но я не жалею, что они достались мне. Мэри, только представь: Екатерина Великая носила их сто лет назад! – Она покачала головой в изумлении. – Все. Давай уберем их, не то я расплачусь.

Когда жемчуга вернулись в свою синюю бархатную колыбель, Мэри спросила:

– Распустите волосы?

– Подумаю об этом. Можешь идти к себе, увидимся завтра.

– Мама велела напомнить вам воспользоваться ночным горшком перед тем, как идти в постель, и еще раз сразу после. – Заметив озадаченный взгляд Альвы, Мэри добавила: – Когда он закончит.

– Ах... Да, конечно. Совсем об этом забыла. Столько всего произошло.

Альва не могла признаться Мэри, что несведуща в подобных делах. Служанка остановилась у двери.

– Знаете, я никогда не видела такой прекрасной комнаты. Мама рассказывала – когда в первую брачную ночь рабы оставались в общей комнате, их кровать завешивали простыней. Что до мужей... Я не жалею, большинство наших мужчин неплохие, но ваш муж... такой чистый, такой... милый. И щедрый. Он настоящий джентльмен. А бывают грубые мужчины, от которых дурно пахнет, и они хотят, чтобы девушки брали его в рот, прежде чем...

– Что брали в рот?

– Ой... Не важно, я говорю чепуху. Благослови вас Господь! – выпалила Мэри и выбежала из комнаты, закрыв за собой дверь.

Неожиданно Альва поняла, о чем говорила Мэри, и ахнула. Неужели люди таким занимаются? И ей тоже придется делать это?

Она повернулась к зеркалу и посмотрела на нервную юную леди, которая уставилась на нее из отражения. «Кажется, ты хочешь убежать».

Что, если и в самом деле сбежать? Она ведь уже замужем. Отцу заплатили. Надеть дорожный костюм, улизнуть из отеля и взять билет на поезд, который идет куда-нибудь на запад. В Буффало, например. Или на Ниагару. Устроить себе собственный медовый месяц, а все расходы запишут на счет Вандербильтов. Съездить в Чикаго или в Сент-Пол. Центральная часть страны должна быть прекрасным местом, хотя и диковатым. Она будет избегать диких мест с индейцами и придерживаться городов. Какие города есть за Сент-Полом? Сан-Франциско. Но туда долго добираться, нужно пересечь горы. Горы, которые, по слухам, могут соперничать с Альпами. Хотя, скорее всего, это преувеличение – люди, приезжающие с запада, очень любят все приукрашивать.

Альва прекрасно отдавала себе отчет, что причина ее размышлений одна-единственная: страх, а страх она в себе поощрять не собиралась. Что бы ее ни ожидало, она встретится с этим лицом к лицу. Теперь она – замужняя женщина и не должна бояться того, чем спокойно и без паники занимаются большинство женщин.

Альва распустила волосы, воспользовалась горшком, как сказала Мэри, забралась на кровать и села спиной к подушкам.

Сложить руки на коленях или нет?

Положить ногу на ногу или сидеть ровно?

Если она не станет укрываться одеялом, будет ли это чересчур неприлично? Альва натянула одеяло на колени и поняла, что выглядит так, будто собралась послушать сказку на ночь. Она слезла с кровати, застелила ее и уселась на покрывало.

Вся эта таинственность и неопределенность! Встретить его сидя или лежа? Погасить лампу? Подкинуть дров в камин или оставить как есть?

«Ты доска, а он – колышек...»

В тот день в ванной, до того, как вошла мама, Альва стянула ткань с бедер, с одной ноги, потом с другой и смотрела, как вода устремилась к ее центру, тому самому месту с загадочным предназначением. И тогда, и сейчас ей на ум приходили картины, которые она видела за границей в музеях и при дворе – томные обнаженные женщины в сопровождении херувимов, нимф, служанок или придворных, некоторые в страстном объятии с лебедем. Молочные груди, животы и бедра без смущения открыты взору художника...

«Ты что, животное?»

Эти картины считают шедеврами, за ними охотятся коллекционеры, их выставляют в лучших галереях мира. Почему чувственность приветствуется в искусстве, но не в реальности? Что, если мама ошибалась?

Она вздрогнула, услышав шум за дверью. В любую секунду ручка может повернуться и...

Тишина.

Раскрасневшись, она ждала того мгновения, когда муж появится на пороге.

Он заметит ее румянец и обвинит в безнравственности, отошлет обратно к отцу или запрет и приставит к ней доктора.

Он заметит ее румянец и будет польщен. Посмотрит на нее влюбленным взглядом. Он станет целовать ее до потери чувств.

Но нет. Ручка не повернулась.

В комнатах царила тишина.

Полено в камине треснуло и шевельнулось, пригасив огонь.

Снаружи не доносилось ни звука.

Сердце перестало выпрыгивать из груди, и, незаметно для себя, Альва уснула.

Альва проснулась от холода. Огонь в камине потух, и в комнате было совсем темно. Муж, одетый в ночную рубашку, стоял на коленях у кровати, его лицо возле ее лица. От него пахло бурбоном.

– Мы должны это сделать, – проговорил он, не смотря ей в глаза. Наклонился и поднял пеньюар с ее бедер. – Прошу прощения. Я постараюсь сделать все быстро.

По-прежнему избегая ее взгляда, Уильям взгромоздился сверху. Альва замерла. Он немного повозился, потом втолкнул себя внутрь ее тела. Альве было больно, но она не смела пошевелиться и только зажала ладонью рот, чтобы не кричать. Она смотрела на один из столбиков кровати и не разрешала себе плакать.

– Прошу прощения, – повторил Уильям, не останавливаясь. Это продолжалось бесконечно. – Я стараюсь... – сказал он, и Альва не смогла больше сдерживать слезы, которые заструились к ушам и волосам, потекли по шее.

Она думала об этих прохладных ручейках, а он продолжал двигаться. От боли у нее внутри все горело, она не знала, сколько прошло времени. Потом ритм его движений сбился, стал хаотичным, он вдруг остановился, застонал, вздрогнул и спустя мгновение слез с нее.

– Ну, вот и все, – произнес Уильям и похлопал ее по бедру. Поправляя рубашку и вставая с постели, продолжил: – Когда у нас родится ребенок, его первым языком будет французский, вы согласны? – Он не стал дожидаться ответа и добавил: – Я оставлю вас, отдыхайте. Сегодня был долгий день. Доброй ночи.

Альва лежала в оцепенении. Та часть ее тела, которую запрещено было называть, место, которое могло приносить невероятное удовольствие, предназначалась для этого?

– Ха! – Она засмеялась, однако то был смех сквозь слезы.

Неужели мы сотворены, чтобы выполнять эти странные действия, приносящие лишь стыд и боль? Неужели так задумал Бог? Кажется, он не сильно позаботился о Еве...

Проснувшись в прекрасной бело-голубой комнате, Альва сперва не поняла, где находится. Потом вспомнила, что произошло ночью, и горло у нее сжалось.

«Я не заплачу».

Из-за занавесок скользнули лучи солнца, однако в комнате было холодно, а домашнего платья поблизости не наблюдалось. Что же ей делать? И где Мэри?

«Я хочу домой».

То, что Уильям совершил с ней ночью, он будет повторять в любое время, когда ему захочется.

«Ну, вот и все».

И единственная причина, по которой она это терпит, – деньги.

Значит, она – своего рода продажная женщина. Или нет?

Нет, конечно, нет. Альва сказала себе вслух:

– Это неправда. Я делаю это не только ради денег. И для него я не только развлечение. Я буду смотреть за домом, я буду вынашивать его детей. Я стану самой прекрасной хозяйкой в мире. Он меня обожает – разве его поступки говорят не об этом?

Она встала, разожгла огонь в камине и умылась над фарфоровым тазом. Мэри пришла помочь ей с утренним туалетом, и Альва ей ничего не сказала. Не могла взглянуть ей в глаза, даже когда Мэри заметила, расчесывая ее локоны:

– Мама говорит, ваши волосы – настоящее богатство.

Мэри собрала пряди в замысловатый узел, заколола его и закрепила над левым ухом серебряный гребень с бисером – подарок Консуэло.

– Ну вот, все готово, – заявила служанка. Отражение в зеркале подтвердило ее слова. – Какое сегодня выберете платье?

– Желтое... Нет, зеленое. Нет... – Альва спрятала лицо в ладонях. – Я не знаю.

– Зеленое. Цвет радости.

– Да. Хорошо. – Альва отняла руки от лица и постаралась улыбнуться. – Цвет радости. Именно то, что мне нужно.

За завтраком в ресторане на первом этаже Уильям был бодр и весел. Альва старалась ему подыгрывать, хотя никак не осмеливалась смотреть в его глаза. Он тоже, кажется, ее стеснялся. Пока она наслаждалась колбасками, яйцами бенедикт и тостом с джемом, они говорили о повозках и о том, не хочет ли она иметь свою собственную. Уильям сообщил ей, какие лошади в фаворитах на сегодняшних скачках. Сказал, что хочет купить ей новую шляпку. Ей ведь нужна новая шляпка? И несколько платьев? Он заметил, что она обходится малым. Может быть, новый зонтик? Альва смотрела на мужа, не произнося ни слова, пытаясь увязать происходящее с событиями ночи.

По всей видимости, как показали прошедшая ночь и сегодняшнее утро, Уильям – самый настоящий джентльмен, мужчина, который не обременяет свою жену непонятными просьбами, человек с безупречными манерами. А она – доска. Хвала небесам, они вели себя именно так, как положено.

И Альва ответила:

– Благодарю вас, это было бы чудесно.

Набравшись уверенности, Уильям повторял то, что сделал в первую брачную ночь, еще двенадцать ночей подряд. Прервался он, лишь когда Альва сообщила Мэри, что у нее начались месячные. В ту ночь Мэри осталась ждать за дверью спальни. Лежа в кровати, Альва услышала, как она говорит Уильяму:

– Миссис нездоровится. На этой неделе, – добавила девушка и больше не сказала ни слова.

Альва почувствовала невероятное облегчение, хотя и сомневалась, что это правильно. Уильям ведь просто выполняет свой долг. А ее долг – хотеть того же, что и он, – поскорее произвести на свет наследника. А чтобы наследник появился, нужно проводить ночи с мужем. Поэтому она должна этого хотеть. Только вот не хочет.

«Ты не должна подавать виду, будто тебе нравится то, что он делает».

Ха! Если бы на это был хоть какой-то шанс.

Как же все непонятно.

Наверное, она как-то неправильно ко всему относится.

Вернувшись домой после четырех недель, проведенных в пригороде, на ипподроме, играх в конное поло, в театре; недель, заполненных ужинами в ресторанах с многочисленными новыми знакомыми, вечеров, во время которых оживленные беседы скрывали обреченное ожидание того, что случится ближе к ночи, Альва заперлась в своей новой полосатой спальне и целый день лежала в постели, благодаря судьбу, что не видит никого, кроме Мэри.

На второй день после приезда она надела новую шляпку и в своем новом экипаже отправилась к сестрам, которые теперь жили в светлом и просторном доме, где у каждой имелась своя комната, а в кладовой никогда не заканчивалась еда. И все, что для этого требовалось, – вести жизнь замужней дамы, жизнь, к которой она так стремилась, которая дала ей все удобства и привилегии. Да, за них приходится платить не самую приятную цену, однако такова природа брака, и она должна всегда об этом помнить.

– Папа не спит? – спросила Альва у сестер, застав их за обедом.

Через высокие окна, выходившие на улицу, в комнату лился свет. На столе – новые тарелки из фарфора цвета слоновой кости с нежной цветочной росписью по ободку – то, что нужно для весны.

Дженни покачала головой:

– Нет, но, кажется, ему стало легче. Доктор прописал ему морфин.

– Значит, все хорошо, – заметила Альва, хотя все понимали, что слово «хорошо» в данном случае приобрело совсем другое значение. – Едем со мной, к отцу я зайду после. Надо немного развеяться. Заглянем к миссис Бьюкенен.

– Кто это? – поинтересовалась Джулия.

– Портниха. Я хочу сделать вам подарок.

– К чему нам новые платья? – усомнилась Армида. – Лучше расскажи, как прошел медовый месяц. На скачках было интересно?

– За себя говори, – возразила Джулия. – Я люблю все новое.

– А ты, Дженни? – обратилась Альва к третьей сестре.

– Да это лучше, чем Рождество!

Они с Джулией пошли за пелеринами.

Когда они собирались выходить, вниз спустилась Лулу.

– Наша миссис Вандербильт! Вы даже выглядите иначе!

– И это только начало! Мы отправляемся туда, где превращают в настоящих светских дам!

– Моя Мэри обо мне совершенно забыла, – пожаловалась Лулу. – Прислала всего одну открытку, дочка называется. Я надеюсь, от своих обязанностей она так не отлынивает.

– Отлынивает? Напротив – прекрасно со всем справляется. Я без нее как без рук. Просто у нас было слишком много дел. Вы увидите с ней в воскресенье. Как папа?

Лулу устремила взгляд вверх.

– Совсем не ест и все время хочет спать. Вы могли бы побыть у него немного.

– Обязательно побуду, когда вернемся. А сейчас у нас важное дело.

Прибыв в магазин, Альва обратилась к строгой даме:

– Встреча нам не назначена, но счет оплатит мистер Вандербильт.

– Миссис Бьюкенен будет рада вас принять.

Через пять дней Альва вновь ехала в новом экипаже и еще одной новой шляпке к новому дому отца, чтобы, сидя у его кровати, увидеть, как он умрет.

Все говорили, что для него это облегчение. Все согласились, что теперь он не будет мучиться.

Нью-Йорк, 1 июля 1875 года

Милая Консуэло!

Этот твой виконт Мандевиль, он же лорд Кимболтон, он же Джордж Монтегю и, наконец, герцог Манчестер^[27] – знает ли он, обладателем какого сокровища стал? Признаюсь, я немного тебе завидую... Помнишь, как девочками мы играли в Париже в «герцогинь», выдумывая имена и путая все титулы?

Однажды я обращусь к тебе «Ваша милость» – не позволяй этому вскружить себе голову. А я постараюсь не думать о том, как сильно буду по тебе скучать, – уверена, ты станешь пропадать в Англии и совсем забудешь Нью-Йорк.

И не извиняйся за то, что долго не отвечала на мое прошлое письмо, – ты ведь не можешь постоянно думать о

своих замужних подругах, веселиться тоже нужно. И мне бы хотелось сейчас быть с тобой в Саратога-Спрингс и танцевать всю ночь напролет. Хотя теперь я не скоро смогу появиться на балу. Я любила отца, но с обычаем соблюдать траур я не согласна. Почему он должен длиться так долго? Платья, которые я заказала в мае, можно будет надеть только следующей весной. Что, если к тому времени я уже буду ждать ребенка и так и не успею их надеть? Это совершенно бессмысленно и выгодно только портнихам. Папа не был бы против, надень я вместо черного зеленый, желтый или голубой. Даже в алом я бы не скучала по нему меньше.

Спасибо, что прислала записку от нашей дорогой леди Черчилль^[28]. Мне показалось, что она скорее без ума от своего новорожденного сына, чем от своего господина и повелителя. Хотя, возможно, я неправильно поняла ее слова об отсутствии Рэндольфа?

Я целыми днями делаю визиты и раздаю задания по дому – так хорошо, что в жизни есть хоть что-то предсказуемое. По вечерам мы часто устраиваем приемы. Юные наследники очень любят Уильяма за его познания в области скачек и рысаков и умения править упряжкой. Он говорит, что Оливер Белмонт, чей отец вместе с отцом леди Черчилль был основателем ипподрома Джером-Парк, стал практически его тенью. Некоторые утверждают, будто Белмонты – евреи, но, поскольку старший мистер Белмонт женился на дочери Командора Перри, я бы этим слухам не верила. Семейство Перри – непреклонные христиане.

Завтра утром мы с Уильямом переезжаем в дом его деда на Статен-Айленде – сам он неважно себя чувствует, поэтому предложил нам, Корнелию и Элис пожить там до конца лета. Как же здорово будет выбраться из города!

Жду твоего ответа. Обещай, что выйдешь замуж здесь, в Нью-Йорке, где все твои друзья смогут искупаться в лучах твоей славы.

С любовью,

Альва

Глава 7

Свадьба Джорджа Монтегю и Консуэло Изнаги состоялась в Нью-Йорке следующей весной. В прессе она получила широчайшую огласку, хотя о будущем герцоге газетчики писали гораздо больше, чем о леди, которую он взял в жены.

– Что бы они там ни писали, – заявила Консуэло, заглянув к Альве последний раз перед тем, как отправиться в Англию, – я стала леди Мандевиль.

– Будущая герцогиня Манчестер. Ты добила всё, чего хотела.

– Это правда. И мы с герцогом прекрасно проводим время. – Игриво улыбаясь, Консуэло вставила сигарету в серебряный мундштук и закурила.

До знакомства с Мандевилем Консуэло не курила. Интересно, она стала это делать, чтобы казаться более утонченной перед английским двором? Американские леди на людях не курили, но, возможно, с английскими дело обстояло иначе. Если бы когда-то отец Альвы отправил семью из Парижа в Лондон, теперь она знала бы это наверняка. Возможно, сейчас она сама была бы придворной дамой и готовилась стать герцогиней.

Не то чтобы ей понравился Мандевиль. Похожий на борзую лицемерный денди, любящий непристойные шутки, – он ее отталкивал и в то же время будоражил ее воображение. Казалось, он может заставить леди сделать что-то против ее воли. И леди это даже понравится.

Альва постаралась не думать об этом.

– Я так рада за тебя, – сказала она подруге.

– Судя по твоему виду, совсем наоборот.

– Просто мне тоже хочется «прекрасно проводить время». Дело в том, что мои материальные нужды удовлетворены, и родственники Уильяма меня приняли замечательно, но...

– Тебе скучно.

– Нет, скучать мне некогда. Хотя я сейчас и ношу траур, свободного времени у меня практически нет! Но... дело не в том, что происходит днем...

– Альва, перестань юлить. В чем дело?

– Супружеский долг. Это просто кошмар, – выпалила Альва. – Это больно. Унизительно. Неужели всю жизнь придется терпеть?

Консуэло удивленно похлопала ресницами и наконец произнесла:

– Нет, конечно, нет. Если все настолько плохо, ты можешь не пускать его к себе.

– Но как? Ставить служанку у дверей каждый вечер?

– Зачем? Просто скажи ему об этом.

– Просто сказать?

Альва не могла себе такое даже вообразить.

– Да, так же, как ты говоришь: «Сегодня мы ужинаем у моей сестры» – или что-то подобное.

– Но тогда я не смогу забеременеть... А тебе и правда приятно делать это с Мандевилем?

Пробили каминные часы.

– Мне пора! – спохватилась Консуэло. – За мной должен прийти экипаж. – Она поднялась, Альва тоже встала. – Приятно ли мне? Я ведь тебе сказала, что прекрасно провожу время. Если ты расскажешь Уильяму, что тебе нравится, а что нет, все станет проще. Сколько я тебя знаю, ты никогда не стеснялась высказывать свое мнение.

– Да, конечно, – согласилась Альва, не признаваясь в своем стеснении. Она ведь читает еженедельник «Вудхалл и Клафлин»^[29], который призывает женщин к независимости (не говоря уже о свободной любви). Она должна быть такой же современной, как подруга.

– Я просто стараюсь к нему приспособиться, вот и все...

– Настоящая леди.

– Скорее доска. – Альва сделала вид, что шутит.

– Какой кошмар! Неудивительно, что мужчины в наши дни так часто навешиваются к потаскухам, – рассмеялась Консуэло и обняла Альву. – Мне ужасно не хочется оставлять тебя. Но я обещаю писать тебе так часто, что ты начнешь сжигать мои письма, не открывая.

– А я тебе вообще писать не буду за то, что ты меня бросаешь.

Консуэло еще раз крепко ее обняла.

– До свидания. – На глазах у нее заблестели слезы.

– До свидания, – сказала Альва, провожая взглядом подругу.

До самого вечера она думала об этом разговоре, о том, как легко соскользнуло с губ Консуэло слово «потаскуха», которое немислимо было услышать от нее прежде. По всей видимости, она заразилась такой бесцеремонностью от Мандевиля, поэтому следовать ее советам в этой области, пожалуй, не стоит. Альве не хотелось проводить время «прекрасно», по меркам Мандевиля. Ей хотелось, чтобы ее уважали – а Мандевиля наверняка не уважал ни свою жену, ни женщин вообще. Не стоило начинать с Консуэло подобный разговор...

Ночью Уильям пришел к ней в спальню. Пока он выполнял свой долг, Альва заставляла себя думать о летнем Провансе, лавандовых полях и подсолнухах... Еще несколько толчков, он тихо простонал и задрожал всем телом.

Неожиданно она подумала, что все это унизительно даже для него.

Уильям слез с нее, пожелал доброй ночи и вышел из комнаты.

Спустя три недели не пришли месячные. Альва вызвала доктора, чтобы он подтвердил то, чего она и ждала и боялась больше всего. Сидя в противоположном конце салона, доктор задавал вопросы об аппетите (зверский), настроении (непостоянное), а также о том, сколько времени прошло с тех пор, как (он был необычайно деликатен) она чувствовала себя неважно в последний раз. Потом он осмотрел ее глаза, шею, кожу рук и вынес вердикт:

– Вполне вероятно, что вы и в самом деле в интересном положении. Не удивляйтесь, если по утрам начнете испытывать тошноту, – это скоро пройдет. – Он достал из кармана пальто блокнотик и что-то записал. – Я зайду к вам через несколько недель. Если возникнет необходимость, не стесняйтесь обратиться и раньше. Рассчитывайте на то, что ребенок родится в конце февраля или в начале марта. Ваш муж дома?

– Сейчас он скорее всего в офисе на Центральном вокзале. Или в клубе.

– В «Юнион»? – уточнил доктор и добавил: – Если понадобится, я загляну и туда, чтобы сообщить ему о вашем положении.

– Вы думаете, я не в состоянии сказать ему об этом самостоятельно?

– Не в состоянии? Нет, что вы, дело вовсе не в этом. Дело в авторитете. Я все-таки врач.

– А я буду вынашивать ребенка.

– Миссис Вандербильт, – сказал доктор, похлопав ее по руке. – Я всего лишь пытаюсь сэкономить время и избавить вас от неловкости. Если ваш супруг вдруг усомнится в новости, он пошлет за мной во время ужина. Если же мы поступим по-моему, сегодня вечером он придет домой с дорогим вином и цветами. Положитесь на меня.

Доктор оказался прав: Уильям принес и то, и другое, и в придачу фарфоровую музыкальную шкатулку, расписанную розами.

– Откройте же ее! – Он был в таком радостном возбуждении, что Альве показалось, он вот-вот завиляет хвостом.

Она подняла крышку. На черном бархате сверкала филигранная подвеска с бриллиантом размером почти с ноготь большого пальца.

– Поставщик камней моего знакомого проиграл мне в карты, поэтому мне удалось получить скидку. И все равно пришлось занять у отца, – сообщил Уильям, доставая подвеску из шкатулки. Он наклонился, чтобы застегнуть цепочку на шее Альвы. – Впрочем, я думаю, он забудет об этом долге – ведь он в вас души не чает.

– Уильям, как красиво, – сказала Альва, взяв подвеску в ладонь, чтобы рассмотреть поближе. Она была тяжелой, холодной, нелепой и очень ей нравилась.

– И это лишь начало! Представьте, сколько у вас будет драгоценностей, когда наш дом наполнится детскими голосами.

«Продолжение рода приносит спасение. И, по всей видимости, украшения».

Вслух же Альва произнесла:

– Я очень ценю ваше внимание. Благодарю вас.

– Леди должны получать награду за неудобства, которые им приходится переносить.

Глава 8

В красном платье со шлейфом и тяжелыми жемчугами на шее Альва вальсирует с Луи-Наполеоном у фонтана в Люксембургском саду. Императрица Евгения аплодирует им с высокого мраморного пьедестала. Звук аплодисментов нарастает, превращается в стук и топот, ее голос переходит в громкий лай...

Дверь в спальню Уильяма распахнулась, и собаки побежали вниз по лестнице, Уильям вслед за ними. Альва принялась искать спички, чтобы зажечь лампу.

Через лай собак из холла донесся голос Уильяма:

– Ради всего святого, что происходит?

– Сэр, Командор умирает, – прокричал человек.

– Кто тебя прислал? – спросил Уильям, успокаивая собак.

– Ваш отец, сэр.

– На этот раз он уверен?

– Кажется, да.

Наконец-то. Бедный Командор мучился уже несколько месяцев, а репортеры из «Таймс», «Уорлд», «Трибьюн», «Сан» и других газет околачивались у дома Вандербильтов день и ночь в ожидании его смерти. Начиная с весны, каждый из них надеялся первым поведать об этом миру, и уже не раз они опережали события, создавая громкими заголовками смятение на бирже. В июле газеты даже обошли вниманием столетие Дня независимости, ибо ходили слухи, якобы Командор уже одной ногой в могиле. Никто не думал, что умирать он будет так же яростно, как жил. Еще пару недель назад он подошел к окну своей спальни во втором этаже, поднял раму и прокричал:

– Будьте прокляты, грязные стервятники! Я еще не умер!

Уильям постучал к Альве и вошел в комнату. Босиком, с растрепанными волосами, в одной ночной рубашке, он напоминал Джорджа. Хотя молчаливый, задумчивый Джордж, который предпочитал обществу людей книги, был прямой противоположностью Уильяма. Настолько же он не походил на резкого и мрачного Корнелия или непоколебимого Фредерика. «Совершенно непонятно, что из него получится», – говаривал Уильям. «Но ведь он

просто такой, как есть. Что в этом дурного?» – возражала Альва. «Чтобы добиться успеха в обществе, есть несколько способов. И для Джорджа ни один из них не подходит».

Гончие вбежали в спальню. Уильям свистом позвал их к себе.

– Я полагаю, вы все слышали. Дед очень плох. Я должен к нему отправиться.

– Я поеду с вами.

– Вам не стоит беспокоиться... Особенно учитывая ваше положение.

– Но я хочу поехать, – солгала Альва. Меньше всего на свете ей хотелось видеть очередную смерть. – Ведь Элис приедет с вашим братом.

– Несомненно.

– Значит, и я обязана там быть. – Она откинула одеяло и встала, чтобы разворошить огонь.

– Вы стали такой...

– Круглой? – Альва положила руку на живот и выпрямилась.

Уильям отвел взгляд и развернулся к выходу.

– Я пришлю к вам служанку. Надо поторопиться.

Через минуту явилась Мэри. Она была совсем сонная, однако делала все быстро. Разобравшись с огнем в камине, она помогла Альве одеться. Сорочка. Панталоны. Чулки. Нижняя юбка. (Хоть корсет не нужен – наверное, это лучшее, чем сопровождалась беременность). Лиф. Кринолин. Юбка. Столько сложностей!

– Интересно, что бы случилось, зайдись я туда в ночной рубашке?

– Думаю, миссис Ви велела бы вам уволить свою служанку, – улыбнулась Мэри.

– Значит, я почти готова пожертвовать тобой ради такого удовольствия, – вздохнула Альва.

Мэри быстро собрала ее волосы.

– Это все временно. И, кроме того, это благословение, не забываете.

Альва не забыла. На самом деле, она наслаждалась месяцами беременности. Лучшее время ее замужества – не в последнюю очередь из-за того, что не нужно терпеть ночные визиты Уильяма.

– Да, Мэри, это благословение. Хотя я уже забыла, как выглядят пальцы у меня на ногах. Нет, ты только послушай меня! Прекрасный

человек при смерти, а я жалуясь, точно избалованный ребенок. Спасибо, что помогла, теперь ступай, возвращайся в кровать.

Снегопад укутывал притолоки и ступени тихих домов на Вашингтон-Плейс. Извозчик с трудом проехал через толпу довольных репортеров и любопытных зевак и остановился у дома под номером 10. Альва чувствовала облегчение – нет, не должен был Командор так долго болеть. Такому человеку не пристало тихо увядать, будто пораженная жучком осина, – ему полагалась милосердная смерть, как гибель могучего тополя в урагане. Хотя, конечно, просто так сдаться Командор не мог, не в его натуре подобное – будь он более покладистым, мягким и уступчивым, никогда не достиг бы того, чего достиг за восемьдесят три года своей жизни.

Сумма его достижений (в буквальном смысле) очень сильно волновала биржевых маклеров, акционеров, редакторов газет и завистливых граждан не только в Нью-Йорке, но и по всей стране. Каждому хотелось знать, сколько же стоил старый хрыч и кому достанутся все денежки. Его последняя воля и завещание держались в секрете и были неизвестны даже свекру Альвы. Члены семейства нервничали. Командор был достаточно упрямым, взбалмошным и непредсказуемым, чтобы выкинуть что-нибудь эдакое – к примеру, завещать все своей шестерке лошадей. Он и правда любил их больше, чем кого- или что-либо в этом мире. Почему бы ему их не любить? Лошади приносили ему радость. Они были прекрасны и покорны. Они никогда ничего не просили и никогда не подводили его. Альва не удивилась бы, если бы он оставил своим сыновьям ровно столько, чтобы сводить концы с концами, вынудив их трудиться так же, как трудился он сам.

– Мистер Вандербильт! – крикнул репортер выходящему их экипажа Уильяму. – Что вам известно о завещании? Сколько у него было денег?

Уильям молча проводил Альву к тротуару.

– Мистер Ви! Сколько вы надеетесь унаследовать?

– Настоящие стервятники, – сказал Уильям Альве.

– Гиены, – согласилась она. – Не могут даже подождать, пока жертва умрет.

Спальня Командора была огромной, с высокими потолками, богатой лепниной, бархатными гардинами и внушительных размеров очагом, в котором ревел огонь. Мебели немного – кровать с балдахином, платяной шкаф, пара обитых тканью стульев да купленная две недели назад фисгармония из полированного дуба, на которой вторая жена Командора – Фрэнки – играла по его просьбе церковные гимны. Вообще комната сейчас походила на театр: кровать стала сценой, а вокруг нее рядами стояли многочисленные кушетки и стулья, заполненные зрителями, которые надеялись увидеть простую одноактную драму с быстрой развязкой.

Исполнитель главной роли лежал в центре кровати, укрытый тонкой шерстяной простыней, одеялом и покрывалом из синей с золотом парчи. Иногда он что-то бормотал, потом задремывал, временами стонал. Он категорически запретил убирать четыре солонки, поставленные под кроватью по совету его приятельницы-спиритуалистки миссис Тафтс, утверждавшей, что это «проводники здоровья». Тем не менее он распорядился послать за своим давним другом, священником доктором Димсом, который теперь стоял в углу, беседуя с доктором Линсли и свекром Альвы. По всей видимости, Командор даже сейчас пытался перестраховаться.

Вместе с Фрэнки и ее матерью первый ряд вокруг кровати занимали братья и сестры Командора, а также его дети с супругами. За ними разместились внуки со своими супругами и некоторые из правнуков – людей было так много, что стульев для всех не хватило, так что кое-кто из мужчин помоложе стояли в дальнем конце комнаты. Зрителям было жарко, они утомились и, что неизбежно в подобных условиях, благоухали больше положенного.

– Может быть, откроем окно? – предложила Альва.

Одна из престарелых тетушек в первом ряду обернулась:

– Вы что, хотите, чтобы от испарений я заболела туберкулезом?

– Или гриппом, – поддержала ее другая, сурово глядя на Альву. –

О чем вы только думаете? В вашем положении...

Ей и в самом деле оставалось всего шесть-восемь недель до срока, тем сильнее было желание успокоить малыша внутри, который, по ощущениям, страстно желал затмить Командора в последнем действии, появившись на свет прямо сейчас. Или еще чего хуже.

До недавнего времени Альва знала о родах очень мало. Она понимала – для того, чтобы зачать ребенка, требуется половой контакт. Но то, каким образом ребенок появляется на свет, для нее оставалось тайной. Собравшись с духом, она обратилась за разъяснениями к миссис Вандербильт – в конце концов, эта женщина прошла через такое целых восемь раз. Беседа состоялась в салоне миссис Вандербильт. Они старались не встречаться взглядами. Миссис Вандербильт сказала:

– Как бы я хотела, чтобы ваша мать была здесь... Когда малышу придет время появиться на свет, вам следует вытолкнуть его из... это как будто у вас месячные... – Раскрасневшись, она продолжила: – Господь сделал так, чтобы мы могли... временно обеспечить ребенку путь наружу.

Представив себе это, Альва в ответ смогла только ахнуть.

– Вам будет помогать доктор. И полагайтесь на милость божью.

Первая из тетушек фыркнула:

– Вот уж не думала, что вы окажетесь такой самолюбивой – мой брат так хорошо отзывался о вас. Хотя, конечно, он частенько становился жертвой женских козней.

– При всем уважении... – начала Альва.

– Джейн, не молви дурно об отходящем в мир иной, и не достигнет тебя злословие на смертном одре.

Альва попыталась ослабить воротничок:

– Я не строила никаких козней! Кроме того, современной наукой доказано, что проветривание полезно для здоровья. Свежий воздух...

– Современная наука – ерунда! Солонки ему не помогли! – заявила первая.

Другая обратилась к Альве:

– Вы же собираетесь стать матерью. Пора научиться думать и о других.

– Прошу прощения, – сказала Альва, поднимаясь.

Эти дамы были ужасно старыми. Да и дочери Командора выглядели немногим лучше. Альва понимала, что думает так от злости, но она не привыкла скрывать свое мнение. Тетушки казались ей ветхими, усталыми, замученными ожиданием. Замученными жизнью. Пережитки прошедшей эпохи.

Обмахиваясь веером, Альва наблюдала за дамами семейства Вандербильт. В любом другом месте на земле подобный Командору человек, победивший всех своих врагов и повлиявший на политику страны, стал бы королем. Его дочери и внучки были бы принцессами и вели бы себя согласно своему статусу. Они бы не позволили чванливой миссис Астор строить из себя королеву. Альва, по крайней мере, хоть немного продвинулась к этой цели. Ей хотелось, чтобы ее свояченицы, сестры и она сама сделались уважаемыми дамами в высшем обществе. В этом нет ничего сверхъестественного. Тем более что особы вроде Лидии Рузвельт наслаждались своим положением.

Впрочем, прямо сейчас Альва могла думать лишь об одном – бога ради, откройте наконец окно.

Все смотрели на лежащего Командора, слабого, беспомощного, с землистым лицом и пергаментной кожей. Белки его глаз пожелтели, дыхание было хриплым, грудная клетка вздымалась. Голубые, подернутые дымкой глаза уставились в потолок, а, может быть, и гораздо выше.

– Сыграй еще раз эту песню. Что я люблю, – попросил Командор хрипящим шепотом.

Недавно пробило десять часов утра. Преподобный Димс стоял у изголовья и беседовал с дядей Уильяма, Си-Джеем, который был чрезвычайно бледен и покрылся красными пятнами. Альва подумала, что у него вот-вот случится очередной припадок. А может, ему просто тяжело находиться рядом с человеком, который долгие годы отказывался его видеть или слышать.

– Песню, – повторил Командор.

– Что вы сказали, сэр? – спросил доктор Димс.

Командор прошептал:

– Кажется, я сейчас умру.

Димс жестом привлек внимание семьи, встал на колени у изголовья и склонил голову:

– Сам же Бог и Отец наш и Господь наш Иисус Христос да управит путь наш к вам...

– Песню! – настаивал Командор.

Фрэнки, которая сидела на краю кровати, вскочила и подошла к фисгармонии. Она заиграла и запела сквозь слезы «Придите ко мне,

грешники».

Командор поднял руку с набухшими венами, казавшуюся бескровной на фоне покрывала, и пошевелил пальцами, призывая семью подпевать ей. Они послушались – в особенности Корнель и Элис, которые, как Альва теперь знала, познакомились, преподавая в воскресной школе при церкви Святого Варфоломея. Их унисон заглушил голоса всех, кто был в комнате! Неужели они думали, что по громкости пения можно судить о благочестии?

Командор тоже попытался подпеть, но звуки, которые выходили из его потрескавшихся губ, были похожи на слабое мяуканье кота, которого душат. Альва прикрыла рот рукой. Лила, сидящая возле нее, спрятала лицо в ладонях. Джордж встал и вышел из комнаты.

Маленьким детям не стоило находиться в этом театре смерти, однако Элис привела обоих сыновей и младшую дочку, дабы продемонстрировать свою бесконечную преданность Командору. Неужели она сделала это на случай, если Командор так растрогается, что в последнюю минуту изменит завещание? Или же, наоборот, не изменит? Могла ли Элис быть столь расчетливой?

Мальчики стояли перед родителями с широко открытыми глазами и серьезными лицами и подпевали. Маленькую Гертруду отец держал на руках. Она прильнула головкой с мягкими темными локонами к его плечу и сосала палец.

Последние ноты псалма растворились в тихом шелесте юбок и всхлипываниях некоторых дам, промакивавших глаза платками.

– Билли! – рывкнул Командор, так что все вздрогнули.

– Я здесь, отец. Не волнуйся. Все будет хорошо.

Командор снова обмяк. Секунда тянулась за секундой. Старший сын Элис и Корнеля, шестилетний Билл, обернулся к матери и спросил:

– Он умер?

Элис наклонилась и что-то прошептала ему на ухо. Мальчик повернулся лицом к кровати и встал ровнее.

Доктор Линсли склонился над Командором и прислушался. Изучил лицо Командора и выпрямился.

– Зрачки не реагируют. Мистер Вандербильт скончался.

Фрэнки всхлипнула... Но нет: рука Командора вновь зашевелилась. Невыносимо медленно он поднес ее к лицу. Провел по

нему ладонью, чтобы закрыть веки. После чего опустил руку на грудь.

Затем тяжело выдохнул. Прошло еще несколько невыносимо долгих мгновений. Собравшиеся переглянулись друг с другом и с доктором Линсли, который пожал плечами. Они ждали. Командор вздохнул. Из-под одеял раздался странный звук. Умиравший вздохнул еще раз – и затих.

Доктор Линсли достал из кармана часы и вновь склонился над Командором. Прижал пальцы к его шее, затем приложил ухо к груди. Выпрямившись, снова взглянул на часы и объявил:

– Господа, думаю, на сей раз я не ошибаюсь.

Фрэнки дала волю слезам. Чтобы не остаться за бортом, к ней присоединились некоторые из сестер и дочерей Командора. Мужчины покашливали, переступали с ноги на ногу и потягивались.

Трехлетний Нейли потянул отца за полу.

– Что случилось?

– Прадедущка отправился к Господу и Иисусу на небеса.

– Неправда. Вот же он, – нахмурился Нейли.

– Тише.

Уильям подошел к Альве:

– Я схожу в конюшни и вернусь.

– Найди Джорджа. Скажи ему, что все закончилось.

Нейли не унимался:

– Он никуда не отправился, он здесь.

– Его дух ушел, – объяснила Элис.

– Я не видел, как он уходил.

– Мы не можем это увидеть – дух невидим.

– Откуда ты тогда знаешь, что он ушел?

Элис поджала губы, взглянув на мужа, и проговорила:

– Так написано в Библии. Так говорит Бог.

– Может, это дух ушел, когда был тот звук?

Корнель оживленно предложил:

– Пойдем лучше съедим кекс.

При упоминании о кексах в желудке у Альвы заурчало. В ответ на урчание желудка малыш внутри толкнулся и совершил кувырок.

Уильям, естественно, ждал мальчика, однако Альва надеялась, что у нее родится девочка, такая же хорошенькая, как маленькая Гертруда, которую она с радостью нянчила в первые месяцы ее жизни, качала на

руках и пела ей песни, а в последнее время играла с ней в ладушки. Девочка была настоящей отдушиной во время ужасно тоскливых визитов, которые Альве приходилось наносить Элис. Элис не устраивало все подряд: банное мыло пахло слишком сильно, повар пек пироги со слишком толстыми корочками, рессоры в ее ландо были слишком упругими, приятельницы думали только о прическах и шляпах и совершенно забыли о Боге. Дом был слишком маленьким, чтобы оказывать достойный прием священникам из церкви Святого Варфоломея, чьи деяния она поддерживала всем сердцем, и сокрушалась, что не может разместить за столом людей, которые их тоже оценят по заслугам. Возможно, завещание Командора позволит ей решить этот вопрос. Альва была уверена, что Элис думает именно так.

Услышав о кексах, Нейли оживился, но вопросы задавать не перестал:

– А как дух пройдет сквозь потолок?

– Он может пройти через что угодно, как призрак, – ответил Билл.

– Миссис Кейлор испекла яблочные кексы. С корицей. Чувствуете, как вкусно пахнет? – пыталась отвлечь детей Элис.

– С колицей! – оживилась Гертруда.

– Я хочу два, – сказал Нейли. Ответ брата его, кажется, убедил.

– Тогда идем, спустимся на кухню, миссис Кейлор тебя угостит.

Фрэнки и старшие дамы все еще всхлипывали и утирали слезы. В последний раз взглянув на бездыханного Командора, Альва прошла вслед за Элис через полную стариков гостиную в холл, украшенный огромной пасторалью, изображавшей пасущихся лошадей. Поднимавшийся из кухни аромат корицы разжигал ее аппетит.

Дойдя до зала внизу лестницы, Элис сказала:

– Альва, вам лучше присесть. Я попрошу девушку вас обслужить.

– Спасибо, я подожду, – ответила Альва и обратилась к Корнелю, который держал Гертруду на руках: – Оставьте малышку со мной, я с ней поиграю, а вы можете присоединиться к Уильяму – он в конюшнях.

Оставшись наедине с Гертрудой на стеганой синей софе, Альва одной рукой обняла девочку, а другой стала гладить живот, чтобы успокоить своего малыша.

– Проголодалась? – спросила она племянницу, которой через несколько дней исполнялось два года.

Гертруда кивнула. Она снова сосала палец.

– Я тоже.

Гертруда потеревала Альву по руке и показала на картину на стене напротив.

– Красиво, правда?

Альва кивнула.

– Это твоя прапрабабушка София. Она была бы рада, что понравилась тебе.

Гертруда перевела пальчик на каминную полку.

– Пастушка? Да, очень красивая статуэтка. Твой прапрадедушка вырос на ферме, и София тоже, даже твой папа родился на ферме. Знаешь, что такое овечка?

Гертруда вынула изо рта пальчик, сказала «бе-е-е» и довольно улыбнулась.

– Какая ты умница! – похвалила ее Альва. – Расскажи мне, что теперь с нами будет?

После окончания панихиды по Командору Уорд Макаллистер обнаружил Альву сидящей в одиночестве на скамье в боковом нефе – та решила немного отдохнуть, пока члены семьи беседовали с уходящими гостями.

Балконы были затянуты траурными драпировками. На фоне тяжелого дерева и черной ткани ярко выступали вазы с цветами и венки из лилий. Но какими бы элегантными ни были цветы, их аромат угнетал.

Альве очень хотелось поехать домой и ненадолго прилечь.

– Отличная была служба, – сказал мистер Макаллистер. – Сегодня такая стужа, а сколько людей пришло! По моим подсчетам – больше тысячи.

– Да, наверняка не меньше.

Мистер Макаллистер уселся рядом.

– Вы, наверное, видели газеты... Завещание опубликовали во всех подробностях, на радость читателям. Кажется, у газетчиков повсюду шпионы!

– Вполне возможно, – кивнула Альва. Она поправила жемчуга, которые давили на ее налившуюся грудь. Все ее тело изменилось до неузнаваемости. – Родственники очень недовольны. Это вторжение в личную жизнь.

– Но, полагаю, самим-то завещанием они довольны. Кроме, осмелюсь заметить, моего дорогого друга Корнелиуса Джеремии.

По условиям завещания, которое днем ранее было зачитано мужчинам, многочисленные (по большей части довольно скромные) суммы были оставлены в наследство Фрэнки, сестрам, дочерям Командора и некоторым другим лицам. Внукам он завещал более щедрые суммы – гораздо более щедрые, чем того ожидали: по предварительным оценкам, Корнель получил пять миллионов долларов в акциях, Уильям, Фредерик и Джордж унаследовали по два миллиона. Уильям получил два миллиона. Два миллиона! Альва не позволяла себе даже представлять эту цифру, настолько неправдоподобной она казалась.

Дядюшке Си-Джею Командор выделил всего две тысячи долларов и поручителя, чтобы тот не потратил все деньги одним махом. Остальные средства, баснословные девяносто миллионов долларов, отошли в личное распоряжение свекра Альвы. Говорили, что, узнав об этом, он склонил голову и заплакал.

Мистер Макаллистер заметил:

– Что касается доли вашего свекра – он унаследовал больше денег, чем имеется в казне Соединенных Штатов. – В его голосе послышалось такое благоговение, словно речь шла об ангелах, спустившихся на землю.

– Просто невероятно, не так ли? Хотя я уверена, многие считают такое количество денег хамством.

– Некоторые из наших друзей погрязли в своем аскетическом прошлом. Но времена меняются. Я очень хорошо помню, как еще двадцать лет назад, в разгар золотой лихорадки, даже один миллион долларов казался настолько потрясающим явлением, что газетчики печатали слово «миллионер» в кавычках. А Командор скопил сотню миллионов – должен заметить, что эта сумма в несколько раз превышает состояние моего дорогого друга, супруга Кэролайн, который входит в число самых богатых людей в истории страны. Хамство? Хотелось бы мне научиться такому хамству!

– Дядюшка Си-Джей считает, что с ним поступили несправедливо, и хочет отсудить у моего свекра большую сумму. В газетах об этом пока не пишут, но, как только они все разнюхают, семейство вновь попадет на первые полосы.

– Вот оно что. Но ведь с ним и правда обошлись несправедливо, не находите?

– Да, конечно, несправедливо.

– Но на наследстве вашего мужа это не отразится. Почему же вы переживаете?

– Газетчики. Шпионы. Как далеко они пойдут, чтобы раздобыть «новостей»? Насколько пострадает семейная репутация? У вас есть знакомые повсюду – вы сможете убедить их не печатать слухи о нас?

С болью в голосе мистер Макаллистер ответил:

– Ах, если бы я имел такую возможность! Боюсь, когда дело касается возможности заработать, прессу можно сравнить лишь с поездом без тормозов. Конечно, все члены семьи должны опровергать любую клевету. Но в целом вам остается только надеяться, что господа Вандербильты сумеют быстро решить этот вопрос.

– Вы раньше участвовали в тяжбах и знакомы с обоими. Как думаете – у них получится решить все быстро?

Мистер Макаллистер печально усмехнулся, и Альва вздохнула:

– Именно этого я и боюсь.

– Милая, не падайте духом – это все, что вы сейчас можете сделать. И обязательно вложите часть своих денег во что-нибудь общественно значимое.

Альва решила посетить встречу Общества поддержки работающих детей, к которому недавно примкнула Армида. Дамы собирались раз в месяц в доме президента Общества – мисс Аннализы Бикман, представительницы коренного нью-йоркского семейства. Ее глаза, волосы и кожа были настолько бледными, что она почти сливалась с белыми гардинами и обоями. В кабинете, выходявшем окнами на Десятую улицу, кроме нее, находилось еще около десятка юных леди. Среди них – и Лидия Рузвельт, которая, взглянув на фигуру Альвы, заявила:

– Вот это да, миссис Вандербильт, кто бы мог предположить, что вы здесь появитесь!

– Я очень переживаю за этих детей. Когда сестра сообщила мне о встрече, я решила прийти.

– Как благородно с вашей стороны. Примите мои соболезнования в связи со смертью деда вашего мужа. Кто мог представить, что он настолько богат? Конечно, это дает вам возможность заняться благотворительностью – что, разумеется, принесет нашему делу только пользу.

– Вы хотели сказать – принесет пользу детям, – поправила Альва.

– Да, именно.

– Именно. И прошу вас не забывать, что благотворительностью я занимаюсь уже много лет.

– Дамы, начнем собрание, – раздался голос мисс Бикман.

– Прошу прощения за опоздание, – сказала Армида, торопливо войдя в комнату. С ней была незнакомая Альве девушка. – Разрешите представить вам мисс Мэйбл Крэйн. Она приехала из Сан-Франциско, что в Калифорнии, и ей не терпится заняться добрыми делами.

Все вежливо улыбнулись. Мисс Бикман заметила:

– Калифорния, говорите? Это неблизко...

– Да, мы и в самом деле очень долго добирались, – подтвердила мисс Крэйн.

Симпатичная, хорошо одетая, однако сильно отличающаяся от всех, кто был в комнате, своей золотистой кожей и веснушками на щеках. Волосы убраны не так строго. Платье не хуже, чем у прочих, но Альва почувствовала, что деньги, за которые оно было куплено, появились у семьи не так давно.

– И надолго вы остановились в нашем городе? – осведомилась мисс Рузвельт.

– Да, теперь я буду жить здесь. Отец купил дом на Парк-Авеню, недалеко от Сороковой улицы. Насколько я понимаю, это хороший район?

– Многие из приезжих селятся там, – ответила мисс Рузвельт. – Но большинство из нас живет здесь, в районе, где обосновались семьи первых нью-йоркцев.

Альва решила вмешаться:

– Спасибо, мисс Рузвельт, за урок истории.

Армида и мисс Крэйн присоединились к уже сидевшим, и разволновавшаяся мисс Бикман сказала:

– Мы как раз хотели начать собрание, поэтому я продолжу.

– Да, просим вас, – кивнула Альва. – Я думаю, нам всем хочется поскорее заняться делом.

Мисс Бикман изложила повестку собрания. Первым в списке значился отчет секретаря общества о том, что было сделано на предыдущем собрании. За ним последовал еще один отчет о том, какие мероприятия были проведены обществом в течение последних недель, а также месяцев. Альве все тяжелее становилось удерживать внимание на происходящем – спина болела, малыш продолжал толкать ее под ребра, а отчеты были беспросветно тоскливы.

– Простите, что перебиваю, – наконец не выдержала она. – Я хотела бы удостовериться, что правильно поняла, чем вы занимаетесь. Из того, что я сейчас услышала, следует, что вы собираете деньги с помощью благотворительных чаепитий и приемов, после чего общество выписывает чек на имя одного из учреждений, помогающих детям.

– Да, совершенно верно, – подтвердила мисс Бикман.

– А сколько мест их работы вы видели воочию? Вы посещали фабрики? Как насчет больниц или домов, в которых живут дети-калеки? Я не собираюсь критиковать подобные учреждения, но откуда вы знаете, на что именно идут ваши деньги?

– Неужели вы забыли нашу поездку в трущобы? Я всем рассказала о ней. Никто из нас не станет ездить в такие места, – заявила мисс Рузвельт.

– Она сказала, что это просто ужасно, – подтвердила мисс Бикман. – Увидеть мертвую девушку...

– Мисс Рузвельт не видела мертвую девушку, она...

– Мы предпочитаем не рисковать, – перебила мисс Рузвельт. – Поэтому просто посылаем им деньги.

Альва улыбнулась:

– Конечно, это похвально. Но риск все же есть – ваши усилия могут оказаться бесполезными, – продолжила она, обращаясь ко всем. – Я считаю, нам необходимо своими глазами увидеть, в чем нуждаются дети, после чего выделять деньги именно на них, а также получать подтверждение того, как они были использованы. Вы ведь читаете газеты – часто деньги оказываются в карманах мошенников.

Предлагаю съездить в город завтра в первой половине дня. Мы посетим больницы и узнаем, чего не хватает детям в первую очередь.

– Отличная идея, – подхватила мисс Крэйн. – Так мы будем знать наверняка, кому достались деньги.

Мисс Рузвельт выпрямилась в своем кресле.

– Мисс Бикман, насколько я вижу, между нашими взглядами и взглядами тех, кто желает стать членами нашего Общества – огромная пропасть. Чтобы избежать конфликта, который может нанести совершенно неоправданный ущерб нашим занятиям благотворительностью, я предлагаю этим леди создать свое собственное общество, отдельное от нашего.

– То есть вы отказываетесь принять меня в члены общества? – уточнила Альва.

– Вас, мисс Крэйн и всех остальных, кто предпочитает ваши методы. Все за?

– Кто-то должен поддержать ваше предложение, – заметила секретарь.

– Я поддерживаю, – сказала одна из девушек.

– Все за? – повторила Лидия, глядя Альве в глаза и поднимая руку. Вставая, Альва тоже подняла руку.

– Поддерживаю целиком и полностью.

Следующим утром Альва, Армида, мисс Крэйн и младшие сестры Альвы прибыли в Благотворительный госпиталь на остров Блэкуэлла, ставший их первым пунктом в череде медицинских учреждений Нью-Йорка. Избегая только отделений, где лежали заключенные или люди с заразными заболеваниями, они смогли увидеть детей, которые потеряли руки, ноги, глаза. Детей, которые плакали из-за того, что больше не могут работать. Детей, которые безучастно смотрели на замызганные стены и ни на что не реагировали. Девушки поговорили с врачами и медсестрами о том, как помочь этим детям, и занесли все необходимое в список.

Вечером в салоне Дженни подводила итоги, пока Альва разливала вино по бокалам. Они ужасно устали от всего, что увидели за день, физически и морально.

Джулия призналась:

– Утром мне не хотелось никуда идти, но сейчас я рада, что не осталась дома. Мы ведь едва не попали в такое же положение. Я не говорю о болезнях – но мы могли стать такими же бедными! Если бы Альва не вышла за Уильяма...

– До того, как папочка нашел золото и начал строить гостиницы, мы жили в хижине на две комнаты и у нас не было даже водопровода. Мне тоже пришлось поработать – я выкапывала камни там, где в городе собирались класть тротуар.

Дженни выпила вино залпом и протянула бокал Альве за добавкой.

– Не волнуйся, следующий я выпью медленнее.

– Понятно, почему мисс Рузвельт и остальные придерживаются своего подхода, – заметила Армида.

– Да, это очевидно, – ответила Альва. – Завтра утром я составлю список фабрик, на которые нам надо заехать на следующей неделе.

Глава 9

Экономика страны была на подъеме, и два миллиона Уильяма быстро превратились в три. Став обладателем такого состояния, Уильям, который до смерти Командора имел в своем распоряжении только то, что называл жалованьем – по сути, карманные деньги, – совершил несколько актов благотворительности, которые газеты осветили вместе с деятельностью его брата, однако главным образом посвятил себя покупке новых вещей. Альва с восхищением наблюдала, как он заказывал новый хрусталь в Женеве, отправлялся в магазин Мэтью Рока и покупал там дюжину новых костюмов, три пальто, два плаща, шляпы всех фасонов, мягчайшие перчатки из лайки и пекари, многочисленные рубашки, а также запонки и пуговицы всех мастей. Он ездил к скорняку и возвращался домой с бобровыми накидками для ног, покрывалами из шиншиллы, шубой из лисы для себя, норковой пелериной и муфтой для Альвы и прелестным белым одеялом из кролика для будущего малыша. Вспомнив, что в одной из французских гостиниц он спал на невероятно гладком белье, Уильям попросил Альву узнать, где такое производят, и купить несколько наборов для их спален. Пока она наводила справки среди знакомых и писала хозяевам гостиниц, он провел большую часть февраля, разъезжая вместе со своим другом Оливером Белмонтом по конным заводам Юга, обещая вернуться к рождению ребенка. А если он купит лошадей, ему нужно будет также приобрести землю с охотничьими угодьями и, возможно, треком для скачек. Еще он подумывал о яхте. У него было очень много дел.

Однажды ночью Альва лежала в своей розово-полосатой спальне, сложив руки на возвышавшемся животе. Сон не шел, и она решила подсчитать, на что хватит трех миллионов долларов (и еще немного).

На содержание сестер: три сотни долларов в месяц – итого десять тысяч месяцев. Восемьсот тридцать три года. Конечно, все деньги им не отойдут. Но ведь и жить они будут не вечно.

Жалованье Мэри, которое она повысила до тринадцати долларов в неделю: больше двухсот тридцати тысяч недель (хотя, конечно, ей нужно будет повысить его еще раз до конца этого срока).

Один миллион пятьсот тысяч пар туфель (два доллара за пару) – новую пару можно надевать каждый день на протяжении четырех тысяч ста девяти лет. Хотя сейчас Альву туфли не особенно интересовали – ноги ужасно опухали, ходить, да что уж там, даже стоять не хотелось.

Она может купить совершенно любое платье, повозку, лошадь, птицу, собаку или жирафа – даже гиппопотама (хотя сама же и запретила их заводить).

Альва могла бы построить новые чистые и безопасные дома для молодых незамужних женщин. Больше заботиться о детях. Искать способы улучшить жизни тех, у кого не было мужа-миллионера. Ей очень хотелось это сделать.

Малыш, который растет внутри ее, ее будущее дитя, проведет всю свою жизнь в комфорте. Он или она не будет ни в чем нуждаться. Никогда не испытает чувства голода. Эта мысль Альву успокоила.

Вернувшись в постель, она стала думать о том, каким образом наследство может укрепить их положение в обществе. Лидия Рузвельт заявила, что Альве не удастся купить себе место в высшем обществе. Что ж, если в это общество входят Лидия Рузвельт и ей подобные, Альва и бесплатно не желает ему принадлежать. Разве что придется наблюдать, как ее родственники лишаются привилегий без какой-либо причины, исключительно по прихоти особ вроде Лидии Рузвельт и Кэролайн Астор, которым непременно нужно чувствовать свое превосходство.

Альве очень хотелось лишиться вышеназванных особ сомнительного удовольствия – только ради одного этого стоило попытаться войти в их круг.

Второго марта Альве уже было не до общества. В своей розовой спальне она кричала от приступов мучительной боли – начались роды. Уильям поначалу ждал внизу, но потом, как ей сообщили, ретировался в клуб, чтобы дожидаться вестей в покое. Альва думала о смерти – своей, ребенка, а возможно, и обоих.

– Почему мне так больно? – взывала она, ища ответа у доктора. Этот суровый человек в нарукавниках и тяжелом белом фартуке раздражал ее. Ей были отвратительны его волосатые уши, его

патрицианский нос. Его глаза, похожие на бусины. На среднем пальце правой руки он носил крупный золотой перстень-печатку. – Я не уверена, что смогу это сделать.

– Миссис Вандербильт, женщины рожают детей испокон веков. Уверяю, с вами все будет в порядке.

– Женщины еще и умирают в родах испокон веков, – процедила она сквозь зубы, чувствуя, как ее захлестывает новая волна боли. – В чем смысл ста миллионов долларов, если они не могут избавить от боли.

– Думаю, пора воспользоваться хлороформом.

– Нет! Я сказала, что не буду его принимать.

– Даже королеве Виктории давали наркоз при родах. Вы не думаете, что заслуживаете того же?

Заслуживала Альва хлороформа или нет, однако мыслей о том, что она будет лежать без сознания, а руки этого совершенно постороннего человека коснутся самых интимных частей ее тела, она вынести не могла... Не говоря уже о блестящих стальных щипцах, которые он положил на прикроватный столик. Их назначение было совершенно ясным. Она не позволит извлечь своего ребенка при помощи устройства, похожего на механизм для пыток. А что, если она не сможет очнуться после наркоза?

– Вот так, – произнес доктор, закрывая рот и нос Альвы маской. Она сдвинула ее на сторону. Тогда он приказал сестре держать ее запястья и вернул маску на место со словами: – Вы же не хотите, чтобы я сообщил вашему мужу о том, какая вы несговорчивая. Просто не шевелитесь. Когда вы проснетесь, все будет позади.

Альва лежала на спине, руки закинута за голову – все попытки освободиться были тщетными. Доктор поднес к ее голове пипетку с раствором, и она задержала дыхание.

Он пропитал маску хлороформом со словами:

– Не занимайтесь глупостями. Вы должны дышать, иначе подвергнете опасности жизнь ребенка.

Альва не послушалась, продолжая медленно считать про себя, как делала в детстве. Однажды она дошла до ста тридцати семи.

– Рано или поздно вам придется сделать вдох, – напирал доктор, однако на лице его появилось беспокойство. Возможно, он представил, что скажет ее муж, если из-за упертости врача что-то пойдет не так.

В тишине громко тикали каминные часы.

– Доктор, возможно, если она не желает... – подала голос сестра.

Часы продолжали тикать. Наконец он снял с Альвы маску.

– Ладно, если вам так хочется, продолжайте мучиться.

И Альва продолжила мучиться, бороться с каждой новой волной боли, и вскоре произвела на свет нового члена семейства Вандербилт – девочку с темными волосиками, удивленными глазами и губками бантиком. Она была совершенна. Боль? Какая боль? Только посмотрите на это чудо!

Не помня себя от любви к дочери и благодарности за то, что они обе выжили, она попросила у Уильяма разрешения назвать малышку в честь подруги, которая косвенно поспособствовала ее появлению на свет.

– Консуэло? Красивое имя, – одобрил Уильям, стоя у изголовья кровати, в нескольких дюймах от того места, где он посеял семя, из которого появился вот этот сверток в руках его жены. – Какой прекрасный жест. Кстати, о прекрасных жестах... – Он достал из кармана маленькую коробочку и протянул Альве. Внутри оказалось крупное кольцо, усыпанное бриллиантами. – Небольшое вознаграждение за ваши усилия.

– Оно великолепно! Буду носить его с подвеской.

– Надеюсь на это. А в следующий раз я думаю подарить вам изумруд. Вы любите изумруды?

– Люблю... но давайте не будем торопиться.

– Да, конечно... Я совсем не это имел в виду...

Он дотронулся до крохотных пальчиков малышки.

– Ей будет нужен собственный пони, – решил он и умолк, оглядывая розовую комнату. – Знаете, Уильям Уитни сейчас занимается выведением породы на своей ферме Стоуни-Форд. Я все собирался нанести ему визит, посоветоваться о том, как завести собственную ферму. Возможно, я отправлюсь туда сегодня же.

– Сегодня?

– Почему бы и нет? – Уильям указал на малышку. – Я взял выходной ради этого. Мне больше нечего делать сегодня.

Замок Тандраги, Ирландия, 8 марта

Милая Альва!

Надеюсь, читая это письмо, ты будешь находиться в том же положении, что и я, – то есть поправляться после рождения малыша. В моем случае это девятый герцог Манчестер, который родился пять дней назад в Лондоне. Врачи там первоклассные (я отказалась рожать в замке, мне совершенно все равно, сколько Монтегю здесь родилось). Не могу передать, как доволен был Мандевиль, впервые увидев своего сына и наследника (его настоящее имя – Уильям, в честь герцога, но по традиции его зовут Ким). Он сказал мне: «Я правильно поступил, доверив вам свой титул», на что я ответила: «Уверена, папа скажет, что правильно поступил, вложив в вас свои деньги».

Хотя все прошло быстро, мне было ужасно страшно рожать это крохотное существо, чьи вопли сейчас проникают в каждую расселину между камнями замка. Надеюсь, для тебя все проходит (или уже прошло) легче.

Тебе что-нибудь известно о леди Черчилль? Она исчезла из Лондона, ни слова не сказав ни мне, ни кому бы то ни было. Ходят слухи, что у лорда сифилис, и она увезла Уинстона за город.

Не понимаю, почему британцы не последуют примеру французов – они давно обследуют проституток и больных арестовывают. Ты же знаешь, что нужно делать, если появится ранка или сыпь? Не то чтобы я подозревала в чем-то нашего славного Ви-Кея, но он все-таки мужчина.

Как идет битва за завещание Командора? Мандевиль все еще под впечатлением от этой суммы. Кстати, что делает со своими миллионами твой муженек? Расскажи мне, хочу посмотреть, как Мандевиль будет клочкотать от зависти.

Напиши мне обо всем.

Преданная тебе,

леди Си

(Так меня здесь теперь величают. Надеюсь, это прозвище ко мне пристанет).

Нью-Йорк, 20 апреля 1977 года

Милая леди Си! (Раз уж тебе нравится такое обращение.)

Мои поздравления тебе и Мандевилю! Вы, наверное, уже получили наше официальное извещение о рождении ребенка. Я была рада получить твое письмо и узнать, что твои роды тоже прошли без осложнений. Как же хорошо, что в нашем распоряжении есть все современные блага медицины.

Наши дети родились с разницей в один день. Твоя маленькая тезка удивительно спокойная, наблюдательная и невероятно хорошенькая. Я уже почти забыла об ужасах родов и чувствую только благодарность, когда кормлю ее (Элис заявила, что лишь простолюдинки сами кормят своих детей. Разве она не прелесть?). Это невероятное чувство – когда малышка у моей груди, я могу рассмотреть ее всю, не надоедая ей. Ну и крик же она поднимает, если ей что-то не нравится! Впрочем, повод для беспокойства у нее появляется редко – у меня постоянно гостят сестры и свекровь, так что малышка почти все время проводит на руках.

О тяжбе я предпочла бы не говорить – ужасно неприятная тема. Ты спрашиваешь, как Уильям распоряжается своим наследством: он собирается построить арену для развлечений – там будут проводиться боксерские матчи, шоу для заводчиков псов и лошадей элитных пород и так далее. Также он подбирает землю под охотничье поместье на реке Коннеткот в Оукдейле, Лонг-Айленд, а еще под ипподром в районе Кони-Айленда. Помимо этого, он задался целью приобрести паровую яхту, вроде той, что была у Командора. Пару дней назад Корнель поинтересовался, не думает ли он появиться в конторе, на

что Уильям сказал: «Я уверен, что у тебя все под контролем». До чего же они разные.

А я снова впряглась в ярмо «Благих свершений» и основала новое общество. В него входят мои сестры и золовки. Мы собираем средства на загородный дом для детей бедняков – если получится, где-нибудь на побережье. Им так нужен свежий воздух и солнце! В связи с этим я организовала благотворительное весеннее чаепитие в церкви, куда пригласила юных леди из никербокеров, а также остальных достойных девушек города. Билеты раскупают довольно охотно, и говорят об этом мероприятии тоже немало – детям все хотят помочь.

Твое прямое заявление о симптомах заболевания привело меня в замешательство. Я всегда была благодарна за заботу, которую ты ко мне проявляешь, но Уильям никогда не прибегнул бы к услугам подобных женщин. Даже если бы он нуждался в близости чаще – а это совершенно точно не так. Американские джентльмены научились контролировать свои желания так, как иностранцы никогда не были способны. Но это вовсе не значит, что твой супруг ведет себя подобно лорду Черчиллю. И в то же время это не значит, что все влиятельные американцы – джентльмены.

Весь сентябрь мы будем жить в доме с видом на море в Оукдейле. Может быть, ты составишь нам компанию? Я хочу послушать, как живет будущая герцогиня. Ведь ты – редкий экземпляр, учитывая, что в пэрстве всего 27 герцогств. И, скорее всего, единственная леди, которая играет на банджо.

Мне пора заканчивать – нужно еще успеть к новой модистке, а на обед зайдут сестры.

Остаюсь преданная тебе,

Альва

Глава 10

– Если маленькая Консуэло проникнется симпатией к Киму, а он – к ней, ты сможешь выдать ее замуж за герцога! То есть, конечно, будущего герцога, – заявила недавно прибывшая в Нью-Йорк из Европы леди Си.

– Не рановато ли сватать их? – улыбнулась Альва.

– Видит бог – если скорость, с которой его отец тратит деньги, не уменьшится, нам понадобится богатая наследница.

Альва показывала подруге свой дом, который успел подвергнуться значительным изменениям. Прибегнув к услугам декоратора, которого Уорд Макаллистер превозносил так, словно тот развешивал не только шпалеры и драпировки, но также луну и звезды в небесах, Альва сделала все возможное, дабы убранство дома выглядело «на миллион долларов». Для этого она воспользовалась принципом, которым руководствовалась при выборе свадебного платья – благородную простоту. А потому нагромождению разномастных столиков и полочек с безделушками (любой стоимости) и засилью в комнатах французской мебели (любого стиля), ставшими визитной карточкой нуворишей, она предпочла тщательно подобранные мебель и предметы интерьера, изготовленные прекрасными мастерами из прекрасных материалов. Конечно, можно было сделать обстановку еще изысканней, однако не позволял бюджет. К тому же Альва точно знала, что в ее окружении никто не мог похвастаться лучшим домом. Никто, кроме Элис, которая вновь была в положении, что отнюдь не мешало ей распоряжаться всем и вся. У Элис были средства и дом, в котором она имела возможность сделать все гораздо лучше, чем Альва. «Лучше, чем Альва», кажется, стало ее *raison d'être*^[30], важнее которого было разве что произведение на свет новых наследников и наследниц Вандербильтов.

Наблюдая за леди Си, Альва отметила, что подруга изменилась еще больше с их последней встречи. Выглядела она как всегда безукоризненно – шелковистые волосы, гладкое припудренное лицо, стройная фигурка. Однако в характере появилась жесткость, а британский акцент вытеснял кубинский. Консуэло курила одну

сигарету за другой. Взгляд стал каменным. И она без устали критиковала Мандевиля. Наверное, их отношения были уже не такими прекрасными, как поначалу.

Возможно, перемены подобного рода для леди, находящейся в ее положении, не менее естественны, чем появление в городе новых домов. Все менялось. К примеру, благодаря французам на Мэдисонсквер сейчас красовалась тринадцатиметровая бетонная рука, держащая факел, – ее установили, чтобы вдохновить граждан выделить средства на возведение «Свободы» целиком на более подходящем месте. Таков принцип существования – на место или на человека воздействуют определенные силы, и это место или человек меняются в соответствии с ними. Из почвы Манхэттена выросла гигантская рука, леди Си курила сигареты и использовала в речи слово «шлюха», Альва спала в розовой спальне в доме миллионера – при определенных обстоятельствах все становилось возможным.

Следуя за Альвой в детскую, леди Си сказала:

– Я слежу за тем, что пишут в газетах о тяжбе Вандербильтов – даже в Лондоне это громкие новости. Тебе не показалось, что Командор к концу жизни совершенно двинулся умом?

– Ты имеешь в виду его связи со спиритуалистами?

– Я имею в виду сифилис, который...

– Он не был болен сифилисом. Не стоит верить всему, что пишут.

– Но ведь из-за чего-то он двинулся умом, что-то разрушило его изнутри. В газетах опубликовали результаты аутопсии – в его теле не было ни одного здорового органа! Как ты это объяснишь?

– Это нужно спрашивать не у журналистов, а у докторов, – раздраженно ответила Альва.

– Как бы то ни было, Вандербильты теперь у всех на слуху.

– Вопреки моим усилиям.

– А что думает твой муж о том, что его отец может потерять половину наследства? Ведь тогда ему в будущем достанется гораздо меньше.

– Никто об этом не думает.

– Конечно, думает – и ты в том числе.

– Я люблю своего свекра.

Подруги подошли к двери детской.

– Ты будешь любить его еще больше, если он оставит твоему мужу часть не от пятидесяти, а от ста миллионов. Это же касается и моего сына, чей транжира-отец может оставить его без гроша.

– Это правда – о Мандевиле?

Леди Си только махнула рукой.

– Только посмотри на них! – Под присмотром двух молодых нянь среди игрушек на ковре сидели малыши. – Составим брачный договор сейчас или ты хочешь предоставить дочери возможность выбора?

– Конечно, я буду направлять ее интересы и желания в нужное русло. Разве девушка способна сделать правильный выбор самостоятельно?

Леди Си пристально посмотрела на Альву.

– Уж не разочаровалась ли ты в своем выборе?

– Не смей меня. И вообще, Уильяма выбрала не я, а ты.

– Это такая мелочь.

– И в чем же я могу разочароваться? За исключением абсурдного скандала вокруг завещания, моя жизнь идеальна.

– Это ты меня не смей. Жизнь женщины не может быть идеальной. – Леди Си обратилась к юным кормилицам: – Элен, Брин, скажите: вы в кого-нибудь влюблены?

Смущенные девушки обменялись озадаченными взглядами.

– Ну же, признайтесь. Разве не любви ищет каждая современная девушка? Разве не любовь придает жизни остроту?

– Я думала, жизни придает остроту разнообразие, – заметила Альва.

– Нет, этого я уже напробовалась. В разнообразии остроты недостаточно, чтобы почувствовать полное удовлетворение. – Леди Си наклонила голову и спросила Альву: – А ты? В твоей жизни есть любовь?

– Мы можем поговорить об этом в другом месте? – сказала Альва.

Подруга взяла ее за руки.

– Только представь, сколько приключений принесет нам лето!

– Нам с тобой, двум замужним леди? Консуэло, прошу тебя... – вздохнула Альва, выразительно взглянув на девушек.

– Ищете ли вы любви, миссис Вандербильт? Любите ли вы? Это серьезный вопрос. Я хочу знать ответ.

– Сейчас не время...

– Не важно, – проговорила леди Си, отпуская руки Альвы. – Я узнала достаточно.

Альва мысленно возвращалась к этой сцене, лишь только выдавалась спокойная минутка. Как догадалась подруга, нежелание Альвы давать ответ все объясняло: она хотела любить. Хотела – потому, что любви в ее жизни не было. И это расстраивало Альву, как бы она ни старалась скрыть сей факт от самой себя. Даже пытаясь убедить себя, что любовь – вещь ненужная и нежелательная, она продолжала надеяться, что когда-нибудь любовь придет и к ней.

И если желание испытывать любовь было излишним, почему оно не утихало? Юным леди, как правило, давали совершенно неверное определение этого чувства, а все ради того, чтобы они не противились заключению выгодных союзов. Возможно, это и оправдано с прагматической стороны, но как мало внимания уделялось их будущему счастью!

В самой любви нет ничего плохого или неправильного. В первом послании к коринфянам любовь – величайшее из человеческих устремлений. Способность любить отличает человека от животных. Мужчины желают любви не меньше женщин и столь же ранимы, когда дело касается ее проявлений (Уильям – лучшее тому доказательство). И хотя романтические чувства всегда сопровождаются риском выставить себя на посмешище, это вовсе не повод бежать от них как от чумы. Безусловно, стоит остерегаться любви безрассудной. Но к истинной любви должен стремиться каждый человек.

Что, если, подождав чуть больше, она бы встретила мужчину не только состоятельного и уважаемого, но также способного пробудить в ней истинную любовь и любить ее в ответ? Альву пугала мысль, что она ошиблась, выйдя замуж за Уильяма. Что, если их брак и вправду был ошибкой?

К сожалению, как можно исправить такую ошибку, Альва не знала.

Они прожили на Лонг-Айленде целый месяц. Уильям днями охотился за землей (для постройки дома), перепелами (пешком, для ужина) и лисами (с лошадьми и гончими, для развлечения). Альва выполняла роль хозяйки поместья, которое они сняли, – выходящий на

морскую бухту просторный особняк в стиле Тюдоров, окруженный сорока акрами ухоженных земель, – излюбленное место охотников, состоятельных молодых людей, приезжающих сюда в сопровождении юных жен или сестер. Альва тоже пригласила Дженни по просьбе леди Си, а точнее, ее брата Фернандо, который вернулся из Нового Орлеана. Альве нравилось думать, что Лонг-Айленд может стать местом, где зародятся чувства – каждый день от этого наполняла тихая радость предвкушения.

По утрам в комнате для завтрака выставляли всевозможные закуски, чтобы гости могли неспешно насладиться едой независимо от своего времени пробуждения и гастрономических привычек. Второй завтрак накрывался для леди, он растягивался на два часа и заканчивался двухчасовым же дневным сном. Время чая наступало около четырех, хотя сам чай подавали редко – если было прохладно, пили «Лэмбсвул» и «Блю Блэйзер», когда выдавались теплые дни – смэш и коблер. К чему откладывать веселье. Ужин начинался в девять и продолжался до глубокой ночи.

Разговоры текли рекой – перепела, ружья, лошади, дома... Как-то вечером Уильям объявил, что наконец нашел идеальный участок для дома и даже выбрал архитектора, с которым познакомился в клубе. На следующий день он без умолку твердил о разведении чистокровных лошадей.

Гончие, игры в поло, скачки, устрицы – устриц обсуждали невероятно много.

Однажды поздно вечером все собрались на террасе. Факелы отбрасывали тени на лужайку и раскинувшийся внизу каменистый пляж. Внезапно все стали говорить об устрицах – где выращивают самых лучших (в Бостоне? здесь? в Голуэе? в Нормандии?), как их готовить (на пару? в панировке? с маслом? с соусом?), как не купить плохие устрицы, особенно за границей, и так далее...

Слушая вполуха беседу и мелодию, которую лениво наигрывала на банджо леди Си, Альва любовалась зрелищем: мощенное камнем патио, добротная мебель с мягкими по-душками из дамаста, хрустальные бокалы в руках гостей, итальянское вино из погреба.

«Посмотрите на меня, я миллионерша, – думала Альва. – То есть жена миллионера».

«Вот она – жизнь сыновей, жен и дочерей миллионеров. К чему любить мужчину, если у тебя и так есть его деньги?»

«До чего же бесподобное вино».

Вслух же она мечтательно проговорила:

– Мне как-то довелось отведать нежнейших французских устриц с озера То... В Париже, до падения Луи-Наполеона. Помнишь, Дженни?

Дженни оживленно беседовала с Фернандо на дальнем конце террасы, и устрицы их совершенно не интересовали.

– Они были приготовлены в вине? – уточнил Уильям, прилегший возле Альвы в шезлонге. – Я пробовал их в Женеве – необыкновенно вкусно.

Сидевший в соседнем кресле Оливер Белмонт спросил:

– Альва, как вы считаете, попытка Коммуны взять власть в свои руки была оправданной?

Уильям рассмеялся.

– Право, какое отношение это имеет к устрицам?

– Это имеет отношение к Франции, – возразил Оливер. – Ваша жена говорила о Франции.

– Но она говорила о французских устрицах, а не о французских коммунистах.

– Что устрицы, что коммунисты, – махнула рукой леди Си и продолжила играть на банджо.

Теперь мелодия отдаленно напоминала какую-то французскую элегию.

– Оливер, напомните, сколько вам лет? – поинтересовалась Альва.

– Девятнадцать.

– Вы уже практически взрослый! Что вам известно о Коммуне?

Уильям встал из шезлонга.

– Куда запропастилась служанка? Кому налить еще вина?

– Я знаю совсем немного, – признался Оливер. – Потому и хочу узнать ваше мнение.

Уильям ушел с террасы, и Оливер присел на край шезлонга Альвы. Довольно дерзко с его стороны, принимая во внимание, как мало они знакомы. Однако смотреть на него было приятно, и пахло от него великолепно.

Оливер продолжил:

– Я думаю – и в этом я с ними согласен, – что пролетариат имеет право влиять на государственное управление. Демократическая политика нашей страны гораздо более эффективна, чем эта наполеоновская...

– Да, конечно, наша политика лучше. Если вы мужчина, – перебила Альва. – Для моего пола особой разницы между Америкой, Францией или, скажем, Англией нет – то, чем нам позволено или запрещено заниматься, определяют мужчины. А женщины между тем заслуживают права голоса. Что вы думаете по этому поводу?

Леди Си прекратила играть и взмолилась:

– Бога ради, перестань так много думать!

– Позволь мужчине ответить на этот вопрос.

– Да, позвольте мне ответить, пока у меня есть такая возможность, когда Вандербилт принесет еще вина, я уже не смогу отдавать себе отчет в своих мыслях, не говоря уже о словах.

Леди Си усмехнулась:

– А мне нравится безотчетность в мужчинах.

– И все же вот мой ответ на ваш вопрос. В целом я согласен с вашими словами. Почему право голоса получают черные мужчины, в то время как белые женщины остаются в стороне? И все же, женщины в основном хотят голосовать за запрет алкогольных напитков, а этого я поддержать не могу. Я признаю, что существуют и весьма благоразумные представительницы вашего пола. – Он приблизил свой бокал к бокалу Альвы. – Но они в меньшинстве.

– Ах так, зато каждый первый мужчина в нашей так называемой республике, по вашему мнению, благо-ра-зуме-н?

В середине разговора к ним подошел Август Белмонт и присел на колени к брату.

– Хватит! – заявил Август. – Я запрещаю вам говорить о политике.

Оливер толкнул брата на землю:

– Если ты не в курсе, кроме скачек и охоты, существует еще целый мир.

Август приложил ладонь к глазам козырьком и поинтересовался:

– Какой мир? Где он?

Альва обратилась к Оливеру:

– Август предпочел бы, чтобы мы обсуждали, сколько хэндов в футе?^[31]

Оливер рассмеялся:

– Лошадиная шутка!

– Или, скажем... сколько локтей в поле для игры в поло...

– Зависит от количества игроков, – подхватил Оливер.

– Совершенно верно!

Они смотрели друг на друга сияющими глазами. В последний раз так весело ей было задолго до свадьбы, и уж точно не с мужчиной! Голосовать за запрет алкоголя? Ни за что в жизни.

Август сказал:

– Я бы предпочел обсудить свою кобылу, которая на утренней охоте меня сильно подвела только потому, что была не в настроении. Что часто случается с дамами. Ах, кажется, мы сейчас снова вернемся к вопросу о праве голоса... – Он вскочил на ноги. – Леди Мандевиль, сыграйте же нам что-нибудь веселое!

Оливер улыбнулся Альве:

– Продолжение следует.

– Надеюсь на это.

Когда Альва уходила с террасы, Уильям спал в шезлонге, не слыша разговоров, которыми все еще наполнилась ночь. Дженни, которая тоже собралась к себе, остановила ее и прошептала:

– Кажется, я вскоре сменю фамилию на Изнага!

– Он сделал тебе предложение?

Дженни кивнула:

– Мы обо всем договорились. Ты не против? Вы с Армидой нас благословите?

– Я и не мечтала о таком прекрасном решении. – Альва поцеловала сестру. – Армида тоже будет рада. Это очень хорошо для нас всех.

Пошатываясь, она поднялась в свою комнату. Не поднимая с постели Мэри, она разделась самостоятельно – сбросила блузку, юбку, распустила волосы и забралась в постель. Как прекрасна эта симпатия между Дженни и Фернандо. Как прекрасна любовь...

Альва задула свечу. На стенах плясали легкие отблески факелов, горевших снаружи – там, где Оливер Белмонт до сих пор беседовал с невероятно бестолковым, по мнению Альвы, молодым человеком. Хотя, возможно, на ее суждение повлияло то, каким обаятельным ей казался Оливер. Притягательным. Она почувствовала тепло внутри –

оно появилось в ответ на их легкий флирт и пробудило в ней желание скользнуть ладонью вниз по животу, к этому загадочному месту...

Мать сильно ошибалась. Если бы Бог не хотел, чтобы женщины могли доставлять себе наслаждение, он сделал бы их руки короче.

Новоиспеченная пара объявила новость после завтрака. Леди Си, сидевшая рядом с Альвой, заметила:

– Между прочим, это значит, что мы станем сестрами по крови, а не только по духу.

Альва сжала ее руку:

– Как ты думаешь, он ей подходит? Прости – я лишь делаю то, что должен был бы делать наш отец. Чем планирует заниматься Фернандо?

– Надеется устроиться на службу к Уильяму, уже поговорил с ним об этом.

– Значит, серьезной работе он предпочел развлечения... Что ж. Они с Дженни души друг в друге не чают, это наверняка.

– Он очень страстно относится к своим увлечениям.

– Похоже на предупреждение.

– Ты думаешь? Мне просто кажется, что она такая кроткая и нежная... – Консуэло накрыла ладонью руку Альвы. – Мы станем приглядывать за ними, и все будет хорошо.

Уильям пригласил Альву и всех гостей на конную прогулку – посмотреть участок, который он выбрал под летнюю резиденцию: девять сотен акров земли на границе с Великим южным заливом реки Коннеткот. Оседлав лошадей, компания выдвинулась «покорять дикие просторы Лонг-Айленда», как выразился Уильям. Погода стояла чудная, лошади неторопливо ступали по лесам и вдоль потоков, испугивая оленей, сов и даже черную медведицу, которая, завидев людей, заставила своих медвежат забраться на дерево. Ветерок принес аромат жимолости. Жалея о том, что прошлой ночью позволила себе лишнего, Альва закрыла глаза, и на веках заиграли солнечные зайчики. В такие моменты легко забыть, что в твоей жизни когда-то были голод, холод, смерть или страсть. Страсть в особенности достойна забвения.

Ты что, животное?

Когда они выехали на прогалину, Уильям сообщил:

– Вот и добрались. Это место я выбрал. Проектированием дома займется Ричард Хант. Представьте себе: охотничье поместье в

староанглийском стиле прямо на этом холме.

– Огромный особняк, увитый плющом, деревянные балки и так далее?

– Бочонки виски в подвале, – добавил Уильям, согласно кивая.

– Мушкетеры! – предложил Август.

– Мушкетеры? Друг мой, мы стоим на пороге двадцатого века!

– Вы же сказали, в староанглийском стиле, – я решил, вы будете стремиться к достоверности.

– До нее мне дела нет – я приверженец современного староанглийского стиля. Я построю самое современное староанглийское поместье, какое можно купить за деньги!

По дороге решили заехать в Оукдейл, английское поселение, основанное еще в 1600-х; судя по тому, что они увидели, в нем мало что изменилось с тех времен.

Минуя ветхую церковь, Альва обратилась к Уильяму:

– Если мы будем здесь жить, нам потребуется достойное место для молитв. Вы согласны?

– Надеюсь, здесь есть что-нибудь, кроме этого хлева, – заметила леди Си.

– Я согласен. Можно попросить Ханта построить тут новую церковь.

Альва внимательно осмотрела здание.

– У меня есть предложение: я разработаю план вместе с мистером Хантом и главой церкви, и мы построим ее за свой счет. Так мы окажем добрую услугу горожанам и одновременно достигнем своих целей. Я могу подумать над проектом.

– Вы? – удивился Уильям.

– Я люблю архитектуру. В детстве я все время строила дома из палок и книг. Можете смело поручить мне это дело. И дом тоже, если хотите. Обещаю, что вам не придется больше думать о нем, пока не настанет время переезда.

– Думать не придется, только платить, – усмехнулась Консуэло.

– Ну что, договорились? – спросила Альва мужа.

– Я сомневаюсь, что Хант захочет, чтобы вы вмешивались в его работу...

Из-за его спины раздался голос Оливера:

– Но вы же не станете самостоятельно заниматься этими вопросами. Вы хотите не строить дом, а владеть им, разве я не прав?

– Правы, – ответил Уильям, рассмеявшись.

– Тогда почему бы не поручить это мне? – резюмировала Альва.

– Если это занятие вам и вправду интересно – поручаю!

– Нет ничего лучше занятой жены. Мандевиль всегда так говорит, – отозвалась леди Си.

Оливер пустил свою лошадь за лошадью Альвы. Она почувствовала терпкий запах его лосьона. Заметила, с какой уверенностью его длинные пальцы держат поводья. К его рукаву пристала сосновая иголка, и Альве захотелось наклониться и снять ее. Что значит это желание поухаживать за ним? Альва сразу поняла – оно не имеет ничего общего с материнским инстинктом, и порозовела.

– Уверен, вы прекрасно справитесь с этой задачей, – сказал Оливер.

– Разве в этом можно усомниться? – откликнулась леди Си. – Альва неудержима. А в Оукдейле никогда не видели таких средств, какими располагают Вандербильты. Если их не тратить на великолепные вещи, в них нет смысла.

– Это говорит леди, живущая в замке, – съязвил Уильям.

Предпочитая быть неукротимой, а не возбужденной, Альва отбросила мысли об Оливере Белмонте и стала представлять, как ее сестра выйдет за брата Консуэло, объединив семьи, которые и без того были очень близки. Еще она думала о доме, который они с Уильямом здесь построят, а также о далеком будущем, когда Уильям унаследует средства его отца. Мистер Вандербильт упомянул, что не возложит всю ответственность, связанную с таким невероятным состоянием, на одного из сыновей. Растущую день ото дня сумму он собирался разделить между всеми своими детьми. Но Альва не хотела торопить время. Своего свекра она обожала. И все же, как недвусмысленно намекнула подруга, это время придет.

– Я помогу построить дом и церковь – и однажды я построю замок. Я ведь могу делать то, что мне хочется?

Ее второй акт

*Настал твой черед,
Ты ждал, ты был терпелив.
Время пришло,
Мы очистим тебя.
И жемчужина, что ты хранишь,
Превратится в огненный дом.*

Руми [\[32\]](#).

Глава 1

Альва стояла вместе с Ричардом Хантом у алтаря в новом здании Епископальной церкви Святого Марка в Оукдейле. Строительство церкви едва закончили, и в лучах солнца еще золотилась пыль опилок.

Альве чрезвычайно понравилось заниматься строительством церкви и летней резиденции – идеальное для нее занятие. За это время она успела произвести на свет еще одного ребенка – на сей раз мальчика, которого назвали в честь отца (тот сдержал свое обещание и осыпал супругу изумрудами – в числе коих было кольцо с камнем таких размеров, что Альва тут же окрестила его «Полянка»). Она была ужасно занята, слишком занята, чтобы отвлекаться на фривольные мысли. За все месяцы, ушедшие на планирование и постройку зданий, она едва ли хоть раз вспомнила об Оливере Белмонте. И с чего бы ей о нем думать? Он – всего лишь наполовину сформировавшийся мужчина, любитель пофлиртовать, он даже не ее друг, а друг ее мужа. Почему же сейчас Альва думает о нем? Не выпалась, вот и все – у малыша резались зубки, и успокаивался он только у мамы на груди. Просто новое материнство немного выбило ее из привычной колеи.

– Когда здесь все как следует обустроят, место будет очень даже неплохое. Хотя я все равно считаю, что усадьба получилась лучше, – сказал Ричард.

– Для вас – может быть, но не для меня. Ведь вы строили дом по вкусу моего мужа.

– Принимая многие из ваших предложений.

– Согласитесь, это не то же самое. Разве не получаете вы гораздо больше удовольствия, когда строите только по собственному проекту, не подчиняясь требованиям заказчика?

– Боюсь, такого со мной еще не случилось.

Ричард Хант был мужчиной среднего возраста, небольшого роста и чрезвычайно деятельный. Темноглазый и темноволосый, с косматыми усами, которые делали его чуть похожим на безумного гения. Образование он получил во Франции, став первым американским архитектором, который учился в парижской Школе изящных искусств. Одного только этого было бы достаточно, чтобы

завоевать уважение Альвы. А вот ее симпатию и даже восхищение Ричард Хант приобрел благодаря той легкости, с которой позволил ей поработать вместе с ним над строительством церкви. Он стал ей настоящим другом.

– Погодите, неужели вы не построили ни единого дома по собственному проекту? Просто неслыханно! У вас недостаточно заказов или же вам предлагают недостаточную плату?

– Видите ли, особенность сферы, в которой я занят, – высокая степень конкуренции. Зачастую лучшие проекты достаются другим фирмам.

– Какие, например? – спросила Альва, представляя себе грандиозные здания вроде Лувра или, если говорить о Нью-Йорке, хотя бы нового Метрополитен-музея – его проектировал Калверт Вокс, который вместе с Фредериком Ло Олмстедом создал Центральный парк.

На проектирование парка Ричард тоже подавал заявку, однако не смог пробиться. Хотя он редко об этом упоминал, Альва знала – это сильно его ранило. Он заслуживал большего.

– Как ни странно, лучше всего сейчас работать над городскими особняками. Они дают больше свободы – в плане дохода в том числе. Те, кто заказывает такие постройки, хотят, чтобы их дом был самым роскошным, а потому им даже нравится, когда архитекторы называют заоблачные суммы. Я потерял несколько подобных заказов из-за того, что занизил стоимость.

– Говоря об особняках, вы имеете в виду что-то вроде особняка мисс Стюарт?

Беломраморный дворец Стюарта^[33] возвышался напротив облицованного обычным песчаником дома Кэролайн Астор. Ходили слухи, что в особняке обитает привидение бывшего «короля» – того сперва подкосила какая-то необычно тяжелая простуда, а потом его тело похитили из могилы. Миссис Стюарт была уверена, что призрак бродит по длинным темным коридорам и не может или не желает принять вечный покой. Некоторые утверждали, что она выжила из ума, однако, по мнению Альвы, рассказ о призраке не так уж и неправдоподобен – люди вроде мистера Стюарта никогда не отдыхают при жизни. С чего бы им изменять своим привычкам после смерти?

– Да, вроде особняка Стюарта и многих других, гораздо более изысканных строений. Тиффани, Рокфеллер, Ленокс – все скупают земли к востоку от Центрального парка, где я как раз недавно закончил работу над Библиотекой Ленокса. Так что окраины уже давно перестали быть глухоманью.

Ричард и Альва вышли из церкви и отправились в новый дом, который Уильям окрестил «Часы досуга». Дом получился практически таким, каким он себе его и представлял: в тюдоровском стиле, напоминающим снаружи старинные охотничьи поместья, внутри же оснащенный всеми современными удобствами. Имелись там горячая и холодная вода, газовый генератор и бойлер, который подавал тепло во все комнаты – невероятный прогресс в сравнении с угольным отоплением. Интерьеры просторные и вместе с тем теплые и уютные. Альва с Ричардом отлично справились.

Но что же ей делать дальше? В буднях леди остается так много незаполненного времени! Конечно, ей необходимо уделять внимание детям, званым обедам и собраниям общества, только этого недостаточно для ее деятельного ума. Она нуждается в сложных проектах, преодолении трудностей, решении проблем. Праздность ума очень быстро сделает ее легкомысленной и несерьезной, и она опять станет жертвой ненужных фантазий (об Оливере Белмонте, к примеру – «Боже мой, ну почему я снова о нем думаю?»), и кто знает, к чему это может привести? Праздный ум или праздные руки – дьяволу все равно.

Пока повозка пересчитывала ухабы (популярностью эта дорога, по всей видимости, не пользовалась), Альва решила продолжить беседу с Ричардом:

– Вы говорили о людях, оставляющих свой отпечаток на облике города.

– Я вас слушаю.

– Моему свекру наконец удалось покончить с тяжбой по завещанию Командора...

– Да, я прочел об этом в «Таймс». Ваш дядюшка удовлетворился миллионом?

– По всей видимости, да. Для него важнее посадить мистера Вандербильта в лужу, чем разбогатеть. Мы рады, что все уже позади.

Так вот, я думаю, что Нью-Йорк должен посмотреть на Вандербильтов с другой стороны. Увидеть их новое лицо.

«Взмахни палочкой, произнеси заклинание».

В конце весны Манхэттен заволокла тяжелая влажность, в воздухе висела копоть, ароматы, царившие на улицах города, были настолько деревенскими, что воспитание не позволило даже упомянуть о них ни одному из Вандербильтов, собравшихся на семейный ужин в честь благополучно разрешившейся тяжбы. Окна миссис Вандербильт открывать запретила.

Дождаясь, пока соберутся все братья и сестры Уильяма, Альва, на минуту оставшаяся в комнате одна, достала из рукава свиток бумаги и положила рядом с собой. Она внимательно рассмотрела картины, которые выбрал для гостиной ее свекор, фрески на потолке, когда-то заказанные свекровью, гардины, ткань, которой была обита мебель, узоры на ковре, статуэтки и эмалированные шкатулки.

Убранство дома было совершенно обыкновенным, и все же его хозяева знали, как произвести впечатление на гостей. Вкус у них имелся, они ценили прекрасное. Были щедры, благонамеренны и преданы своей семье.

Сейчас хозяева подавали гостям вино. Альва надеялась, что немного алкоголя поможет ей собраться – сегодня она должна сделать смелое предложение, которое окажется новостью даже для Уильяма.

Она тщательно продумала свой наряд, выбрав бледно-серое платье – идеальный фон для подаренных Уильямом украшений: императорского жемчуга, изумрудных сережек и «Полянки», которая сверкала на белой перчатке. По верхнему краю перчаток Мэри вышила нежнейший узор в виде плюща – легкий намек на приверженность их обладательницы благородству, искусству и красоте. Прическу Альвы украшал серебряный гребень, инкрустированный россыпью крохотных изумрудов и жемчугов. Задачей всего ансамбля было внушить как хозяйке, так и зрителям особое настроение. Усилия, приложенные Альвой, дабы гарантировать брак с Уильямом, были того же рода – сейчас, как и тогда, она собиралась в какой-то мере пожертвовать собой во имя высшего блага. Хотя, конечно, сегодня она была одета куда как лучше.

Мистер Вандербильт встал перед семейством и возвестил:

– Хотя это неприятное дело тянулось гораздо дольше, чем мне этого хотелось, сегодня я объявляю праздник! Пусть же все напасти останутся в прошлом.

– Аминь, – произнес Корнель.

Элис опустила ему на плечо ладонь. Она вновь была в положении. Этот ребенок станет шестым (или пятым, считая только живых) – если роды пройдут без осложнений и если за это время ничего не случится с другими детьми. Чтобы угнаться за Элис, Альве пришлось бы родить тройняшек! Но и тогда Элис наверняка родила бы еще одного, чтобы только оставаться впереди.

Мистер Вандербильт поднял бокал:

– За наше общее будущее – пусть оно всегда будет светлым для моих детей и внуков. Я рад видеть здесь каждого из вас.

– Даже Уильяма? – с непроницаемым лицом уточнил Корнель. – Он, кажется, совсем позабыл дорогу в наш офис. Напоминаю адрес – Сорок вторая улица, Центральный вокзал.

– И даже Корнеля? – парировал Уильям. – Наш дед никогда не привязывал себя цепью к конторке, чтобы только угодить богам торговли.

– Каждого из вас, – повторил отец, глядя на них из-под нахмуренных бровей. – Или даже в такой вечер мне придется напомнить вам о том, как я люблю тех, кто сеет раздор?

– Прошу прощения, отец. Неудачная шутка, – извинился Корнель.

Последовавшая за его словами тишина подтвердила – с последним высказыванием согласны все.

– Мистер Вандербильт, если вы позволите... – Альва решила, что ее шанс настал. Все взгляды устремились на нее, а она терпеливо ждала, пока хозяин кивнет. Сердце ее билось в два раза громче и быстрее, чем обычно, но она встала, глубоко вдохнула и, избегая взгляда супруга, произнесла: – У меня есть важная новость.

Миссис Вандербильт всплеснула руками.

– Когда же нам ждать прибавления?

– Ах... Простите, матушка Ви, моя новость другого толка. Она скорее касается того, что семья Вандербильт сможет наконец занять достойное место в обществе. – Альва отважилась взглянуть на Уильяма – он сидел, приоткрыв рот, однако перебивать не собирался, и она продолжила: – Конец тяжбы – это, безусловно, прекрасный повод

для празднования. Но мне он также кажется призывом к действию. К наглядной демонстрации. Газетчики очернили имя Вандербильтов, и мы все знаем, что это произошло совершенно незаслуженно...

– Да, это возмутительно, – взорвался Корнель. – Наша семья сделала для Нью-Йорка больше, чем...

– Вы сделали многое, – согласилась Альва. – Но этого недостаточно.

Он нахмурился:

– Я могу простить вам ваше невежество, но не ваш тон. Уильям, ты придерживаешься мнения своей супруги?

– Ваши занятия благотворительностью ничего не решат сами по себе, – поспешила ответить Альва, не давая Уильяму шанса вмешаться. – И если говорить начистоту, даже все миллионы Вандербильтов не решат проблему бедности. Хотя, конечно, это не значит, что мы можем закрыть на нее глаза. Но мы должны сделать больше. Этот город претендует на звание культурной столицы мира. Но взгляните правде в лицо – как мало здесь того, что может вдохновить человека, направить его помыслы. Мы только что пережили кризис. Люди удручены, они пали духом. Вы все бывали в Париже – там тоже хватает нищеты, но, куда ни глянь, можно увидеть красоту – она там доступна каждому гражданину. Она дает надежду, пробуждает любовь и гордость. Самый бедный парижанин, у которого ничего нет за душой, не согласится перебраться в другое место. То же самое можно сказать о Флоренции, Венеции или Риме. Но в Нью-Йорке все здания либо обыкновенны, либо уродливы снаружи. Обладатели прекрасных произведений искусства не дают согражданам возможности ими любоваться...

– Для этого существует Метрополитен-музей, – заметил Корнель.

– Новое здание находится слишком далеко от центра – с таким же успехом можно ездить посмотреть на картины в Канаду. Думаете, швея, пекарь или кузнец могут позволить себе потратить время и деньги на такую поездку?

Свекор внимательно смотрел на Альву, сложив руки домиком на внушительном животе:

– И у вас есть предложение?

– Мне кажется, я знаю, с чего мы можем начать. – Альва взяла свиток, лежавший под стулом. – Нью-Йорк сейчас немного

напоминает Флоренцию до того, как Медичи стали покровителями искусства во всех его проявлениях – начиная с архитектуры. – Она развернула свиток и продемонстрировала публике. – Мы спроектировали этот дом вместе с Ричардом Хантом.

– Больше похоже на замок, – заметила Лиля.

– Да, мы вдохновлялись замком Шенонсо, в котором одно время жила Екатерина Медичи. На изображении вы видите, как здание будет смотреться на Пятой авеню. Конечно, это всего лишь набросок, но он передает...

– И какой цели оно будет служить? – спросил мистер Вандербильт.

– Оно станет новой резиденцией Уильяма Киссэма Вандербильта.

– Альва! – ахнул Уильям.

– Ваш дом? – Джордж подошел, чтобы рассмотреть рисунок.

– Вот так заявление! – удивился мистер Вандербильт.

– Да, это заявление. И я считаю, вам тоже нужно заявить о себе. То есть построить особняк в своем любимом стиле. И вам, Корнель. Мы все должны обставить свои дома самым изысканным образом. Эти здания станут произведениями искусства, которыми смогут любоваться все без исключения. Кроме того, мы обеспечим работой ремесленников и художников – нам ведь будут нужны каменщики, плотники, кузнецы, швеи, художники, скульпторы – подумайте об уровне безработицы.

– А мне нравится ваша идея, – подала голос миссис Вандербильт.

– Мама, может, вам это и нравится, – вмешался Корнель, – однако Альва предлагает совершенно нецелесообразные вещи. Мы должны простить ей то, что она недооценивает стоимость своего плана.

– Стоимость немалая, – покачал головой мистер Вандербильт. – Но ваше рвение мне нравится. – Он понимающе улыбнулся Альве. – Ну а теперь, кажется, пора переходить к ужину.

Все поднялись со своих мест, и беседа возобновилась. Уильям подошел к Альве и строго произнес:

– Вы должны были сперва посоветоваться со мной.

– Да, я знаю, но... Джентльмены! – воскликнула она. Все обернулись. – Я... заранее прошу прощения, я не хочу никого обидеть, но вынуждена признать, что меня удивила ваша недальновидность. Даже расстроила, если говорить начистоту. Командор наверняка сейчас

смеется в могиле из-за того, что вы не можете распознать прекрасную возможность, когда ее буквально принесли вам на блюдечке.

– Достаточно, – процедил Уильям, беря Альву за руку.

Корнель еще не остыл.

– Дед никогда бы не потратил на это свои деньги.

– Вы ошибаетесь. Его гениальность заключалась в том, что он знал, какие действия предпринять, чтобы заработать не только состояние, но и добрую славу. С состоянием дела у вас обстоят хорошо. А вот добрая слава может кануть в Лету, если ни один из вас не постарается ее сохранить.

– Уильям, тебе лучше придержать свою...

– Продолжайте, – велел мистер Вандербилт Альве, жестом заставив Корнеля замолчать. – Вы сказали, что придумали это вместе с мистером Хантом. Что это даст ему?

– Хороший заработок, что же еще, – не унимался Корнель.

– Мистер Хант считает, что угол Пятьдесят второй улицы и Пятой авеню – идеальное место для нашего дома, – ответила Альва. – Новая церковь Святого Патрика станет своего рода архитектурным столпом этого района. Также он полагает, что, поскольку на Пятидесятых улицах пока нет никаких выдающихся сооружений, в основном они застроены многоэтажными домами сестер Джонс, а вдоль Пятой авеню идет парк, мы зададим тон всему району.

– Отец... – снова подал голос Корнель.

– Я хочу выслушать, – прервал его мистер Вандербилт. – Ее замечания по поводу нашей доброй славы небезосновательны. – Он подошел к Альве и рассмотрел рисунок, на котором были изображены все башенки, окошки и чугунные украшения ее будущего замка. – Как вы собираетесь платить за него? Я бы не хотел, чтобы ваш супруг продал еще больше своих акций.

Альва ждала этого вопроса.

– За дом заплатите вы. И за дом Корнеля тоже. Во-первых, у вас достаточно средств, и во-вторых, это ведь, как говорится, целесообразное вложение средств в недвижимость, не так ли?

Все уставились на Альву, словно она вдруг заговорила на иностранном языке. И это было... довольно приятно.

Она продолжила:

– Представьте, что будут писать о вас в газетах: «Уильям Генри Вандербильт, покровитель Нью-Йорка, человек, который перестроил Манхэттен». Но вам придется действовать быстро, если вы намерены опередить остальных.

– Каких остальных?

– Тиффани. Рокфеллера. Ленокса. – Альва повторила слова Ричарда. – Мистер Хант сообщил мне, что подобные планы у них на уме.

Мистер Вандербильт и бровью не повел.

– Должен сказать, это весьма смелое предложение...

– Прошу прощения, отец, – вмешался Уильям, глядя на Альву из-под насупленных бровей. – Это моя вина. Если бы я знал, что она собралась...

– ...и мне жаль, что я не додумался до этого самостоятельно, – закончил свою мысль мистер Вандербильт. – Так, вы говорите, Пятидесятые улицы?

Альва кивнула:

– Да, пока они к вашим услугам.

– Хм... Достаточно близко к парку, можно ходить на прогулки. Кроме того, супруга постоянно твердит, что купленные картины уже негде развешивать. Я же не могу просто складывать их вдоль стен... Трястись над деньгами и превратиться в старого Астора, который ходил в банк, в то время как нормальные люди ходят к внукам? Как я уже говорил, я не намерен взваливать на своих детей груз, который взвалил на меня мой отец.

– Вы могли бы построить себе хорошую галерею, – заметил Джордж. – И библиотеку.

– Действительно. Ладно, вы меня убедили. Давайте подадим пример другим, и, кто знает, может быть, из этого города и выйдет толк. Завтра утром первым делом обсужу все со своим агентом.

Альва на радостях расцеловала его.

– Вы очень мудрый и щедрый джентльмен. Все так скажут.

Не привыкший к столь страстным проявлениям чувств, мистер Вандербильт зарумянился.

– Посмотрим, может, и девочкам что-нибудь построим, – добавил он, указав на Маргарет и Эмили – старших дочерей. Младшим – двум дочерям и двум сыновьям, – по всей видимости, пока стоило запастись

терпением. – Договорились? Договорились! А теперь давайте наконец поужинаем!

Уильям перехватил взгляд своей жены и подмигнул.

По пути в столовую Альва чувствовала необыкновенную гордость и воодушевление – она восторжествовала над всеми, и, кроме того, ее ждало столько работы! И все же за ликованием скрывалась маленькая девочка, которая с облегчением вздохнула, захлопнув за собой дверь домика – от волка снова удалось убежать.

Ночью Уильям зашел в спальню Альвы. Она сидела в постели, листая одну из книг, которую ей одолжил Ричард Хант, – «Старинные дома», тяжелый фолиант с изображениями французских и итальянских поместий и вилл.

Уильям присел на кровать.

– Это был замечательный вечер. Мне кажется, отцу никогда бы и в голову не пришло, что деньги можно потратить таким образом. В глубине души он все еще маленький мальчик, мать которого управляет пансионом, а отец занимается паромами. Представьте, он дюжину раз поздравил меня с тем, что я выбрал себе такую хорошую жену.

– Думаю, все дело в вине, – улыбнулась Альва.

Уж ей-то оно определенно помогло.

– Мне не следовало вас критиковать. – Уильям прикоснулся к шелковой завязке на ее груди. – Вы всегда знаете свое дело и ставите благополучие семьи на первое место.

Альва перевела взгляд на его руку.

– Леди способны на большее, чем вы думаете.

На лице Уильяма появилась та лукавая улыбка, которую она уже начала замечать на лице сына, когда тот пытался уползти со своего одеяльца или намеревался забрать у сестры куклу.

– Признайтесь, прекрасный пол нечасто интересуется мужскими делами.

– А мужчины разве когда-нибудь пытались узнать, чем интересуются леди?

– Мы не виноваты! Как часто, сидя за обеденным столом или в гостиной, можно услышать дам, лепечущих о зонтиках и портмоне, об

исключительных свойствах ковра в их доме, об их гобеленах или ресторанах за границей!

– Но и вы получаете удовольствие от хороших вещей...

– Однако я не распространяюсь об этом в обществе.

– Какая же леди осмелится высказывать свое истинное мнение, если ее непременно поднимут на смех или осудят, как это сегодня сделал Корнель?

– Вы хотите сказать, что, оставшись наедине, ваши подруги говорят о рынке ценных бумаг и, скажем, об Уильяме Твиде?^[34]

«Ах, если бы», – подумала Альва.

– Я хочу сказать, что интересуюсь архитектурой и намерена продолжить сотрудничество с мистером Хантом.

– Но Ханту ваше сотрудничество ни к чему – он ведь профессионал своего дела. – Уильям потянул за ленточку и развязал ее. – Он позволяет вам помогать лишь потому, что ему нужны деньги.

Завязывая ленточку, Альва парировала:

– А вы знаете, что на территориях Юты и Вайоминга женщины получили право голоса?

– Там есть белые женщины? Я и понятия не имел.

– В прошлом году Конгресс постановил: «Пусть штаты решают сами». Вот только в штате Нью-Йорк, как и в остальных, отказываются даже рассмотреть вопрос об избирательном праве для женщин. А мы ведь существуем не только для украшения домов.

– Но украшения приносят столько удовольствия, – проговорил Уильям, вновь потянувшись к ленточке.

Он никогда не делал ничего подобного прежде. Как ей следует себя вести?

Ладонь мужа легла на ее ключицу.

– Зачем вам вся эта политическая чепуха? Почему нельзя просто наслаждаться своим положением привилегированной леди?

– Спросите своих сестер. Они тоже хотят большего.

– Они всего лишь хотят, чтобы другие привилегированные леди признали их более привилегированными. Но вы! – усмехнулся Уильям. – Вы желаете стоять с Хантом у чертежного стола и решать, куда поставить колонну, какой ширины сделать дверной проем и круглыми или квадратными будут башни...

– Да, это мое желание. Что здесь такого?

– Вы жена и мать, а не архитектор. Вы построили церковь, потешили себя. Пришло время играть свою настоящую роль. Почувствовать благодарность за жизнь, полную преимуществ. Вы ведь не обязаны работать, зачем вам это?

– Я благодарна. Только у меня есть разум, и его нужно занимать – я должна делать то, что для меня важно.

– Разве дети и я для вас не важны?

– А я и дети важны для вас?

– Что? Конечно, важны.

– Даже когда вы заняты конными фермами, ипподромами и железнодорожным бизнесом?

Уильям поднял руки, сдаваясь.

– Давайте больше не будем об этом. Главное, что отец безумно счастлив, Хант получил новую работу, а у вас будет дом королевы.

Он поднял книгу с колен Альвы и отложил в сторону. Затем погасил лампу.

«Оно того стоит», – подумала Альва. Все женщины делают это и делали испокон веков. Она от них ничем не отличается. Хотя, пожалуй, нет – она все же мудрее. По крайней мере, статус ее повышается. И она сама управляет собственной судьбой.

Тандреджи, 5 декабря 1879 года

Альва, милая!

Мне кажется или я последний раз писала тебе, когда узнала, что снова жду ребенка? За этот год столько произошло! Некоторое время я провела при дворе, и несколько раз была на аудиенции у самого принца! Придворные – весьма занимательные особы. Хотя я и не могла танцевать на балах, мне составляли компанию необыкновенно занятные леди, которые отвлекали меня от тягот моего положения.

Как тебе такая новость: я родила не одного малыша, а сразу двух девочек, похожих как капли воды. Роды прошли удивительно легко, особенно если учесть, что детей было двое. Интересно, значит ли это, что с маленьким Кимом, который научился говорить настоящие слова и теперь

командует всеми, будет сложнее справиться, чем с его сестрами? Надеюсь, в жизни он преуспеет больше, чем его отец, который, хоть и изволил прибыть к рождению дочерей, но выглядел до неприличия исхудавшим и неопрятным. Он поцеловал малышек, поздравил меня, спросил, выпишет ли отец мне (а следовательно, и ему) вдвойне щедрый чек за усилия, и через два дня снова пропал. Могла ли я надеяться на что-то другое?

Помню, как много лет назад, впервые увидев усыпанную драгоценными камнями корону герцогини, я подумала, что скоро ее примерю. Но это «скоро» все не наступает – старик не желает умирать! И я уже не уверена, что корона произведет на меня хоть какое-то впечатление, когда придет время. Наверное, она ужасно тяжелая, и у меня от нее будет чесаться голова.

Напиши мне. А еще лучше – приезжай посмотреть на чудесных крошек, которых зовут Элис Элеанора Луиза и Жаклин Мэри Альва.

Всегда твоя,

леди Си

Нью-Йорк, 3 января 1880 года

Милая леди Си!

Счастливейшего Нового года тебе, Мандевиллю, Киму – и сразу двум малышам! Поздравляю и благословляю вас всех. Обязательно заеду к вам весной и надеюсь застать вас обоих в хорошей форме. Теперь Мандевиль отец троих детей – это должно сделать его более ответственным – если и не сразу, то очень скоро. Как может мужчина, имеющий глаза и сердце, оставлять тебя одну?

Я сейчас тоже вынашиваю новое создание, но не ребенка – дом, подобного которому этот город еще не видел. Я снова наняла Ричарда Ханта. Мы также работаем над летним домом для детей бедняков – он расположится в старом здании рядом с нашим поместьем на Лонг-Айленде.

Я чувствую себя как никогда хорошо. Разобравшись с утра с домашними делами и позавтракав с детьми, я провожу большую часть дня в офисе Ричарда, консультируюсь с ним, его инженером и оформителем, изучаю другие дома и вычерчиваю планы своего.

Мне кажется, работа архитектора – мое призвание. Я знаю, как составить композицию, как разместить окна на фасаде, как подобрать верные материалы... Я прежде не чувствовала себя такой счастливой, как сейчас, когда продумываю паркетный узор или довожу до совершенства какую-нибудь деталь стены, окна, лестницы или зала. Когда мы с Ричардом делаем паузу, чтобы выпить чаю и поговорить о работе, я вижу, что он обращается ко мне как к равной. Да, он знает несравненно больше моего, но я дразню его тем, что мой вкус и деньги Уильяма уравнивают его образованность.

В апреле мы с Ричардом хотим посетить аукционные дома во Флоренции, Париже и Лондоне, чтобы выбрать обстановку для дома. Я возьму детей в поездку, и миссис Хант тоже собирается взять младших. Кэтрин – добрая, интеллигентная женщина, очень приятная в общении. Еще мне нужно будет переговорить со множеством художников и ремесленников – надо решить, у кого заказывать обои, витражи, резные панели и, конечно, портреты. У меня до сих пор нет ни одного приличного, а поскольку у известной тебе особы в кабинете красуется ее собственный портрет, я решила сделать то же самое.

Ты сможешь быть в Лондоне в это время? Я хочу узнать все придворные сплетни. Вот немного с этой стороны Атлантики: пока мы ожидаем бракосочетания Джесси и Фернандо, Джулия обратила на себя внимание французского аристократа – титул у него незначительный, с твоим не сравнить, но он, кажется, к ней равнодушен, поэтому мы надеемся, это к чему-нибудь приведет. Маман порадовалась бы, увидев, что одна из ее голубок вышла замуж за «достойного» человека. Конечно, это будет не Армида, с радостью посвятившая себя «Благим

свершениям», которые я с не меньшей радостью финансирую. Она уже вышла из того возраста, в котором на нее обращали бы внимание молодые люди, даже если бы она одевалась со вкусом, чего старательно избегает. Возможно, какой-нибудь овдовевший священник сумеет разглядеть в ней достоинства, коих сама она не замечает. С другой стороны, она своей жизнью довольна.

Передаю горячий привет всем.

Альва

Глава 2

– Уильям не приехал с вами? – спросила леди Си, встретив Альву в вестибюле аукционного дома.

Десятки нарядных людей слонялись по вестибюлю и соседней комнате, в которой для будущих покупателей уже поставили в ряд стулья. На сегодняшнем аукционе были представлены предметы мебелировки из двух английских поместий, принадлежавших ныне покойному барону и ныне разорившемуся графу – ни тот, ни другой особо ничем не отличились, кроме хорошего вкуса в области гобеленов, ковров и мебели.

– Нет, они вместе с Фредом, Корнелем и их отцом отправились с инспекцией по железным дорогам, побеседовать со зрителями и рабочими.

– Мандевилю тоже не помешало бы проведать своих людей в Кимболтоне. Носить титул ему нравится гораздо больше, чем исполнять обязанности, которые к нему прилагаются. Мужчины Монтагю довольно легкомысленны в этом отношении – к чему работать над тем, что ты и так не потеряешь?

– Но они могут потерять уважение.

– Я хотела сказать – потерять то, что для них важно.

– А вообще хорошо, что Уильям занят. Будь он здесь, мы накупили бы вдвое больше.

– Тогда ты могла бы просто построить еще один дом для всего, что не поместится в первый.

– В любом случае Ханты – прекрасная компания, – заключила Альва, указав на пару, беседовавшую в аукционном зале с человеком весьма почтенного возраста в очках и с тросточкой.

Она с улыбкой наблюдала за этой сценкой: наверняка коллекционер. Возраст не помеха, когда занимаешься любимым делом.

– А Кэтрин Хант не ревнует? – осведомилась леди Си.

– Из-за того, что я провожу столько времени с Ричардом? – Альва покачала головой. – Нет, они любят друг друга.

– Жаль.

– Почему ты так говоришь?

– Тебе не помешало бы обзавестись любовником.

– Неожиданное заявление! Мне не помешало бы выпить чаю в «Клэридж» – в Нью-Йорке топленых сливок не найдешь, и там не пекут такие булочки.

Люди принялись рассаживаться. Ричард помахал, чтобы привлечь внимание Альвы, она ответила кивком.

– Кажется, сейчас начнутся торги. Идем внутрь.

– Почему вы приехали именно сюда? – поинтересовалась леди Си, пока они шли к своим местам.

– Мой декоратор считает, для «мужских» комнат лучше всего подходит мебель из английских поместий. Он говорит, и я с ним согласна, что статус Уильяма лучше всего подчеркнет мебель в саксонском стиле.

Леди Си подняла бровь и едва не ухмыльнулась.

– Ничего себе... Учитывая, что между тобой и Хантом ничего не происходит, мне не совсем понятно, для чего он тебе вообще здесь нужен?

– В Париже Ричард будет неоценим – он там учился и знаком со всеми. Я тебе говорила, что он участвовал в реставрации Лувра?

– Только послушай себя – столько гордости в голосе! Вам двоим непременно нужно снять в Париже миленькую квартирку...

– Ты прекратишь нести чушь? – не выдержала Альва.

Подруга опешила:

– Когда ты стала такой серьезной?

– А когда ты стала такой вульгарной?

Леди Си остановилась:

– Ты права. Прости, мне следует обзавестись другой компанией – эти весельчаки, вьющиеся вокруг Берти, вовсе не так изысканны, как мне когда-то казалось.

Именем «Берти» леди Си назвала Альберта, принца Уэльского, старшего сына королевы Виктории. Известный повеса, он прожигал жизнь в ожидании смерти матери, окружив себя такими же беззаботными и беспринципными друзьями. Ходили слухи о его многочисленных интрижках. Альва вспомнила – подруга писала о том, что бывала у него на аудиенции, хотя ни слова не упомянула о том, что стала одной из его приближенных. Сейчас она явно решила похвастаться, как бы невзначай обронив это в разговоре.

– Значит, ты водишь дружбу с будущим королем.

– И что тут такого?

– У тебя просто удивительная жизнь! А знаешь, что в Америке тебя прозвали «долларовая принцесса»?

– Не будь такой жестокой. Я же извинилась.

Альва ничего не ответила. Она прошла к своему креслу возле Ричарда и сделала вид, что полностью поглощена аукционом. Леди Си заняла место возле Альвы и до конца вечера изо всех сил старалась казаться веселой. Когда Альва сделала ставку на коллекцию гобеленов, она похвалила ее выбор и поздравила, когда Альва выиграла лот. Когда же Альва проиграла пару китайских керамических ваз, леди Си выразила сожаление. Она держалась с Хантами весьма учтиво и так поладила с Кэтрин, что в конце аукциона пригласила ее с мужем провести остаток дня с ней и Альвой и предложила заехать в «Клэридж» на чай. Супруги приняли ее предложение с радостью.

Настроение Альвы, однако же, не улучшилось.

– Надеюсь, вы простите меня, но я вынуждена отказаться – неважно себя чувствую. Пожалуй, я вернусь в комнаты, хорошенько отдохну и утром присоединюсь к вам, мистер Хант.

– Я заеду к тебе перед ужином, – предложила леди Си.

– Не стоит. У меня болит голова, и собеседник из меня выйдет ужасный.

– Вот оно что... Мы еще увидимся до вашего отъезда?

– Боюсь, на это не будет времени. У нас очень плотный график.

– Ну что ж... значит, пора прощаться. – Леди Си потянулась, чтобы обнять Альву.

Та неохотно позволила себя обнять.

– Да, пора прощаться.

Альва вышла из аукционного дома и взяла экипаж до отеля «Лэнгхэм». Она не могла понять, откуда взялось это дурное настроение. Отказаться от чая в «Клэридж»? От редкого вечера со старой подругой? Возможно, она и вправду заболела – рассудком. Что, если это – только начало долгого пути к безумию? Уильяму придется отослать ее в какое-нибудь тихое, спокойное место, где у нее не будет заботы серьезней, нежели выбор носков. Что наверняка и приведет ее к истинному безумию.

Альва заставила себя подумать о размолвке. Леди Си права: Альва обошлась с ней слишком жестоко. Ей следовало справиться со своим раздражением, держаться с достоинством, не позволять себе резких высказываний и сразу же принять извинения. Однако принимать извинения ей совсем не хотелось. Что же не так в поведении подруги? Может быть, оно напомнило ей, какой неделикатной стала леди Си? Потому что именно так оно и было. И Альве очень хотелось это изменить, она чувствовала обиду из-за того, что Мандевиль не вел себя как истинный джентльмен и плохо влиял на свою супругу.

И все же это не объясняло ее злость. Возможно, проблема в том, что Консуэло видела в Альве то, что она сама пыталась скрыть ото всех, – то, от чего она бы с радостью избавилась. Нет, в Ричарда она отнюдь не влюблена. Она не влюблена ни в кого. Альва не любила, но любить хотела – и не могла. А проницательный взгляд подруги открыл эту постыдную истину.

Альва заказала в номер пастуший пирог и бутылку шерри, отведала того и другого в количествах, которые никогда не позволила бы себе при людях, и уснула в семь. Проснувшись на рассвете, она уже не испытывала острой жалости к себе – зато ей на смену пришли неприятные ощущения в желудке.

Поскольку времени заехать к леди Си перед отправлением в Париж уже не было, она решила оставить ей записку:

Мой друг, пусть Эмили Бронте расскажет тебе о моих чувствах:

*Любовь – шиповник, дружба – остролист.
Одна – цветет, другая – не посмеет.
Лишь ягоды кровавый аметист
На темных листьях осенью созреет.*

*Шиповник розой кажется тогда,
Когда в крови горит сухое лето.
А в сентябре приходят холода
Из самой-самой дальней части света.*

*Потухнет жаркий пламень лепестков:
Шиповник отцветет буйноголовый.
И остролист, как старый острослов,*

возьмет себе решающее слово.

*Он будет зелен, радостен и юн,
Когда мороз твоей коснется кожи.
И в ягодах его живет июнь,
Хотя они на розы не похожи*^[35].

Прошло некоторое время, и Ричард Хант, чье лицо обычно выражало либо сдержанный интерес, либо вежливое внимание, стоял перед парадным входом в дом номер 660 на Пятой авеню, который Альва назвала своим «petit château»^[36], и не мог сдержать довольной улыбки. Спустя два года кропотливой работы строительство было завершено, мебель, ковры и гардины заняли свои места, все поверхности были отполированы и ожидали окончательного вердикта хозяйки.

С тротуара Пятой авеню Альва поднималась по восьми ступеням – низким и плоским, чтобы проще идти в тяжелых юбках. Такие же ступени были у внутренней лестницы из резного камня, которую Альва спроектировала сама.

Когда она сказала, что хочет сделать ступени высотой пять дюймов и шириной двенадцать, Ричард возразил:

– Пять дюймов – слишком мало. Такие вещи делаются согласно определенным стандартам.

– Я читаю «Строительные новости» и знаю стандарты: чаще всего делают шесть с половиной дюймов, и никто не пробовал сделать ниже пяти с половиной. Но это лишь потому, что все архитекторы – мужчины. Пять дюймов – идеальная высота. Попробуйте надеть на себя полдюжины слоев одежды, в том числе турнюр и шерстяную юбку, и сами почувствуете разницу.

– Но это повлечет дополнительные расходы... Немного, однако я по возможности стараюсь избежать лишних...

– Уверю вас, это сделает счастливой каждую леди, пришедшую в этот дом. А счастливые леди очень любят рассказывать другим леди, как они счастливы. А богатые счастливые леди нанимают архитекторов, которые строят для них новые дома. Догадались, к чему я клоню?

– Догадался.

Единственным, о чем Ричард не догадывался почти до самого конца, была секретная затея Альвы: в благодарность за необыкновенный талант и доброту она заказала двум скульпторам его статую в полный рост. Презентовав статую архитектору, Альва приказала установить ее на фасаде рядом с самой высокой башенкой так, чтобы она смотрела на Пятую авеню. Эта эксцентричная выходка доставила ей особое удовольствие.

И вот, стоя на вершине лестницы, Ричард смотрит, как Альва поднимается. Едва он произнес: «Добро пожаловать домой», как массивные двери за его спиной распахнулись.

– Впечатляет! – рассмеялась Альва.

Пока дом строился, она заглядывала сюда ежедневно. Напротив, на Пятьдесят второй улице, возводили будущий дом Эмили. К нему примыкал дом Маргарет, а по соседству с ними – на углу Пятьдесят первой улицы и Пятой авеню – строился и особняк их родителей. Поскольку архитекторами мистера Вандербильта были братья Хертер, массивный и аскетичный «тройной дворец», как называли его газетчики, не имел ничего общего с творением Альвы и Ричарда. Так же мало на него походил и строящийся дом Элис и Корнея. Они выкупили и снесли здания на углу Пятой авеню и Пятьдесят седьмой улицы, чтобы построить особняк из красного кирпича в колониальном стиле.

На протяжении всего строительства Альва наблюдала, как растет ее творение – один за другим все четыре этажа и, наконец, французская готическая крыша. Деревянные балки, известняк и штукатурка – боже, сколько штукатурки! Как только строители выровняли внутренние стены и потолки, Альва взяла под свой контроль работу во всех комнатах, и, хотя на ботинки и юбки постоянно налипала грязь, а следы штукатурки оставались на перчатках, шляпке и даже волосах, каждый день она возвращалась в дом на Сорок второй улице с улыбкой на лице.

Вскоре за работу взялись резчики по камню, которые оформили резную лестницу, вырезали сложные орнаменты на окнах, башенках и заборе вокруг дома, украсили многочисленные арки и панели внутри. С каждым днем дом становился все прекраснее и прекраснее. Затем настал черед мебели, тщательно подобранной человеком, которого порекомендовал Уорд Макаллистер, – его звали Жюль Аллар, и он

прославился как «французский король интерьеров». Альва смотрела на то, как ее мечта становится реальностью, и не могла избавиться от чувства, что все происходит по волшебству. Она взмахнула палочкой над головой мистера Вандербильта, и в результате появилось вот это великолепное творение – настоящая сказка из французского Ренессанса.

Уже вечером, после того, как Уильям и дети прибыли в новый дом, после того, как впервые здесь был подан ужин и Альва сыграла первые мелодии на новом пианино, после того, как были произнесены вечерние молитвы, и после того, как была выпита последняя вечерняя рюмочка, Альва вышла из своей спальни со свечой в руке и поднялась на третий этаж.

Сейчас дети спали, а завтра будут бегать по огромной сверкающей игровой, раскинувшейся над двухэтажным залом для банкетов. Для них подготовили самокаты, мячи, обручи и даже миниатюрную парусную лодочку на колесиках, которую можно катать по залу. Перед ужином они уже успели покатать друг дружку. Вилли был настоящим капитаном и приказывал «ветру», куда дуть. Консуэло вежливо молчала и смотрела, куда «ветер» ее понесет.

Альва подошла к двери Консуэло и заглянула внутрь полюбоваться на дочь, объятую снами, – судя по тому, что малышка рассказывала по утрам, чаще всего ей снились пони и щенки. Дальше – комната Вилли. Сын крепко спал, подперев ножками изголовье кровати. Ему тоже, как он утверждал, снились пони и щенки.

Альва спустилась на второй этаж, где расположились детская и классная комнаты, огромная гостевая спальня, комнаты для хозяйки (прощайте, розовые полоски!) и хозяина, который сейчас, по всей вероятности, спал, щедро угостившись тридцатилетним скотчем. Весь вечер он ходил из комнаты в комнату с бокалом в руке и довольно ухмылялся, точно Мидас, получивший свой дар.

Альва не удержалась и немножко повальсировала с невидимым партнером в просторном верхнем зале. Танцуя, она подошла к центральной лестнице. По этим плоским ступеням летать можно! Она гордилась своим творением – как лестницей, так и, безусловно, всем домом. Наверное, так чувствовал себя Создатель, когда заглянул во мрак до начала времен и решил: «Здесь будет твердь».

На первом этаже справа от лестницы колоссальная арка вела в банкетный зал шириной в пятьдесят футов и высотой в два этажа. Противоположную от входа стену украшал фантастический витраж: встреча Генриха VIII и Франциска I на «Поле золотой парчи»^[37]. Витраж был просто невероятным и занимал три окна, каждое в двадцать футов высотой. Мозаика из тысяч кусочков цветного стекла, изображавшая королей, рыцарей, сокольничих, лучников, шутов, карликов, а также собак, лошадей и упряжки... Не говоря уже о королеве Клод и Анне Болейн, которая именно там завоевала внимание Генриха VIII.

Однако золотой парчи на изображении видно не было, равно как и поля – сплошь замки, дома, палатки и холмы. Мэри поинтересовалась, почему тогда у витража такое название.

– Думаю, дело в том, что подобное искусство символично, а не буквально, – ответила Альва. – Оно показывает не реальность, а то, как мы ее представляем. Понимаешь? – Произнося эти слова, она осознала – иногда ей самой кажется, будто все это – окна, картины, гобелены, колонны, полированный камень и дерево под ногами – нереально, что на самом деле ей все это снится, и вот-вот она проснется в спальне, которую делит с сестрами, где холодный ветер завывает в оконных щелях и половицах, а впереди ее не ждет ничего и идти ей некуда.

В конце банкетного зала имелась лестница для прислуги, ведущая в цокольный этаж. Альва продолжила свой путь вниз по тускло освещенному коридору в кухню. Там она поставила свечу на рабочий стол в центре и постояла в просторном помещении. Пахло жареной свининой и ямсом, которые подавали на ужин, и все еще чувствовался запах опилок, штукатурки и краски. Было тихо, как в склепе.

На широком мраморном столе лежала огромная сырная голова, накрытая салфеткой. «Впервые у меня такой прекрасный стол, – радовалась повариха. – А печи-то, печи... а посуда!» И еще множество совершенно новых и чистых полок, шкафчиков, ящичков, буфетов, крюков – и даже огромный ледник.

Когда о доме писали газетчики (делали они это довольно часто), то восхищались его элегантностью и изяществом, которые, как многие отмечали, так контрастировали с обликом хозяйки, нередко покидавшей место строительства в довольно неприглядном виде. И

вообще, чем занималась леди в такой грязи и среди такого количества простолудинов? Однако Альва игнорировала эти досадные мелочи. Дом был готов, и он был великолепен. Ей оставалось лишь забраться на верхушку статуи Ричарда и взглянуть оттуда, как еще она может заявить о себе этому городу и его самым заносчивым обитателям...

За спиной Альвы раздался звук, от которого она вся обмерла.

– Мэри! У меня чуть сердце не остановилось! Что ты делаешь здесь в такое время? – воскликнула она, обернувшись.

– У меня живот расстроился... Столько волнений, наконец переехали... Хотела съесть крекер, но даже не знаю, где его взять.

– Как ты относишься к опере?

– Я? К опере? Никогда там не была. Но я видела, как две мои сверстницы однажды пели в церкви оперные арии. У них были очень красивые голоса.

– В настоящей опере почти никто не обращает внимания на музыку. Кроме миссис Вандербилт, храни ее Господь. Вот только миссис Вандербилт не знает иностранных языков, и мне всегда приходится рассказывать ей сюжет. И мы все еще не можем получить ложу. Я считаю, моему мужу стоит просто собраться и построить вместе с друзьями новый концертный зал. Тогда нам не придется ждать, когда наконец высший свет подарит нам эту привилегию. Пусть гора идет к Магомету!

Мэри зажгла настенный светильник и принялась открывать дверцы шкафчиков в поисках жестянки с крекерами.

– Мама говорит, именно так поступили аболиционисты. Не важно, насколько правильные у тебя идеи, – так и умереть можно, не дождавшись, пока другие переменят свое мнение.

Альва кивнула:

– Да, подобная бессмыслица очень утомляет.

– А вот и крекеры, – обрадовалась Мэри, доставая жестянку из шкафа.

– Взять, к примеру, Элис: она задирает нос и разглагольствует о своих деяниях, словно образцово-показательного существования достаточно, чтобы смыть с фамилии клеймо позора и получить всеобщее признание. Как будто сделать лишнее усилие – ниже ее.

– Простите мне мою дерзость, но успех вашего семейства в обществе – не то же самое, что свобода людей.

– Я знаю, что никого не спасу, оставив с носом Кэролайн Астор и ее стаю, но мне так хочется это сделать! Просто ради принципа. – Альва глубоко вдохнула и медленно выдохнула: – Потрясающая кухня, правда? Я сказала мистеру Ханту: «Кухня должна быть такой, чтобы мне самой хотелось там работать. Тогда в нашем распоряжении будут самые прекрасные повара». Только полюбуйся – мы буквально окружены едой. – Она подняла салфетку с сыра и оглянулась в поисках ножа: – Я воспользуюсь своим положением по максимуму, Мэри. Я обыграю высшее общество в его собственной игре.

Глава 3

Обеденный стол из красного дерева. Уильям на одном конце, Альва – на другом. Вдоль стола сидят их друзья. Французское вино. Фаршированные голуби. Разве не об этом она когда-то мечтала?

Среди гостей на весеннем ужине была стайка юных незамужних леди из никербокеров, которые жаждали развлечений и общества интересных людей, не важно, как отнесутся к этому их родители. Девушки сильно привязались к одной из гостей Альвы, мисс Салли Уайтинг, несмотря на то, что ее отец – всего лишь преуспевающий коммерсант. Мисс Уайтинг была не только удивительно хорошенькой, но и весьма интересной личностью. Альва пригласила ее импульсивно, познакомившись с ней на Велосипедной выставке в Мэдисон-сквер-гарден, новом спортивном комплексе Уильяма. Вместе с мисс Уайтинг она наблюдала за парой женщин, демонстрировавших, что леди тоже могут и даже должны ездить на велосипеде, поскольку это улучшает циркуляцию крови, благотворно влияет на цвет лица и обмен веществ. Альва заказала доставку шести велосипедов в «Часы досуга» и еще шести – домой, а когда мисс Уайтинг заметила: «Но у вас ведь и без этого идеальный цвет лица», пригласила ее на ужин.

На сегодняшнем вечере также присутствовало и несколько неженатых джентльменов, не последним из которых был Оливер Белмонт. Он уже успел поучиться в Военно-морской академии и отслужить один год, но передумал продолжать военную карьеру и вернулся домой. Уильям язвил по этому поводу: «Слишком много кораблей, слишком мало лошадей», однако подобное объяснение казалось слишком поверхностным для человека вроде Оливера.

Уверенная в том, что выработала иммунитет к тому недугу, который владел ею прежде, Альва посадила Оливера по левую руку от себя. Было приятно увидеть его спустя столько времени, приятно иметь возможность им любоваться – конечно, исключительно платонически.

Оливер поднял бокал вина и произнес:

– За хозяина этого вечера, идеального из джентльменов, созданных Творцом, и который к тому же все еще пользуется

благосклонностью своего отца! Я, к примеру, доставляю своему папеньке немало неприятностей. В отличие от ваших старших братьев, господин Вандербилт, мои старшие братья так и не смогли отвлечь внимание доброго старика от истинной природы младших отпрысков – от того, что все мы завязанные игроки и дамские угодники...

– А вы к тому же слишком гоните, управляя четвериком, – перебил Уильям. – Да что уж там, вы все время гоните лошадей. Мне за вами не угнаться. Даю вам слово, господа, этот человек летает как ветер. Он мог бы развозить почту!

Салли Уайтинг дотронулась до руки Оливера и сказала:

– Уверена, вы очень отважный человек.

– Да, вы правы, – согласился Оливер.

Она придвинулась к нему поближе и поинтересовалась:

– А что пугает мужчину больше – дикая лошадь или дикая женщина?

Могла ли эта юная леди добиваться его внимания более очевидным образом? Она явно переходила грань приличий.

– Вы имеете в виду женщину, которая потеряла самообладание? – уточнил Оливер.

– Оставляет без внимания назидания отца... – подала голос другая девушка.

– И указания матери, – добавила третья.

Салли Уайтинг кивнула.

– Курит сигареты на людях и сидя открывает щиколотки.

Одни из джентльменов воскликнул:

– Я не против!

– Флиртует с мужчиной безо всякого желания выйти за него замуж, – продолжила мисс Эдит Джонс, чья эксцентричная тетушка, Мэри Мэйсон Джонс, жила по соседству и одной из первых построила дом с другой стороны Центрального парка.

Миссис Джонс была страстной поклонницей французской архитектуры и несколько раз приходила, чтобы просто полюбоваться домом Альвы – событие негромкое, но для Альвы весьма значительное, ведь семья миссис Джонс – одна из старейших в Нью-Йорке.

Уильям заметил:

– Но ведь, конечно, никто из вас, юные и пока незамужние леди, не станет таким образом рисковать своей репутацией. Рекомендую вам равняться на Альву: моя жена – само совершенство.

– Я тоже часто это говорю, – согласился Оливер.

– Прошу вас, – проговорила Альва, смущенная замечаниями обоих мужчин. – Я, конечно, могу похвастать многими достоинствами, но уж точно не своим совершенством.

Мисс Джонс возразила:

– Но вы и в самом деле – идеальное воплощение замужней леди. Тем не менее многие девушки располагают собственными средствами и не торопятся выходить замуж. Почему бы им не пококотничать, если так того хочется?

– Задумайтесь над своими словами, – сказал Уильям. – Их ведь не пригласят ни в одно приличное место. И потом – какая девушка не мечтает о замужестве?

– Армида, например, – ответила Альва. – Но она не из кокеток, не курит сигарет и уж тем более не выставляет щиколотки на всеобщее обозрение.

– Она просто скучная, – произнесла мисс Уайтинг. – Не хочется ее критиковать, но это правда!

– И совершенно не женственная, – согласился Уильям.

Едва он закончил говорить, как подали десерт – горящее крем-брюле, вызвавшее бурю восторгов за столом.

Оливер наклонился к Альве и тихо сказал:

– Уверен, ваша сестра – интересная собеседница, но она, вне всяких сомнений, уступает вам во всем. Как и любая другая леди.

Альва рассмеялась в ответ:

– Сэр, мне кажется, вы пьяны.

– Напротив. Я совершенно трезв. Ви-Кей – самый настоящий джентльмен из всех моих знакомых. И знаете, почему я так считаю? Я вам скажу. Потому что он завоевал вас.

Альва не стала признаваться, что завоевание было тщательно спланировано и в действительности с самого начала трофеем являлся именно Уильям. Однако нарисованная картина ей льстила. А против лести она ничего не имела, даже если ей льстил Оливер Белмонт.

В особенности Оливер Белмонт.

Да, Альва все еще была к нему равнодушна. До сих пор. Она не могла этого отрицать – ее чувства к нему никуда не делись. Не то чтобы это имело какое-то значение. Потому что это не важно. Совершенно не важно.

– А вы, – продолжал между тем Оливер: – Вы – безупречны. Вы – чисты и прозрачны. Вы – кристалл, вас...

– Кажется, сегодня вечером прислуге придется заносить вас в экипаж, – прервала его Альва, чувствуя, что краснеет, и оттого краснея еще больше.

– Вы должны знать: если бы только вы были...

Оливер замолчал, поскольку на пороге возник дворецкий и возвестил:

– Сэр, мистер Корнелиус Вандербильт.

– Прошу прощения, что прерываю ваш вечер, – сказал, входя, Корнель. – Уильям, если можно... – Он указал на дверь гостиной: – Прошу нас извинить.

Когда братья вышли из зала и один из джентльменов произнес «что же оторвало старину Корнеля от конторских книг в такой час?», остальные мужчины нервно рассмеялись. Причина, по которой Корнель был так взволнован, могла отозваться на состоянии рынков и, таким образом, на возможности джентльменов покупать чистокровных рысаков.

– Прошу вас, угощайтесь десертом, – предложила Альва, пытаясь поднять настроение гостей. – Уверена, что-то на железной дороге. Это часто случается.

Беседа возобновилась. Саму Альву появление Корнеля взволновало гораздо меньше, чем происходящее между ней и Оливером. Она не смела на него и взглянуть. Что он хотел сказать? «Если бы только вы были...» Какой? Что он о ней думал? В чем ее подозревал?

Оливер вновь наклонился к Альве и вполголоса произнес ей на ухо:

– Я вам должен кое-что рассказать. Он вовсе не самый настоящий джентльмен, хотя мог бы им быть, тупица.

Альва молчала.

Оливер продолжил:

– Когда мы путешествуем, он часто оказывает внимание...

– Прошу вас, замолчите, – прошептала Альва. – Вы же не хотите оклеветать своего доброго друга.

Ошеломленный, Оливер отодвинулся от нее и откинулся на спинку стула.

На что он надеялся? На то, что, услышав нечто ужасное о муже – возможно, ложь, которую он хочет использовать в своих интересах, – она окажет внимание ему? Может быть, ей и хочется познать трепет любовной связи, однако, поощрив сие желание, она мгновенно потеряла бы свое положение в обществе.

«Я чиста».

«Я безупречна».

– Мисс Уайтинг, – позвал Оливер. – Не желаете выкурить сигарету?

– Я не против, – ответила Салли Уайтинг. – Как-то ведь нужно скоротать время, пока не вернется хозяин.

– Кому-нибудь еще? – предложил Оливер, открыв портсигар.

Альва не смотрела в его сторону.

В обеденную залу ее супруг вернулся один. Лицо его было мрачно.

– Боюсь, нам придется закончить ужин пораньше. Умер мой дядя. Это все, что мне известно. Надеюсь, вы простите нам такое неожиданное завершение вечера.

Он вернулся в гостиную.

Провожая гостей, Альва избежала попытки Оливера заглянуть ей в глаза – пока он благодарил ее за вечер и желал доброй ночи, она упорно смотрела на его плечо.

Уильям и Корнель еще не вышли из гостиной. Альва рассеянно занималась вечерним туалетом. Вместо того чтобы думать о бедном дядюшке или слушать болтовню Мэри, она вспоминала теплое дыхание Оливера и его голос. «Если бы только вы были...»

Распутной женщиной?

Незамужней женщиной?

Моей женщиной.

Она не могла представить, и что значило это «если бы» – имел ли он в виду упущенную в прошлом возможность или что-то подобное в будущем?

Что, если она была именно такой?

Альва почувствовала странный трепет в животе.

«Прекрати».

– Мисс Альва, что-нибудь еще? – спросила Мэри.

– Что? Нет. Спасибо. Ах, да – ты ведь слышала, умер дядюшка моего мужа...

– Я только что говорила вам об этом, – сказала Мэри. Она склонила голову и направила на Альву взгляд, напомнивший ей взгляд Лулу: – С вами все в порядке?

– Ну, в таком случае ты знаешь, что нужно подготовить мое черное платье, – произнесла Альва. – Это все на сегодня.

Однако Мэри продолжала на нее смотреть.

– Мэри, это все.

– Уже ухожу.

Служанка удалилась, а на пороге спальни появился Уильям.

– Конечно, газетчики быстро обо всем пронюхают, но я просто не смог выговорить такое... – начал он.

Альва повернулась к нему:

– Что случилось? Это был не припадок?

– Самоубийство. Он выстрелил себе в голову.

– Только не это!

– Над ним как будто проклятье висело.

– Теперь оно повисло и над нами.

– Все не так страшно.

– Конечно, все не так страшно, если вы мужчина.

– Ну да, только посмотрите, какую чудную жизнь прожил дядя Си-Джей.

– Мне жаль его, и вы об этом знаете... Однако он совершил смертный грех, и некоторые из дам теперь станут клевать плоть с моих костей, едва я отвернусь, делая вид, что сочувствуют нелегкой судьбе вашего дядюшки.

– Вы ведь можете не встречаться с подобными дамами.

– Чтобы с ними не встречаться, мне придется больше никогда не покидать этих стен.

В конце поминальной службы по Си-Джею до неприличия скудное число собравшихся обступили незнакомые люди. Некоторые из них стояли вокруг гроба. Эти люди пришли поодиночке, но у

каждого на лице застыло одно и то же выражение – не печали или разочарования, а предвкушения, как перед началом скачек. Репортеры. Кого из членов семейства им удастся вызвать на разговор? Кто согласится поведать самую невероятную историю о последних днях сына Командора, о его последних словах или даже мыслях? Кто сможет настолько разоткровенничаться? В конце концов, каждую историю можно читать между строк.

Поднимаясь с семейной скамьи, Альва настороженно рассматривала этих людей. Она отвела в сторону Уорда Макаллистера и пожаловалась ему:

– Ненавижу все это. И этих людей... Неужели нам скоро придется нанимать охрану даже на похороны?

– Это ужасно, просто ужасно, я согласен. Си-Джей вовсе не был таким дурным человеком, каким его многие привыкли считать. Я довольно близко знал его до войны. Мы тогда были совсем молодые. Однажды мы провели с ним целое лето на юге Франции...

– Мой супруг говорит, я слишком волнуюсь по этому поводу, но, мне кажется, вы поймете мою тревогу: как вы считаете, его поступок нас погубит?

– Безусловно, вы и другие дамы семейства поставлены в более чем неприятное положение. Какими бы выдающимися добродетелями ни могла похвастаться миссис Астор, вынужден признать, что она не откажет себе в удовольствии указать на недостойное поведение членов семьи – это только подчеркивает ее право осуждать других.

– Недостойное поведение... То, что она до сих пор принимает нас за низший сорт...

– Не отчаивайтесь, она так относится не только к Вандербильтам. Мистер Белмонт тоже сумел наделать достаточно шума, дабы привлечь ее внимание, – хотя, признаюсь, совершенно по другой причине.

– Который мистер Белмонт? – поинтересовалась Альва.

– Приятель вашего супруга. Названный, между прочим, в честь своего высокоуважаемого двоюродного деда Оливера Хэзарда Перри, героя войны тысяча восемьсот двенадцатого года. Смею заметить, его родители приложили не особенно много фантазии, просто добавив «Белмонт» в конце...

– Так что же натворил Оливер?

– Ах да... по всей видимости, он обручился с мисс Салли Уайтинг, чье происхождение миссис Астор считает слишком заурядным даже для Белмонта. В то же время мисс Астор дружна с мисс Уайтинг. Кроме того, миссис Астор убеждена, что Белмонты на самом деле евреи.

– Он обручился с Салли Уайтинг? Где вы это слышали?

– В клубе. Говорят, его родители тоже не в восторге от такого союза.

– А этот слух...

– Это не слух. Мистер Белмонт, то бишь Оливер, сам присутствовал в клубе и рассказывал об этом. Мне даже показалось, что он хвастает тем, что стал в некотором роде возмутителем спокойствия. Я был уверен, что вы в курсе.

– Какая блажь! Они ведь только вчера познакомились у нас за ужином.

«И ему нужна была я, а не она».

– Купидон – быстрая пташка.

– Но в этом нет никакого смысла. О чем он только думал?

– Он говорит, его родители того же мнения, но ему до этого нет никакого дела!

– Кто-то должен остановить его.

– Ваша забота о друге похвальна. Но кто мы такие, чтобы становиться на пути истинных чувств? Они нынче такая редкость – нельзя им препятствовать.

– Нельзя ли? – пробормотала Альва.

– Видимо, истинная любовь, рожденная не рассудком, а происходящая из самой искренней и страстной симпатии, еще существует!

– Покажите мне ее.

– Попросите об этом своего друга! – заключил Уорд Макаллистер.

– Не собираюсь обсуждать это ни с ним, ни с мисс Уайтинг. Я едва знаю обоих. Это их жизнь. У меня есть дела куда важнее.

Альва ни минуты не желала думать о том, как Оливер решил поступить с Салли Уайтинг или с любой другой леди. Он уже показал свое вероломство в отношении Уильяма. Заставил ее испытывать неловкость за ее собственным столом. Чем скорее он свяжет свою

судьбу с какой-нибудь другой женщиной, тем лучше (хотя по какой причине он выбрал именно Салли Уайтинг, Альва понять не могла).

Вот и хорошо. Оливер Белмонт теперь окончательно исчезнет из ее жизни и будет вращаться исключительно в кругах мисс Уайтинг. Невелика потеря.

– Действительно, у вас есть другие дела, не сомневаюсь, – ответил Уорд Макаллистер. – Что касается ваших опасений в том, что самоубийство моего бедного друга вас погубит, дам вам совет. Последуйте ему, и вам не придется предпринимать никаких усилий. Сделайте так, чтобы миссис Астор перешла на вашу сторону. Как бы нам ни хотелось, чтобы было иначе, ключи от ворот к высшему обществу все еще у нее.

– Ах, ну если дело только за этим... Я могу просто послать ей записку: «Уважаемая миссис Астор, вы жестоко ошиблись, лишив Вандербильтов возможности посещать мероприятия, в которых участвуете сами. Пожалуйста, доведите это до всех, кого знаете».

Мистер Макаллистер погладил руку Альвы.

– Вы слишком возбуждены. Пойдите домой, выпейте капельку бренди, отдохните. Вы увидите, что у этой проблемы есть решение. Конечно, над ним придется поразмыслить, но уверяю – несмотря на то, что сделал Си-Джей Вандербильт, мы сможем доказать, что остальные члены семьи заслуживают того, чтобы их считали лучшими людьми нашей страны.

– Но я уже семь лет пытаюсь это доказать. Неужели все еще недостаточно?

– Вы спрашиваете меня всерьез? Конечно, недостаточно – даже когда вы пробьетесь в высшие сферы.

Гроб дяди Си-Джея понесли к катафалку. Альва заметила, что Уильям зовет ее. Она попрощалась со знакомыми и вместе с супругом отправилась на кладбище.

По дороге она размышляла о том, как в сегодняшней «Таймс» во всех подробностях смаковали непотребную жизнь дяди Си-Джея – все его странные привычки, дурную репутацию и ужасающий конец. Теперь всем известно, что большую часть своей жизни он был игроком и гулякой, что его дважды запирали в больнице для умалишенных, что он брал кредиты на имя отца и никогда их не выплачивал... Все узнали, что он жил в номере отеля «Гленхэм» со своим верным

другом – доктором Джорджем Терри; что у него была эпилепсия, из-за которой в последние годы его состояние сделалось совсем плачевным; что да, доктор Терри знал, что у его друга есть револьвер, но никогда не думал, что тот воспользуется им с такой целью... Доктор Терри находился в соседней комнате, когда его друг приставил дуло к виску.

Однако больше всего Альву беспокоили следующие строки:

«Мистер Вандербильт всегда имел при себе револьвер, но не из нужды, а просто по привычке. Он мог подняться из постели, но ненадолго. Когда доктор Терри вышел из комнаты, он, по всей видимости, встал и достал пистолет из кобуры. Если бы пистолет был спрятан под подушкой, доктору Терри это было бы известно».

Отрывок был специально написан так, дабы натолкнуть читателя на мысли о непристойностях. Вне всяких сомнений, из-за этой статейки по кабинетам и гостинным всего города расползутся слухи. Альва живо представила, как Кэролайн Астор заявляет собравшимся вокруг нее приспешникам: «Просто омерзительно. Ох уж эти Вандербильты...»

Появление подобных слухов Альва никак не могла предотвратить. Так же, как не могла решить данную конкретную проблему. Однако она не позволит подобному отношению распространиться на всю семью – а в особенности на ее детей.

Нет, ей не нужно, чтобы Кэролайн Астор перешла на ее сторону. Она желала видеть ее у своих ног. И чтобы об этом узнало как можно больше представителей высшего света.

Альва вспомнила тот вечер в Париже, когда она, Армида и их мать посетили один из салонов графини Пургале на Елисейских Полях. Графиня славилась красотой, вкусом и политической подкованностью. Ее салоны посещали самые интересные представители французского общества. Альва услышала, как в разговоре с какой-то дамой графиня произнесла: *«On ne suit pas l'exemple, on le définit».*

«Примерам не нужно следовать, примеры нужно подавать».

Глава 3

Решив вопрос с ложей в опере и готовясь совершить переворот в музыкальном мире Нью-Йорка, Альва задалась целью внести определенные перемены и в само общество – *faire de l'exemple*^[38]: она собралась провести в лучшей резиденции города самый экстравагантный костюмированный бал в честь приезда виконтессы леди Мандевиль, которая (Альва не сомневалась) снизойдет до того, чтобы почтить Нью-Йорк своим присутствием только из-за нежной дружбы с миссис Уильям К. Вандербильт. Вместе они сумеют организовать прием, который затмит все светские мероприятия, когда-либо проводившиеся в городе. На бал будут приглашены самые важные персоны, абсолютно все – за одним лишь исключением.

Альва решила не посвящать Уильяма в подробности своего плана – только упомянула с утра, что хочет организовать бал и ей необходимо согласие мужа быть его хозяином и выделить на него средства. Ничего она не сказала об этом единственном исключении и Уорду Макаллистеру, когда тот прибыл с советами по проведению бала. Описав свой план в общих чертах, она спросила:

– Ну, что вы думаете?

– Как вы полагаете, лорд Мандевиль тоже захочет показаться на людях?

– Надеюсь, его не будет, – мы хотим задать хороший тон.

– Вот как. Что ж, думаю, это чудная идея! В самом деле, очень интересно. Еще никто никогда не проводил балов подобного размаха. Прекрасная идея – праздник в честь всех жизненных благ в тот час, когда общество ожидает, что вы должны упасть и притвориться мертвыми.

После этого разговора Уорд навещал Альву каждую неделю, чтобы помочь ей с планированием бала. Всякий раз он устраивался с блокнотом наготове, держа карандаш между указательным и большим пальцем обеих рук. В первую очередь следовало выбрать дату бала, для чего было необходимо составить план всех светских событий, которые проводились в конце зимнего сезона. Поскольку Вандербильты вновь оказались в немилости, помощь Уорда была

неоценима, ведь в отличие от них его приглашали на каждый прием, званый ужин, бал, концерт, представление и кровопускание, а также на большинство событий второстепенной важности. К тому же он лично знал хозяек всех домов и обладал способностью с невероятной скоростью определять их положение в обществе и важность мероприятия, которое они проводили. Альве не хотелось, чтобы дата ее бала пересеклась с каким-нибудь мероприятием, которого в обществе ждали с нетерпением, и могла лишь надеяться, что никто из важных лиц не падет жертвой убийства или неожиданного недуга до и после выбранной ею даты – 26 марта.

– В самом конце поста, – одобрительно кивнул Уорд. – Когда все изголодались по хорошей еде и веселью. «Христос воскрес – отлично, давайте же наконец поедим!» И деликатесы в нашем меню возвестят приход весны.

Также следовало выбрать тему бала, которая позволила бы использовать как классические, так и сезонные элементы и создавать самые невероятные костюмы.

Уорд сказал:

– Гости должны чувствовать необходимость превзойти друг друга. Я лично поставлю в известность о грядущих заказах всех портных и швей города.

И, конечно, оставался еще список приглашенных. В него должны были войти все великосветские особы, все никербокеры, соблаговолившие не отворачиваться от Вандербильтов, а также мистер и миссис Оливер Белмонт. Оливер женился на мисс Уайтинг в декабре, после неудачной попытки его родителей противостоять их браку – они отослали сына в Германию, где он должен был погрузиться в банковское дело. Однако Оливер оказался настолько неспособным к этой работе, что они вернули его обратно и дали свое согласие. Хотя, судя по слухам, новобрачные, проводившие в настоящее время медовый месяц в Париже в обществе двух сестер Салли и ее матери, не слишком хорошо ладили. Конечно, они не ладили – этот глупец женился на Салли Уайтинг.

Не вошли в список приглашенных все по фамилии Астор.

– Стратегия исключения, – понимающе воскликнул Уорд, когда Альва все-таки призналась ему в своем плане. – Должен сказать,

чрезвычайно эффективное средство. Хотя и не уверен, что на мою дорогую подругу оно подействует.

– Мы знаем, что она не придет, если я просто отправлю ей приглашение, – ответила Альва и осторожно добавила: – Если она узнает о моей стратегии, она не сработает. И, если честно, это положит конец нашей с вами дружбе.

– Не смейте волноваться по этому поводу! Я сам давно надеюсь увидеть, как этой несправедливости придет конец и между моими друзьями исчезнет пропасть. Уверяю вас – нас объединяют общие интересы, совсем как Гранта и Линкольна при взятии Виксбурга.

В результате в список вошло двенадцать сотен человек, не последним из коих был тот самый Улисс Грант, упомянутый Уордом, – ныне бывший президент и близкий друг свекра Альвы. Оставалось лишь заказать приглашения и разослать их.

Уорд между тем вызвался лично назначить представителей прессы, которым будет дозволено предварительно ознакомиться с домом («украшенным по полной программе!») и посетить бал в качестве особых гостей Альвы.

– Мы позволим определенным лицам прийти заблаговременно, снабдим их шампанским, икрой и всеми необходимыми подробностями. Предоставьте это мне – я знаю тех, кто отлично подойдет на эту роль.

Он также хотел бы организовать танцевальные репетиции для самых юных девушек, многочисленных беспечных незамужних леди, напоминающих Альве тех, чей вид так угнетал ее десять лет назад в Гринбрайере.

– Это все очень хорошо, – сказала Альва. – Но ключ к моему успеху таков: как вам известно, мисс Кэрри Астор, которая главенствует среди этих юных леди, стремится завоевать внимание и любовь мистера Орме Уилсона. Вы должны сделать так, чтобы мой бал показался ей для этого идеальным местом.

– Как виртуозно! И, поскольку о том, что приглашения не будет, она не догадывается, я могу пригласить ее присоединиться к репетициям. Могу назначить ей ведущие места в каких-нибудь кадрилиях – представьте, какие ужас и разочарование, даже, не побоюсь этого слова, паника охватят ее, когда она узнает, что не сможет присутствовать на балу!

– А в вас есть дьявольщина, мистер Макаллистер.

– Нет, что вы! Я просто навожу в обществе порядок. Просто навожу порядок. Некоторые могли бы меня за это поблагодарить.

Мисс Кэрри Астор непременно обратится к матери за советом по поводу костюма, который должен быть настолько безупречен, чтобы мистер Уилсон посчитал ее самой желанной юной леди на балу. Альва представила, как миссис Астор сообщит дочери, что та не поедет на бал, ибо никто из Асторов не получил на него приглашение – из-за того, что все эти годы миссис Астор отказывала в приеме Вандербильтам. Кэрри станет умолять ее поговорить с Альвой и, поскольку два года назад старшая дочь миссис Астор умерла в родах, младшей она не сможет отказать ни в чем.

Эта женщина не сделает шаг в верном направлении, пока не почувствует, как земля уходит у нее из-под ног.

Как сообщил Уорд при следующей встрече, ожидаемый разговор между дочерью и матерью развернулся за ленчем у Кэролайн Астор.

– Мне показалось, что мисс Астор была довольно убедительной, однако моя дорогая подруга отправила бедняжку из-за стола всю в слезах.

– И?

– На этом все. Мисс Астор безутешна, но ее мать остается непреклонной. «Это дело принципа, – заявила она. – Если однажды дать слабину, в обществе скоро не останется никаких принципов». Я попытался намекнуть, что, возможно, это не та ситуация, в которой следует выбирать все или ничего, но она не стала меня слушать.

– Значит, мы просчитались, – расстроилась Альва. – Если даже дочь не может на нее повлиять...

– Разве армия Федерации побросала оружие после битвы при реке Булл-Ран? Конечно же, нет. Проявите стойкость. Выдержите паузу. Дайте мисс Астор возможность довести свою мать до предела.

– Терпение никогда не было моей сильной чертой.

Спустя несколько недель после этого разговора, через некоторое время после того, как приглашения были выгравированы, разосланы и получены адресатами, Альва отправилась на первую примерку костюма и, вернувшись домой, обнаружила на подносе увесистую стопку визитных карточек, записок и ответов на приглашение, в том

числе карточку миссис Астор. Даже если провалится нынешний план, возможно, со временем при помощи общества и здравого смысла ей удастся победить эту вершительницу судеб и открыть путь наверх себе и другим.

Альва еще стояла в холле, когда раздался стук в дверь. Открыв, она увидела удивленного лакея. Мужчина в голубой ливрее, которую носили слуги Асторов, поклонился и протянул карточку:

*Миссис Астор
По четвергам, до Великого поста*

На обратной стороне было надписано от руки:

«Будем рады встретиться с Вами».

Как только портфель отвернулся, Альва прижала карточку к груди, потом положила в карман. Уорд прав: их стратегия оказалась отменной, нужно было только набраться терпения.

Чуть позже, сидя за письменным столом, Альва взяла приглашение на бал и адресовала его мистеру и миссис Уильям Б. Астор и их дочерям. Она вручила приглашение лакею со словами:

– Эрик, первым делом отнеси это по адресу: Пятая авеню, триста пятьдесят. Первым делом – завтра.

Какое блаженство – вдыхать аромат успеха.

Глава 5

Цветы, цветы, повсюду – цветы. Настоящий цветочный парад, вынудивший мистера Кландера (по заявлению Уорда, le meilleur^[39] из флористов) и его ассистентов целых два дня носиться туда-сюда с вазами и кашпо размером с бочонок. Особенно много было роз – пурпурные розы «жакмино» величиной с голову, темно-розовые «глуар-де-пари», бледно-розовые «баронесса Ротшильд», «король Марокко», «герцогиня Кента», а также «новая прекрасная «Мария Луиза Вассей», – как сообщил Уорд репортерам, утром перед балом устроив для небольшого числа избранных экскурсию.

Также в доме появились охапки папоротников, каждая высотой с четырехлетнего Вилли, который, подражая Уорду, устроил торжественную экскурсию для своей няни. Из экзотических резных пальмовых листьев сплели высокие зеленые ширмы, по которым бежали каскады сиреневых орхидей – их поставили по периметру зала на третьем этаже. Под потолком протянули японские фонарики, а в центре установили вазон с гигантской пальмой, задрапированной длинными стеблями фуксии. В каждом углу стоял скульптурный мраморный фонтан, снабженный насосом на угольном топливе. В зале расставили не менее дюжины столиков со стульями, за которыми, по словам Уорда, «каждый из гостей сможет насладиться изысканнейшим разнообразием деликатесов и вин, которые я рад буду предложить вам в конце нашей маленькой экскурсии». Завидев неподалеку Альву, он задорно подмигнул.

Таким образом, на третьем этаже гости могли поужинать. Банкетный зал внизу превратился в балный – массивную дубовую мебель отодвинули к стенам, люстру не зажигали – вместо этого по всей комнате поставили театральные светильники, поскольку всезнающий Уорд заявил, что свет люстры слишком яркий. Прошлым вечером Альва видела, как рабочие зажгли их, и зал тотчас превратился в серебристую сказку. Витраж словно светился изнутри. Альва тоже сияла.

В десять часов в спальне Альвы Мэри и Кейтлин, камеристка леди Си, помогали господам с нарядами. Альва выбрала костюм венецианской патрицианки с картины Александра Кабанеля, который прошлой весной сообщил ей при встрече в Париже, что начал писать шекспировскую Офелию.

Они обсудили любовь Офелии к Гамлету и трагическую развязку истории: соблазненная Гамлетом и забеременевшая от него, влюбленная и отвергнутая любимым, потерявшая рассудок после смерти отца, Офелия тонет.

То, как Гамлет обошелся с Офелией, ничем не отличалось от того, как вели себя по отношению к ничего не подозревающим юным леди якобы воспитанные и благородные джентльмены. Возможно, со времен Шекспира многое изменилось, но уж точно не то, как большинство мужчин привыкли использовать девушек. А девушки – идти прямо в волчье логово, напевая песенки.

– На месте Офелии я бы поговорила с ним и убедила поступить правильно, – сказала Альва.

На что месье Кабанель ответил:

– Но без трагедии не было бы никакого смысла писать ее портрет.

Мэри помогла Альве облачиться в платье с квадратным вырезом и длинными рукавами из золотого миланеза. Парчовая нижняя юбка переливалась всеми оттенками от глубокого оранжевого до светло-канареечного, с акцентами из светлого шелка. Листья и цветы были вышиты золотым, белым и переливчатым бисером. Бледно-голубой шлейф расшит золотом и украшен кроваво-красным подбоем. Альва посмотрелась в зеркало и улыбнулась.

– Вот это преображение! Хотя в наши дни итальянский титул ничего не значит, их раздают налево и направо, точно леденцы.

– Я бы от такого леденца не отказалась, – заметила Мэри.

Она закрепила на волосах Альвы расшитый самоцветами капор с брошью в виде павлина из крохотных драгоценных камней – одно из украшений, которое Альва приобрела взамен украденных материнских. Брошь стоила больше, чем обычный человек смог бы заработать лет за десять непрерывного труда, она же после сегодняшней ночи закроет ее в сейфе и, возможно, больше никогда не станет носить, поскольку для леди ее уровня надевать подобное украшение дважды – дурной тон. Конечно, если бы это была

фамильная драгоценность, Альве пришлось бы надевать ее часто, но, учитывая ее броскость, это тоже могли бы счесть моветоном.

Леди Си заказала платье из черного бархата, подобное тому, в каком Ван Дейк изобразил Мари-Клер де Крой, герцогиню д'Аврскую. К платью она подобрала черную шляпу с широкими полями, которые подняла вверх с одной стороны и украсила самоцветами. Три выкрашенных в черный страусовых пера спускались аркой к ее плечам.

– Только посмотрите: Тьма и Свет, две стороны бытия! – воскликнула Альва.

– Трагедия и Комедия, – поддержала ее подруга.

Голоса, раздававшиеся с улицы, привлекли Альву к окну. Свет из нижних окон струился наружу, как жидкое золото, окрашивая все радостным сиянием.

– Иди сюда, посмотри, – подозвала она подругу. – На мостовых яблоку негде упасть. На каждой ступеньке зеваки.

Несмотря на холод, улица была усыпана людьми, кутавшимися в пальто и кашне. У парапета ждала стайка детей, они толкали друг друга и хохотали – маленькие карманники, ждавшие, когда придут кареты и начнется суета.

Альва приблизила лицо к стеклу и приставила руки к глазам, чтобы лучше все рассмотреть:

– Ну и столпотворение! Может, приказать дворецкому вынести им немного вина...

– Не выдумывай, – остановила ее леди Си, которая даже не стала подходить к окну. – Если только ты не желаешь, чтобы они взяли твой дворец штурмом.

– Но это ведь жест доброй воли, – заметила Альва, обернувшись к подруге. – Благодарность за то, что они интересуются культурой и историей.

– Точнее, за то, что суют свой нос в твои несметные богатства.

– Мэри, а ты что думаешь? – спросила Альва.

– Я? – Мэри взглянула на леди Си. – Я полагаю, что некоторые из них вас за это поблагодарят, а некоторые – возненавидят.

Леди Си усмехнулась:

– Она говорит что думает.

– Я ведь сама ее об этом попросила. Люди и в самом деле меня ненавидят, Мэри?

Леди Си ответила за служанку:

– Альва, они презирают тебя так же, как презирают меня. И так будет до тех пор, пока мы все не воскреснем как равные в Царствии Небесном.

– Ты ведь в это не веришь.

– Я – нет. Но многие верят. В любом случае это не имеет совершенно никакого отношения к тому, что ты делаешь сегодня. Сейчас ты – хозяйка всего Нью-Йорка, леди, которая поставила на колени саму миссис Астор.

– А ты – моя главная почетная гостья.

Они вдвоем вышли из комнаты и спустились по лестнице с необычайным изяществом, совсем как Альва себе это представляла. Теперь они вместе с Уильямом будут встречать гостей в салоне, стоя под портретом Альвы, – продолжая традицию Кэролайн Астор, как сказал Уорд.

– Если вы так поступите, в сознании гостей ее и ваше влияние непременно окажутся связаны.

– Стоять под собственным портретом? Это обязательно? Я ведь вовсе не собираюсь становиться во главе общества.

– Вы можете этого не хотеть, однако общество нуждается в том, чтобы его возглавляли. И, безусловно, только так вы сможете совершить изменения, к которым стремитесь всю жизнь. Сейчас, когда вы так близки к цели, не время сомневаться.

– Но это же эпигонство, я не хочу становиться еще одной миссис Астор.

– Я ведь до сих пор не давал вам плохих советов?

– Нет, не давали.

Кому-то могло показаться, что и этот бал, и этот дом, и все усилия, которые Альва прилагала к переменам в культуре и облике Нью-Йорка, являлись лишь средствами, при помощи которых она стремилась возвыситься сама, а семейство Вандербильт выигрывало от этого как бы за компанию. Кто-то мог подумать, что она ставит личные амбиции превыше всего, дабы потешить свое ненасытное тщеславие. Ну и пожалуйста. В этом мире интеллигентная женщина должна использовать каждый шанс, когда у нее появляется такая возможность.

Лакированные экипажи подъезжали ко входу, гости в изысканных костюмах поднимались по ступеням, накрытым красной ковровой дорожкой. Герцогини и герцоги, принцессы и принцы... Маркизы с маркизами. Дьяволы. Монахи. Шмель. Пастушка Бо-Пип^[40]. Король Лир. Старосветская дама. Шут. Невероятно изобретательная леди в костюме кошки – верхняя юбка целиком из хвостов белых кошек и целая шкурка кошки вместе с головой, превращенная в шляпку. С появлением каждой французской или итальянской принцессы, каждого кавалера, рыцаря и вельможи, которых провожали любопытные взгляды зевак, с приходом каждого гостя в замысловатом костюме, чей взгляд, в свою очередь, обращался на великолепие, разворачивавшееся внутри, статус семьи Уильяма К. Вандербильта поднимался выше и выше.

Наконец троица хозяев вечера заняла свое место, и гости начали заходить в салон, стены которого были отделаны панелями из дуба и украшены парижскими гобеленами восемнадцатого века. Альве эта часть дома нравилась больше всего. Купидон и Психея резвились на потолке, над камином висел портрет Альвы работы Раймундо Мадрасо, а радушие, с которым хозяин, хозяйка и почетная гостья приветствовали каждого, не зависело от того, принадлежал входящий к старым или новым нью-йоркцам.

Впрочем, это вовсе не значило, что Альва не замечала между ними разницы, – напротив, ее особенно забавляли почтительные реверансы и оживленные улыбки некоторых леди из коренных нью-йоркских семей, которые десять лет назад не удостоили бы и толикой своего внимания ни ее, ни Вандербильтов, ни Консуэло Изнага. Мистер Изнага, торговец и к тому же иностранец, был гораздо смуглее их мужей, в чьих жилах текла голландская кровь, а также их самих, уроженок Северной Европы. Большинство этих дам затруднились бы найти Кубу на карте, но сегодняшним вечером все они восхищались троицей хозяев и чувствовали себя невероятно важными особами, когда их представляли виконтессе Мандевиль, будущей герцогине Манчестер.

Уорд тоже был здесь. Он выбрал наряд французского графа де Ла Моля, любовника Маргариты де Валуа, который в тридцатилетнем возрасте трагически окончил свою жизнь на

гильотине за любовь весьма пылкую, но неосмотрительную. Костюм был сшит из ткани в полосы королевского пурпура и багрянца и состоял из пелерины, пышных панталон, шляпы с меховой подкладкой и отделкой из перьев, рапиры, трости с золотым наконечником и белых замшевых лосин. Ох и потруился, наверное, мистер Макаллистер, чтобы в них втиснуться!

– Вы сегодня настоящий щеголь! – похвалила его леди Си. – Обещайте, что непременно потанцуете со мной.

– Для меня это будет огромной честью, мадам, – низко поклонился ей Уорд.

– Мой вечер будет неудачным, если я не проведу хоть немного времени с самым важным из присутствующих джентльменов.

– То есть с ним? – уточнил Уильям.

– А с кем же еще? – кивнула леди Си.

Прибыло семейство Корнеля Вандербильта. Он – в белом парике и камзоле из сверкающей золотом парчи, она – в платье из золотой ткани, отороченный жемчугом воротник и вышивка серебряным бисером искрились на свету. Трое из пяти детей Элис, тоже наряженные в костюмчики, не отходили от нее ни на шаг.

Заметив семейство Корнеля, Уорд обернулся и воскликнул:

– Добрый вечер! Вы, наверное, прибыли сюда прямо из Ренессанса?

– Не совсем. Луи XVI к вашим услугам, – ответил Корнель с поклоном.

– Ах! Еще один француз, который, подобно моему графу де Ла Молю, потерял голову. Но вы, дорогая миссис Вандербильт, поставили меня в тупик – я понятия не имею, кто вы!

– Она – Электрический свет, – пояснил Корнель. – Элис даже обсуждала детали костюма с мистером Эдисоном. Покажите им, – обратился он к жене.

Она повиновалась и подняла вверх сферу из позолоченного стекла.

– Представляете, если бы мистер Эдисон и в самом деле придумал, как ее зажечь! – сказал Уорд.

– Да, я поинтересовался, возможно ли такое, однако мистер Эдисон начал говорить о нестабильности нити накаливания в лампе и о том, как сложно обеспечить безопасность проводки, кроме того, для

батареи потребовались бы специальные контейнеры, а риск того, что Элис ударит током или все загорится...

– Довольно, довольно! Должен вам признаться, я ужасно боюсь электричества. Много лет назад один мой знакомый из Саванны объезжал на лошади свои хлопковые поля, и его ударила молния! При этом на небе не было ни облачка! Поэтому любые попытки подчинить эту силу кажутся мне неразумными... Но вы, миссис Вандербильт, выглядите просто великолепно, воплощая технологический прогресс этим прекрасным нарядом в старосветском стиле!

– Вот только это может не понравиться моей матери, которая целиком разделяет ваше отношение к электричеству, – заметил Корнель.

– Все дело в том неприятном случае с проводкой? Я слышал о нем. Это только укрепило мое мнение.

Мистер Эдисон убедил старшую чету Вандербильтов снабдить новый дом электропроводкой, специальными лампами и паровым электрогенератором, который разместили в подвале. Предполагалось, что в доме будет и газовое, и электрическое освещение. Коль уж до Юнион-сквер протянулись гирлянды электрических огней, самые важные горожане хотели обладать не меньшим. Хотя над головой теперь громоздились целые клубки проводов, люди говорили: «Вот он, прогресс – прямо перед нашими глазами!» Некоторые называли мистера Эдисона повелителем молний. Но когда он хотел продемонстрировать Вандербильтам систему, установленную в их доме, в художественной галерее заискрились провода и загорелась занавеска. После чего миссис Вандербильт об электричестве и слышать не желала – у них в доме не будет никаких проводов, генераторов и «молний», она не хочет рисковать своей жизнью или жизнью Джорджа. Мистер Вандербильт попробовал ей возразить: «Но тогда Морган нас обойдет со своим новым домом на Мэдисон-авеню». – «Ну и пусть!» – ответила ему жена. Альва никогда прежде не видела ее столь непоколебимой. Когда на Пятой авеню начали постройку домов для младших дочерей, миссис Вандербильт запретила проводить электричество и там.

Уорд наклонился к детям:

– А кто это у нас тут такой нарядный?

Билл, старший, был в костюме моряка из какой-то далекой страны – судя по туфлям, из Турции. Его брата Нейли нарядили придворным, а Гертруду, которая ростом уже почти сравнялась с Биллом, облачили в розовое тюлевое платье с накидкой из зеленого сатина и белый чепчик.

– А вы, мисс Вандербильт? – спросил ее Уорд.

Девочка молча смотрела на него.

– Моя дочь – роза, – ответила за нее Элис.

– И правда – роза, – ахнул Уорд, и Гертруда чуть заметно улыбнулась.

– Я бы хотела быть Синдбадом, как Билл.

– Ни в коем случае! Вы слишком хорошенькая. – И вполголоса добавил: – Хотелось бы мне иметь возможность нарядиться розой.

Он ожидал увидеть на лице девочки улыбку, но та лишь нахмурилась в ответ.

– У роз не бывает приключений.

– Что ж, в этом вы правы. Может, ваш брат потом одолжит вам свой костюм.

Девочка обрадовалась, но Элис заявила:

– Мистер Макаллистер пошутил. Юным леди нельзя наряжаться Синдбадами. – И обратилась к Альве: – А где же маленькая Консуэло? Полагаю, она наряжена воробушком или, может быть, пастушкой?

– Она в детской, играет с Вилли и детьми леди Мандевилль. Их никто не наряжал. У нас и мысли не было выставлять детей напоказ.

К половине одиннадцатого экипажи на Пятой авеню выстроились в бесконечную очередь. Где в этой очереди находилась Кэролайн Астор, для Альвы оставалось загадкой.

Она знала, что миссис Астор спешить на бал не станет. Но и пропустить первую кадрили, в которой танцует ее дочь (та прибыла пораньше, вместе с остальными танцорами), тоже не могла. О том, что миссис Астор может вовсе не приехать, Альва предпочитала не думать.

Зато, если бы не приехал кое-кто другой из гостей, она бы ничуть не расстроилась: в гостиную вошел Оливер Белмонт, одетый в костюм, отдаленно напоминавший Елизаветинскую эпоху. За ним следовала целая свита из его жены, родителей и братьев со своими женами.

– Миссис Белмонт, – поприветствовала Альва бывшую Салли Уайтинг. – Как я рада видеть вас и вашего любимого супруга. И как чудесно вы выглядите! (Две неправды подряд.) Уверена, вы привезли из путешествий массу впечатлений. Мне не терпится услышать о них после кадрилей.

– Вы тоже сегодня необычайно хороши! – ответила Салли Белмонт, широко улыбаясь.

Альва сразу догадалась, что улыбка ее чем-то подкреплена, возможно, даже вином «Мариани»^[41], судя по характерному блеску в глазах.

Салли Белмонт подошла к леди Си со словами:

– Ах, сколько же я слышала о вас! Мои английские друзья так завидовали, что я с вами познакомлюсь! – Она пошатнулась, пытаясь присесть в реверансе и, найдя равновесие, сделала еще один.

Следующим был Оливер. Уильям пожал ему руку:

– Я рад, что вы вернулись, мой друг. Сбежали, чтобы поскорее охомутать маленького жеребенка? – Он подмигнул. – Но теперь-то мы сможем все отметить как следует.

Оливер натянуто улыбнулся.

– Это делать вовсе не обязательно.

– Вы, наверное, помните леди Мандевиль? – обратилась к нему Альва.

– Да, моя память, судя по всему, острее, чем мой интеллект. Леди Мандевиль. – Оливер поклонился. – По-моему, вы и миссис Вандербильт решили заставить остальных дам на балу кипеть от зависти.

– Мне кажется, мы можем добавить в этот список и вашу супругу, – усмехнулась леди Си. – Не в список тех, кто кипит, разумеется. А тех, кому завидуют.

– Что-что, а кипеть она умеет, – обронил Оливер, и брат толкнул его локтем. – Но это все ерунда. Передавайте привет Перри!

Приветствуя остальных Белмонтов, Альва украдкой наблюдала за Оливером. Он явно был не в духе. От того веселого и счастливого молодого человека, с которым она была знакома в прошлом, не осталось и следа.

Хотя, конечно, его счастье вовсе не должно ее заботить.

В то же время Альва отнюдь не жаждала, чтобы Оливер был несчастен. Она хотела лишь, чтобы он был сейчас где-нибудь в другом месте.

Уорд снова показался среди новоприбывших гостей, на сей раз под руку с Кэролайн Астор. Альва отбросила мысли об Оливере. Вот он, самый важный миг, кульминация всех ее усилий. Если в руках одной-единственной женщины сосредоточено все влияние на общество, то это общество просто необходимо изменить.

Когда Уорд и миссис Астор подошли к хозяевам бала, лицо Уильяма осветила самая обворожительная из его улыбок.

– Приветствую вас, Макаллистер, – сказал он, словно видел Уорда впервые за этот вечер. – Миссис Астор, вы сегодня – само воплощение красоты.

– То же самое и я говорю, – поддержал его Уорд. – Разве наряд миссис Астор не самый великолепный, а драгоценности не сияют ярче всех прочих?

– Разумеется, но даже их сияние не в силах затмить внутренний свет!

Альва молча возразила этим словам: Кэролайн Астор была увешана бриллиантами, как рождественская елка – мишурой. Ни разу в жизни она не видела столько алмазов сразу. Совершенно безвкусно не только по стандартам старого Нью-Йорка, но и по любым стандартам вообще. Оставалось лишь уповать, что подобное излишество было частью костюма Кэролайн, кем или чем бы она ни нарядилась. Возможно, мифической богиней избытка? Легендарной королевой чрезмерности? Ах, нет, погодите – наверное, бриллианты символизировали звезды! Кэролайн Астор была Светом вселенной. По крайней мере, в своем воображении.

Миссис Астор сказала:

– Джентльмены, прошу вас, продолжайте.

Уильям рассмеялся и подвел ее к женщинам.

– Вы знакомы с моей женой?

– Да, миссис Вандербильт недавно нанесла нам визит.

– Мы очень рады видеть вас на нашем балу, – произнесла Альва.

Визит, о котором упомянула миссис Астор, не продлился и десяти минут и состоялся в присутствии трех других дам. Они с миссис Астор всего лишь обменялись любезностями.

– Разрешите представить вам виконтессу леди Мандевиль.

– Леди Мандевиль, – склонила голову Кэролайн Астор.

– Спасибо, что приехали. Мы с миссис Вандербильт очень рады, что вы приняли приглашение.

– Да, мы рады невероятно, – произнесла Альва, глядя Кэролайн прямо в глаза. – Без вас этот бал не состоялся бы.

– Очень мило с вашей стороны, – ответила миссис Астор. – У вас прелестный наряд. Итальянцы всегда тонко чувствовали стиль. – Она осмотрелась и добавила: – И дом у вас тоже прелестный. Единственный в своем роде.

Уорд Макаллистер наблюдал за беседой, которую вели две его подруги, с открытым от изумления ртом.

– Да, верно. Единственный в своем роде. Как и вы обе, – только и смог сказать он. – Все вы, – поправился он. – Вы втроем. *Sui generis*^[42].

Наконец гости закончили прибывать. Все переместились в бальный зал, а на верхней галерее заиграл оркестр. Разговоры смолкли, когда в широкой арке появилась первая группа из восьми танцоров, представляющих лордов и леди, скачущих на лошадках. На каждом всаднике была красная охотничья накидка. На то, чтобы смастерить лошадок, ушло два месяца – их сшили из настоящих лошадиных шкур, сделали каждой большие глаза, украсили лошадиной гривой и хвостом. Вышитая попона скрывала ноги танцоров, а ноги лошадок двигались в такт движениям, завершая иллюзию.

Прозвучал свисток, и под восторженные возгласы зрителей всадники устремились в бальный зал.

Наблюдая за всем из противоположного конца зала, Альва думала: «Какое чудесное зрелище! Поистине упоительное!» После сегодняшнего вечера все будет хорошо. По-другому и быть не может.

– Ах, мистер Макаллистер! – Альва нашла Уорда в коридоре, который опоясывал зал.

Он снял шляпу и поклонился.

– Моя дорогая! Довольны ли вы сегодняшним вечером так, как доволен им я? За ужином мои соседи без усталости пели дифирамбы вашему безупречному вкусу и приложенным усилиям.

Улыбаясь, Альва смахнула со лба выбившийся локон и попыталась спрятать его под капор.

– Должна признаться, это весьма приятно. Хотя, конечно, мой «безупречный вкус» во многом результат вашего чуткого руководства.

– Но вы необычайно талантливо воспользовались этим руководством, так что это целиком и полностью ваша заслуга. У меня есть вопрос: я видел, что вы оживленно и, как мне показалось, не без взаимной симпатии беседовали с миссис Астор. О чем вы говорили?

Разговор между дамами состоялся на диванчике в холле возле бального зала, откуда они могли наблюдать за танцующими.

– Мы говорили обо всем. Об этом доме, о материалах и мебели, которые я выбрала, о мастерах, которые работали над отделкой окон. О детях. Мы говорили о ее дочери, которая танцевала кадрили, и о ее возможной свадьбе с мистером Уилсоном следующей весной. Обычная беседа двух леди.

– Отлично, просто прекрасно! Все именно так, как и должно быть. Именно то, на что мы и надеялись. Уверен, это заметили все гости, и завтра все только и будут говорить, что миссис Астор наконец признала Вандербильтов. Пожалуй, я упомяну об этом прямо здесь, когда увижу кого-то из прессы.

Хотя Кэролайн Астор (как и сама Альва) делала все с расчетом на зрителей, Альва не могла обвинить ее в неискренности или неприязни – приехав на бал, Кэролайн стала его полноценной участницей и держалась подобающим образом. Впрочем, во время их разговора она внезапно разоткровенничалась.

– Вести за собой общество – тяжкий труд, – призналась миссис Астор. – Иногда это настоящее бремя. Временами хочется разделить его с кем-нибудь.

Альва поцеловала Уорда в щеку.

– Вы незаменимый человек. А в этом костюме выглядите настоящим франтом. Спасибо вам за все, что вы делаете. Наверное, еще счастливее я стану лишь сняв наконец эти туфли.

– Завтра вы сможете позволить себе целый день ходить *sans souliers*^[43].

– Вот только сегодня я обещала потанцевать с мужем и до сих пор не нашла времени выполнить свое обещание. Идите же, выпейте еще

отменного вина. Давайте в четверг пообедаем вместе, и вы расскажете мне все сплетни, которые сегодня услышите.

Альва покинула Уорда и направилась к лестнице. Прямо навстречу ей поднимался Оливер Белмонт. Сделать вид, что она его не заметила, Альва бы никак не смогла.

– Я надеялся вас найти, – произнес он, остановившись возле нее на лестнице.

– Хорошо ли вы проводите вечер?

– Отвратительно, – заявил Оливер, слегка пошатываясь. – Один из худших вечеров в моей жизни.

– Вы не шутите? Не знаю, что и сказать.

– Не поймите меня неправильно. Бал прекрасен – во всей стране никогда не проводили мероприятий подобного масштаба. Да и не только в этой стране, полагаю. Угощения, цветы, музыканты... – Он сделал неловкий взмах рукой. – И ваша блестящая победа над миссис Астор – все только об этом и говорят. Все просто безукоризненно.

– Почему же вам плохо?

Оливер положил руку на плечо Альвы, наклонился и сказал:

– Да, мне плохо. Я раскаиваюсь.

Альва отступила, чтобы избавиться от его руки, и проговорила:

– Мне очень жаль.

– Моя жена меня ненавидит. – Оливер сложил руки за спиной. – Она утверждает, что я изверг.

– А вы и вправду изверг?

– Возможно. Меня, конечно, спровоцировали, но этим нельзя оправдать то, как я обошелся с ней и ее матерью.

Альве не хотелось давать советы, в особенности этому человеку, в отношении его брака. Ей хотелось поскорее от него избавиться, а потому она сказала настолько спокойно, насколько смогла:

– Не отчаивайтесь. Вы только начали совместную жизнь. К браку нужно привыкнуть. Все ваши тревоги со временем пройдут.

– Вы так думаете? Салли – корыстная мегера, которой от меня нужны только деньги. А я – холодный, безразличный, вероломный самец, потому что женился на ней, зная, что никогда не буду испытывать к ней настоящих чувств.

Внизу лестницы показался Уильям со словами:

– Я требую свой танец.

Поравнявшись с ними, он заявил:

– Белмонт, только посмотрите на себя – можно подумать, вас приговорили к виселице.

– Оливер и его жена не ладят, – пояснила Альва.

– Да? Значит, слухи верны?

– Все мои родные были против этого брака, – пожаловался им Оливер. – Теперь мой отец, кажется, получает удовольствие, напоминая мне о моей опрометчивости, импульсивности и ненадежности. Он слышал – и, полагаю, не он один... – Оливер кивнул в сторону Уильяма. – ...Что во время медового месяца я развлекался с любовницей. На самом же деле я только совершил поездку по Испании без жены и ее свиты. Зато в компании большого количества абсента.

– Сегодня вы, кажется, тоже неплохо утолили жажду, – заметил Уильям и хлопнул Оливера по спине: – Идемте же танцевать! От недуга это не избавит, но вы сможете отвлечься хотя бы на время.

– Танцы – наименьшее, в чем мне хотелось бы сейчас поучаствовать.

Взглянув на Альву, Уильям произнес:

– Как пожелаете. Только прошу вас, не задерживайте мою жену надолго. Нельзя оставлять двор без королевы. – И он покинул их, прыгая через ступеньку, словно озорной мальчишка, которым он, в общем-то, всегда и оставался.

Глядя ему вслед, Оливер сказал:

– Ему везет во всем, не правда ли? – Он повернулся к Альве: – На самом деле любовника завела моя жена. И теперь я узнал, что стану отцом. Вернее, что моя жена ждет ребенка – не следует путать одно с другим.

– Ах, Оливер, мне очень жаль.

– Но ведь я сам и заварил эту кашу – вот, что вы хотели бы сказать, но не скажете, хотя это правда. Я полностью с этим согласен.

Он прижал к губам палец, словно задумавшись – а потом прижал этот же палец к губам Альвы, ужасно ее напугав.

– Не смейте...

– Прошу прощения. Но не за свой жест, а лишь за то, что он вас оскорбил. Будь я хоть чуточку старше, я мог бы оказаться в Гринбрайере тем летом, когда Вандербильт сделал вам предложение. И

у меня тоже мог быть шанс это сделать, разве не так? Скажите мне правду?

Альва не могла заставить себя взглянуть на Оливера.

– Я желаю вам только добра, вы знаете это.

– Я знаю.

– Вы справитесь, все изменится, вот увидите. Вы вдвоем можете начать все с чистого листа. – Альва начала спускаться. – Скоро вы с Уильямом куда-нибудь снова поедете. Он возьмет вас в «Часы досуга». У вас впереди вся жизнь. И постарайтесь получить удовольствие от сегодняшнего вечера.

Она оставила его на лестнице. Что еще она могла сделать? Оливер – хороший человек, но он совсем запутался. Он и вправду сам заварил свою кашу. А она свою – здесь, среди буйства музыки и веселья, где наконец произошло невозможное. Нет, Альва просто не могла позволить себе разочароваться даже на минуту.

Глава 6

Мужчина стоит у Альвы за спиной. Она чувствует жар его тела у себя на шее и плечах. Его губы приближаются к ее уху, его дыхание обжигает. Вокруг – принцессы и короли, рыцари и куртизанки, придворные денди и танцоры, переодетые лошадьми. «Альва», – произносит мужчина. Его губы прикасаются к ее уху, и по телу пробегает дрожь, перехватывает дыхание. Он обнимает ее за талию, поворачивает к себе лицом, поднимает ее юбки и толкает свою ладонь между ее бедрами.

– Альва, я хочу...

– Не надо, – говорит она, отталкивая его руку.

Мама изобьет ее, если застанет их за этим занятием. Но господи, какое это было бы чудесное занятие...

– Ваш завтрак готов.

Мэри. Солнечный свет. Это всего лишь сон.

Альва натянула одеяло на голову.

– Мне нехорошо. Зайди попозже.

– Да. Извините. Может, вам нужен порошок от боли? Или послать за доктором? Выпейте хотя бы немного кофе.

Когда же она замолчит?!

– Ладно, – простонала Альва, откидывая одеяло.

Сон уже растаял, она попыталась ухватиться за ускользающие образы, но вскоре поняла, что шансов на успех у нее не больше, чем у маленького Вилли, когда тот ловит мальков в прибое. «В следующий раз получится лучше», – уверяла она Вилли, когда пора было сворачивать сети и ведерки и везти все на тачке домой. Для нее же и мужчины из сна следующего раза, к сожалению, не будет. Да и что может вызвать такой сон? Ровным счетом ничего. Сознание Альвы предало ее во сне. Вероятно, ей стоит вообще перестать спать.

Мэри принесла стопку газет, кофе, тосты и джем – хотя, судя по солнцу, время было уже обеденное.

– Надеюсь, вы простите меня за то, что я читала «Тайм», – сказала Мэри, ставя поднос Альве на колени. – Мне было так интересно, что там написали.

Она развернула газету и показала заголовок:

БОЛЬШОЙ КОСТЮМИРОВАННЫЙ БАЛ МИССИС
ВИ-КЕЙ ВАНДЕРБИЛЬТ,
КАЛЕЙДОСКОП ИЗЫСКАННЫХ НАРЯДОВ,
ИЗОБИЛИЕ ЭКЗОТИЧЕСКИХ РАСТЕНИЙ,
А ТАКЖЕ УНИКАЛЬНЫЕ ТАНЦЫ

– В заголовке написали мое имя! – ахнула Альва.

Ее имя, не Уильяма. Она добилась большего, чем рассчитывала.

– Вам посвятили целых четыре колонки!

– Четыре! Невероятно. – Ну вот, теперь она может отвлечься, а сон пусть уходит туда, откуда пришел. – Найди леди Мандевиль и скажи, что я приглашаю ее к себе. Если она еще спит, разбуди.

Мэри ушла, и, ожидая ее, Альва стала думать об Оливере (капризные мысли, никак от них не отделаться), о его теплой руке на ее плече, о словах, которые он произнес, о том, как он прикоснулся пальцем к своим губам и к ее. Это было так чудесно. И так ужасно.

«Я безупречна».

Но что, если это не так? Ответ Альва взаимностью, какие бы последствия это повлекло?

– Леди Мандевиль нет в спальне, – объявила Мэри. – Я нигде не могу ее найти.

– Не можешь ее найти? Но она ведь не могла просто взять и исчезнуть... Может, она с детьми?

– Нет, мэм. Гувернантка собрала их в классной комнате, они рисуют.

– И маленький Ким тоже?

– Да. Ее милость, должно быть, куда-то уехала.

– Это непостижимо. Неужели вчера вечером кто-то пригласил ее на обед?

– Этого я не знаю.

– А ее камеристка здесь?

– Она говорит, что заснула еще до того, как бал закончился, и ее милость ничего не сообщала ей о своих планах.

– Значит, оделась она самостоятельно.

– Полагаю, что так.

– Что же, мне пока одеваться не хочется. Возвращайся, когда наша леди объявится. И обязательно передай, что я ее жду.

Чтобы скоротать время, Альва с удовольствием взялась за чтение:

«Бал Вандербильтов взбудоражил нью-йоркскую общественность больше, чем любое другое событие последних лет. С того самого момента, как за неделю до Великого поста была объявлена дата бала, он стал главной темой для разговоров в высшем обществе. Бал завладел умами светских львов и львиц, занял их грезы и мысли на целых шесть недель и, пожалуй, в некоторой степени даже помешал строгому соблюдению поста, как того требует церковь. Главные дельцы города думали лишь о том, какой наряд им выбрать: Роберта-дьявола, кардинала Ришелье или Отто-варвара...»

В дверь постучали, и на пороге появилась растрепанная леди Си. Растрепанная, но прекрасная. Каким же чудесным даром наградила ее природа – золотистые волосы, поцелованная солнцем кожа, огромные манящие глаза... Она всегда оставалась настоящей красавицей.

– Входи же! – позвала ее Альва. – Я думала, ты ушла на прогулку в парк или тебя украл какой-нибудь извозчик. Ты уже завтракала? Я пошлю за кофе...

– Нет, мне не хочется. Слишком много вина. Ужасное утро.

– Уже день, – поправила Альва. Встряхнув газету, она радостно объявила: – Мы победили! Это «Таймс» – посмотри, расписали бал во всех подробностях почти на целую страницу. Может, Уорд Макаллистер иногда и кажется немного не от мира сего, но я его просто обожаю. Никто бы не помог мне воплотить все так, как он.

– М-м-м, – протянула подруга и подошла к зеркалу, чтобы получше себя рассмотреть.

– А Ричард был совершенно великолепен в своем костюме Чимабуэ! Как бы он ни любил Париж, мне кажется, в душе он – флорентиец.

– Тебе нужно выйти за него замуж.

– Но он слишком стар для меня, и у него есть жена.

– Но ведь ты его любишь.

– Ты снова за старое? Я люблю его как друга, но я в него не влюблена.

– В кого же ты влюблена? – поинтересовалась леди Си, глядя на отражение Альвы в зеркале. – Есть ли кто-то...

– Прошу тебя, перестань. Ты прекрасно знаешь, что никого нет. Неужели ты считаешь, что я бы рискнула всем, чего достигла, ради минутной прихоти?

– А если бы для этого не нужно было рисковать?

– У меня есть любовь, не требующая риска. Но это не кто-то, а что-то: архитектура.

– Да, конечно, – есть только Альва Вандербильт, застывшая в вечном каменном объятии своего маленького шато.

– Чему она весьма рада.

Вернувшись к газете, Альва заметила:

– Элис думает, она такая умная. Электрический свет. Как ей в голову пришло нарядиться изобретением?

– Надо отдать ей должное – это что-то новенькое. Она сказала мне, что они с Корнелем часто встречаются с Эдисоном и собираются провести электричество в дом.

– Уильям тоже мне об этом говорил – он не может позволить Корнелю обойти себя. А тебе не показалось, что приводить на бал детей не очень прилично? Элис просто хотелось ими похвастаться и иметь возможность уехать пораньше.

Она продолжила читать.

– Слушай! Они пишут, что у меня «безупречный вкус»... А вот еще: «Над камином висит великолепный портрет миссис Вандербильт кисти Мадрасо – яркий образ, преисполненный элегантности и внутренней силы». Так лестно. И я не могу с ними не согласиться.

– Кое-кто летает на крыльях гордости!

– Разве я этого не заслужила?

– Конечно, заслужила. – Леди Си повернулась к Альве и указала на газету: – Вот только я представляю, как обрадуется всем этим подробностям наша новая подруга Кэролайн.

– Не думаю, что она будет мне завидовать. Полагаю, она уже устала от внимания. Она мне в этом почти призналась.

– Кобры танцуют и гипнотизируют жертву, глядя ей в глаза, прежде чем атаковать.

– У тебя, кажется, не в меру разыгралось воображение, – улыбнулась Альва и продолжила читать. – Послушай это: «Красоту белокурой леди Мандевилль как нельзя лучше оттенил ее величественный и мрачный наряд.

Леди Си все еще сидела за туалетным столиком и рассматривала свое лицо.

– Как они верно подметили – «величественный и мрачный».

– Но ведь ты не бываешь мрачной?

– Не бываю – от этого кожа тускнеет.

– И все же в твоей жизни наверняка случаются неприятные моменты.

– О, я могу быть чернее тучи. Спроси Мандевиля.

– Но он сам виноват в этом, – возразила Альва.

– Я тоже не святая.

Альва и себя не назвала бы святой. Деньги, которые ее супруг потратил на вчерашний бал, могли пойти, скажем, на благотворительность, если бы она обратилась к нему с таким предложением. И все же – какие обязательства у нее перед теми, кому в жизни повезло меньше? Ведь ее семья не должна отдавать им все свои деньги.

Сон, который ей снился, тоже говорил отнюдь не в пользу святости. Желание быть рядом с мужчиной, ощущать его прикосновение, то, что она при этом чувствовала.

– Что случилось? – спросила леди Си, заметив, как изменился взгляд Альвы. – Выкладывай! Ты не умеешь ничего скрывать.

Альва почувствовала, что краснеет.

– С чего ты взяла? – сказала она с деланным легкомыслием. – Может, я настолько хорошо все скрываю, что даже ты никогда ни о чем не догадаешься.

Леди Си поднялась из-за столика.

– Ладно. Оставлю тебя наедине с твоими тайнами. Мне ужасно хочется выпить кофе. И принять ванну. И близняшки, наверное, по мне соскучились. Наслаждайся своим триумфом. Ты его заслужила.

Только после, вытирая руки от газетных чернил, Альва поняла, что подруга так и не обмолвилась о том, где пропадала. «Я тоже не святая...» Альва, разумеется, пошутила насчет извозчика, но,

возможно, леди Си и вправду завела любовника. Может, следовало присмотреться, не застряла ли в ее волосах солома...

О «Большом костюмированном бале миссис Ви-Кей Вандербильт» написали все газеты от Нью-Йорка до Кливленда и от Чикаго до Сан-Франциско. Вдобавок к полным восхищения и благодарности запискам от гостей вечера Альве стали приходить письма от людей со всех уголков страны.

«Вы – благородная леди, наделенная прекрасным воображением. Поздравляю Вас, и да хранит Вас Господь».

«Благодарим за то, что подарили нам эту волшебную сказку и подняли наш дух – весна в Иллинойсе нынче поздняя, и мы уже опасаемся, взойдет ли урожай».

«Не могу не согласиться с издателем: тратить такие деньги на развлечения – безнравственно, когда столько людей голодает. Вам должно быть стыдно!»

«Мне четырнадцать лет, и я всю жизнь мечтала переехать в Нью-Йорк. Пожалуйста, вышлите мне денег на билет, и я буду работать на Вас два года, если Вы не против».

«Наверное, в своем прекрасном платье Вы выглядели как спелый персик – я бы Вас облизал».

«Недавно я стала женой состоятельного человека, и мы с ним хотим организовать бал по Вашему примеру. Некоторую часть года я живу в Нью-Йорке. Мы обязательно пригласим Вас на свой бал».

Также ей прислали записку без подписи с пометкой ЛИЧНОЕ. К ней прилагался букетик гардений, а значит, автор записки не пожалел денег – в это время года гардении можно было либо купить в оранжерее либо заказать из-за границы. Гардении. Конечно, она поняла, что это значит^[44].

«Мой дорогой друг, я прошу у Вас одного: простите меня. У меня и в мыслях не было Вас оскорбить. Я питаю к Вам исключительное уважение. Если честно, более подходящее слово – любовь. Ваш ответ был совершенно уместным и правильным. Я не побеспокою Вас вновь, если Судьба не сделает так, чтобы Вы испытали ко мне подобные чувства. В скачках такое редкое явление называется рискованной ставкой, и букмекеры считают ее невыгодной. Но в случае победы именно такие ставки дают самый крупный выигрыш. Я слишком азартен? Возможно. Как бы то ни было, я надеюсь, что Вы воспримете мое отношение как в высшей степени уважительное, а также не лишите меня своего уважения. Вы навсегда в моем сердце. А я навеки Ваш».

Оливер Белмонт ее любит.

Альва разрыдалась.

Через некоторое время, взяв себя в руки, она начала составлять в уме ответ, содержащий вежливый, но твердый отказ. На самом деле она жаждала дать совсем другой ответ. Ее сердце говорило о другом. Да только она ничего не могла с этим поделать. Совсем ничего.

Альва уже направлялась к письменному столу, когда вошла Мэри с перекинутым через руку отрезом бледно-голубой ткани.

– Хотела показать вам, прежде чем продолжить... Вы в порядке? Выглядите так, словно плакали.

Альва жестом подозвала ее ближе:

– Просто кашель напал. Давай посмотрим, что у тебя здесь.

– Это будет лиф для желтого платья мисс Консуэло. Я подумала, что как раз успею к Пасхе. Ей должно понравиться.

Альва взяла в руки вышивку и разложила на коленях. Мэри вышивала букетики нарциссов и фиалок. Самыми тонкими стежками она сделала крохотные незабудки.

– Просто чудесно, – похвалила Альва.

– Я хочу добавить листья вот здесь, вдоль талии. А на груди вышью желтую птичку.

– Ей очень понравится.

– Надеюсь. Про птичку мне подсказала камеристка миссис Белмонт. Мы с ней разговорились во время бала. Больше ведь делать было нечего. Только болтать. О том, кому как работается у леди или в семье, об отношениях с другими слугами. Она мне многое рассказала о мистере и миссис Белмонт. Вы знаете, я не люблю сплетничать, но...

– Но?

– Но... В общем, Луиза сопровождала мистера и миссис Белмонт во время медового месяца. Она говорит... я просто передам ее слова: мистеру Белмонту очень не понравилось, что миссис Уайтинг и сестры его супруги вечно брюзжат или требуют что-нибудь купить. А миссис Белмонт продолжала настаивать, чтобы муж позволял им скупать все, что заблагорассудится, в «Бон Марше», «Базар де ль' Отель де Виль»^[45], у Уорта и Дусе^[46]. Повсюду.

– Я сразу поняла, что скромностью и благоразумием она не отличается.

– А Луиза сказала, что после первой ночи миссис Белмонт больше не пускала мистера Белмонта к себе. Поэтому он уверен, что ребенок – не его. А супруга на это заявила, что после такого обвинения больше не проведет в его доме и дня. И уехала. Она вернулась к матери, и теперь он требует у нее развода.

– Он требует развода?

Мэри кивнула.

– Мне было интересно, знаете вы или нет.

– Я знала, что они поссорились. Но он не говорил, что все зашло настолько далеко.

– Они и на бал приехали только затем, чтобы избежать шумихи. Миссис Белмонт – мать Оливера – надеется, что до развода дело не дойдет. Но братья Белмонт все равно не разговаривают с Уайтингами, а поскольку мисс Кэрри Астор близкая подруга мисс Уайтинг – то есть Салли Белмонт, – Астори не разговаривают с Белмонтами. – Мэри забрала вышивку и добавила: – Я подумала, что, раз мистер Оливер дружит с вами и мистером Уильямом, вам лучше узнать, что к чему, пока вся эта история не запутается окончательно.

– С подобными историями такое часто случается.

– Жаль, правда? Мне нравится мистер Оливер.

– Да, жаль.

Когда Альва осталась одна, она успела подумать: «Но если он будет свободен, то мы сможем...» Впрочем, она немедленно задавила эту мысль в зародыше, не дав ей развиваться.

Нет. Она уважает своего мужа и уважает себя.

Они с Оливером могут быть друзьями, не больше. Конечно, он вправе восхищаться ею, сколько ему заблагорассудится – она не в состоянии это запретить. Сердцу не прикажешь.

Однако и поддаваться неразумным желаниям нельзя.

В итоге Альва написала такой ответ:

«Мой друг, Вы меня не оскорбили. Мне очень льстит Ваше внимание, и, сложись обстоятельства иначе, я бы смогла на него ответить. И все же моя жизнь течет в другом направлении. Не хотелось бы ошибиться в своих догадках, но должна Вас уверить – независимо от Вашего положения мои чувства к Вам не изменятся. Как бы мне ни хотелось ответить Вам взаимностью, ситуации, которая мне позволила бы это сделать, не существует. Я не могу пожертвовать всем, чего с трудом добивалась долгие годы. В отличие от Вас, мне пришлось сражаться за свое место под солнцем, и я потеряю все, если ослаблю хватку».

Перечитывая письмо, она пыталась понять, достаточно ли тверда в том, что говорит. Альве не хотелось подавать Оливеру тщетную надежду. Она была с ним честна, а «честность – первая глава в книге мудрости», как утверждал президент Джефферсон. Он о многих вещах говорил честно, так что на его мнение можно положиться.

Отправив письмо Оливеру, Альва сложила его записку и вместе с одной из благоухающих гардений положила в книгу, которую затем поставила на самую верхнюю полку – с глаз долой.

Ночью к ней пришел Уильям. Было темно, они оба молчали. Он привычным движением поднял ее сорочку и взобрался на нее. Альва отвернулась и смотрела в сторону. Пока Уильям совершал свои обычные движения, она думала о предложении леди Си завести любовника. Салли Белмонт так и поступила. Этот акт, такой унижительный и неприятный для Альвы, должен быть совершенно

иным для тех, кто чувствует страсть друг к другу – по какой еще причине женщины так стремятся иметь любовников?

Уильям закончил, но остался на ней. Он лежал молча, не шевелясь. Альва тоже не двигалась. Если бы она не чувствовала его и не слышала его дыхание, то могла бы подумать, что муж умер.

Наконец он поднялся. Альва подождала, пока он поправит одежду – обычно он делал это одним движением, а сегодня почему-то медлил. Она чувствовала – Уильям хочет ей что-то сказать, но спустя мгновение он отошел от постели и вышел из комнаты, так и не проронив ни слова.

Подобное повторилось трижды в течение следующей недели, пока Альва не выдержала и не спросила прямо:

– Вы хотите мне что-то сказать?

Она одернула сорочку и села в кровати. В комнате царил темнота.

– Да. Да, я хотел поблагодарить вас. За то, что вы сделали. За то, что пригласили к нам леди Астор. За бал. За все.

– Вот как.

– О вас все говорят. Все жены без конца твердят мужьям, как вами восхищаются.

– Очень мило.

– Действительно. Ну, значит, доброй ночи.

– Доброй ночи.

Как славно со стороны Уильяма сказать ей это. И как забавно, что он так долго собирался со словами. Брак – странная и совершенно непонятная вещь. Хотя их собственный брак, кажется, начинал налаживаться.

Повышенный интерес Уильяма к Альве не угасал все лето и осень, а потому она несколько не удивилась, когда в декабре месячные не начались. Не удивилась и тому, что у нее ушло так много времени, чтобы забеременеть. В предыдущем январе ей исполнилось тридцать лет. «Просто вы стареете», – сказал доктор, проверяя ее положение. Очевидно, решил не упустить возможности уколоть ее. Видно, он все еще помнил, какой несговорчивой она была, рожая Консуэло.

В первый день Нового года Альва написала леди Си:

«Как говорится, феникс возрождается из пепла. Я не только добилась невероятного успеха в свете, но и получила новый подарок судьбы – я жду малыша, он должен появиться на свет в июле. Когда я сообщила эту новость Уильяму, он купил мне шубу из русского соболя. Я надела ее сегодня, когда ездила к Кэрролайн Астор – наверное, это выглядело как не самый тактичный намек на то, что семья ее мужа изначально занималась торговлей мехами.

Я читала в газетах о вашем сэре Фрэнсисе Гальтоне, ученом, который призывает к строгому отбору партнеров для получения более совершенного потомства. Что бы ни навывдумывал себе Гальтон, ни один из нас не лучше другого. Я вполне могла бы сейчас быть той, кто продает меха, а не носит их».

Глава 7

Спустя два года, сидя в розовом салоне у Элис в доме номер 1 на Западной Пятьдесят седьмой улице, Альва пыталась смириться с невообразимой утратой. Двумя днями ранее мистер Вандербильт попытался встать с кресла в собственном салоне и упал замертво. Какой незыблемой казалась ей жизнь в последнее время. И какой иллюзией оказалась эта незыблемость. Удобной, но совершенно ненадежной иллюзией.

Альва терпеть не могла эту комнату. В ней было столько французских панелей, мебели, драпировок и ковров, словно хозяева готовились к приезду самого Людовика XVI. Какой во всем этом смысл, если в любой момент смерть может прийти и забрать у тебя отца или, Боже упаси, ребенка? Недавно появившийся на свет ребенок Альвы, Гарольд, ее маленькое солнышко, был столь же уязвим, как и остальные. Как Вилли. И Консуэло. Еще недавно Альва чувствовала себя вполне уверенно, наблюдая, как дети играют под осенним солнцем – Вилли «обучал» Гарольда управляться с игрушечным ящиком, а Консуэло сидела на носу с книгой на коленях и изображала королеву, хотя ей и не очень-то нравилась такая роль. На вопрос Вилли о том, кем же она хочет быть, Консуэло ответила: «Поэтессой». «Может быть, ты будешь королевой-поэтессой?» – уточнил Вилли. Консуэло подумала и кивнула: «Ладно, звучит неплохо». Идиллический день. Судя по всему, день, в который мистер Вандербильт умер, для него тоже был идиллическим – до того момента, когда его сердце внезапно остановилось. Не важно, хорошие мы или плохие. Надеяться нам одинаково не на что.

Сидя рядом с Элис на жестком диванчике, обитом парчой, Альва произнесла:

- Не знаю, как я это переживу. Он был прекрасным человеком.
- Вы увидите с ним в раю, если на то будет воля Божья.
- Я нахожу в этом обещании не больше утешения, чем миссис Вандербильт, которой вы говорили то же самое прошлым вечером.

Миссис Вандербильт оставалась наверху, в комнате для гостей, с Флоренс и Лилой – она никак не могла оправиться от шока и была

безутешна. Конечно, ее супруг был дородным мужчиной – он так и не поддался новой моде на оздоровительные прогулки (кому захочется столько потеть, а, кроме того, обязательно нужно подбирать удобную обувь). И все же ему не исполнилось и шестидесяти пяти, он не был болен. Миссис Вандербильт лишилась своего лучшего друга, и никакие обещания о «воле Божьей» не приносили ей облегчения.

Элис заявила:

– Я уверена, время все исправит.

Альва, Элис и их дочери ожидали, пока мужская часть семейства Вандербильт закончит встречу с юристами, на которой обсуждалось завещание мистера Вандербильта и его последняя воля. Альва представляла, как Уильям, Корнель, Фредерик, Джордж и сын Корнеля – Билл, которому уже исполнилось пятнадцать, все в темных костюмах и с печальными лицами, окружили преданного семье Чонси Депью, скорбя, но также и размышляя о своей доле в наследстве: «Сколько денег я получу? В каком виде? Давайте уже ближе к делу».

Консуэло и Гертруда сидели в другом конце салона за столиком и упражнялись в немецком. Одной было восемь, второй – десять, и они невероятно походили друг на друга: обе тоненькие, темноволосые, со вздернутыми носиками и длинными шейками – две нарядные девочки из высшего общества. Хотя имелись и различия: Консуэло напоминала маленькую лань, а в Гертруде было что-то ястребиное – ястребы красивы, но резки, настороженны и постоянно готовы броситься на добычу. Однако осанка у Гертруды была куда лучше, а вот ее собственная дочь сидела ссутулившись, изогнувшись и едва ли не сложившись пополам.

– Консуэло, – позвала Альва. – Сядь ровно, а то превратишься в верблюда.

Элис спросила:

– Как вам новая гувернантка?

– Она хорошая, но обнаружилось, что она почти не знает историю Германии. А какой смысл девочкам учить язык, если единственное, что они смогут обсудить на нем, это рецепт штруделя? Они должны получать знания о культуре страны. Эта новая Германская империя может сыграть важную роль в их будущем.

– Не знаю, мне так не кажется. Я не собираюсь выдавать Гертруду за иностранца.

– Нет? В таком случае вы рискуете сильно ограничить ее возможности.

– Вы бы смогли отправить свою дочь так далеко?

– Я собираюсь подобрать для Консуэло самого лучшего жениха. В отличие от нас с вами, у ног наших дочерей – целый мир.

– Лично я вышла замуж самым прекрасным образом. Уж не хотите ли вы сказать, что для вас дело обстоит иначе? Я понимаю, Уильям не настолько трудолюбив, как следовало бы...

– Зато Корнель не умеет получать удовольствие от жизни. Возможно, им обоим стоило бы поработать над своими привычками.

– Почему же, Корнелю многое доставляет радость: он член приходского управления, входит в совет «Юношеской христианской организации» и множество других советов. Также он является одним из директоров Американского музея естественной истории, Ботанического общества, Метрополитен-музея, а также...

– Вот это да! Он, стало быть, все время работает и делает перерывы только на сон. Если, конечно, вообще спит.

– Ему нравится помогать другим, – чопорно заявила Элис.

– Ну, значит, так тому и быть.

– Я считаю, это приносит ему пользу. Его привычки гораздо лучше тех, какими руководствовался в своей жизни мистер Вандербильт, Царствие ему Небесное.

– Мистер Вандербильт получал удовольствие от жизни, и вашему мужу стоило бы этому поучиться.

– Конечно, он заслужил отдых, но все же было бы лучше, если бы он воздерживался от... это, конечно, прозвучит неприятно – от чревоугодия. – Элис понизила голос и добавила: – Как бы то ни было, что случилось, то случилось. Теперь наша задача – справиться с последствиями.

– Раз уж вы упомянули о последствиях – сколько Корнель ожидает получить в наследство?

– Это последнее, о чем он думает!

– Вы в самом деле в это верите?

– По крайней мере, со мной он такие вопросы не обсуждал.

– Неудивительно – у вас и без того хватает забот.

Кроме Гертруды, у Элис теперь было четыре сына, и Корнель заботился об их будущем не больше, чем Уильям – о своем

собственном. Оба были чересчур заняты делами вне семейного круга – в этом они походили друг на друга.

– Да, вы правы, я довольно сильно занята. Но ведь даже в печальные дни хочется привнести радость в свою жизнь. Должна вам признаться – я вновь в положении, спустя все эти годы.

– Вновь! А вы думали, что малыш Реджи будет последним! Господи. Уж не воспринимаете ли вы заповеди буквально?

– Заповеди?

– «...и сказал им Бог: Плодитесь и размножайтесь».

– Ах... Да, пожалуй. «Вот наследие от Господа: дети; награда от Него – плод чрева». Это из Псалмов, – сообщила она Альве. – Это ведь лучшее служение – получить его благословение и радоваться.

Альва была потрясена. Неужели Элис и Корнель верили, что каждый раз, когда он приходит к ней в постель, они служат Богу? Возможно, это их воскресный ритуал? Интересно, пока Корнель старался над ней, Элис чувствовала, как исполняется добродетели? Она его как-то поощряла? Нравилось ли ей то, что он делает? Может быть, ей даже было... приятно?

Что, если спросить ее прямо сейчас: «Вам нравится выполнять супружеский долг?» Неужели ей самой неприятно это делать из-за нечестивости? Всего-то три ребенка за десять лет брака. Получается, Альва не выполняла свой христианский долг. Очевидно, что она не хочет служить своему мужу, а значит, и самому Господу – какой из этого можно сделать вывод, кроме того, что она служит только себе?

Вместо этого Альва сказала:

– Представьте, вдруг ваши сыновья (не знаю, на каком числе вы остановитесь) будут сидеть у смертного одра Корнеля и ненавидеть друг друга потому, что им придется делить наследство.

Элис нахмурилась:

– Мне совершенно непонятна ваша реакция! Вообще-то я рассчитывала услышать поздравление.

– Я очень рада за вас. Но вам не кажется, что там сейчас происходит именно это? – Альва указала на закрытую дверь. – Конечно, никто не станет вести себя как дядюшка Си-Джей. Но такова человеческая природа, в особенности природа мужчины, – желать большего, стремиться попасть на вершину.

– Корнель не такой.

– Бросьте. Ваш дом построен именно здесь, потому что он стремился получить лучшее место на Пятой авеню.

– Но дом миссис Джонс расположен более выгодно. – Элис указала на северо-западный угол Пятьдесят восьмой улицы.

– Просто ему не удалось договориться с миссис Джонс о сносе. К тому же ее дом гораздо меньше вашего и скромнее. Она дополнительно снимает жилье, но, насколько мне известно, никогда не жаловалась на размеры своего дома.

Альва и не заметила, что говорит слишком громко. Девочки внимательно наблюдали за ними. Она спокойно улыбнулась и завершила:

– Прошу вас, не принимайте это близко к сердцу. В том, что ваш дом стоит на Пятьдесят второй улице, нет ничего зазорного.

– Да, тетушка Альва, ваш дом просто прелесть. Мне он очень нравится, – подхватила Гертруда.

– Почему они так долго не выходят? – поинтересовалась Консуэло. – Я уже проголодалась.

– И почему нам туда нельзя? Почему всеми деньгами распоряжаются мужчины? – отозвалась Гертруда.

– И правда. Хотя не всеми – я думаю, ваш дедушка завещал немалую сумму своим дочерям.

– Почему тогда они не там?

Элис сделала попытку вмешаться:

– Гертруда, существуют определенные правила...

– Всем управляют мужчины, – заявила Гертруда. – Мальчики потом смогут работать с папой, а я – нет, даже если очень захочу, даже если у меня все будет лучше получаться. Это нечестно.

Элис возразила:

– Но ведь и мы выполняем работу – она отличается от того, что делают мальчики, но она больше подходит женщинам. Гертруда, я хочу послушать стихотворение Гёте, которое ты выучила на прошлой неделе. Встань, пожалуйста.

Насупившись, Гертруда поднялась и рассказала стихотворение на немецком. Элис сказала:

– Очень хорошо. Консуэло, теперь ты расскажи его на английском.

Консуэло неуверенно взглянула на мать. Альва подбодрила ее:

– Ну же, не бойся.

Дочь не желала подниматься.

– Я не помню его целиком, – ответила она кротко.

– Не помнишь? Но ты ведь переводила его на прошлой неделе.

– Оно было записано.

Гертруда взяла Консуэло за руку и предложила:

– Давай поднимемся в мою спальню и там его повторим.

– Прекрасное решение, – поддержала Альва, не дав Элис возможности выступить против. – Ступайте. Вас позовут к ужину, когда наши мужчины наконец наговорятся.

Девочки вышли из комнаты, и Альва сказала:

– Надеюсь, роды пройдут легко, и у вас появится здоровый и покладистый ребенок, которого не будут волновать результаты совещания, продолжающегося за этой дверью.

После чего обе сделали вид, что погрузились в чтение, ожидая мужчин. Альва поспорить была готова, что Элис, как и она сама, от волнения не может прочесть ни строчки – слова на странице превращались в ряды бессмысленных знаков, в голове возникали бессмысленные цифры. Восемь лет назад она тоже пыталась что-то рассчитать, и хотя суммы тогда были значительно меньше, их величина с трудом помещалась в голове. Что уж говорить о сегодняшнем вечере.

Наконец двери библиотеки распахнулись. Первым вышел Джордж – его щеки, уши и шея горели пунцовым. Он прошагал мимо женщин, не сказав ни слова. За ним проследовали братья, призывая его остаться. Спустя мгновение Альва услышала, как хлопнула тяжелая входная дверь.

Когда все вернулись, она подошла к мужу со словами:

– Ради бога, объясни, что...

Уильям покачал головой:

– Он оскорблен.

– Я не верю, что твой отец лишил его наследства.

– Нет, нет, напротив. Ему досталась немалая сумма. Около десяти миллионов. Как и Фреду. И девочкам.

Альва отметила, что Уильям не упомянул ни себя, ни Корнеля.

Джордж надеялся, что все наследники получают равные доли – по крайней мере, мужчины. Кроме того, дочери получили в наследство построенные для них дома. Фреду отдали старый дом на Пятой авеню.

Миссис Вандербильт остался новый. Все, что отошло Джорджу, – четыреста акров незастроенных земель на Статен-Айленде, куда он вовсе не собирался переезжать. Джордж также получил древнее кладбище и старинный особняк, в котором до самой смерти жила их прапрабабушка, – дом тот был никому не нужен и никакой ценности, кроме сентиментальной, не представлял. Таким образом, недостроенный мавзолей и ферма – вот и вся его доля недвижимости.

Уильям пояснил:

– Джордж хотел понять, почему он не заслужил дом на Пятой авеню. Он все возмущался: «Почему я должен возиться с этой фермой?» А мы пытались ему напомнить, что ему всегда нравилось заниматься фермерскими делами, и, кроме того, отец ведь умирать не собирался. – Голос Уильяма сорвался, и он откашлялся: – И вполне может быть, вскорости Джорджу тоже построили бы дом. Корнель добавил, что тому всегда нравилось жить с родителями. И что новый дом перейдет к нему, когда не станет мамы. – Уильям замолчал и сделал глубокий вдох. Потом, убедившись, что другие его не слышат, добавил: – В любом случае, если честно, я немного расстроен, что Биллу отец выделил целый миллион, а нашим мальчикам – ни цента.

Обед прошел в тишине. Альва наблюдала за братьями и сестрами мужа. Они все потеряли прекрасного отца, который горячо их любил, и горе было написано на их лицах. Вместе с тем каждый из них теперь являлся полноправным мультимиллионером. Для Корнеля и Уильяма иметь богатство было не в новинку, чего нельзя сказать о прочих, в особенности о сестрах – их жизнь сделала крутой поворот. Альва и не догадывалась, что и жизнь Уильяма тоже изменилась.

Позже вечером в домашнем салоне муж наконец расслабился, вытянулся на диване с ногами и откинул голову, разглядывая прихотливо выписанные на фресках фигурки.

– Знаете, а отец вас очень высоко ценил. Если честно, мне кажется, именно из-за вас он был более высокого мнения обо мне.

– Мне лестно это слышать, но я знаю, что он любил вас таким, какой вы есть.

– Во всяком случае, Корнель ни слова не сказал против, однако, думаю, был удивлен не меньше моего тому, как отец составил завещание. Не знаю... допустим, вы не повлияли на его решение, но, учитывая, что Корнель сделал бизнес делом своей жизни, в то время

как я... скажем, не так сильно себя ему посвящал, я не вижу другой причины, почему отец оказался ко мне настолько благосклонен.

– И насколько же? – переспросила Альва.

Она ожидала, что мистер Вандербильт выделит Уильяму около двадцати миллионов – больше, чем получили другие, но меньше, чем Корнелю. Учитывая то, что делал для бизнеса последний, это было бы справедливо.

Уильям заметил:

– Вы прямолинейны, как всегда.

– Мужчине вы бы поставили такое в упрек?

– Нет, конечно. Мужчине важно быть прямолинейным.

– Тогда сделайте вид, что я вытянула из вас ответ при помощи кокетства.

Уильям улыбнулся:

– Хорошо. Оставшаяся часть наследства – кроме средств, что отошли Фреду, девочкам и Джорджу, а также тех, что выделены на содержание нашей матери, не говоря уже о многочисленных благотворительных выплатах, – будет поделена поровну между Корнелеиусом и мной.

– Поровну?

– Ну, кроме символических двух миллионов в знак того, что Корнель отныне – глава семьи.

– Два миллиона – символическая сумма? – удивилась Альва.

Муж кивнул:

– Относительно. Детью сказал, что моя доля составит примерно... где-то шестьдесят пять миллионов. Или что-то вроде того.

Альва моргнула один раз, потом другой.

– Вы унаследовали шестьдесят пять миллионов долларов?

– Да, знаю, это... невероятно.

Она сделала мысленные расчеты.

– Неужели ваш отец сумел удвоить то, что сам получил в наследство?

– Да, всего за восемь лет, – подтвердил Уильям. – Видимо, отец хорошо знал свое дело.

Чтобы самому Уильяму теперь можно было забыть о делах окончательно, о чем он, разумеется, не упомянул.

Впрочем, это стало совершенно очевидно по прошествии некоторого времени. Альва не могла предугадать, какое воздействие столь баснословные суммы могут оказать на человека, который и так уже богат.

Тот, кто унаследовал денег столько, что копии завещания, ставшего причиной несметных богатств, печатают на продажу, столько, что им не видно конца и края, столько, что их попросту невозможно потратить одному, столько, что даже полный крах национальной экономики не отразится на их количестве, – этот человек первым делом обязательно должен построить самую большую частную яхту в истории. По крайней мере, так считал Уильям.

Корнель, который теперь возглавил Дом Вандербильтов (так его называли), полагал крайне необходимым в срочном порядке нанять архитектора Джорджа Поста, дабы в два раза увеличить размеры особняка на Пятой авеню, приобретая и разрушая для этого (а также для того, чтобы открыть себе вид на Центральный парк) все прилегающие здания. Ведь их будущему малышу вскоре понадобится своя комната, к тому же, имея столько детей, целесообразно отвести отдельную комнату под прачечную, а у Гертруды не за горами дебют, для которого понадобится более просторный балльный зал. По крайней мере, так объясняла необходимость строительства Элис.

Тот, кто оказался обиженной стороной (независимо от имеющихся для обид оснований), то есть младший сын, унаследовавший более чем достаточно, однако меньше, чем он рассчитывал, считал важным в торжественной обстановке заложить краеугольный камень здания, которое будет построено на полумиллионное пожертвование его отца, – здание нового Колледжа врачей и хирургов на углу Десятой авеню и Пятьдесят девятой улицы. Возможно, благодаря тем, кто будет здесь учиться, медицина продвинется вперед, и шестидесятичетырехлетние мужчины перестанут умирать внезапно, невольно обижая тем своих сыновей. Благодарные возгласы толпы заставят этого человека ощутить свою важность и причастность к благому делу. Чтобы вознаградить себя, он тоже купит яхту – небольшое судно для поездки в Бар-Харбор, где приобретет себе дом. Свой самый впечатляющий поступок он прибережет на потом.

Тот же, кто остался по другую сторону золотых ворот, к примеру, некий прилежный член «Ордена рыцарей труда»^[47], прочитает листовку на забастовке первого мая, а третьего мая его приведут в негодование действия полицейских, которые открыли огонь по протестующим на заводе Маккормика в Чикаго и убили двоих человек. Четвертого мая он выйдет со своими товарищами на площадь Хеймаркет в честь памяти убитых и в поддержку восьмичасового рабочего дня. На площади взорвется бомба, затем последует стрельба, площадь усеют окровавленные тела, и он побежит прятаться, потому что другого выхода у него не будет.

А что делать той леди, которая вышла замуж по расчету, которая всегда ставила перед собой высокие цели, но никогда не думала, что вознесется на Олимп?

Внешне жизнь Альвы не изменилась. Но каждый миг она осознавала, что теперь, когда в ее жизни появились огромные деньги, она может получить или сделать практически все, что захочет. В ее распоряжении имелись такие средства, какими не могла похвастаться ни одна другая женщина в мире. За исключением, быть может, королевы Виктории. И еще Элис.

Что еще могла сделать Альва, кроме тех мероприятий, которые организовывала на протяжении многих лет? Она помогала разными способами: в поддержку сирот проводились благотворительные чаепития, в пользу неимущих матерей – балы, а на аукционах собирали средства для бездомных, калек и нуждающихся ветеранов.

Чего еще она могла достичь? Альва построила восхитительный дворец в городе и летнюю резиденцию на лоне природы. Она уже давно имела возможность путешествовать куда ей вздумается – со всеми мыслимыми и немыслимыми удобствами. К ее столу подавали королевские блюда. Она посещала концерты и оперу, мюзиклы и спектакли, приемы на открытом воздухе, выставки цветов, выставки собак, показы мод...

Однажды весной во время прогулки по Центральному парку, когда вишневые лепестки танцевали в ветерке, точно нежные розовые хлопья снега, Альва подумала: теперь можно выдохнуть. Все стоит на своих местах. Ее жизнь идеальна.

Ей вспомнились слова леди Си: «Не смейся меня. Жизнь женщины не может быть идеальной».

– Но моя жизнь – идеальна, – произнесла вслух Альва.

Ведь считай она иначе, это было бы оскорблением для всех бедных женщин, всех тех, кто просыпался засветло и работал до поздней ночи, тех, у кого в жизни имелось лишь самое необходимое. Каждая швея, прачка, повариха, продавщица, крестьянка, медсестра и учительница – все те женщины, чей труд позволял таким, как Альва, прекрасно выглядеть, не заботиться поминутно о детях, спать в чистых комнатах на выглаженных простынях, есть нежнейшие пирожные и пикантное жаркое и оставаться в стороне от всех неприятных и негигиеничных телесных отправлений. Эти женщины меняли детям Альвы подгузники. Стирали их, а также ее запачканные кровью прокладки, грязные простыни и нижнее белье. Жизнь Альвы этим женщинам просто не могла не казаться раем.

И все же кое в чем она не признавалась даже самой себе – одного ей все-таки недоставало. Возможно, ей и следует довольствоваться тем, что она имеет, но, как Альва поняла уже давно, чувство удовлетворения за деньги не купишь.

На верхней полке в ее спальне между книжных страниц хранились записка и засушенный цветок гардении.

«Альву», яхту Уильяма – двухсотвосемидесятипятифутовый трехмачтовый стимер со стальным корпусом, – доставили в октябре. Он заплатил за нее шестьсот пятьдесят тысяч долларов, однако это было лишь начало его трат. Подобные яхты исключительны по многим причинам, но в первую очередь, в силу того, что требуют внушительного количества денег на постройку в док и чистку, на топливо, запасные тросы и ткань для парусов, на полировку латуни и портовые сборы, на поставки воды и еды, и, конечно, на оплату работы экипажа. Альва старалась не думать об этом – в конце концов, эти деньги принадлежали не ей. Кроме того, ее супруг, как и было однажды обещано, назвал яхту в ее честь.

«Альва» была самым роскошным судном, какое только можно себе вообразить. Между носом и кормой поместились обшитая панелями библиотека с камином, бархатный музыкальный салон, обеденный зал, комната для хранения сигар, утопающая в цветах гостиная для леди, именные каюты для Уильяма и Альвы, семь дополнительных кают для детей и гостей. Везде провели

электричество, положили ковровые дорожки и повесили хрустальные светильники. Деревянные панели поблескивали золочеными кромками. Также на яхте имелись рояль, полутораметровый глобус, по словам Уильяма, необходимый «для уроков географии», тончайший фарфор, изысканное столовое серебро, идеальные простыни. Покрасили яхту сочной желтой краской – она ярко выделялась на фоне волн и неба. «Альва» являла собой целый дом на воде и, безусловно, превосходила любой пассажирский лайнер.

Экипаж мог включать до пятидесяти человек. Впрочем, семья обошлась всего дюжиной матросов и прислуги, когда отправилась в короткий показательный круиз от дока на Шестнадцатой улице до Ньюпорта, где они планировали несколько дней погостить в новом доме Корнеля и Элис. Коттедж, названный «Брейкерс», представлял собой увитый плющом особняк на Бельвю-авеню, построенный в стиле королевы Анны. Корнель приобрел его у табачного магната Пьера Лорийера – тот решил, что ему интереснее будет построить в горах Рамапо, недалеко от Манхэттена, игровую площадку для взрослых. Строительство клуба «Токсидо» – так назвали площадку – не обошлось без помощи племянника Кэролайн Астор – Уильяма, тоже миллионера. Таким образом, все в мире Вандербильтов было взаимосвязано. Богатство и веселье окружали их самих и их друзей.

Утром на палубе семейство Вандербильт встретили прохладный ветерок, ласковые волны и яркое солнце. Деревья вдоль берегов сверкали золотом и багрянцем. В устье Северной реки они увидели статую Свободы – ее строительство только завершилось, и торжественное открытие планировалось через несколько дней.

Уильям приказал капитану подойти к статуе на малых оборотах, дабы дети могли взглянуть на нее поближе.

– Известно ли вам, – спросил он, когда все собрались у перил, – что более ста тысяч граждан пожертвовали свои деньги, чтобы соорудить здесь эту статую?

Альва добавила:

– А наш друг мистер Хант спроектировал пьедестал мадам Свободы. Только вообразите, что почувствуют люди, которые поплвут сюда из самых далеких уголков планеты и после недель, проведенных в открытом океане, увидят ее. Особенно люди бедные, у которых не

осталось ни денег, ни крова и которые стремятся сюда, чтобы начать жизнь с чистого листа.

– Значит, это статуя для людей? – спросила Консуэло, взглянув на Альву.

– Да, точно. Запомни это навсегда. Вилли, и ты тоже.

– И Гарольд, – добавил Вилли.

Альва улыбнулась:

– Гарольд тоже запомнит, когда немножко подрастет, что Господь создал нас равными, а те, кто сеет несправедливость, неравенство, жестокие законы, из-за которых власть сосредотачивается в руках...

– Не забивайте детям голову политикой, – велел Уильям.

– Разве не вы только что сказали, что статуя построена на деньги простых людей?

– Я упомянул это в образовательных целях.

– У меня ровно такие же цели.

– Хорошо, но давайте просто насладимся поездкой.

– Я и наслаждалась, пока вы не отчитали меня.

Уильям дал капитану сигнал вернуться на прежний курс, и Альве пришлось подавить свой гнев. Может, он и вправе ее отчитывать – для лекций время совершенно неподходящее. Впереди их ждет превосходный день на превосходной яхте, которая, не следует забывать, носит ее имя.

Наблюдая за детьми, высматривающими на горизонте китов, Альва вспоминала свои собственные детские путешествия. Мать всегда стояла у перил и смотрела на дочерей, полная гордости и уверенности в том, что правильно воспитывает их характер и формирует судьбу. Что бы она подумала об Альве, увидь ее сейчас?

Маман была настолько же нетерпима к «второсортным» людям, как Кэролайн Астор до триумфа Альвы. Она презирала «тех, у кого есть только деньги». Она говорила, что богатство само по себе так же непостоянно, как любовь, и если исчезнут деньги, с ними пропадет все остальное. Ведь богатый человек может бросить свою жену и не дать ей ничего, в то время как у брошенной жены дворянина всегда остаются ее титул и привилегии, и деньги здесь – не главное. «Титул дарит статус, – любила повторять маман, – и способствует успеху. По крайней мере, если вы правильно выбрали титул». Согласно ее

взглядам, даже несчастливый брак леди Си оказывался выгоднее большинства других.

Маман наверняка бы понравился Уильям, его семья, даже его деньги. Она бы отдала должное перевороту, который Альва совершила в обществе. Она бы безмерно обожала своих внуков. Однако в глубине ее души всегда бы таилось разочарование из-за того, что Альва не сумела добиться большего. Добиться всего.

Впрочем, это уже не имело никакого значения. Маман ушла. Она готовила Альву к совершенно другой жизни. Но полюбуйте только, какую жизнь она получила взамен: неправдоподобная яхта, солнце рассыпало по воде тысячи бриллиантов, а впереди ее ждет очередная новорожденная племянница, над которой все будут ворковать, затем званый ужин в честь закрытия сезона в Ньюпорте, а после – зима, поездки в оперу, рождественские торжества и балы. Если у Уильяма не возникнет повода, чтобы прогнать Альву, ей никогда не придется думать о привилегиях и титулах. Она уже сделала достаточно.

– Эгей! – крикнул Вилли паре портовых рабочих, когда яхта вошла в гавань Ньюпорта и осторожно пристала к доку, несколько коротковатому, правда, для судна таких грандиозных размеров.

Консуэло тоже помахала и довольно им улыбнулась. Один из мужчин бойко козырнул, а другой, поймав взгляд Альвы, отвернулся и сплюнул.

Консуэло посмотрела на Альву.

– Как это грубо!

– Не обращай внимания, – сказала Альва. – У него, наверное, неприятный вкус во рту.

Спустя несколько минут все высадились на берег. Альва остановилась возле того мужчины и обратилась к нему:

– Прошу вас следить за собой в присутствии моих детей. Не их вина, что вас не все устраивает в вашей жизни.

Рабочий смерил ее взглядом.

– Доллара не найдется?

Альва дала ему монету и указала на всклокоченную грязную бороду.

– Между прочим, это рассадник болезней. Вам нужно побриться. – Она дала ему еще один доллар и поинтересовалась: – Вы

умеете читать? Хорошие книги развивают ум и дарят новые возможности.

Мужчина вернул деньги.

– Я проповедь не заказывал.

Вечером состоялся торжественный ужин, на который был приглашен и Уорд Макаллистер, консультировавший Элис по поводу портьер, ковров, предметов искусства и цветов. Элис пригласила все высшее общество за исключением Асторов – у них еще длился траур по умершему в феврале главе семьи Джону Джейкобу III. Зато за столом присутствовали Ван Ален, Элрикс, Белмонт (Перри, не Оливер, который бог знает где пропал), двое Рузвельтов – включая Лидию (ставшую миссис Гарри Брук), которая сидела возле Уильяма и, насколько Альва могла судить со своего края стола, изо всех сил пыталась его очаровать. Альва была уверена, что тот терпит ее заигрывания только из вежливости.

Сидя рядом с Уордом, Альва задавала ему вопросы об остальных гостях.

– Вон тот джентльмен напротив – один из ваших друзей? Мне он незнаком.

– Да, это мистер Сарджент, портретист. Необыкновенный джентльмен. Меня познакомил с ним мистер Уайлд, писатель, во время моего визита в Лондон. Безупречная репутация. Он ищет новые заказы. Горячо вам его рекомендую.

– Но я уже заказала портреты детей мистеру Чаплину...

– Согласен, прекрасный выбор, – сказал Уорд, хотя тон его голоса свидетельствовал об обратном.

– Он был любимым художником императрицы Евгении.

– Вот как? В таком случае вы проявили безукоризненный вкус.

Альва предпочла Чаплина всем остальным художникам лишь по одной причине: даже сейчас, и в особенности сейчас, в мире не было никого, кем бы она восхищалась в такой же степени, как императрицей Евгенией. Несмотря на мнение, которое та когда-то высказала об Альве и ее сестрах, она преклонялась перед достижениями этой женщины. Императрица Евгения занималась политическими проблемами Второй империи. Она выступала за права женщин. Она горячо любила своего супруга, была его советником, а иногда и

регентом. Слова «зависть» недостаточно, чтобы описать чувства Альвы. Ей хотелось занять место Евгении, хотя бы на день. Раз в неделю она надевала ее жемчуг просто из принципа.

– Спасибо, буду иметь мистера Сарджента в виду. А что за очаровательный молодой человек сидит рядом с моей свояченицей? Тоже один из ваших знакомцев?

Юный джентльмен был не старше ее племянника Билла, его щеки, похоже, еще не знали бритвы.

– Это мистер Гарри Лер. Я представлю его вам после ужина. Позволю себе заметить – самый интересный молодой человек из всех, что появлялись под этой крышей за последние годы. Играет на пианино, поет как соловей, обладает отменным чувством юмора...

– Не говоря уже о чувстве стиля, – подхватила Альва.

По сравнению с мистером Лером Билл выглядел как студент (он учился в Йельском университете), который изображает из себя искушенного взрослого. Милый, располагающий, уверенный в себе холеный юноша. Мистер Лер, напротив, казался нервным и скованным. Однако Уорду Альва сказала:

– Он весьма элегантен.

– Да, конечно, – в начале лета я отправил его к своему портному. Следовало отшлифовать этот самородок, чтобы он заиграл по-настоящему. Гарри пережил семейные неурядицы, когда был молод... То есть еще моложе, чем сейчас. Ему всего двадцать! Я для него что-то вроде любимого дядюшки.

– Чем вы еще занимаетесь? Мы так давно с вами не беседовали.

– И правда давно. – На лице мистера Макаллистера появилась печаль. – Это потому, что я вам больше не нужен – вы выпорхнули из гнезда. Как и должно было произойти. Да-да. И мне очень льстит, что вы взлетели выше, чем сумели бы без моей помощи.

– Вы совершенно правы. И я вам бесконечно благо-дарна.

– Вы мой самый дорогой друг, поэтому я открою вам секрет: верьте или нет, я взялся писать мемуары! Даже нашел издателя, так что уже в октябре вы сможете увидеть плоды моих трудов!

– Вы не шутите? Что же, буду ждать с нетерпением. Или мне лучше начать волноваться?

– Ни одному из моих дорогих друзей и подруг не стоит беспокоиться. Мое кредо – конфиденциальность. В книге будут

поучительные рассказы без упоминания конкретных лиц. Моя цель – познакомить со светом тех, кто стремится стать его частью. Те же, кому в него попасть не суждено, смогут понаблюдать за ним с восхищением и, возможно, перенять что-то полезное. В результате должна получиться не только развлекательная, но и поучительная книжица – я много пишу об организации мероприятий, о правилах переписки. Я совершил настоящее путешествие в прошлое. – Уорд задумался. – Может, я и кажусь бодрым, но ведь я уже вступил в свою серебряную пору. Однако в маразм пока впадать не собираюсь!

– Уверена, ваша книга будет пользоваться успехом.

– Мой издатель считает так же! Зачастую авторами подобных справочников становятся люди, чьи познания в этой области значительно уступают моим.

Внимание Альвы и мистера Макаллистера привлек звон серебра о хрусталь. За дальним концом стола Корнель поднялся, чтобы произнести речь.

– Вот и подошло к концу очередное лето, подарившее нам столько щедрот Божьих. Наш повар постарался, чтобы вы смогли отведать самые свежие и изобильные дары лета, доставленные сюда напрямую с ферм нашей семьи здесь, в Портсмуте, и на Статен-Айленде, где так искусно управляется мой брат Джордж.

Джордж встал и слегка поклонился. Все зааплодировали.

Корнель продолжил:

– Как вам известно, прошедший год выдался печальным – это был год траура по моему отцу. Нам давно не предоставлялось возможности собрать у себя дома столько старых друзей – и новых знакомых. Поэтому, хотя сезон закончен, дни становятся короче и мы вот-вот вернемся к городским делам и заботам, я предлагаю поднять тост за процветание и дружбу! Пусть у каждого из нас и того, и другого будет в избытке!

– Ура! Ура!

Уорд проговорил Альве вполголоса:

– Человеку с его состоянием на сей счет нечего опасаться. Как, собственно, и вашему супругу.

Она улыбнулась:

– Напомните, когда выходит ваша книга?

– Двадцать первого октября!

– Вы планируете устроить прием по этому поводу?

– Нет, только скромный ужин, не более пятидесяти человек.

Приглашения уже печатаются. Надеюсь, у вас получится прийти.

– Я ни за что не пропущу такое событие! – искренне пообещала Альва.

Глава 8

Утром накануне приема у Уорда Альва получила экземпляр его книги и записку, в которой он благодарил ее за дружбу. Книжка была тонкой, но сделанной со вкусом. Переплет из шоколадной кожи с золотым тиснением. На фронтисписе изображен герб Макаллистеров. Внутри на отдельной странице от руки значился номер книги – Альве достался экземпляр под номером 4. Под ним стояла подпись Уорда, столь же цветистая, как и сам автор.

Его «скромное» празднество, сопровождающееся дифирамбами в адрес автора, должно было состояться вечером этого же дня в «Шерри», ресторане, который в последние годы стал весьма популярен в нью-йоркском обществе.

Уильям зашел в салон, держа в руках раскрытую «Таймс».

– Вы читали это?

– Нет, я еще не смотрела сегодня газеты. Пока разбираюсь с корреспонденцией.

Среди писем оказалось одно от Дженни Черчилль, которая среди прочих событий упомянула о визите Оливера Белмонта. По ее словам, он сблизился с Рэндольфом Черчиллем в июне на Королевских скачках и хотел знать все о политике тори. «Виски, сигары и разговоры о политике до самой ночи, – писала Дженни, – Черчилль его просто обожает».

Также она поведала: «Мистер Белмонт сказал, что больше никогда не женится. Разве не печально?» И хотя Альва знала, что по-хорошему должна согласиться с последним утверждением, ее чувства говорили о прямо противоположном.

Уильям положил газету на ее столик.

– Вы не можете пойти на сегодняшней вечер у Макаллистера.

– Конечно, могу!

– Его разгромили в пух и прах. Прочтите это.

Альва начала читать статью, и внутри у нее все похолодело. Рецензия была длинной, со множеством цитат, подобранных так, чтобы Уорд выглядел не только напыщенным, но и попросту нелепым.

Высмеивались его цели, его действия – все было превращено в фарс и завершалось следующим аккордом:

«Когда зрелый мужчина делает своей карьерой проведение чаепитий и балов, он становится любопытным субъектом. Первым залогом успеха, как и в любом другом деле, должна стать его внутренняя убежденность в собственной правоте. Мысли о том, что он делает себя посмешищем целой нации, не должны закрадываться в его голову и влиять на приверженность делу. Такая ошибка была бы для него фатальной. Но, как мы видим, в этом опусе нет и намек на подобные догадки. Тот энтузиазм, с каким автор описывает занятия, которые взрослые обычно оставляют своим юным отпрыскам, поистине изумителен».

Слово «изумителен» здесь явно не значило ничего хорошего.

«Написав сию выдающуюся книгу, автор создал любопытный портрет своих современников, поскольку не только раскрыл в ней собственную личность, но и пролил слишком яркий свет на «общество», предводителем которого является».

Альва отложила газету в сторону. Уильям сказал:

– Теперь вы понимаете, почему я не могу позволить вам посетить этот вечер?

– Но почему они так с ним обошлись? Почему они не позволили ему просто быть счастливым? Кому он когда-либо доставлял неудобства? Огромное количество жителей этого города пользовались его связями...

– Он сам в том числе.

– А почему он не должен пользоваться своими связями? Почему вы на их стороне?

– Вы должны признать: он смешон.

– Он не казался вам смешным, когда помогал вам.

– Времена изменились. Мудрый человек никогда не написал бы такую книгу. По крайней мере, не стал бы отдавать ее на публичное

порицание. Он мог бы напечатать ее и подарить паре знакомых, которым действительно будет интересно ее прочесть.

– Его любят и превозносят тысячи.

– А теперь эти тысячи станут считать его посмешищем – в особенности те, чье мнение для меня важно. Поэтому вы не поедете на этот...

– Благодарю вас, но я сама решаю, куда мне ехать, а куда – нет. – Краем глаза Альва заметила в коридоре фигурку в розовом и позвала: – Консуэло, подойди сюда.

Дочь появилась из-за двери.

– Покажешь папе сочинение, которое вам задал учитель?

Консуэло просияла.

– Я написала о Пунических войнах, – сообщила она, взяв отца за руку.

– Звучит невероятно интересно, – ответил Уильям. – Я очень хочу его почитать. Пойдем-ка поглядим.

Оставшись одна, Альва взяла газету, еще раз перечитала рецензию и отшвырнула ее с отвращением. Уильям прав. Если она появится на этом вечере, то и сама рискует стать предметом насмешек. На подобных торжествах теперь непременно присутствуют репортеры. Даже если Уорд их выставит, они начнут ошиваться поблизости и наблюдать за всеми гостями. Более того – из мести или просто развлечения ради они вполне в состоянии написать еще большую чушь.

И все же мнение Альвы об Уорде ничуть не изменилось. Он – хороший человек. И никак не заслуживает подобного отношения.

Допустим, она все равно приедет на ужин. Столкнется с неизбежным зубоскальством. Насколько это страшно? Альва часто повторяла своим детям, что человек должен быть верным тому, во что верит. Подавать пример другим. Как может она требовать этого от них, если сама поступает иначе? Значит, решено. Она едет.

Когда наступил вечер, Альва позвала Мэри, чтобы переодеться.

– Как ты думаешь, какой цвет символизирует триумф?

– Красный?

– Это смело... мне нужно что-то более праздничное. Ярко-голубой?

– Желтый.

Альва кивнула:

– Да, наверное, ты права. Новое платье от Уорта. И мои жемчуга.

Мэри вынесла платье из желтого шелка. По линии декольте она вышила астры и анемоны с нежными веточками и листьями – целый месяц трудилась над этой вышивкой по вечерам.

Помогая Альве надеть платье, Мэри заметила:

– Мне его жалко.

– Уорд быстро оправится!

– Я знаю многих людей, которые его уважают и очень любят читать о танцах, приемах и подобных вещах. Некоторым людям такие уроки нужны. Ведь люди с темным цветом кожи раньше мало знали о высшем обществе. А быть невежей никому не хочется.

– Вот именно! Он ведь просто сокровище. Как без указаний эксперта можно выучить правила этикета?

– Я все знаю, потому что меня научила мама, а ее, по приказу миссис Смит, – французская горничная.

– Каждая работа требует подготовки, а высший свет – тоже работа, что бы они там себе ни думали. – Альва вытянула руки в стороны, пока Мэри застегивала все пуговики на платье. – Критики могут потешаться над мистером Макаллистером, но ведь газеты целых пятнадцать лет с увлечением писали о том, что делает он, о том, что делаем все мы. Как же они любят играть на два фронта!

– Мне кажется, они бы оправдались тем, что защищают нравственность.

– Но нам как раз и нужны нравственные журналисты! Поэтому меня так разозлила эта рецензия – высмеивая его, они нарушили правила своего ремесла. Помощь мистера Макаллистера принесла радость многим. Он всегда служил общему благу. Организация благотворительных балов – его способ служить обществу: ведь именно такие балы заставляют прижимистых богачей расставаться с деньгами.

Завершив наряд драгоценностями, шляпкой, перчатками и накидкой, Альва стала спускаться вниз по лестнице. С каждой ступенькой она ждала, что Уильям окликнет ее и никуда не пустит. И все же ей удалось добраться до двери без помех. Видимо, муж все обдумал и переменял свое мнение.

Эрик подал руку, чтобы посадить Альву в экипаж, и она сказала кучеру:

– В «Шерри», пожалуйста.

– Прошу прощения, мэм, – сказал он, отводя взгляд. – Я не могу отвезти вас туда.

– Если не отвезешь, я тебя уволю.

– Да, мэм. Но, понимаете, мистер Вандербильт говорит, что уволит меня сам, если я вас туда отвезу.

– Ради всего святого! Что на него нашло?

Альва вышла из повозки. Оставалось два варианта: идти пешком пятнадцать кварталов или нанять экипаж. Любое решение привлекло бы внимание общественности. Почему миссис Уильям К. Вандербильт прибыла не в своем экипаже? Или вообще без него? Все станут обсуждать это за глаза, примерно так, как говорили об отношениях дядюшки Си-Джея и доктора Терри, и в результате о ней поползут слухи, которые только усугубятся тем, что приехала она поддержать ныне посрамленного Уорда Макаллистера.

«Батюшки! Неужели Альва Вандербильт совсем потеряла голову?»

«Так неразумно с ее стороны!»

«Но она все равно о себе такого высокого мнения!»

«Вот только это мнение никто не разделяет».

На крыльце показались Уильям и дети, все наряженные к ужину. Альва удивилась:

– Что это значит?

– Корнель пригласил нас сегодня, разве я вам не говорил? Он прислал утром записку. Мама и Джордж вернулись из очередной вылазки в горы Северной Каролины, и у Джорджа есть какая-то новость.

Уильям посадил в повозку детей и встал рядом с Эриком, ожидая, пока сядет и Альва.

Она спросила:

– Для чего нам коляска, когда можно просто пройти вверх по улице?

– Вилли утром подвернул ногу, слезая с лошади после прогулки.

Альву удивила эта неприкрытая ложь. Ее удивило и то, что он скрыл от нее планы на сегодняшний вечер. Возможно, муж и уколол ее

этим, однако она не собиралась это показывать.

Альва бесстрастно ответила:

– Вот как? Впервые об этом слышу.

– Вас все ждут. Может быть, сядете в коляску? – Хотя лицо Уильяма было спокойным, она почувствовала предостережение не устраивать сцену посреди улицы на виду у детей, прислуги и прохожих. Он добавил: – Я всего лишь хочу вам помочь, Альва.

– Конечно, – проговорила она и повиновалась.

До двадцативосьмилетия Джорджа Вандербильта оставался месяц. В отличие от своих старших братьев и парочки зятьев, он не принимал участия в управлении Центральным вокзалом, не интересовался железными дорогами, локомотивами или перевозками. Он любил книги. Он любил искусство. Ему нравилось путешествовать, и во время своих путешествий он покупал книги. И предметы искусства.

С тех пор, как все его братья и сестры покинули отчий дом, Джордж оставался неизменным компаньоном матери, сопровождая ее во всех поездках, присматривая за ней, когда ей нездоровилось (а это происходило все чаще – то туберкулез, то проблемы с сердцем). Энергичность, с которой миссис Вандербильт когда-то бралась за все, что делает, понемногу угасала, хотя она все еще любила проводить время с детьми и внуками.

Поэтому он решил отвезти мать в Северную Каролину – говорили, что местный климат благотворно влияет на здоровье. К тому же там проживал один из лучших в стране врачей, способный заняться ее недугом. Сегодня вечером, когда миссис Вандербильт стояла у камина в обеденном зале своего сына Корнеля, казалось, эти три месяца пошли ей на пользу – она держалась весьма бодро, смеясь над чем-то, что рассказывала ей Гертруда. Консуэло и маленькая Глэдис (младшая дочь Элис) наблюдали за ними.

Альва обрадовалась встрече (но к мужу оставалась холодна), хотя волнение из-за того, что она подвела Уорда, не давало ей покоя. И все же она должна проявить себя лучшим образом.

Альва подошла к камину со словами:

– Вот где на этом вечере можно от души повеселиться. – Она поцеловала свекровь. – С возвращением. Правда, мне кажется,

Джордж перепутал времена года – разве не осенью все пытаются уехать из Нью-Йорка на юг?

– И провести Рождество вдали от этих прелестных созданий? – воскликнула миссис Вандербильт, обнимая девочек.

Гертруда спросила:

– А туда долго ехать?

– Даже не знаю, милая. В моем возрасте на часы внимания не обращают.

К ним присоединился Джордж:

– Вообще-то целых двадцать девять часов.

– Я бы умерла, – ахнула Гертруда. – Особенно если бы пришлось ехать с Реджи.

– А я бы с радостью поехала, – возразила Консуэло. – Всю дорогу можно читать и больше ничего не делать.

– Здорово читать, когда младший брат не мешает тебе этим заниматься, – вздохнула Гертруда. – Не понимаю, почему мама до сих пор не отправила его учиться.

– Не нужно злиться, – пожурил Джордж. – Я тоже младший брат. Самый младший, если быть точным. Я вообще был самым младшим из детей, – сказал он и постучал по носику малышки Глэдис: – А это не так просто, как может показаться, правда?

Глэдис покачала головкой:

– Я младше всех-превсех.

– Совсем как я в свое время. И посмотри-ка – я выжил. И с тобой тоже все будет в порядке.

– А я – средняя, и это ужасно, – пожаловалась Гертруда.

Альва сменила тему:

– Джордж, ваш приезд, конечно, сам по себе прекрасный повод для того, чтобы собраться, но мне сказали, вы хотите сообщить нам какую-то новость? Не терпится ее услышать.

Возможно, эта новость связана с какой-нибудь юной леди. Если это так, то Джордж, скорее всего, кинется с места в карьер, потому что на памяти Альвы он до сих пор ни разу не проявлял своей симпатии к противоположному полу и не позволял сестрам подобрать себе партию. В семье часто шутили, что если он не поторопится, то подрастающие племянники уведут лучших девушек у него из под носа.

Джордж всплеснул руками:

– Мне тоже не терпится ею поделиться. Давайте попросим хозяина дома пригласить всех за стол, пока я не лопнул от нетерпения.

Дети засмеялись, и Гертруда сказала:

– Пойду поищу папу.

Подошла Элис и обратилась к Альве:

– Я люблюсь вашим платьем. Весьма изысканная работа. Вы ведь не сами вышивали? Оно так продавалось?

– Вышивку сделала Мэри.

– Мэри?

– Моя камеристка.

– Это вышила негритянка?

– Она отменно справляется с любой работой – я когда-то говорила вам, если помните.

– И, я полагаю, вас не беспокоит, что думают по этому поводу другие леди. Должна признаться, лично меня это беспокоит. Мне не свойственны ваши... взгляды. Я традиционалистка. Корнель говорит, мне следует быть более терпимой к нашим с вами различиям и к тому, о чем шепчутся в обществе. И я стараюсь изо всех сил.

– Не могу сказать, беспокоит ли это меня, потому что я не знаю, о чем там шепчутся. Может быть, просветите меня?

– Ах, всего лишь о том, что ваше желание иметь в камеристках негритянку свидетельствует об ужасном вкусе, хотя поначалу это и может показаться благородным жестом. Все-таки южане проиграли войну, и рабству был положен конец...

– Ради всего святого, она не рабыня.

– Прошу вас, следите за своей речью.

– В таком случае не провоцируйте меня!

– Вы сами спросили меня, о чем говорят в обществе.

– Мэри – интеллигентная талантливая женщина, которая выполняет свою работу безукоризненно. Вы ведь согласитесь, что мои наряды всегда безупречны? Это не в последнюю очередь ее заслуга.

– Не надо на меня нападать.

– Если бы вы дали отпор тем сплетницам...

– Как вы знаете, я предпочитаю демонстрировать свое мнение исключительно собственным примером.

– Кто бы мог подумать, что мы с вами так в этом похожи? – заявила Альва перед тем, как отойти в сторону. – У меня ко всему

точно такой же подход.

Когда все уселись за стол, Корнель принялся за свои традиционные разглагольствования. Бремя власти почти не отразилось на нем – он оставался худым и жилистым, совсем как в свое время его дед. По любому вопросу он высказывался с непоколебимой уверенностью в собственной правоте.

Пока Корнель говорил, Альва представляла себе, что сейчас происходит в «Шерри». Уорд, конечно, сразу заметит ее отсутствие и спросит об этом – или решит, что знает причину, по которой она не пришла. Это его ранит и, возможно, разозлит. Но он не позволит себе дать волю чувствам. Истинный джентльмен, блестящий хозяин, прямо сейчас он наверняка стоит перед собранием своих самых дорогих друзей (тех, кто не побоялся прийти) и произносит свою речь. Даже если он ранен и разозлен, его речь наверняка интереснее слов Корнеля, который выдавал что-то о горном воздухе...

– ...чудодейственные свойства которого очевидны. А теперь, чтобы избежать неприятного инцидента с участием лопнувшего от нетерпения человека, о котором меня уже предупредили, я даю слово Джорджу.

Альва до сих пор не сказала Уильяму ни слова. Каким же уверенным он выглядел, восседая между матерью и Консуэло. Разве могло быть иначе? Он пользовался всеми благами, которые приносила железная дорога, но ни за что не отвечал лично. Альва сильно удивилась бы, проведи он в офисе больше десяти часов в месяц. Время, которое у него оставалось, муж тоже посвящал отнюдь не бизнесу – если только не считать бизнесом разведение чистокровных лошадей и организацию скачек. Да, это приносило доход, однако оставалось всего лишь хобби богатого человека, пользу от которого получали такие же богатеи.

Джордж взял слово:

– Как вам известно, мы с мамой были в Ашвилле...

– Кашвилле? – переспросил десятилетний Реджи, воистину неугомонный, как успела ранее заметить Гертруда. – Ну и название...

Корнель вмешался:

– Сын, если ты не хочешь, чтобы тебя попросили выйти из-за стола...

– Извините, папа.

– Так вот, как вы знаете, мы с мамой ездили в горы Северной Каролины, в городок, названный в честь одного из губернаторов штата, мистера Сэмюэля Аша. Мы повстречали там множество прекрасных людей. Очень милое местечко! И вовсе не создает впечатления забытого богом края.

– А как же дикари? – поинтересовался Уильям.

– Там водится форель, это самое дикое, с чем там можно столкнуться.

– Ты хотел сказать, самое вкусное!

Все рассмеялись, и Джордж продолжил:

– Да, форель там отменная. И теперь эта форель моя, поскольку по земле, которую я там купил, проходит река Сваннаноа. Также я нанял чудесного архитектора и собираюсь построить там дом.

– Ты так и не сказал, что именно собираешься построить, – заметил Корнель. – Рыбацкий домик?

– Нет, у меня в планах кое-что более амбициозное. Я обсудил с Фредом Олмстедом, как нам лучше использовать ландшафт в своих интересах, а Ричард Хант разработал планы для меня и...

– Вашей будущей невесты? – с надеждой в голосе закончила Элис.

– Кого?.. – Джордж замотал головой. – Нет, нет, что вы. Вы решили, что я хочу?.. Корнель, я же просил тебя не превращать этот ужин в представление.

– Я только сказал, что ужин будет в твою честь и что у тебя есть новости.

– Расскажите нам больше, – попросила Альва. – Что это будет за дом?

– Вместо того чтобы о нем говорить, я решил, что лучше будет его показать.

– Вы привезли чертежи?

Он снова покачал головой:

– Хант заказал макет. Сегодня его доставили к нему в офис; пресса уделила этому довольно много внимания, так что, думаю, в завтрашних газетах его увидят все.

– И какова же причина такого внимания? – удивилась Элис.

– Ну, с учетом размеров дома, модель получилась... довольно габаритной.

Корнель немного насторожился.

– Для чего все это?

Прежде Альва никогда не видела Джорджа таким уверенным в себе. Сейчас он словно стал выше, тверже, в нем чувствовалась спокойная сила.

– Мой дом – в стиле французского Ренессанса, на котором Хант уже набил руку, делая дом для Альвы и Уильяма. Он займет триста семьдесят пять футов и вместит около двухсот пятидесяти комнат.

Альва пробормотала:

– Боже мой.

– И сколько земли тебе на это понадобится? – осведомился Корнель.

– Около ста двадцати пяти акров. Там будет сыродельный заводик, церковь, школа, ферма. Мы также думаем о лесном хозяйстве – немцы разработали в этом деле по-настоящему научный подход, я хочу его перенять.

Все замолчали, переваривая услышанное. Наконец Корнель, вид у которого сделался весьма строгий, произнес:

– Но это не дом, Джордж. Это настоящий замок.

– И ты собираешься построить его в глуши Северной Каролины? Какой в этом смысл? Жениться ты пока не намерен. Маме ни к чему там жить круглый год, да и мы все останемся здесь, на северо-западе, – недоумевал Уильям.

– Я не понимаю, откуда у вас подобное желание?.. Я хочу сказать, вы могли бы построить дом поближе к нам. Скажем, где-нибудь в долине Гудзона или в Нью-Джерси. Или в Вермонте, как Лила, – заявила Элис.

– Это безответственно с твоей стороны, – продолжил Корнель. – Хорошо, допустим, ты построишь свой замок. Но представь, сколько денег уйдет на его содержание – ты думал о том, что нужно оплачивать жалованье, платить за ремонт, закупать сырье, материалы и еду?

Пока Корнель говорил, Альва наблюдала за лицом Джорджа. Он выглядел довольным, словно ждал такой реакции. Пусть братья и сестры дышат друг другу в затылок здесь, на северо-западе, и проживают одинаковые жизни. Он не такой, как они, никогда таким не был и становиться не намерен. Может, Корнель и глава семейства, да только именно он, Джордж, покажет всем, что значит быть Вандербильтом.

Ниже по Пятой авеню человек, который помог фамилии Вандербильт засиять, наблюдал за тем, как его собственное имя покрывается несмываемым позором. Как и написали со злорадным торжеством во всех газетах, ни один из принадлежавших к высшим кругам друзей Уорда Макаллистера не появился на его ужине – хотя пришло множество друзей из «второго эшелона». Там были благодарные матери с дочерьми, которым под руководством Уорда удалось подняться на пару ступеней по социальной лестнице. Ограниченные в средствах джентльмены, которым он охотно помогал улучшить гардероб, речь и манеры. Уорд не остался в зале совершенно один с нетронутыми блюдами и незанятыми официантами – это немного успокаивало совесть Альвы. Составляя записку с извинениями, она сумела вывести лишь пару строк о том, что ей помешали приехать семейные хлопоты и она скоро непременно его навестит.

Когда они увиделись с Кэролайн Астор, чей образ, как и образ Альвы, довольно явственно проступал в мемуарах Уорда, Кэролайн заявила:

– Мистер Макаллистер оказался волком в овечьей шкуре. Нам больше не следует иметь с ним никаких дел.

Это было на приеме в честь какой-то немецкой баронессы, которая решила начать свое путешествие по Америке с Нью-Йорка. Присутствовало множество знакомых, которым, в общем-то, никакого дела не было до немецкой баронессы, восседавшей в кресле с чопорным видом. Хозяйка сидела по левую руку, и обе натянуто улыбались и перебрасывались иногда репликами, в то время как прочие стояли или сидели вокруг, разбившись по компаниям.

– Вы хотите сказать, мы должны навсегда отвернуться от него?

– Он знает правила. И вам тоже не помешает их вспомнить. Уорд Макаллистер продал нас ради собственной выгоды и поплатился, вот и все. Превращать друзей в мишень для сплетен и насмешек ради прибыли – непростительно.

Кэролайн, как, вероятно, и остальные дамы бомонда, считала, что Уорд бессердечно позволил другим осудить и признать бесполезными их собственные жизненные принципы, равно как и само их существование. Единственное, как леди могли опровергнуть это, –

притвориться, словно вся эта история не имела к ним никакого отношения. Притвориться, что Уорд Макаллистер никакой важной личностью не являлся и никогда не был вхож в их круг.

И хотя Альва не сомневалась, что Уорд хотел всего лишь польстить своим друзьям, а таким образом и себе, она не могла не согласиться с Кэролайн. Правила действительно существовали, и такое вопиющее их нарушение влекло за собой определенные последствия. Даже если Уорд рассчитывал на иной исход, кости были уже брошены.

Альва просчитала в уме несколько комбинаций и сказала:

– Мне очень жаль, что он поступил так глупо. Вы знакомы с его протеже, Гарри Лером?

Кэролайн подняла бровь.

– Да, его привела Мэйми Фиш. Весьма энергичный и деятельный молодой человек.

– Думаю, корона перейдет к нему.

– Возможно. Альва, знаете, а я вами восхищаюсь. Не могу сказать, что вы мне сильно нравитесь, но мне ведь, в принципе, никто не нравится.

Альва подняла чашку.

– Это взаимно.

Уорд не прислал записку в ответ на извинение Альвы и не позвонил. Сама Альва была слишком занята подготовкой к праздникам, детьми и светскими мероприятиями, чтобы найти время заехать к нему. К тому же она прекрасно понимала – с одной стороны, это будет похоже на лицемерие, а с другой – на предосторожность.

Примесь

*Милое дитя, твой взгляд так ясен,
Столько радости в беспечном воркованье –
Я же не могу бежать от мысли,
Что недолгим будет ликованье,
Годы пробегут, придут страданья –
Пусть душа не знает укоризны.
Так уж повелось, во всем есть примесь,
Ложка дегтя в самой сладкой жизни.*

*Милое дитя, тебя спугнули,
По щекам твоим слезинки покатались.
Но мгновение – и звонким смехом
Горькие рыдания сменились.
Знаю, ждут в грядущем тягостные дни,
В сердце поселится темная печаль.
И не раз ее, скрывая ото всех,
Ты, вздохнув, наденешь радости вуаль.*

Дженни Л. Лайалл [\[48\]](#).

Глава 1

Выйдя из коляски, Альва сразу почувствовала – дома что-то стряслось. Приветствие швейцара было натянутым. Миссис Эвелин, экономка, едва завидев ее, скрылась в коридоре. Альва поднялась к себе в спальню и звонком вызвала Мэри. Но вместо Мэри пришла одна из горничных.

– Мэм? – Девушка присела в торопливом реверансе.

– Что это значит? Я звонила Мэри.

– Да, мэм. Мэри не может прийти.

– Как так? Она заболела? Поранилась? Может быть, она вышла?

– Не знаю. Миссис Эвелин назначила меня вам помогать.

Альва нажала кнопку, чтобы вызвать миссис Эвелин, и отпустила девушку.

– Не нравятся мне эти загадки, – заявила Альва, когда на пороге появилась миссис Эвелин. – Где Мэри?

– Думаю, наверху в своей комнате, потому что ключ она еще не сдала и об уходе не сообщала. – В тоне Эвелин прозвучало осуждение, однако Альва не могла понять, осуждает она Мэри или ее саму.

– Об уходе?

– Вы приказали сегодня ее рассчитать.

– Рассчитать? Вы что, выжили из ума? Я ничего такого не говорила!

Миссис Эвелин сконфузилась.

– Я имела в виду – мистер Вандербильт передал мне, что вы потребовали дать ей расчет. И я дала.

– С чего, по-вашему, я буду заниматься такими глупостями?

Вид у миссис Эвелин сделался несчастный.

– Я не вправе задавать ему такие вопросы.

– Да, конечно. Где сейчас мистер Вандербильт?

– Вышел около часа назад.

– Да что ж такое! – пробормотала Альва, вышла из комнаты и направилась к лестнице для прислуги.

Она уже подходила к комнате Мэри, когда та появилась на пороге, одетая, словно собралась в церковь, – в шляпке и перчатках. В каждой

руке она держала по чемодану.

Альва произнесла:

– Стой. Отнеси их обратно. Я не увольняла тебя. Мой муж ошибся.

Мэри остановилась.

– Ошибся? Вы не хотите, чтобы я уходила?

– Боже мой, конечно, нет!

– Потому что я и сама не могла понять, с чего бы вдруг... – Мэри запнулась. Потом продолжила: – Я рада это слышать, но... Я думаю, лучше будет, если я уйду.

Альва завела ее в комнату.

– Не знаю, что на него нашло, но я все исправлю. Распаковывай чемоданы. И думать не хочу, чтобы на твое место пришел кто-то другой.

– В какой-то степени я даже рада, что он это сделал, – сказала вдруг Мэри. – То есть я, конечно, не хочу уходить – вы мне почти как сестра. Но...

– Что случилось? Расскажи мне.

– Я, в общем-то, приоровилась не обращать на это внимания. Когда ты всего лишь чернокожая девушка, к такому привыкаешь, как к шуму железной дороги, например. – Мэри все еще не выпускала чемоданы из рук. – Иногда другие слуги болтают всякое – что такие, как я, не должны занимать должность, для которой существуют «более подходящие кандидаты». А теперь и мистер Уильям стал делать мне замечания.

– Не обращай на него внимания. Распаковывай чемоданы, а я все улажу.

– Он дотронулся до моей щеки и сказал: «Ты слишком хорошенькая, чтобы белые мужчины только смотрели на тебя. Такие девчонки раньше были любимицами хозяев».

– Уильям позволил себе такое?

Мэри молчала.

– Но он не...

– Нет. – Мэри встряхнула головой. – По крайней мере, пока. Поэтому мне лучше уйти, прежде чем все не стало еще хуже.

– Возможно, ты права...

Альва еле сдерживала слезы. Сколько она помнила себя, Мэри всегда была рядом. А Уильям... о чем он только думал?

– Что ты теперь будешь делать?

– Буду помогать мисс Армиде – мама уже почти слепая. Вы сможете нас навещать. И я буду шить и вышивать для вас, как раньше.

– А что, если... не знаю, к примеру, ты откроешь магазинчик и будешь продавать там свое рукоделие? Ты ведь создаешь шедевры! Любая из моих знакомых щедро заплатила бы за такую работу.

– Нет, мне они платить не станут. Знаете, так нелепо – мы тогда подумали: раз северяне решили освободить рабов, мы все станем равными. А теперь кажется, они нас освободили, чтобы мы только не путались под ногами.

– Тогда мы найдем белую девушку, которая станет смотреть за магазином. Или какую-нибудь итальянку, у которой еще не пропал акцент. Пусть говорит, что все изделия – работа лучшей мастерицы в Италии. Ни у кого и сомнения не возникнет.

– Я думала поискать магазины, куда смогу продавать свои работы.

– Я наведу справки. Позволь мне тебе помочь. Это будет справедливо.

Они спустились по лестнице вместе. У служебного входа Альва на минуту оставила Мэри и, вернувшись, положила ей в руку пятьдесят долларов.

– На первое время. И я прослежу, чтобы Армида назначила тебе жалованье.

– Приезжайте повидать нас в воскресенье.

– Только по-старому уже не будет, – огорчилась Альва.

– Вот вам мой совет: наймите на мое место девушку пострашнее.

– Пострашнее?

– Чтобы он не соблазнился ею. Сделайте так, чтобы такое не повторялось в вашем собственном доме.

Альва открыла рот, собираясь возразить: «Уильям никогда бы не...», но тут же его закрыла. На самом деле она совершенно не знала, на что способен ее муж. Она никогда не думала, что он так жестко отреагирует на ее желание посетить вечер Уорда. И никогда бы не поверила, что он настолько безнравственен, чтобы связаться с другой женщиной, тем более с Мэри.

– Не знаю, что на него нашло. Он ведь даже не особенно любит... ну, ты понимаешь, о чем я. Твоя комната прямо над моей.

– Хм. Но он же все время в разъездах.

– Ты хочешь сказать...

– Мисс Альва, я не знаю, чем он там занимается. Максвелл об этом ничего не рассказывает. Вот вы не знаете, что на него нашло, а я думаю, что перемены в жизни человека не меняют. Разве что проявляется настоящая личность, которая обычно прячется за маской приличий. Теперь мистеру Уильяму просто не нужно ничего скрывать.

– Ты думаешь, он всегда был безнравственным эгоистом? Но у меня в голове просто не укладывается... Он так добр со мной, ты же знаешь.

– Потому что это дает ему почувствовать свое превосходство. Подумайте – ведь на самом деле он всегда ставит себя на первое место.

(«Очаровывай его, Альва. Льсти ему. Понимаешь? Ты должна стать наградой».)

Альва не нашлась, чем возразить. Только спросила:

– По твоей теории выходит, что теперь, когда он настолько богат, он может делать все, что ему заблагорассудится, безо всяких последствий?

– Без последствий, которые могут быть важны для него, – уточнила Мэри.

Вечером подали тушеного кролика с начинкой из душистой зелени и гарниром из весенних овощей. Альва была так расстроена, что почти не чувствовала вкус еды, что раздражало ее еще больше. Теперь она видела своего мужа в новом свете, и этот человек ей совсем не нравился.

Они ужинали вдвоем, поэтому ужин накрыли на маленьком столе в утренней столовой. Альва любила этот стол из дуба, инкрустированный кленовыми звездами, выложенными в созвездия, любила эту комнату. Весь день в ней было особенно приятное освещение. Однако сейчас ничто не приносило Альве удовольствия.

– Днем произошло кое-что весьма необычное, – обратилась она к Уильяму.

– Неужели?

– Я выезжала в город, а когда вернулась, мне сообщили, что Мэри уволена по моему распоряжению. Это очень странно, поскольку я таких распоряжений не давала. Еще более странно то, что вы передали прислуге это распоряжение от моего имени. Возможно, вам приснилось, что я попросила вас ее уволить?

Уильям отложил вилку.

– Я был бы вам благодарен, если бы вы не ерничали.

– А я была бы вам благодарна, если бы вы... с чего же начать? Для начала, не ввали слугам и не превращали меня в тирана. Далее, ваша ложь создала для меня неудобства – из-за вас я лишилась превосходной камеристки. Представьте, если бы я взяла и уволила без причины Максвелла, не поставив вас в известность.

– Максвелл идеально подходит для своей работы. А ваша девушка изначально не должна была здесь служить. Люди нашего класса негров в доме не держат, даже в качестве судомоек.

– Раньше вас это не беспокоило.

– Мне только недавно указали на эту проблему.

– Кто же?

– Общество. Мой брат...

– Корнель?

– Да, он упоминал об этом. – Тон Уильяма оставался ровным и дружеским, как всегда. – На самом деле не важно, кто сказал. Это факт. Как и то, что репутация всей семьи страдает, оттого что вы держите эту девушку. По всей видимости, Элис уже несколько раз указывала вам на это, но вы ничего не предприняли, поэтому я решил этот вопрос самостоятельно.

– С самого тысяча восемьсот семьдесят пятого года мне на это указывало множество ограниченных леди, и это не имело никакого значения.

Уильям проигнорировал ее слова, отрезав себе еще кусочек кролика.

– А если бы она ответила на ваши знаки внимания?

Уильям отложил вилку.

– Прошу прощения?

– Если бы Мэри вам не отказала, «общественное мнение» беспокоило бы вас так же сильно?

– Я совершенно не понимаю, о чем вы говорите. Мне указали на проблему, и я ее решил, вот и все.

– Сделав вид, что приказ исходит от меня.

– Я привык решать проблемы самым эффективным способом.

– Но вы хотели, чтобы она подумала, будто ее выгнала я.

– Альва, она не являлась ценной частью моего хозяйства, и поэтому я от нее избавился. Думаю, вопрос исчерпан.

Альва обратилась к дворецкому:

– Пожалуйста, распорядитесь, чтобы ужин подали в мою комнату. Я бы хотела поужинать в одиночестве.

Но когда еду принесли в комнату, Альва даже не притронулась к ней. Она не притронулась к еде!

На следующий день, заглянув в гостиную, Уильям был по обыкновению весел. Он уже успел прокатиться верхом – на ногах бриджи, в руках перчатки из воловьей кожи, волосы растрепаны.

– Только послушайте, что я узнал, – заявил он. – Утром в «Юнионе» рассказали. Помните юную Шарлотту Астор, которая вышла замуж за Джеймса Дрейтона?

Альва отложила ручку. На столе перед ней лежал список требований к новой камеристке – миссис Эвелин должна была отнести его в агентство, когда они отправятся в свое ежегодное путешествие в Париж. Временно Альва назначила на место Мэри одну из горничных – ей нужен был кто-то, чтобы собрать и разобрать вещи, что-нибудь принести, отпарить или погладить. С остальным она пока справится сама.

– Конечно, я помню Шарлотту Дрейтон. Она ездила в Нью-Джерси.

Уильям взял из миски яблоко. Натирая его о лацкан до блеска, он сообщил:

– У нее был пламенный роман с Хэллетом Борроу. Дрейтон выгнал ее из дому, отец не желает ее видеть, а теперь Дрейтон еще и вызвал Борроу на дуэль! Просто великолепно! Такое даже в театре редко увидишь!

– А где она сейчас живет?

– Кто знает.

– Дети с ней?

– Уверен, Дрейтон оставил детей у себя, не беспокойтесь.
– И собирается рисковать жизнью? Не слишком ответственный шаг для человека, который может остаться их единственной опорой.
– Не понимаю, отчего вы так злитесь.
– Я не злюсь. Нет, злюсь, хотя и до вашего появления я уже была не в духе. Ваш вчерашний поступок...
– Погодите-ка, – сказал Уильям, подошел и сел в кресло рядом с Альвой. – Разве мы не потратили бог весть сколько денег и времени, чтобы наконец принадлежать к высшему обществу?

– Потратили, но...
– Альва, вы – одна из самых почитаемых женщин в стране. Но вы вели себя совершенно безрассудно, когда дело касалось этой служанки. Я жалею лишь о том, что не осознал всей серьезности проблемы раньше. Если даже Элис не могла вас вразумить, мне не стоило и пытаться. Но мой долг – защищать вашу честь и честь наших детей. По такой же причине Дрейтон собирается стреляться с этим хлыщом Борроу. – Уильям взял ее руку в свои. – Поймите, ведь вы... вы ангел-хранитель этого дома. И для меня вы тоже ангел. Вы умная, целеустремленная, вы помогли всей нашей семье вырасти в глазах общества. Если мне придется стреляться, чтобы защитить вашу честь, – я это сделаю. Если мне придется нанести вам оскорбление, чтобы защитить от собственной мягкосердечности, – так тому и быть.

Уильям отпустил ее руку и встал.

– Завтра отправляемся в путь, – добавил он, выходя в холл. – Пойду удостоверюсь, что Максвелл уложил мои новые костюмы.

И он сбежал вниз по ступеням, оставив Альву в гулкой тишине. Легко сумел избежать ее обвинений в приставаниях к Мэри. И только что назвал ее ангелом. Своим ангелом.

Неужели это все игра?

Лондон, 27 апреля 1891 года

Милая Альва!

Кажется, я не ошибалась, когда говорила, что вряд ли почувствую какую-то радость, получив титул герцогини Манчестер. Хотя голова у меня болит не от короны, а от духовной и материальной нищеты моего супруга. Он продал

почти все, чтобы оплатить свои долги, и стал завсегдатаем таких заведений, в которых уважающих себя леди днем с огнем не сыщешь.

Поэтому я перебралась в несколько потрепанный, но довольно милый дом на Грейт-Камберленд-стрит. Жизнь с его сиятельством стала совершенно невыносимой, и мы расстались навсегда. Конечно, я могла бы потерпеть еще немного – врачи подтвердили, что он умирает от чахотки, и мне ни к чему было внимание, вызванное нашим расставанием. Но мое сочувствие к нему иссякло уже давно – думаю, это произошло одновременно с уменьшением состояния моего отца и последующей потерей со стороны супруга всяческого ко мне интереса. В то время как сам Берти все еще считает меня настоящим сокровищем и жалеет, что нам не суждено быть вместе. Какая злая ирония – быть превозносимой будущим королем и отвергнутой разорившимся герцогом. И страшно, и смешно.

В такие времена непросто не пасть духом. Но я должна быть сильной если не ради себя, то ради детей. Альва, как бы я хотела показать их тебе. Они такие красивые и воспитанные. Но я боюсь, что Ким превратится в своего отца – тот повсюду возит его с собой, хвастается им и бог знает, что еще. Ему ведь уже четырнадцать, и ему нравится, когда подружки близняшек окружают его вниманием и восхищением – так что отец, скорее всего, уже познакомил его с этим прекрасным миром легких связей, который открывается перед теми, у кого есть титул (или деньги, хотя в его случае об этом речь не идет, так-то!). Приятели герцога не знают, что его жена и дочери нищие и живут лишь за счет скудного содержания и щедрости друзей. А может, и знают, но все, что им нужно, – иметь в списке своих знакомых титулованную особу.

Прости мне этот тон. Когда отправишься в следующее путешествие, заезжай в Лондон.

Глава 2

В июльский полдень Уильям позвал Альву в гостиную особняка, который они снимали в Ньюпорте. На столе лежал земельный план.

– Я давно думаю, что нам было бы неплохо построить здесь дом. К тому же не за горами важная для вас дата, так что я решил приобрести вот этот участок земли. – Он ткнул пальцем в план. – В Бельвю. Он доходит до самого моря. С севера граничит с землей Асторов. Таким образом наш дом будет стоять на полпути между домами Корнеля – вот здесь, и Фреда – вот здесь. Между Брейкерсом и Раф Пойнтом около мили по прямой.

Важной датой, которую упомянул Уильям, было сорокалетие Альвы. Хотя до него оставалось еще два года, оно постоянно напоминало о себе, точно сигнал маяка на горизонте: «Со-рок, со-рок». Избежать сего знаменательного события не представлялось возможным – разве что умереть раньше, что отнюдь не казалось Альве самой разумной реакцией на вступление в пору среднего возраста.

– Что вы думаете? Участок прекрасный. И вы с Хантом сможете воплотить очередной шедевр.

– Я смогу построить здесь все, что захочу?

– У нас будет всего четыре акра, на такой размах, как у Джорджа, здесь рассчитывать не приходится. Но в целом – да, вы можете построить все, что вашей душе угодно.

– Но почему?

– Что значит «почему»? Я же вам сказал.

– Почему сейчас?

– Это я вам тоже сказал.

Выражение лица Уильяма оставалось невозмутимым, но Альва почувствовала, что с его предложением не все так просто. Она заметила, что муж становился все более скрытным. Когда Альва была настроена благодушно, она приписывала эту перемену новому этапу в жизни супруга и старалась не думать о словах Мэри – конечно, та хотела как лучше, но явно перегибала палку. Когда же Альвой завладевали мрачные мысли, что, к счастью, случалось редко, она

разочаровывалась в своем выборе, злилась на обстоятельства, ставшие тому причиной, и боялась, что Уильям принимает ее за дурочку.

Он тем временем продолжил:

– Я подумал, что если участок не куплю я, это сделает какой-нибудь разбогатевший выскочка. Но ведь кто заслужил новый особняк больше, чем моя жена.

– Меня вполне устраивает и этот дом. Но я с радостью вновь займусь строительством. – Альва знала, что возможность с головой погрузиться в дело принесет ей только пользу.

– Мне жаль, что Мандевиль со своей женой обходится иначе, – заметил Уильям, сворачивая план. – Что слышно от нашей герцогини? Разве вы не собирались встретиться?

– Перед тем, как вы уехали из города, я как раз получила от нее письмо. Они с Мандевилем в ссоре, но она много времени проводит при дворе. Одна из любимиц принца.

– В самом деле?

– Ничего такого, о чем могли бы пойти слухи, если вы об этом подумали.

– Я ни о чем не подумал. Просто жаль, что она связалась с этим Мандевилем, а не нашла себе партию получше.

– Консуэло как кошка – всегда приземляется на лапы, – возразила Альва.

И, пока Уильям не удалился, поинтересовалась:

– Корнель не затевает очередное строительство? Может, они хотят изменить что-то в Брейкерсе?

– Мне об этом ничего не известно. Вы что-то слышали?

Альва покачала головой.

– Их дом, безусловно, весьма неплох, – сказал Уильям. – Но я уверен, вы придумаете что-то гораздо более впечатляющее. Если вы собираетесь снова работать с Хантом, лучше напишите ему поскорее. У него сейчас много работы – сначала дом Джорджа, затем Белмонта.

– Перри нанял Ричарда? Или Август?

– Ни тот, ни другой. Его нанял Оливер. Он собирается построить дом на западной окраине Бельвю.

– Когда это выяснилось? Мне ничего не известно.

Уильям пожал плечами:

– На днях я виделся с ним в клубе, он рассказал мне о своих планах.

Значит, Оливер был в Ньюпорте и собирался задержаться здесь надолго. Не самая приятная новость. Альве гораздо проще было не думать о нем, когда их разделяли тысячи миль. Но это объясняло неожиданное желание Уильяма построить здесь дом. Если у Оливера Белмонта будет собственный особняк в Бельвю, Уильям не может позволить себе отстать от него.

– Мне казалось, он собирался переехать за границу. Или он решил жениться на местной девушке?

Уильям рассмеялся:

– И правда, такое очень на него похоже! Нет, насколько я знаю, ни о чем драматическом или увлекательном речи не идет. Он всего-навсего решил вернуться в американское общество. Хочет восстановить здесь свое положение. А теперь, после смерти старого Белмонта, у него есть для этого все средства. Он не был здесь уже семь лет. Согласитесь – самое время одуматься.

Альва никак не могла с этим согласиться. Лучше бы он выбрал жизнь где-нибудь в другом месте.

– А теперь, с вашего позволения, я вас покину – мы с Оливером и приятелями сегодня играем в теннис в «Ньюпорт Казино». – Уильям сделал вид, что замахивается ракеткой. – Можете прийти поболеть за нас.

Альва представила себе эту сцену и немедленно отказалась. Возможность наблюдать, как Оливер играет в теннис или, раз уж на то пошло, просто стоит и дышит, ее привлекала гораздо больше, чем она могла себе позволить.

Почему ее все время влечет к нему? Почему ей не удастся избавиться от этого чувства? Что с ней не так? Возможно, все дело в... как это говорят? Животном притяжении? Что-то вроде того. Физиологическая реакция на определенный стимул, никак не связанная со свойствами характера или волей индивидуума. В прошлом январе один известный натуралист читал об этом лекцию. Зимой в Нью-Йорк приезжало множество лекторов – они знали, что люди с радостью купят билет за три доллара на что угодно, лишь бы развеять скуку. А в апреле Альва ходила послушать писателя Марка Твена. В свете о нем отзывались по большей части

пренебрежительно – в своей книге «Позолоченный век» он нарисовал не самый приятный портрет современного общества. Насекомым ведь тоже не особенно нравится, когда их прикалывают булавками. Но, в отличие от насекомых, людям важно иногда не побояться взглянуть фактам в лицо.

Альва взяла с ближайшей полки книгу по архитектуре Европы и продемонстрировала ее Уильяму.

– Мне нужно поработать, иначе получить подарок на день рождения не удастся. Желаю вам славно провести время.

Альва вместе с детьми выбралась в город, чтобы посмотреть представление иллюзиониста. Она как раз помогала Гарольду слезть с повозки, когда дверь магазинчика напротив распахнулась и на пороге появился Ричард Хант.

– Ричард! Я как раз хотела с вами встретиться! Поздоровайтесь с мистером Хантом, – велела она детям.

Неожиданно из-за угла показался еще один человек.

– А вот и вы! – воскликнул Хант Оливеру Белмонту, который остановился рядом. – Я уже думал, что потерял вас.

– Вы застигли меня врасплох. Вот это да – Альва Вандербильт! Приветствую.

На Альву обрушились все эмоции разом – радость, волнение и досада на то, что она чувствует радость и волнение. Честное слово, ей было гораздо проще, когда он находился далеко. С глаз долой, из сердца вон – она искренне руководствовалась этим принципом. Животное притяжение теряет свою силу, когда находишься вне зоны досягаемости животного-агрессора.

Но посмотрите на него! Какой из него агрессор?

Нет, Оливер не постарел – скорее, стал более зрелым, расслабленным, уверенным в себе. Озорной. Симпатичный. Интеллигентный. Довольный. Возможно, в его жизни и появилась леди. Что ж, за него можно только порадоваться. Да, порадоваться – он заслужил свое счастье.

За себя она тоже порадовалась – часть лета они с Уильямом и детьми проведут в Лиссабоне.

– Вы помните мистера Белмонта? – спросила она детей.

– Я не помню, – ответил Гарольд.

– Вообще-то с этим молодым человеком мы и правда незнакомы. – Оливер наклонился, чтобы говорить с Гарольдом на одном уровне. – Оливер Белмонт к вашим услугам. – Он протянул руку, и Гарольд, хихикнув, ее пожал.

Оливер выпрямился и взглянул Альве в глаза.

– А мальчик так же милостив, как и его мама, – жизнерадостно заключил он. – Прекрасно вновь встретить вас.

В его поведении не было и намека на ту неловкость, которая когда-то возникла между ними. Значит, он уже пережил это и оставил в прошлом. Хорошо. Она постарается сделать то же самое:

– Уильям рассказал мне, что вы с Ричардом работаете над проектом дома.

– Так и есть, – подтвердил Ричард.

К беседующим подошел очень высокий темнокожий мужчина. Его наряд был довольно необычен – феска и зуавский жакет, однако на него не обратили внимания ни Оливер, ни Ричард, который продолжал говорить:

– Оказывается, мистер Белмонт весьма настойчив в своих затеях, совсем как один мой клиент, на которого я сейчас не стану указывать пальцем.

Альва улыбнулась:

– Это действительно так?

– Ханту не понравилась моя идея поместить конюшни в первом этаже дома. Но в Европе так делают решительно все.

– Там это делается из соображений экономии, – вздохнул Ричард. – У вас же достаточно пространства и средств, чтобы выделить под них отдельное здание. Но, – сказал он, не давая Оливеру возразить, – работая для миссис Вандербильт, не говоря уже о ее девере, я усвоил, что желание клиента превыше всего. Мое предназначение – воплощать эти желания со вкусом.

Делая вид, что Ричард не может услышать его слов, Оливер вставил:

– Именно поэтому у него столько богатых клиентов.

– Я предпочитаю думать, что это происходит исключительно благодаря качеству моей работы.

– Те, кому нужно лишь качество, – ответил Оливер, – обращаются к Посту, Кодману или Уайту с его ребятами. У вас же, мистер Хант,

душа художника. Либо вам просто слишком нравится терпеть эксцентричных заказчиков и выполнять их прихоти. Так или иначе, – обратился он к Альве, – теперь я точно знаю, что мои скакуны никуда не денутся.

– Но ведь они будут все время громко ржать, – заметил Вилли.

– По крайней мере, они будут ржать подо мной, а не надо мной, – отшутился Оливер, напомнив Альве тот вечер на Лонг-Айленде, когда они с ним обменивались шутками о лошадях.

Летний воздух и молодость баюкали их в своих нежных руках... С тех пор прошло столько времени, а это воспоминание до сих пор оставалось необыкновенно ярким.

Гарольд потянул Альву за рукав. Она повернулась к нему.

– Что случилось, малыш?

Мальчик смотрел на странного человека, который стоял довольно далеко, чтобы не показаться бестактным, однако достаточно близко, чтобы было ясно – он здесь не лишний. Гарольд встал на цыпочки и громко, как это часто делают дети, прошептал:

– Почему он за нами смотрит?

Ему ответил Оливер:

– Этот великан – мой слуга. Подойдите ближе, – позвал он детей. – Это Азар. Он родился в Египте. Во время моих путешествий в Африке нам довелось пережить немало приключений, и он решил поехать со мной в Америку.

Азар поклонился.

– Приветствую вас, дети, – произнес великан глубоким голосом. Говорил он с сильным акцентом.

Гарольд поклонился и сказал:

– Приветствую вас, сэр.

– А кого еще вы с собой привезли? – беззаботно поинтересовалась Альва. – Уильям намекнул мне, что у вас появилась новая привязанность.

Оливер отрицательно покачал головой:

– Нет, ничего подобного.

– К сожалению, – заметил Ричард. – Я все твержу ему, что присутствие хозяйки пошло бы новому особняку на пользу.

– Что ж, всему свое время, – заметила Альва. – Дети, идемте. Боюсь, нам надо поторопиться. Мистер Хант, если завтра у вас

найдется свободная минутка, я бы хотела обсудить с вами новый проект...

– Подъезжайте на мой участок, – предложил Оливер. – Скажем, в девять часов? Мы как раз размечаем землю, и вы сможете помочь нам предотвратить какую-нибудь ужасную ошибку. Пока еще есть время, чтобы все исправить.

– Прошу прощения? – возмутился Ричард.

– Хант, я не хотел вас обидеть. Но разве не говорят – семь раз отмерь, один – отрежь?

– Утром я занята, – солгала Альва. – Кроме того, мне бы не хотелось оскорбить мистера Ханта и таким образом поставить под угрозу строительство своего особняка.

– Теперь я в совершенном замешательстве – не знаю, стоит мне прислушиваться к сомнениям мистера Белмонта или похвалам миссис Вандербильт, – пожал плечами Ричард.

– Пойдемте лучше с нами на представление, – предложил Вилли.

Ричард похлопал его по плечу.

– Устами младенца глаголет истина. Цените это время. Еще совсем недавно моя дочь была такой же, а теперь вышла из этого чудесного возраста.

Альва пошутила:

– Если мы не поспешим, моя дочь тоже успеет выйти из чудесного возраста. Мистер Хант, заезжайте к нам завтра на обед.

Он кивнул:

– С превеликим удовольствием.

Взглянув на Оливера, Альва произнесла:

– До свидания, джентльмены. – И завела детей в театр.

Рассадив всех по местам, она отлучилась в дамскую комнату, где столкнулась лицом к лицу с Элис.

– Добрый вечер! Не знала, что ваши дети тоже придут на представление. Иначе мы бы обязательно посадили их с Реджи и Глэдис.

– А где Гертруда?

– Поехала кататься верхом с дочкой Хантов.

– Кажется, вы не особенно этому рады.

– Я уверена, что мисс Хант прекрасная девушка. В своих кругах, разумеется. Но мне совершенно не нравится, что она так присосалась к

Гертруде. Я сказала об этом дочери, но она меня и слушать не желает! «Мама, своих друзей я буду выбирать сама». Таким тоном! Эстер Хант интересуется только общественное положение моей девочки.

– Положение? Но она ведь не принцесса.

– Она самая богатая наследница в Америке, а может, и во всем мире. На вашем месте я бы проследила за тем, чтобы Консуэло не использовали сходным образом. Хотя, думаю, она в безопасности, пока Гертруда притягивает всех пиявок к себе.

– Господи, да она вам, кажется, не на шутку надоела.

– Эта девчонка постоянно околачивается в Брейкерсе, и я даже не могу ей это запретить – ведь мистер Хант помог нам перестроить дом в Нью-Йорке, а теперь выполняет заказ Джорджа... Против самого мистера Ханта я ничего не имею. Полагаю, это миссис Хант неправильно воспитала дочь.

– Гертруде нравится проводить с ней время?

– Их водой не разольешь! Я ведь только что вам сказала.

– Тогда я не вижу проблемы. Ханты – весьма уважаемая семья...

– У него столько денег только потому, что он разжился на богатых клиентах.

– А у нас столько денег только потому, что у нашей семьи – монополия на все железные дороги, ведущие на верфи, а также потому, что инвесторы покупают акции Центрального вокзала.

Элис поправила шляпку.

– Мне пора возвращаться. Не могу оставлять Реджи без присмотра надолго.

Альва смотрела ей вслед, чувствуя благодарность за возможность на несколько минут погрузиться в чужие проблемы и забыть о своих собственных.

28 июля 1891 года

Моя милая герцогиня!

Прости, что так давно не отвечала. Этим летом столько всего произошло. Я пишу тебе с «Альвы» – мы сейчас где-то в Атлантике, и я развлекаю себя, рисуя планы будущего особняка в Ньюпорте. Я бы хотела, чтобы он был похож на Малый Трианон в Версале, который Людовик XV собирался подарить своей фаворитке маркизе де Помпадур.

К сожалению, она не дожидала до завершения строительства. Надеюсь, мне повезет больше.

Мы возвращаемся из Лиссабона, пробыли там целую неделю. Великолепный город, понравился даже детям. У-м уже планирует на октябрь новое путешествие – провести зиму на Средиземном море, в Италии, и вернуться домой в мае. Я хочу посетить знаменитые аукционные дома – в особняке каждая комната будет оформлена в своем стиле (Ренессанс, готика и т. д.), а, как ты знаешь, все самое красивое и настоящее можно найти только в Старом мире.

Вот последние новости: моей соседкой в Ньюпорте была миссис Герман Олрикс – в прошлом известная как мисс Тереза Фэйр. Да-да, наша рыжеволосая дева из Гринбрайера, которую, как мне казалось, мог выбрать Уильям. Она так влюблена в Германа, что я не могу ею не восхищаться.

Сам Герман увлекается спортом и не давал дамам заскучать, постоянно вызывая мужчин на поединки в плавании, верховой езде и борьбе. Также он утверждает, что акулы-людоеды, созданные воображением Жюль Верна, исключительно в воображении и существуют. Чтобы это доказать, он собрал всех нас: свою жену, молодоженов Элис и Тедди Рузвельт, Оливера Белмонта, семейства Фишей, Геле и еще несколько человек на борту «Хильдегарды», вышел в океан и объявил, что собирается искупаться. «Пусть это станет исчерпывающим доказательством того, что акулы не нападают на людей!» – сказал он, спустился по трапу и нырнул в пучину. Все столпились у борта. Его жена едва не потеряла сознание.

Мужчины начали делать ставки (У-м проголосовал в пользу акул) и поддразнивать Германа, но вдруг над водой показались акулы плавники, и все разом смолкли. Только представь: в милях от берега на пятифутовых волнах колышется яхта, шквалистый ветер закручивает юбки вокруг ног, все страшно напуганы – некоторые из дам отвернулись, уверенные, что ужасной сцены не миновать, но я не отрывала глаз от воды. Я верила, что у него все

получится. И у него получилось! Он начал громко барахтаться в воде, как сам Посейдон, и акулы уплыли!

Я не хотела оставлять без ответа твое сообщение о... Когда я села за письмо, то подумала: «Подниму ей настроение новостями об особняке и забавными историями». Возможно, мне это и удалось, но все же я сижу здесь, представляю тебя в этом потрепанном лондонском доме и думаю, как смело с твоей стороны рассказывать правду о своей жизни. Мне кажется, здесь правда давно вышла из моды. Если и была когда-нибудь модной.

Почему некоторые мужчины позволяют себе такое поведение? Мандевиль никогда не был тебя достоин. А Пирпонт Морган? Построил рядом со своим особняком дом для любовницы и безнаказанно к ней наведывается. Миссис Морган вынуждена делать вид, словно никто, включая ее, ничего об этом не знает. И эти мужчины считают, что их не в чем упрекнуть! Почему бы и нет? Их жены привыкли все терпеть. Ведь мы все читали в «Книге идеальной леди», что жизнь Истинной Женщины исчерпывается ее бытовыми делами – домом, детьми – и благотворительностью. Истинная Женщина понимает, что нужды мужчин – иные.

Но я не верю в эту чепуху. Мы закрываем глаза на их поступки, потому что боимся того, что произойдет в противном случае.

Я хочу кое-чем с тобой поделиться.

Много лет назад, после нашего бала 1883 года, ты спросила, есть ли у меня секрет. У меня его не было. То есть не совсем. Но в одной вещи я никому не признавалась. В меня был влюблен один джентльмен. Той ночью я отказала ему и всему положила конец. Мы долго не виделись. Он жил за границей, и наши пути никогда не пересекались. Безусловно, иногда я слышала о нем какие-то новости, из чего могла заключить, что он находится в добром здравии, ведет активную жизнь, но до сих пор не женился и не собирается. Теперь этот человек вернулся, и я довольно часто с ним

вижусь. Несмотря на то, что я когда-то сказала ему «нет», сейчас меня влечет к нему не меньше, чем раньше. Это сводит меня с ума.

Я никогда не отвечала на его ухаживания и рада этому, поскольку очевидно, что он сделал, как я просила, и оставил свои чувства ко мне в прошлом. Но, к своей досаде, должна тебе признаться: иногда он мне снится, и эти сны наполнены такой страстью, какой я ни разу не чувствовала наяву. И когда я просыпаюсь, мной овладевает желание, которое только усиливается, если он рядом. Совершенно нелепое состояние для женщины, приближающейся к сорокалетию, и уж тем более недопустимое – для леди. Я пытаюсь себя в этом убедить, но, как ни грустно, ничего не могу с этим поделать. Наверное, боги надо мной потешаются.

Пожалуй, я лучше закончу письмо и отправлю тебе, пока не упала духом окончательно. Мы с тобой два сапога пара, правда?

Альва

Лондон, 12 сентября 1891 года

Альва, моя смелая и честная подруга!

Наверное, я должна оплакивать наши с тобой судьбы, но я смеюсь! Вспомни, как мы были когда-то уверены в себе, убеждены, будто точно знаем, что делаем, и что наши поступки непременно приведут нас к спокойной и благополучной жизни. Как ты думаешь, то было проклятие юности или ее благословение?

Мне очень жаль, что в твоей жизни появилась такая проблема. Конечно, себя мне жаль больше, потому что у тебя хотя бы есть деньги, которые, в случае чего, могут защитить от жизненных штормов. Я же промокну до ниточки.

Не драматизирую ли я? Да, пожалуй, драматизирую. На самом деле я ведь устроилась неплохо – иметь друзей в

высших кругах весьма выгодно.

Тебе стоит подумать о том, чтобы завести новых друзей. Или получать побольше пользы от старых.

Когда расписание твоей зимней поездки будет готово, вышли мне экземпляр – подумаем, где сможем повидаться. Хочешь, снова организую тебе прием при дворе? Хотя, с другой стороны, я бы больше хотела провести время с тобой наедине. Приезжай в Тандраги – будем сидеть перед камином и пить глинтвейн, чтобы согреться и забыть о том, что мы больше не упрямые самоуверенные девицы, планирующие выгодно выйти замуж и получать от жизни одни удовольствия.

*А пока остаюсь
преданная тебе,*

леди Си

Глава 3

Когда Альва с семейством вернулась в Нью-Йорк после того, как они провели зиму в Италии, кучер на пристани встретил их с известием, что неделю назад умер Билл, старший сын Корнеля и Элис. На мгновение все застыли в ужасе. Потом Уильям произнес:

– Как это случилось?

– Брюшной тиф, сэр.

Консуэло расплакалась.

– Тиф? Кто-нибудь еще заболел? – ужаснулась Альва.

– Нет, мэм. Он вернулся из Йеля уже больным.

Уильям недоумевал:

– Но... тиф же лечится. Почему, черт возьми, он умер?

На это у Эрика ответа не было.

– Значит, мы пропустили похороны? – спросила Альва.

– Боюсь, что так.

– Вези нас сразу к брату домой, – приказал Уильям.

В карете Альва села между Вилли и Гарольдом, обняв мальчиков и устремив взгляд на Консуэло, точно это поможет ей защитить своих детей лучше, чем Элис – Билла или маленькую дочь.

Радость от поездки, наполнявшая ее, растворилась в сострадании. Пока она любовалась на старшего сына, как он бежит через Марсово поле и замирает, раскинув от радости руки, перед Эйфелевой башней, Элис умоляла докторов сделать хоть что-нибудь – сбить температуру, уменьшить боль, прекратить рвоту и кровотечение из кишечника, вылечить ее ребенка, ради всего святого! Почему он не поправился? От тифа уже почти никто не умирает – в особенности те, кто имеет возможность получить лучшее лечение! В особенности крепкие молодые люди. В особенности те из них, кто вот-вот должен примкнуть к рядам самых влиятельных людей в мире.

Пока в Тантраги Альва и ее любимая подруга сидели в креслах с подголовниками перед ревушим в камине пламенем, пьянея от смеха и вина, Элис сидела у кровати сына, смотрела на его порозовевшее от лихорадки лицо и думала о том, что, если она потеряет его, как

потеряла любимую дочь, у нее больше не будет причин или сил улыбаться.

Корнелю и его жене, которым судьба подарила все блага, какие только можно себе представить, пришлось похоронить уже второго ребенка. Альва не стала бы оскорблять их вопросами, почему же они продолжают верить в Бога, несмотря на то, как он обходится с ними и их детьми. Она бы никогда не поставила под сомнение их веру, однако никак не могла понять, как им удастся ее сохранить.

На протяжении нескольких недель в газетах много и пространно писали о несостоявшихся перспективах и пышных похоронах бедного юноши, а также о мужчинах семьи Вандербильт и их деньгах в целом. Из-за повышенного внимания к фамилии Альва с Уильямом получали письма следующего содержания:

«Мистер Уильям Вандербильт, я знаю, что вы добрый человек. Моя семья голодает. После смерти сына вы можете отдать другим больше денег. Прошу у вас 10 долларов или больше, если вы, как христианин, посчитаете это должным».

Хотя сын умер не у них.
Или еще:

*«Мистер Уильям Вандербильт!
Теперь, когда вы унаследовали так много миллионов, вы не сможете отказать несчастной вроде меня. Пришлите что сможете. Мой муж без работы, а у нас на руках шесть детей, мой отец и двое братьев мужа, которые остались инвалидами после войны».*

Хотя умер вовсе не отец.

Кто именно умер и кем он приходился остальным – значения не имело, важно было лишь то, что все они – Вандербильты и у них много денег. Такие письма приходили всем. Элис и Корнель их не открывали. Уильям прочел несколько штук и приказал дворецкому их сразу сжигать. Бессердечные, бесцеремонные люди... куда делось их сострадание? Любимый всеми мальчик умер, его родные скорбели!

Вандербильты – не только персонажи газетных статей и карикатур для развлечения публики. Они живые люди, и они страдали.

И все же, помня о том, что такое отчаяние и голод, зная, что ей надо на что-то отвлечься, чтобы облегчить боль утраты, Альва приказала доставить в церковь Святого Барта одежду и еду и отправилась туда вместе с детьми собрать коробки для нуждающихся.

Вернувшись домой, они увидели людей, стоящих на крыльце перед дверью. Две женщины держали на руках младенцев. Все выглядели уставшими и изможденными.

Кучер прокричал:

– Эй вы! Ну-ка с дороги!

Люди отошли, но недалеко. Пока кучер спускался с козел, люди закричали Альве, увидев ее в окошко кареты:

– Мэм, помогите нам!

– Пожалуйста, мы безработные. У вас найдется несколько долларов?

– Работы нету! Как мне кормить малыша?

– А у моего ребенка круп. Нам нужны деньги на врача.

Мимо проходил незнакомый Альве хорошо одетый джентльмен.

– Убирайтесь отсюда! – набросился он на людей. – Не смейте беспокоить эту леди своими жалобами! Если вам нужна помощь, идите в городскую администрацию!

Молодой человек с непокрытой головой и сальными волосами заявил:

– Они на еду для одной этой лошади тратят денег больше, чем я на всю свою семью. – Он указал на кучера: – Если они покупают своим слугам бархатные куртки, могли бы и нам чего подкинуть – да и вы тоже. Вы ведь разве что не подтираетесь долларами!

Мужчины продолжили переругиваться, а Консуэло сказала:

– Мама, мы должны им помочь. У меня есть немного денег. – Она кивнула на сумочку, которую брала с собой с тех пор, как стала получать карманные деньги.

– Это очень благородно с твоей стороны, но мы не можем просто раздавать деньги, иначе скоро возле нашего дома соберутся все городские попрошайки.

Гарольд перегнулся через сестру, выглянул в окошко и сел обратно.

– Мне не нравятся эти люди.

Вилли успокоил его:

– Не бойся. Они просто... как пираты на пенсии.

– Я боюсь пиратов.

Консуэло взяла Гарольда за руку.

– Эти люди хорошие, просто они голодны. Ты тоже иногда злишься, если проголодаешься.

– Это правда, – согласилась Альва и, поскольку дальше сидеть в карете смысла не было, вышла на тротуар. Повернувшись к детям, она сказала: – Пойдемте. Просто смотрите на Эрика – вон он, открыл для нас дверь. Прямо домой, – предупредила она Консуэло. – Я знаю, это трудно, но ничего не поделаешь: иногда жизнь – трудная штука.

– Мама, пожалуйста. Я скажу им, что это только один раз.

Альва посмотрела на дочь и на людей на крыльце, которые волей судьбы превратились в попрошайек.

– Хорошо, но только один раз, – ответила она, открывая свой кошелек.

Они решили отправиться в Ньюпорт сразу, как только «Альву» подготовят к новому путешествию. Детям требовалось отвлечься от смерти любимого кузена – бегать по полям, лазать по скалам, плавать, кататься на лодке, бегать и ездить верхом. Новый дом, который с самого начала стали называть «Мраморным» из-за обилия этого материала, был почти завершен. Оставалось несколько финальных штрихов, но уже можно было принимать первых гостей. Альва решила сосредоточить все свои мысли исключительно на этом.

Идя на моторе вниз по Северной реке, они махали людям на манхэттенском берегу и пассажирам на других судах. Стоял погожий июньский денек, на небе ни облачка – самая подходящая погода для водной прогулки. Впервые за последние недели Альва почувствовала воодушевление.

О чем задумался капитан Моррисон, когда прямо перед яхтой возник теплоход? Может, он читал журнал или болтал с гувернанткой, которая любила подниматься на мостик и вести беседы с инженером? Какой бы ни была причина, следовало срочно что-то предпринять, дабы избежать столкновения...

– Моррисон! – взревел Уильям, устремившись к рубке.

– Быстро ко мне! – крикнула Альва, оттянув детей от борта в центр палубы.

Они инстинктивно присели и схватились за ближайший трос.

Через мгновение яхта резко развернулась, едва не протаранив левый борт теплохода, потом раздался глухой удар, треск дерева и чей-то крик.

– Оставайтесь на месте, – велела Альва детям и подошла к ограждению, чтобы посмотреть назад.

Она почувствовала, как яхта замедлила ход. В кильватере показались обломки того, что раньше, скорее всего, было гребной лодкой. За них с трудом цеплялась какая-то женщина. В нескольких ярдах от женщины виднелась еще одна фигура, которая уже почти скрылась под водой.

– Остановите яхту! – закричала Альва Моррисону. – Разверните ее!

Члены экипажа тоже собрались у бортика. И хотя яхта шла медленно, Моррисон даже не пытался ее развернуть. Тем временем женщина скрылась под водой. Другой человек тоже исчез из виду.

Альва побежала к рубке.

– Господи, да почему же вы ничего не делаете?

– В этом нет смысла, – пожал плечами Моррисон. – Пока мы развернемся, они либо выплывут к берегу, либо утонут.

– Уже утонули, – сказал матрос, появившийся в дверном проеме. – Нигде не видать.

Уильям и капитан переглянулись. В рубке повисла напряженная тишина, только низко гудел мотор.

– Идем вперед, – проговорил капитан Моррисон.

Уильям никак не отреагировал.

Моррисон добавил:

– Поверьте мне.

– Да, – кивнул Уильям. – Хорошо. Идем вперед.

– Как только прибудем в Ньюпорт, я отправлю телеграмму Депью.

– Уильям, но мы не можем... – вмешалась Альва.

– Это вас не касается, – перебил он. – Позаботьтесь о детях.

К счастью, дети ничего не видели. Взяв Консуэло за руку, Альва сообщила им:

– Мы врезались в лодку, на ней было два человека. Помолитесь за них.

На следующий день вышла статья о мужчине, который арендовал лодку, чтобы покататься по реке в сопровождении спутницы, оказавшейся его служанкой. Писали, как лодку «разрезало надвое», как мужчина безуспешно пытался ухватиться за ватерштаги «Альвы», как женщину отшвырнуло в сторону, как ей удалось уцепиться об обломок лодки, но удержаться не получилось. Оба утонули. Команду «Альвы» обвиняли в том, что они не бросили тонущим спасательные круги. Было ли обвинение справедливым, Альва не знала.

В статье написали, что яхта принадлежит Уильяму К. Вандербильту, однако не уточнили, находился ли на борту он сам или кто-либо из прочих Вандербильтов.

Альва ненавидела эту недоговоренность.

И одновременно была за нее благодарна.

Не в силах примирить злость с чувством благодарности, Альва с головой погрузилась в отделку Мраморного дома. Она подбирала точное место для каждого ковра, предмета мебели, гобелена, картины, скульптуры, лампы, вазона и любой безделушки; она выбирала драпировку штор и высоту травы на газоне, который спускался от ступенек задней веранды к синеве воды («только не думай о воде»). Она продумала в деталях лужайку, деревья и цветы – в лучах летнего солнца они выглядели идилично. Она критически осмотрела детей: Гарольд, восьмилетний озорник, был всеобщим любимцем; у Вилли, которому уже почти исполнилось четырнадцать, над губой пробивались первые русые усики, он обожал лошадей и был гордым хозяином двух кобылок, которых часто пускал вперегонки; и, наконец, пятнадцатилетняя Консуэло, тоненькая, как тростинка, с каскадом пышных волос, которую всегда можно было найти на диване с книжкой на коленях. Она все время сутулилась, даже когда ходила...

С этим нужно разобраться...

Доктор прописал ей для укрепления мышц живота и выработки правильной осанки два часа в день носить специальный металлический корсет: один ремешок на талии, один – на голове.

– Я знаю, что тебе неудобно, – твердила Альва, застегивая пряжку на голове дочери. – Но это только на месяц. Может быть, чуть-чуть дольше. Однажды ты меня за это поблагодаришь.

В ответ на ее слова на лице дочери появлялись лишь злость и обида. Ах, это нежное дитя... Как она выживет в жестоком мире? Ей придется закалиться для собственной пользы.

Дни в Ньюпорте походили друг на друга как две капли воды, и это успокаивало: когда не нужно думать, на что потратить время, можно вообще ни о чем не думать. Подняться к завтраку, одеться к завтраку, съесть завтрак. Одеться для конной прогулки, покататься. Нарядиться для похода в «Казино» на теннис, посмотреть теннис. Заглянуть в магазины. На обед сходить к знакомым или позвать их к себе. Переодеться в купальные костюмы и отправиться с дамами на пляж, отдохнуть на пляже. Снова сменить наряд и посмотреть, как мужчины играют в поло. Взять фаэтон и отправиться в город с визитами. Вернуться домой к чаю, вздремнуть, переодеться в вечернее платье – пока они носили траур по племяннику, все развлечения ограничивались скромными днями рождения, ужинами в честь помолвок и приемами высокопоставленных гостей. Времени на раздумья, самокопание и вопросы о смысле происходящего не оставалось. Но ведь они убили двух ни в чем не повинных людей... Возможно, они были любовниками, взяли сандвичей и собрались провести на реке день, полный солнца и поэзии. Возможно, она любила петь. Может быть, у него была гитара. И вдруг над ними выросла огромная желтая яхта, и всему пришел конец...

Альва не могла позволить себе думать о них, иначе непременно пришла бы к заключению, что она чудовище, а чудовищем она не была. Неужели им был Уильям? Возможно. А может, и нет. Да, из практических соображений он сделал выбор, который защитил его самого – но также и ее, и их детей. Кроме того – что еще он мог сделать? Простое невезение. Неудачный момент. Божья воля. Только ведь они даже не попытались развернуться! В церкви Святого Марка, которую она сама спроектировала и построила, чтобы общаться с Богом, Альва склоняла голову и молилась о людях в лодке. А в конце добавляла молитву о себе.

Чем в это время занимался Уильям? Все лето он то появлялся, то исчезал, работая (вместе с Оливером. Господи, помоги ей!) над планом экзотического зоопарка в нескольких милях от Бельвью-авеню, в Мидлтауне. Они создали компанию «Грей Крэг», покупали животных и каждый день брали с собой мальчишек посмотреть, как столяры

мастерят стойла, загоны и вольеры. Альва и Консуэло присоединились к ним в тот день, когда в парк привезли эму, верблюдов, слона, павлинов, газелей и пару жирафов.

Гарольд был в полном восторге.

– Мой собственный слон! – ликовал он. – Ни у кого, кроме меня, нет слона!

«Да, пока, возможно, и нет, – думала Альва. – Но нужно просто подождать».

В компании Уильяма она чувствовала себя неуютно. Наверняка муж это заметил, хотя ничего ей не говорил. Тем не менее на посвященный Дню независимости пикник в парке Грей Крэг он позвал Оливера, словно желая тем самым убедить Альву – если даже он, зная о происшествии, оставался его другом, ей тоже следует перестать молча осуждать его и оставить все в прошлом.

Дети катались на верблюде, кормили слона арахисом, забирались на камни, чтобы посмотреть в глаза жирафу. Павлины ходили вокруг с важным видом, кричали скрипучими голосами, а с приближением вечера стали взлетать на деревья.

Все отправились разводить костер, чтобы потом запечь в углях моллюсков, и Альва, уверенная, что осталась одна, наблюдала, как павлин с завидной ловкостью и удовольствием устроился на ветке, свесив с нее свой удивительный хвост. Представив, как целый день эта птица только и делает, что чистит перышки и прогуливается, а потом находит для себя спокойное местечко и устраивается на ночь, ни о чем не думая, Альва произнесла вслух:

– Как же я тебе завидую.

Она услышала шаги, и откуда-то за ее спиной появился Оливер. Ничего не сказал, только провел ладонью по ее затылку и шее и прошел дальше к костру.

Альва словно вросла в землю. Она продолжала смотреть на павлина, но уже не видела его. Что Оливер хотел сказать этим прикосновением? Что оно значило? Просто дружески погладил ее по голове, как любимую сестру? Почувствовал ее одиночество и хотел утешить? Знал ли он, как она все лето старалась приносить пользу и думать только о детях, друзьях и своих обязанностях, как она уверяла себя, что предотвратить тот несчастный случай не было возможности? Никто не говорил о произошедшем. Уильям казался безразличным.

Оливер постоянно был где-то рядом. А она все лето не могла найти себе покоя.

Горло у Альвы сжалось. Нет, она не должна чувствовать себя сбитой с толку, одинокой и печальной. Ее нужно холить, лелеять и баловать. Ею нужно восхищаться. Ни в коем случае ей не следует поддаваться желанию, которое пробудило в ней это прикосновение. Но сейчас, в угасающем свете дня, все еще чувствуя пальцы Оливера на своей коже, она ему поддалась. Всего на одну минуту. Возможно, на три. Ладно, на пять минут, но не больше.

Альва стояла, по-прежнему завидуя павлину, пока слезы не высохли, потом присоединилась к остальным. В сумерках и свете костра никто не заметил ее покрасневшие глаза. Можно и дальше притворяться, будто бы все в порядке.

Когда Уильям, его брат Фред и их друзья отправились на «Альве» навестить Джорджа в Бар-Харбор, Альва пригласила Мэйми Фиш составить ей и Армиде компанию и пообедать вместе в Мраморном доме. Мэйми, чей муж Стайвесант Фиш сделал состояние на банковских операциях и железных дорогах Среднего Запада, женщиной была весьма прямолинейной и не боялась высказывать свое мнение. Знали друг друга они не первый год, однако по-настоящему сдружились только прошлой весной, когда Мэйми попросила Альву помочь с организацией бала Общества помощи китайским сиротам.

– Никто не хочет этим заниматься, – сетовала Мэйми, когда Альва согласилась помочь. – До голодающих китайских малюток людям нет никакого дела, зато они посетят любой бал, если им понравится список приглашенных. Поэтому я решила: только у Альвы Вандербильт есть то, что нужно для такого мероприятия, – изобретательность и упорство. Вы обиделись?

Альва рассмеялась:

– Должна бы.

– Но не обиделись?

– Нет, я не обиделась.

Обед начался с буйабеса, приготовленного из свежайших морепродуктов, доставленных утром, с булочками из французской муки и шампанским, которое, как обнаружила Альва, является отличным лекарством от любых проблем.

Прежде чем переместиться в столовую, дамы распили две бутылочки на веранде. Когда подали первое, Мэйми сказала:

– Альва, должна вам признаться – ваш дом просто великолепен, но вот король Людовик... – Она указала на портрет, висевший над столом, – ...не дает мне покоя. Кажется, он вот-вот сойдет с портрета и нападет на нас, а этот суп слишком хорош, чтобы им делиться. Я буду защищаться. – И Мэйми крикнула: – Эй, кто-нибудь, принесите мне нож поострее.

– А мне он нравится, – возразила Альва. – Да здравствует Король-Солнце!

– У него было не меньше любовниц, чем комнат в Версале, – добавила Армида.

– Кстати говоря: Альва, должна заметить, что восхищаюсь вашей сдержанностью... – Мэйми запнулась на полуслове.

– Я вас слушаю?

– Я просто хотела сказать, что если бы, скажем, Стайви привел одну из своих девиц в мой дом...

– О чем вы?

Мэйми посмотрела на Альву и потупила взгляд.

– Ах, не слушайте меня... Я все перепутала. Это был чей-то другой муж. Сплетни! Пища для праздных умов.

– Чей-то муж привел домой гулящую женщину? – спросила Армида.

– Это только слухи, – ответила Мэйми. – Возможно, ничего и не было.

Однако Альву это задело.

– Где это произошло? Чей муж?

– Нет-нет, я не буду повторять то, что слышала из непроверенных источников. Я хотела только сказать – мне так нравится, что вы решили вдохновиться Трианоном, хотя могли бы замахнуться и на Версаль.

Альва осушила бокал и жестом попросила добавить шампанского.

– На четырех краях? Даже если бы я захотела, ничего бы не вышло.

– А вам хотелось бы попробовать?

– Я стараюсь не хотеть того, чего не смогу получить.

Дворецкий принес телеграмму. Альва прочла ее и положила на стол.

– Господи, – ахнула она.

Мэйми и Армида взволнованно посмотрели на нее.

– Мой муж утопил яхту.

Этим вечером свет факелов танцевал на широкой террасе, нагретой за день солнцем, скалы омывал прибой, в небе перемигивались звезды, а Уильям рассказывал о крушении «Альвы» толпе увлеченных слушателей, среди которых были его друзья по несчастью, а также Армида, семейства Олрикс и Фиш – но не было Оливера, который, скорее всего, остался в Грей Крэге и наблюдал там за павлинами, пока ее муж развлекал своих «придворных», словно он сам – Король-Солнце, недосягаемый и неприкосновенный.

Альва, однако, не разделяла безмятежности Уильяма – яхту протаранил грузовой пароход. Удивительно, что никто не пострадал и все остались живы.

– Мы все еще спали, – говорил Уильям. – По каютам мы разошлись поздно, сами понимаете – сидели на палубе под звездами, Фред угощал всех отменным скотчем, который Джордж привез из Шотландии. А этот малый знает толк в виски!

– Этот малый знает, как угодить братьям, – ухмыльнулся Фред.

– Он еще не достроил свой замок в Северной Каролине? – поинтересовался Герман Олрикс.

– Работы уже наполовину закончены, – ответил Уильям. – Хант и Олмстед из кожи вон лезут, чтобы выполнить все требования Джорджа.

– Мы тоже подумываем заказать Ханту коттедж здесь, в Бельвю, – Тесси очень нравится ваша компания, а я не в силах ей ни в чем отказать.

– Отлично, – кивнул Уильям. – Я напишу вам рекомендацию...

– Но мы можем обратиться и к Стэнфорду Уайту, – заметила миссис Олрикс. – Он тоже неплох. К тому же я не хочу никого копировать.

– Что же, Уайт – отличная кандидатура. Мне рассказывать дальше или уже не интересно?

Стайвесант Фиш воскликнул:

– Мы слушаем!

– Продолжайте! – вторила ему миссис Олрикс.

Продолжайте...

Альва с отстраненным восхищением наблюдала за мужем. Он был так весел! Неужели его ничто не может взволновать по-настоящему?

– Рано утром Моррисон поставил яхту на якорь, чтобы переждать густой туман. Следующее, что мы помним, – всех выкинуло из коек. Скрежет был ужасающий – я думал, тут нам и крышка. Повезло, что «Даймок» не задел каюты.

Фред подхватил:

– Еще десять футов в направлении носа, и...

Жена схватилась за его руку.

Уильям продолжил:

– Мы все выскочили на палубу. Экипаж уже подготовил шлюпки, и минут через пятнадцать мы были вне опасности. Потом «Даймок» принял нас на борт. «Альва» еще недолго продержалась на воде, потом начала медленно погружаться. Думаю, сейчас она футах в десяти под водой. Моррисон телеграфировал, что над водой видны только мачты.

– Она там так и останется? – удивилась Армида. – Я думала, когда судно тонет, оно опускается на дно.

– Будь так, мне не пришлось бы тратить деньги на ее подъем.

– Наверное, страховка покроет эти расходы, – предположил Герман.

– Они готовы оплатить всего десять процентов, а это едва ли не меньше страхового взноса! На следующей неделе мы попробуем ее поднять, хотя я не надеюсь на успех.

– Значит, придется искать что-нибудь ей на замену?

– Почему бы и нет.

Позже, когда все разошлись по домам, Альва постучала в спальню Уильяма.

– Entrez^[49], – отозвался он.

Переодевшись в пижаму, муж сидел в кресле, закинув ноги на подоконник. На его животе стоял стакан скотча. Через окно в комнату врвался свежий ночной ветерок. Если его хоть как-то и травмировали утренние события, он мастерски это скрывал.

– Прошу прощения за вторжение. Я хотела вас кое о чем попросить. Это касается дома.

– Дайте угадаю – желаете добавить еще один флигель?

– К счастью, все гораздо проще. Помните, вы говорили, что этот дом будет подарком мне на день рождения? Я бы хотела, чтобы вы отдали его мне в собственность. Если дом мой, он должен быть моим по-настоящему.

– Все, что принадлежит мне, – ваше.

– Но это не так. Представьте, что всем, что есть в вашей жизни, от запонок в рубашке до камней в стенах, вы можете пользоваться, однако принадлежит кому-то еще. И в любое время может быть у вас отнято.

– Моя дорогая. Воспитание никогда не позволит мне уйти от жены и бросить ее на произвол судьбы. Вы же не думаете, что я на такое способен?

– Нет, но если вы вдруг погибнете...

– Альва, у меня ни царапины не осталось...

– В этот раз. Поставьте себя на мое место. В отличие от ваших сестер, у меня нет наследства. Что бы с ними ни произошло, у них всегда останутся средства для безбедной жизни. А я нахожусь во власти обстоятельств, на которые не способна повлиять. Я чувствую себя так же, как чувствовали себя утром вы в том тумане.

– Вам не стоит беспокоиться. Но я готов доказать, что мои слова значат не меньше, чем мои чеки. Депью подготовит бумаги, и Мраморный дом станет вашим.

– В самом деле?

– Вы во мне сомневаетесь? – спросил Уильям, поднялся из кресла и подошел к письменному столу. – Напишу ему сию же минуту. Я слов на ветер не бросаю. – Он быстро написал записку, сложил и вручил ее: – Вот. Проследите за тем, чтобы ее отправили, убедитесь сами в моей честности.

– Но спешить не обязательно...

– Я так хочу. Альва. Этот дом принадлежит вам. Вы вложили свою душу в его проектирование – вы имеете на него полное право.

– Благодарю вас.

Они повернулись друг к другу. Их взгляды встретились. Уильям положил руку ей на плечо. Альва старалась оставаться спокойной и не отводила взгляд.

Уильям сжал ее плечо, потом отпустил и потянулся за скотчем.

– Это лето выдалось непростым, но все налаживается. Держу пари, Максвелл успеет отправить сообщение сегодня, если вы найдете его прежде, чем он уйдет спать.

– Я так и сделаю.

Уильям опустил в кресло:

– Спокойной ночи, дорогая.

– И вам.

Передав записку Максвеллу, Альва велела принести ей с кухни бутылку бренди и два бокала и поднялась в комнату Армиды.

Прикосновение Оливера к ее шее. Уильяма – к ее плечу. Мгновения близости, пронзительное напоминание о том, чего она хотела и не должна была хотеть, не могла получить и не заслуживала, никогда не получит и всегда будет желать, напоминание о том, что не беспокоило бы ее, будь она приличной женщиной.

Но чего же она хотела по-настоящему?

Не полового акта, по крайней мере, не так, как он происходил в ее жизни. Вероятно, это было просто желание почувствовать чье-то искреннее восхищение? Может быть, сладость объятия любимых рук? Когда ее так обнимали в последний раз? Уильям не проявлял своих чувств подобным образом. Вилли и Гарольд уже вышли из того возраста, когда могли обнять ее, целуя на ночь. Консуэло порой кладет руку ей на талию, когда стоит рядом и особенно благодушно расположена (такое случалось все реже и реже). Вилли сейчас ограничивался исключительно рукопожатиями – Альва знать не знала об этой фазе взросления, но миссис Вандербильт объяснила, что через подобное проходят все мальчики. Элис подтвердила ее слова.

Альва постучалась к Армиде.

– Это Альва, – сказала она и подождала, пока сестра откроет.

– Ты еще даже не раздевалась! А я думала, ты спишь. – Армида впустила ее и закрыла дверь.

– Я сегодня едва вдовой не стала.

– Но этого не произошло, значит, все в порядке.

– Я так себе и говорю. – Альва разлила по бокалам бренди и протянула один Армиде. – Но я не хочу полагаться на волю случая и поэтому сегодня предприняла кое-что, чтобы защитить себя и детей. Я убедил Уильяма переписать этот дом на меня.

– Вот и молодец! – похвалила Армида и кивнула на журнал, лежащий на покрывале: – А я читала потрясающий рассказ, – сказала она и залезла в кровать. – Называется «Желтые обои». Там новоиспеченной матери прописывают лечение покоем, и она сходит с ума, оттого что ей нечем заняться. Сходит с ума по-настоящему. Супруг думает, что заботится о ней, а на самом деле лишает ее свободы. Тебе надо прочесть этот рассказ. Я так рада, что не вышла замуж.

– У замужества есть свои преимущества, – возразила Альва.

– Но какую цену за них приходится платить!

Альва осушила бокал одним глотком и забралась к сестре в кровать.

– Не хочу говорить о ценах. Ты не думала об этом, когда я выходила за Уильяма.

– Но я же не заставляла тебя это делать. Были и другие варианты, однако ты и слушать ничего не хотела.

– Я должна была выйти за него – или еще за кого-нибудь состоятельного. Иначе мы бы умерли с голоду! Мне только хочется...

– Чего?

– Ничего. Не важно. Вот так, – проговорила Альва, укладываясь поближе к Армиде. – Обними меня, как в детстве. Ты не скучаешь по тем временам, когда каждую ночь рядом был кто-то надежный, теплый и прекрасный?

– Не уверена, что воспринимала тебя именно так.

Альва чувствовала, что сестра улыбается.

– Давай притворимся, что считала. Давай притворимся, что мы снова маленькие и живем в той чудесной парижской квартире.

Армида выключила свет и свернулась за спиной Альвы. Ее рука гладила волосы сестры.

– У тебя было столько кукол...

– Mes petits bébés^[50].

– Ты так любила ими командовать.

– Чшшш...

– Скажу тебе одно: ты всегда знала, как добиться своего.

Тандраги, 19 августа 1892 года

Милые мои Вандербильты!

Вчера вечером я стала вдовствующей герцогиней. Джордж Виктор Дрого Монтагю, герцог Манчестер, известный как «Мандевиль», «Его Светлость» и «Отец» (хотя он совершенно этого не заслуживал), умер от туберкулеза. Это случилось немного позже, чем я предполагала, но от этого он не стал менее мертвым. Я не отправила вам телеграмму, потому что не хотела доставлять вам неудобств – я бы не позволила вам ехать в такую даль, только чтобы почтить память бесчестного человека. Ким, Элис и Мэй держатся неплохо – не то чтобы они часто видели его, когда он был жив.

С любовью,

Си

Ньюпорт, 31 августа 1892 года

Моя милая леди Си!

Примите наши искренние соболезнования – если не в связи со смертью Мандевилля, то в связи со всеми бедами и трудностями, которые он доставлял. Я молюсь, чтобы грядущие дни принесли вам с детьми только покой и радость.

Я тоже недавно могла бы овдоветь – в «Альву» врезалось судно, и она пошла ко дну, когда на борту находился Уильям. К счастью, и он, и его друзья выбрались невредимыми.

Я пишу тебе, а он уже на пути в Ливерпуль, где должен встретиться с новыми корабельщиками на реке Биркенхед. Я телеграфировала ему твои новости и попросила заехать к тебе, если позволит время.

С любовью,

Альва

Глава 4

– А папа с нами поедет? – спросил Гарольд утром перед ежегодным Парадом экипажей, который проводился в Центральном парке в один из теплых весенних дней, полных солнечного света, цветущих деревьев и нежного ветерка. Сегодня, к сожалению, погода стояла пасмурная и прохладная. Настроение у Гарольда было ей под стать – одевался он с сердитым видом и не быстрее улитки.

– Ты же знаешь, он уехал, – ответила Альва.

– Я подумал, он вернулся, пока я спал.

– Нет, он не вернулся. Мы поедем на праздник с полковником Джемом, миссис Джей и девочками.

Гарольд плюхнулся на пол и сложил руки на груди.

– Если папы не будет, я никуда не поеду.

– Семья Джей нас ждет. Вставай. Ты уже большой мальчик, не глупи. Еще надо причесаться, и повар приготовил тебе завтрак.

Сын посмотрел на нее, не поднимаясь.

– А Вилли едет?

– У него другие планы. Встань немедленно.

Гарольд неохотно послушался.

– Папа всегда разрешает мне ездить верхом. Можно, я поеду?

– Нет, – сказала Альва, выводя его из комнаты. – Мы поедем в коляске Джемеев.

– Почему папе обязательно нужно куда-то уезжать?

Уильяму вовсе не обязательно постоянно отправляться в поездки. Просто он в очередной раз сделал такой выбор, подумала Альва. Вслух же она ответила:

– Корабельщики попросили его кое-что проконтролировать.

И это «кое-что» заняло довольно много времени. Уильям уехал в феврале. А сейчас был уже май.

– А новая яхта будет еще больше, чем «Альва»?

– Да.

– А скоро ее достроят?

– Скоро.

На самом деле судно достроили, оставалась лишь оснастка. В последнем письме Уильям писал то, что Альва уже успела прочесть в «Таун Топикс» и «Ворд»: торжественный спуск на воду новой яхты под названием «Вэлиант» («Отважная») состоялся, а роль крестной выполнила тезка Альвы. «Я попросил леди Мэй Альву Монтагю исполнить ваши обязанности, – писал он. – «Вэлиант» – это в честь вас, моя дорогая».

Новость порадовала бы Альву гораздо больше, будь у нее возможность отказаться от приглашения поучаствовать в спуске яхты собственноручно. Однако никто ее не пригласил.

Также из газет она узнавала о том, что Уильям появлялся то в Каннах, то в Берлине, то в Женеве, Париже или Будапеште, чаще всего за игровыми столами, иногда на яхтах. Его имя окружали имена жуиров, аристократок, временами – каких-то неизвестных принцев. Альва не хотела бы попасть в их компанию – ее интересы были совершенно иными. Тем не менее всякий раз, читая о том, как муж празднует чей-то день рождения или отмечает выигрыш в рулетку, она чувствовала досаду. Ее собственные дни состояли из бесконечных распоряжений по домашнему хозяйству и званых обедов. Ей приходилось ездить в оперу и посещать званые вечера без сопровождения. Она отложила ежегодную поездку в Париж, потому что Уильям попросил дождаться его возвращения с новой яхтой. И не вернулся.

Поскольку Уильям не мог сопровождать семью на параде, Альва сначала отклонила приглашение Джеев. Однако Люси Джей заметила, что парад – отличная возможность вывести в свет Консуэло.

– Там будет самый цвет молодежи, а в них никогда не рано вселять надежду. Альва, послушайте меня – это ваш материнский долг.

Долгом же отца Консуэло оставалась оплата ее платья из оранжевой органди, шляпы с плюмажем, вышитых перчаток и блузок, которые Альва заказала у Мэри. Отцу Консуэло достаточно просто существовать, ведь он являлся номером два из числа самых богатых людей Америки.

Если Уильям не убьет кого-нибудь на глазах у всех, ничто не сможет пошатнуть его авторитет. Он уже сделал все, что должен был, в том числе женился на женщине, которая может и будет делать за него все остальное.

Провожая Гарольда на кухню, Альва решила больше не думать о муже. Не следует злиться. Уильям назвал яхту в ее честь. Она отважная.

Отважная женщина усаживала сына за стол рядом с упакованной в органди сестрой, когда в комнату вошла служанка со словами:

– Мэм, вас хочет видеть мистер Оливер Белмонт.

– Дядя Оливер! – вскочил Гарольд.

Альва положила руку ему на плечо.

– Сядь на место и ешь яичницу.

– Но я хочу увидеть дядю.

– Молодой человек, если вам не хочется провести остаток дня за уроками, делайте, как я говорю.

– Да, мэм, – буркнул Гарольд и взял вилку.

Альва вовсе не желала проявлять к сыну такую резкость. Он был очень искренним и любознательным ребенком, совсем как она в свое время. Может быть, она и отважная, но постоянное отсутствие Уильяма ее порядком утомило. Поэтому Альва велела служанке:

– Пригласите мистера Белмонта.

Она села за стол, налила себе чашечку кофе и взяла тост, хотя уже позавтракала раньше. Лучше чем-нибудь занять руки, когда он придет.

Оливер появился в комнате со словами: «Приветствую семейство Вандербильт! Готовы к чудесной прогулке в парке?» Наклоняясь к Гарольду, чтобы пожать ему руку, он на ходу поцеловал Консуэло в макушку.

– Какое у вас безоблачное настроение, – заметила Альва. – Не в пример сегодняшнему дню.

– Я сегодня завтракал конфетами, только маме не говори, – признался он Гарольду.

– Тогда я бы тоже был довольным, – согласился Гарольд.

– А мне бы поднял настроение круассан с шоколадом, – заявила Консуэло, хотя и до появления Оливера особого недовольства не проявляла.

– А вам? – Оливер поднял взгляд на Альву.

– Желаете кофе? Или приказать подать что-нибудь более питательное, нежели ваш первый завтрак?

Оливер уселся за стол напротив Гарольда.

– Благодарю, я не голоден. Чего я действительно желаю, так это сопроводить вас на парад. Уильям прислал мне телеграмму и попросил позаботиться о вас вместо него.

– А вы приехали верхом? – уточнил Гарольд. – Я тоже хочу покататься.

– Верхом. И мне кажется, нам всем не помешает конная прогулка! Все уныние как рукой снимет.

Альва ответила:

– Благодарю вас, но полковник Джей пригласил нас разделить экипаж с его семьей. В конце концов, это же парад экипажей. Кроме того, может пойти дождь.

– Допустим, дождь действительно пойдет, – предположил Оливер. – Что тогда?

– Мы промокнем, – сказала Альва.

– И?

– Можем простудиться.

– И часто вам это удается? Я имею в виду – простыть оттого, что промокли? Только подумайте – вы ведь постоянно промокаете, принимая ванну.

Гарольд начал упрашивать:

– Мама, можно? Ну пожалуйста? Это же так интересно. И все уныние как рукой снимет.

– Я тоже хочу прокатиться верхом, – поддержала Консуэло.

– Но ведь дочери полковника расстроятся, – возразила Альва.

– Ничего, я приглашу их на пикник в Ньюпорте на следующей неделе. Можно? Мы же приедем туда в четверг? Значит, в пятницу будет пикник.

Альва взглянула на Оливера, который с едва заметной улыбкой наблюдал за происходящим. Он знал, что доставляет ей неудобство, и ему это нравилось. И ей это тоже нравилось, Господи помилуй. Но дети правы – кататься верхом гораздо интереснее, чем сидеть в коляске, даже если это новенькое немецкое ландо, которым полковнику не терпелось похвастаться. И не важно, что небо хмурится.

– Если пойдет дождь и вы простудитесь, я собственноручно буду варить для вас куриный бульон, – заявил Оливер.

– Вы умеете готовить?

– О, у меня много талантов, – ответил он.

Гарольд выжидающе смотрел на Альву. Она кивнула.

– Мы согласны! – довольно объявил мальчик.

– Я отправлю записку миссис Джей, – сказала Альва, уже точно зная, что не напишет ни слова об Оливере, а объяснит перемену в планах желанием Гарольда покататься верхом – и это не будет ложью. Она неспроста добралась до самых верхов общества. И Уильям назвал яхту в ее честь. Отважная.

Весна сменилась летом. В Ньюпорте наступили долгие томные дни, и Оливер стал сопровождать Альву и детей во всех случаях, кои требовали присутствия Уильяма. Оливер был милым, спокойным и забавным. Если Альва и чувствовала в его присутствии неловкость – что ж, ее можно было и потерпеть.

Уильям меж тем писал, что на яхте уже стелили ковры, развешивали люстры, обивали стены резными панелями и устанавливали рояль. «Я приеду в июле».

Альва писала в ответ: «Будем ждать. Дети по вас скучают. Я тоже».

Она пыталась убедить себя, что это так, и предпочитала не думать о том, что теперь, когда Оливер сопровождает ее на светских приемах, она получает от них гораздо больше удовольствия, чем раньше. Оливер оказался прекрасным собеседником. Он обращался с ней тепло и ласково, как с сестрой. Он часто с гордостью говорил об Уильяме, без тени критики или ревности. Временами, когда Оливера не было рядом – когда Альва, к примеру, лежала в кровати и не могла уснуть, – у нее появлялось странное ощущение, что он думает о ней. Как о женщине. Но ведь он вел себя так целомудренно! Эта дилемма сводила ее с ума – точнее, сводила бы, если бы Альва себе это позволила.

Она скучала по Уильяму, то есть убеждала себя, что скучает, внутренне настаивала на этом. Жаловалась на это каждому, кто упоминал, как давно Уильям в отъезде: «Да, мы скучаем по нему. Я скучаю. Яхта будет просто невероятной. Мы обязательно пригласим вас прокатиться».

Никто не говорил (по крайней мере, ей лично): «Как же много времени вы проводите с мистером Белмонтом!» Эту роль взяла на себя «Таун Топикс», маленькая, но влиятельная газетка, публикующая сплетни о знаменитостях. Газетку выпускал полковник-оппортунист

Манн, прекрасно знавший слабые места богачей и имевший дерзость на них наживаться, если его достаточно убедительно не «поощряли» это прекратить. Относительно безобидная статейка гласила:

«Оливер Белмонт сбрил усы и сделался невероятно похож на Ви-Кея Вандербильта. Когда он ездит в коляске с миссис Ви-Кей, что случается довольно часто, его можно легко принять за супруга этой уважаемой дамы».

Ни у кого не имелось ни малейшего повода верить написанному. Однако Манн и не стремился к тому, чтобы его слова принимали за чистую монету. Но Альва все же решила нанести визит в издательство «Таун Топикс» и поговорить с ним лично.

– Спасибо, что нашли для меня время, – поблагодарила она Манна, который учтиво пододвинул ей стул.

Славящийся прежде всего своими щегольскими костюмами, серебристыми волосами и дорогими сигарами, при ближайшем рассмотрении он оказался утомленным и задерганным человеком с маленькими глазками и дряблым, морщинистым лицом. Справа от подбородка до носа тянулся тонкий шрам.

– Всегда рад вас видеть, миссис Вандербильт. Чем могу быть полезен?

С каменным выражением Альва произнесла:

– Прочитав ваш последний выпуск, я решила прийти и напомнить вам, кем является мой муж.

Манн улыбнулся.

– Мы просто пошутили, вы же понимаете. Вы ведь читали нашу газету и раньше. У нас есть чувство юмора, и мы полагаем – по крайней мере, надеемся, что оно есть и у наших читателей.

– Вы, наверное, помните, что мой муж – Уильям К. Вандербильт – унаследовал у своего отца некоторую сумму.

– Миссис Вандербильт, я вижу, вы расстроились...

– Вы помните эту сумму? Шестьдесят пять миллионов долларов. С тех пор она, безусловно, выросла. Сколько денег у вас, полковник Манн?

– Это мое личное дело, и оно не имеет никакого отношения к...

– Любопытно, что вы говорите о «личном деле», которое «не имеет никакого отношения». Я чувствую то же самое в отношении своей жизни, как, полагаю, и мистер Белмонт, и, вне всякого сомнения, мой супруг. – Альва поднялась. – Я не знаю подробностей вашего финансового положения, но уверена, что с ним ничего не произойдет, если, конечно, вы подумаете о том, что могут сделать деньги моего мужа, если он решит подать на «Таун Топикс» иск за клевету.

Манн тоже встал и ответил, провожая ее до двери:

– В нашей стране существует кое-что под названием «свобода слова». И она не стоит мне и цента. Доброго дня, миссис Вандербильт. Передавайте мужу мой привет.

– Непременно, – ответила Альва, уверенная, что, несмотря на всю браваду, Манн прекрасно понял, что она имела в виду.

С приближением июля Ричард Хант заканчивал работу над особняком Оливера – из-за болезни матери Оливера строительство затянулось. Его дом стал следующим по улице после усадьбы Альвы. Она беспокоилась, что Ричард берет слишком много заказов – помимо домов Оливера и Джорджа, он занимался восстановлением поместья для Корнелия и Элис – первоначальное здание сгорело дотла при пожаре.

Новый Брейкерс вышел не только лучше старого, но и в два раза больше Мраморного дома. Если в особняке Альвы было два этажа из камня, Элис заказала три. Если Альва использовала позолоту только в отделке Золотого салона и Розовой столовой, Элис щедро позолотила каждую из общих комнат. Если Альва, мужем которой был Уильям К. Вандербильт, стала владелицей самого впечатляющего дома в Ньюпорте, Элис, как жена Корнелия Вандербильта II, делала все, чтобы ее особняк стал поистине несравненным. Ведь что подумают люди в противном случае?

Оливеру, как и Альве, нравилось присутствовать на стройке, наблюдать за управляющим, замечать ошибки, пока их еще легко исправить. Оливера весьма впечатлила Готическая комната Альвы, и он консультировался с ней по поводу использования этого стиля в оформлении Белкурта (так он назвал свой дом). Он играл в поло с другими джентльменами, возил ее и детей в Грей Крэг, уговорил Германа Олрикса поучить Гарольда управлять «Хильдегардой» и брал

Вилли на скачки в Шипсхед-Бэй. Вместе с Консуэло он читал вслух «Американского претендента» Марка Твена. Сопровождал Альву на балах, званых ужинах и пикниках, где они часто уединялись и беседовали в спокойном месте.

После одного из таких званых ужинов Тесси Олрикс отозвала Альву в сторонку:

– Я вынуждена у вас спросить: что между вами и мистером Белмонтом?

– Мы беседуем.

– Неужели? И о чем же?

– Ну, мы говорили о президенте Кливленде и проблемах, связанных с правительством, в котором слишком большое влияние имеют семьи вроде Белмонтов и Вандербильтов – такая олигархия не имеет ничего общего с представительской демократией.

– Альва, вы надо мной смеетесь. Я хочу знать, о чем вы говорили на самом деле! Вы любовники? Расскажите мне, это будет нашей тайной.

Кем-кем, а любовниками они точно не были. Оливер относился к ней тепло, однако в его поведении и намека не содержалось на те страстные порывы, которые возникали в прошлом. Это позволяло Альве проводить с ним время, не чувствуя неловкости или вины. И все же она была странным образом разочарована... С этим ей придется жить. Да, тяжело, но ничего не поделаешь – жизнь иногда тяжела.

Альва прошептала Тесси Олрикс на ухо:

– Чеканка серебряных монет.

– Что?

– Валютная политика. Честно. Спросите у него.

Тесси Олрикс рассмеялась.

– Ладно, вы меня убедили. Романтикой здесь и не пахнет.

Альва промолчала, однако внутренне не согласилась. Обсуждать политику с Оливером было ужасно романтично – что может быть более очаровательным и возбуждающим, чем привлекательный и интересный мужчина, который воспринимает всерьез твои рассуждения и взгляды?

Еще Альва не призналась бы ни Тесси, ни Уильяму, ни тем более Оливеру в том, что, как ни пыталась она это игнорировать, только в присутствии Оливера чувствовала себя по-настоящему живой. Она

испытывала желание. Уильям, напротив, заставлял ее чувствовать в лучшем случае тепло в груди, но ничего ниже по телу. Абсурдно. Возмутительно. Нелепо. И все равно Альве хотелось видеться с Оливером и нежиться в лучах его внимания, пусть ее чувства и останутся безответными.

С усами или без них, она никогда бы не спутала его с мужем.

Был конец июля. Альва нежилась на широкой веранде Мраморного дома и смотрела на океанскую синь, раскинувшуюся за лужайкой. Возле нее в ведерке со льдом стоял кувшин джулепа^[51]. Уильям написал в телеграмме, что вернется домой «в следующий четверг», и теперь, когда этот следующий четверг наступил, Альва решила не думать о том, как долго его не было и как редко он ей писал.

Сидя в мягком шезлонге и любуясь видами, можно было не думать и о том, что страна вновь попала в весьма затруднительное положение. Можно было не замечать финансового кризиса. Забыть о том, что многим банкам пришлось закрыться из-за массового изъятия вкладов. Высокий уровень безработицы. Низкие зарплаты. Недостаток жилья в городах. Преступность. Отсюда, с веранды, брак, страна – да что уж там, целый мир – представлялись идиллическими, надежными, спокойными и даже изобильными, если вспомнить о ловушках на лобстеров и крабов, установленных недалеко от берега, о зарослях ежевики рядом с домом, о пышном огороде, разбитом кухаркой у восточных стен особняка, где буйно разрослись помидоры, огурцы, капуста, травы, горошек и зеленые плети, на которых ближе к осени появятся тыквы.

Альва ничего не добьется, если станет упрекать Уильяма в том, что он так надолго оставил детей (не говоря о жене) и им пришлось искать общества другого безусого мужчины. Муж просто вернется домой, и они заживут прежней жизнью. Возможно, тогда Оливер снова отпустит усы. Проблемы страны Альва тоже решить не в силах. А потому она будет пить свой джулеп и наслаждаться свежим бризом.

Солнце уже начало клониться к горизонту. Дом отбрасывал на лужайку широкую тень. За лужайкой вздымались и снова опускались волны океана. Со стороны дома слышались голоса. Альва велела лакею сообщить мистеру Вандербильту, где он сможет ее найти – по всей видимости, ее просьба была выполнена.

Она услышала, как Уильям подошел, однако не обернулась к нему, только сказала:

– С возвращением.

Супруг приблизился, встряхнул перед ее лицом «Таун Топикс» и указал на обведенный текст.

– Объясните мне, что это значит.

Это была та самая статейка Манна.

– Вопрос уже закрыт, – ответила Альва, отодвинув газету в сторону. – Как ваше путешествие? «Вэлиант» оказалась более надежной, чем ее предшественница? Вы отлично выглядите.

Уильям стал еще красивее, чем прежде. С возрастом в его лице появилась характерность, которой не хватало в юности.

«Кто-нибудь должен укутать его в мантию из горностая и короновать», – подумалось ей.

– Детью говорит, что ходят слухи.

– Вас очень долго не было. Конечно, люди начали об этом судачить. Такое случается, если супруг влиятельной дамы постоянно пропадает за границей.

– Зато некоторые в это время занимаются явно не разговорами.

– Прекратите драматизировать. В любом случае Оливер на вас ни капли не похож.

– Вы хотите сказать, что он не выезжает с вами «периодически»?

– Вернее будет сказать – он выезжал с нами «неоднократно», – поправила она, доливая в бокал напиток. – Не угоститесь?

– Но вы же моя жена. Я этого не потерплю!

– Вы сами попросили его подменить себя. Он так и сделал. Как друг.

Уильям опустил в соседнее кресло.

– Вы хотите сказать, что не влюблены в него? Между вами ничего не происходит?

Он ревновал ее! Потрясающе.

– О господи, Уильям! Между мной и Оливером не происходит совершенно ничего. Он приятный собеседник, каким и всегда являлся. – Альва постучала пальцем по газете: – Я предупредила полковника Манна, что, если он не прекратит печатать подобный нонсенс, вы засудите его за клевету.

Уильям потянулся за ее бокалом и осушил его одним глотком, налил еще и тоже выпил залпом.

– Ну хорошо, – произнес он с тяжелым вздохом, вернул бокал и уперся ладонями в бедра. – Прекрасно. Я должен был понять, что вы не...

– Да, вы должны были понять, – проговорила Альва мягко.

Напиток помогал ей не отклоняться от намеченного курса.

– Прошу прощения. Все эти годы вы давали мне только поводы для гордости.

– Не могу не согласиться с вами.

– И мне очень приятно, что Белмонт остается моим верным другом.

– Это весьма разумно с вашей стороны.

Несколько минут они сидели молча, слушая шелест прибоя. Альва прервала молчание:

– Расскажите мне о яхте. Она стоила потраченных на нее времени и усилий?

Уильям улыбнулся:

– Она просто бесподобна. Нет ничего лучше, чем начинать что-нибудь с нуля, правда?

– Очень жаль, что нельзя с такой же легкостью спасти то, что тонет или уже затонуло. Пока вас не было, положение дел в Новом Свете стало весьма удручающим.

– Тогда позвольте мне на время увезти вас отсюда – отправимся в путешествие первым классом в какое-нибудь новое невероятное место. Детям будет полезно, расширит их кругозор. Я знаком с виконтом Лансдауном в Калькутте. Уверен, он и его жена будут рады нас принять. Я напишу ему сегодня же, и начнем готовиться к путешествию!

– В Индию?

– Он – губернатор колонии. Они живут во дворце – проблем не возникнет. Начнем с Северной Африки, пересечем Средиземное море, потом через Суэцкий канал выйдем в Красное море и, наконец, в Аравийское. Я распорядюсь, чтобы «Вэлиант» подготовили к переходу, составим расписание и уже в ноябре – декабре сможем отправиться, как раз когда там наступит благоприятная погода.

– Уильям, вы только что вернулись домой.

– Ну и что. – Муж только махнул рукой. – Вы заслужили это путешествие. В его завершение можем заглянуть в Европу, провести следующее лето в Париже – вы же любите Париж. Альва, вам это тоже пойдет на пользу. Нам обоим.

– Нам обоим?

– Нам с вами следует узнать друг друга заново. Мы ведь уже не дети, которыми были двадцать лет назад. Подумайте только – нашу собственную дочь уже пора выводить в свет. – Уильям пододвинулся к Альве и взял за руку: – Начнем все с чистого листа?

– Уильям...

– Мне сорок три года.

– И что же?

– Ну... – Он смотрел на их руки. – Не знаю. Мне чего-то не хватает.

Альва немного подумала над его словами и ответила:

– Хорошо.

Уильям взглянул ей в глаза.

– Правда? Вы хотите отправиться в путешествие?

– Да, хочу. Начать с чистого листа.

Она сможет забыть о рутине, об обществе, о несочетаемости дружбы с Оливером и брака с Уильямом, ибо, хотя физически она оставалась верной мужу, духовно она этим похвастаться не могла. То, что она чувствовала, – дурно, и она станет гораздо счастливее, если избавится от этих чувств.

Идея мужа настолько ей понравилась, что ей и в голову не пришло поинтересоваться мотивами Уильяма. Или подумать о том, как эгоистично он вел себя все эти месяцы. Альва лишь надеялась, что, отправившись за границу с новой, более преданной и еще более привлекательной версией супруга, она сможет почувствовать к нему симпатию и, что еще лучше, навсегда забыть об Оливере.

Глава 5

Октябрьским утром, когда должен был начаться кругосветный круиз Уильяма К. Вандербильта и его семейства, Консуэло и Гарольд угрюмо поднимались вслед за отцом по трапу – ни дать ни взять парочка заключенных. Они завидовали Вилли, который учился в школе Святого Марка в Массачусетсе и тем самым избежал путешествия. А у них впереди – девять месяцев «расширения кругозора» на яхте вдали от друзей, от «Часов Досуга», где они привыкли проводить последние теплые деньки осени, от учебы в городе. Вместо этого они повидают Египет и Индию. А также спасутся от кипящего котла, полного безработных мужчин, голодных женщин и детей, бедняков, что сидят на ступеньках своих домов в ожидании подачи. Вся жизнь их перевернется с ног на голову, хотя сейчас они этого не подозревают.

Альва шла по трапу за дочерью. Тонкие плечи, плавная линия шеи, узкая талия – вне всякого сомнения, она выросла и превратилась в девушку, на нее нельзя уже смотреть как на ребенка. Впрочем, это отнюдь не значило, что мудрости у нее прибавилось – Консуэло все еще была наивной, точно новорожденный олененок.

Альва помогла детям устроиться в каютах, а потом предоставила их самим себе и решила до обеда почитать в салоне роман Генри Джеймса. Этого автора ей посоветовал Джордж – как оказалось, они были близкими друзьями. Альва выбрала «Женский портрет» – ее привлек сюжет, повествующий о стесненной в средствах юной леди, жизнь которой изменилась самым неожиданным образом в результате неудачного брака. Однако Альву начинала раздражать неспособность главной героини, мисс Арчер, понимать, что происходит, видеть, как ее обводят вокруг пальца. Конечно, это добавляло всей истории драматизма – но когда же бедняжка поумнеет?

Вскоре из бара донеслись голоса мужчин – значит, друзья и попутчики Уильяма уже на борту. Муж пригласил в путешествие нескольких джентльменов, либо неженатых, либо оставивших жен на берегу. Альва звала с собой Армиду, но та предпочла провести праздники в Бостоне с мисс Крэйн. Альве предстояло путешествовать в компании Консуэло, Гарольда и гувернантки мисс Харпер. Если бы

не та малоприятная ситуация с Уильямом, Альва взяла бы с собой Мэри.

На прошлой неделе, гуляя с Мэри и Армидой по цветочным магазинам, Альва сказала им:

– Расставание изменило Уильяма. Он стал таким внимательным. Наверное, ему стыдно за то, как он вел себя раньше.

– Он так и сказал?

– Сказал, что хочет начать все с чистого листа.

Мэри поджала губы.

– Что такое? – удивилась Альва. – О чем ты думаешь? Скажи мне.

– Я думаю вот о чем: как волка ни корми, он все в лес смотрит.

– Но человек не волк.

Армида и Мэри промолчали.

– Вы думаете, его уже не исправить?

– Мисс Альва, – проговорила Мэри, – этот человек всегда делал и продолжит делать то, что ему заблагорассудится.

– Но вы его не знаете по-настоящему, – упиралась Альва.

Армида взглянула на Мэри.

– Мы желаем тебе только добра.

– Значит, наши желания совпадают, – заключила Альва. – Я напишу вам о том, как сильно вы ошибались.

В дверях салона появился Гарольд.

– Мама, идем скорее на палубу. Мы отчаливаем!

Милое дитя. Едва попав на борт, он забыл о том, что не хотел отправляться в путешествие.

– Мне понадобится твоя помощь, – сказала Альва и протянула руку.

Сын подошел, взял ее за руку, и она позволила ему поднять себя с диванчика.

– Как думаешь, мы увидим китов?

– Если повезет, увидим и горбатых, и синих.

– Я чувствую, что повезет, – уверил ее Гарольд.

Он открыл дверь, и они вышли на палубу. Джентльмены стояли на носу яхты. Среди них Уинтроп Резерфорд, тридцатиоднолетний бонвиван – Альва и не догадывалась, сколько неприятностей он вскоре принесет. И еще там был Оливер Белмонт.

Гибралтар, Тунис, Александрия. Незапланированная прогулка на плоскодонке вверх по Нилу. Суэцкий канал. Пролив и, наконец, Красное море.

– Разве это не чудо? – спросил Уильям, держа Альву под руку на носу «Вэлианты».

Перед ними раскинулись желто-бурые холмы и горы Египта. Земля была ужасно сухой и пустынной, казалось, в подобном месте ничто живое существовать вообще не может. Как отличался этот пейзаж от сверкающей синевы океана!

– Теперь понятно, почему Моисей взывал к Господу за помощью, – заметил стоящий с другой стороны Альвы Оливер.

В голове у нее пронеслась мысль – если сейчас прыгнуть за борт, море перед ней расступится или поглотит ее?

Они плыли вперед, заходили в новые города, видели новые земли. Однако Альва с трудом могла сосредоточиться на том, что видела, оценить величие или красоту происходящего – ее мучило то, что творилось в ее душе. Однажды в детстве в бреду ей показалось, что она плывет сквозь горячий туман из света и звука. Сейчас происходило нечто похожее. В конце каждого дня, ретируясь в свою каюту так скоро, как это позволяли приличия, она садилась на банкетку у туалетного столика, приближала лицо к зеркалу, смотрела себе в глаза и проклинала себя, проклинала Бога, проклинала судьбу, проклинала Оливера за решение отправиться с ними и, разумеется, проклинала Уильяма за то, что тот беззаботно взял с собой Оливера, не потрудившись поставить ее в известность.

Конечно, Альва не смогла бы воспротивиться этому решению, не выдав себя с головой. Но у нее хотя бы было время подготовиться.

Хотя нет, никогда бы она не смогла подготовиться к такому. То, как Оливер на нее действовал, изменить было нельзя. Потому что она – испорченная женщина. Она стала именно тем, от чего ее предостерегала мать, – существом, которым правят эгоистичные постыдные порывы. Животным.

– Ты заслужила этот удар судьбы, – сказала Альва своему отражению, с удовольствием драматизируя.

Генри Джеймс взбудоражил ее воображение. Если бы только титулованная леди могла избавиться от своего неразумного сердца! Если бы только Альву похитили пираты!

Но они бы просто взяли ее в заложницы, и преданный Уильям заплатил бы выкуп и вернул ее.

Она так богата, так преуспела в обществе – и все равно несчастна. Замужем за одним, влюблена в другого. В ловушке у обстоятельств, с которыми не в силах справиться. Это просто кошмар! Как же ей быть?

Женщина в зеркале наморщила лоб. Уголки ее губ опустились.

«Прекрати хмуриться!»

Как много времени прошло с того дня в Гринбрайере. Что бы подумала герцогиня, застав Альву в таком состоянии?

«Да уж, – сказала Альва отражению. – Она бы подняла тебя на смех. Так что возьми себя в руки, деточка, и забудь эту чушь, пока ты не опозорила нас обеих».

По пути в Индию им предстояло пересечь недружелюбное Аравийское море. Под низким свинцовым небом яхта тяжело переваливалась по волнам. Расположившись на палубе, Альва дочитывала роман. Концовка привела ее в недоумение. Что мистер Джеймс хотел этим сказать? Упрямое невежество Изабель Арчер, ее закоснелая нравственность, ее неспособность разобраться в ситуации, которая только делает ее несчастнее, – неужели он не сумел написать рассказ, чтобы она была отомщена?

Консуэло сидела рядом с томиком Вордсворта в руках. Такая хорошенькая! И такая беззащитная – совсем как мисс Арчер.

Альва никак не могла привыкнуть к тому, что дочь выросла. Ее юбки теперь были длинными, волосы всегда уложены, осанка безупречна. Учеба доставляла ей удовольствие. Единственным изъяном Консуэло была кротость. Конечно, никто никогда не сказал бы, что кротость – изъян, и все же она делала дочь слишком уязвимой. Рано или поздно ей придется выбраться из своего кокона, сотканного из стихов и высоких идей.

Консуэло больше смотрела на море, чем на раскрытые перед ней страницы. Наконец она захлопнула книгу.

– Пойду прогуляюсь.

– Прогуляешься?

– Да, я устала просто сидеть.

– Да, от такого «сидения» немудрено устать, – попыталась пошутить Альва.

– Вы правы, мама, – согласилась Консуэло, не понимая шутки, и осталась в кресле. На ее лице застыла нерешительность.

– Ахой! – крикнул Уинтроп Резерфорд, подходя вместе с Оливером к дамам. – Прекрасная погода, не правда ли?

Консуэло отложила книгу и встала.

– Я все-таки пройдуся, – сказала она и удалилась, как только мужчины приблизились.

Альва с удовольствием удалилась бы и сама, однако заставила себя произнести жизнерадостным голосом:

– Еще неделя этого безобразия, и мы будем в Бомбее. Кажется, моя дочь уже истосковалась по суше.

Оливер плюхнулся в шезлонг рядом с ней.

– Я тоже.

Уинтроп Резерфорд – который настаивал, чтобы его называли «Уинти», – заявил:

– Да, спустя какое-то время море надоедает. Поэтому я не тороплюсь покупать собственную яхту. Зато с лошади могу днями не слезать! Поле, покрытое дерном, клюшка в руке – что может быть лучше? Суша прекрасна. Но какие на море открываются виды!

Он подошел к перилам и постоял возле них. Затем, взглянув вслед Консуэло, удалился в противоположном направлении.

– Не слишком изобретательно с его стороны, не находите?

– Да, но он думает иначе. – Альва не смотрела на Оливера. За перилами опадал и вздымался горизонт. – Не понимаю, о чем думал Уильям, приглашая его в путешествие. Все знают о пристрастии мистера Резерфорда к богатым наследницам. Вот только Консуэло всего шестнадцать – она слишком молода, уж тем более для Уинти.

– Что? Боюсь, я осведомлен о вкусах Резерфорда меньше вашего.

– Он предпочитает богатых замужних леди, которые располагают временем, желанием и возможностью насладиться его компанией.

Альва слышала, что Резерфорд любил водить за нос сразу нескольких дам и натравливать их друг на друга, чтобы получить новый костюм, новую лошадь или возможность поиграть в поло на новой площадке. Денег, которые ему выделяла семья, на это не хватало.

– Может, скинуть его за борт? – спросил Оливер.

Альва рассмеялась. Она не хотела поддаваться веселью, но устоять не смогла:

– «Мистер Резерфорд стал жертвой несчастного случая во время поездки на ошеломительной новой яхте Ви-Кей Вандербильта». А вы станете героем, хотя никто, кроме меня, не будет этого знать.

– Непросто выбрать мужа для дочери, не правда ли?

– Особенно когда дочь – будущая наследница. Она думает, что знаки внимания, которые он ей оказывает, – настоящая любовь. Это видно по тому, как она смотрит на него своими огромными глазами юной лани.

– Не ставьте ей это в вину. Она совершенно наивна.

Альве нравилось беседовать с Оливером. Это всегда было приятно и интересно.

– Даже будь его чувства настоящими, – продолжила она, – какую жизнь подобный человек сможет ей предложить? Она станет для него хорошенькой и совершенно бесполезной куклой. Ее одолеет смертельная скука, ее живой ум и врожденное любопытство зачахнут, а он будет проводить все свое время на скачках, званых ужинах и у портных, заказывая себе новые костюмы за счет Уильяма. Я намерена избавить дочь хотя бы от этого.

– Боюсь, вы только что описали жизнь большинства наших знакомых, – заметил Оливер.

– Вы правы. Но Консуэло чересчур мягка, чтобы суметь отстоять себя перед мужем, слишком сильно сомневается в своих взглядах и талантах. Он бы уничтожил ее, как произошло вот здесь. – Она подняла книгу. – Мисс Арчер была уничтожена Гилбертом Озмонем. Юность не понимает, какой обманчивой может оказаться внешность.

– А зрелость знает, но часто не может ничего с этим поделать. Я думаю, лучше оставаться наивным.

– Иногда можно просто закрыть глаза на проблему, и все.

Как Альва и подозревала, пути Консуэло и Резерфорда где-то пересеклись, и теперь парочка голубков делала попытки медленно прогуливаться по то и дело кренившейся палубе. Кавалер предложил Консуэло руку, и та слишком крепко в нее вцепилась. Альва наблюдала за ними.

Оливер заметил:

– Кажется, вы создали для своих детей идеальные условия.

Что-то в его тоне заставило Альву насторожиться.

– Мне просто повезло, – сказала она.

– В вашей жизни все происходит по правилам, согласно распорядку.

– Да, и усилия, на это затраченные, себя оправдали.

– Безусловно, у вас есть все, чего только можно пожелать, вы находитесь на самой вершине мира. А как же счастье?

Альва насторожилась еще больше:

– Почему вы меня об этом спрашиваете?

– Потому что я вас знаю.

Она почувствовала себя совсем неуютно. Слова Оливера бередили рану, которую она тщательно ото всех скрывала.

– Возможно, я не такая, какой вам кажусь, – попыталась она защититься.

– Заранее прошу прощения, но я готов предположить, что вы не такая, какой кажетесь себе. Или, по крайней мере, не такая, какой хотите казаться другим. Я знаю, что скрывается за этим безупречным фасадом.

Альва побледнела. Неужели все это время он знал о ее чувствах? И теперь собирался ее за это раскритиковать или, что хуже, пожалеть?

– Прошу меня извинить, – пробормотала она, быстро поднявшись из кресла и покидая зону отдыха. – Мне... Мне нужно напомнить Уинти, что мать впечатлительной юной леди всегда за ним наблюдает.

– Но Альва... – позвал Оливер.

Пусть зовет сколько угодно. Она не станет оборачиваться и постарается больше с ним не сталкиваться (как это сделать на яхте?!). Судно продолжало сражаться с волнами, отчего походка Альвы напоминала походку не самого трезвого человека. Едва скрывшись с глаз Оливера, она перегнулась через перила. Ее стошнило.

– Мама? – Консуэло поторопилась к ней.

Ее спутник тоже подошел.

– Меня просто укачало. Дайте мне свой платок. – Вытирая рот, Альва сказала Резерфорду: – Предупреждаю: я наблюдаю за вами. – Потом захихнула платок в его карман и ушла, оставив ошеломленную парочку на палубе.

Скорее бы закончилась эта поездка. Слава богу, в Индии их пути с Оливером и всеми остальными разойдутся.

Спустя немного времени Консуэло зашла в каюту Альвы.

– Вам уже лучше?

«Нет, все безнадежно. Я чувствую себя жалкой, несчастной и хочу домой».

– Спасибо, милая, лучше. Как приятно, что ты обо мне беспокоишься. Входи.

Консуэло закрыла за собой дверь.

– Мистер Резерфорд сказал, что его озадачило ваше замечание о том, что вы за ним следите. Он не понимает, что сделал не так.

– Он бы мог спросить это у меня сам, вместо того, чтобы подсылать тебя, не думаешь? Сколько ему лет?

– Он меня ни о чем не просил. Мне... Мне самой хотелось понять. Что он сделал неправильно?

– Он оказывает знаки внимания юной леди вдвое младше.

Консуэло вспыхнула.

– Но это ведь ничего не значит...

– Ты и правда так считаешь?

– Он взрослый мужчина, а я еще девушка.

– Но тебе нравится думать, что я права и он увлекся тобой.

Консуэло покраснела еще сильнее.

– Да, это лестно.

– Присядь. – Альва указала на банкетку у столика. Она развернула дочь лицом к зеркалу и вынула шпильки из ее волос, тяжелый каскад которых, упав, закрыл собой сиденье банкетки.

Она взяла щетку и принялась расчесывать волосы Консуэло.

– Лесть – это очень приятно. Всю свою жизнь ты будешь слышать множество лестных вещей. Но это еще не все. Не торопись.

– В чем?

– Во всем.

Консуэло вздохнула.

– Вам легко говорить. У вас уже есть все, чего только можно пожелать.

Альва подавила горький смех. Пусть ее дочь остается невинной как можно дольше.

В Калькутте их принимала семья вице-короля Лансдауна. Сестра вице-королевы когда-то была замужем (позже они развелись) за

покойным восьмым герцогом Мальборо. Сам Лансдаун не только имел звание генерал-губернатора, но и титул маркиза. Его значимость подчеркивалась Домом правительства, в котором он жил, – невероятных размеров мраморный дворец, где ему прислуживали горделивые неразговорчивые индийские мужчины и женщины в ливреях из красного шелка. На всем Индостане не найти было англичанина выше его рангом. Он являлся наместником самой королевы.

Атмосфера во дворце была одновременно весьма экзотической и по-настоящему британской, словно губернатору удалось (по крайней мере, внутри этого невероятного мраморного сооружения) найти способ укротить дикие силы, ведущие бурное существование за пределами дворцовых стен. Альва с радостью стерла бы из своей памяти определенные сцены, которые ей пришлось наблюдать, пока поезд шел из Бомбея по суше и вдоль речных берегов – в том числе тела, что сжигали на погребальных кострах, и младенцев, которых в качестве жертвы бросали в реки, чтобы, как объяснил один из гидов, вызвать дождь, но избежать наводнения. «Прошу вас, не беспокойтесь. Этот ребенок мертв».

Альва упомянула это за чаем в Желтом кабинете леди Лансдаун, где на стенах висели картины, способные составить конкуренцию полотнам, выставленным в Национальной галерее или Лувре, – только в этой комнате можно было увидеть работы Бассано, Тициана, Ватто и Рембрандта. Дворец представлял собой настоящий оазис изысканности посреди страны, полной пыли и хаоса.

– Ваше превосходительство, позвольте мне поблагодарить вас за оказанный прием. Даже при английском дворе ко мне никогда не относились с таким почтением, – сказала Альва.

– Да, не могу не согласиться, уровень культуры здесь гораздо выше.

– Я думала, что в Индии люди грубы и примитивны – в некоторых частях страны так и есть. – Альва поделилась увиденным и добавила: – Страшно представить, что станет с их душами! В то же время на рынках мне довелось торговаться с невероятно милыми и интеллигентными женщинами, которые с почтением отзываются о вас и вице-короле. А манеры и речи ваших слуг заслуживают высшей похвалы.

– Да, это страна контрастов.

– Скажите, младенцы, которых приносят в жертву... речным богам? Они и правда уже мертвы?

– Да, это так. Но вы должны понять, что для индейцев наш обычай хоронить тела в земле кажется настолько же страшным и жестоким – они считают, что так душа навеки остается в западне.

Альву удовлетворило это объяснение.

– Я всегда считала, что жизнь человека сильно зависит от материальных условий. Условия, в которых живете вы, исключительны. Ее Королевское Величество могла бы заточить меня в Тауэр за такое, но я все-таки спрошу: ведя столь невероятную жизнь, вы чувствуете себя королевой?

Леди Лансдаун улыбнулась:

– Может быть – королевой по воле случая.

– А как это отражается на ваших детях?

– Сыновья, конечно, учатся в Оксфорде, поэтому с ними мы видимся только по праздникам. Наша старшая дочь недавно вышла замуж за герцога Девонширского. Младшая изначально жила с нами, но сейчас заканчивает образование в Лондоне. На самом деле в Калькутте невозможно воспитать дочь.

– Да, представляю. Если честно, Нью-Йорк тоже для этого не очень подходит.

– Однако у вашей дочери по крайней мере есть богатый выбор.

– Выбор, конечно, есть, но он-то и внушает мне опасения. Я собираюсь летом вывезти ее в Париж. Возможно, ваш сын, лорд Генри, тоже там будет?

Леди Лансдаун приподняла бровь.

– Меня впечатляет прямолинейность американцев.

– Я не хочу, чтобы вам показалось, будто я спешу поскорее найти ей пару. Я говорю с вами прямо, ведь вы понимаете, что, воспитывая дочь, важно иметь, как вы говорите, соответствующую перспективу.

– Тогда я тоже буду с вами откровенна. Британцы – и я имею в виду британское общество в целом – не хотят видеть, как представители аристократии берут в супруги американцев, даже если этой аристократии очень сильно нужны средства на восстановление пришедших в упадок земель. Это нарушает традиционный порядок вещей.

– Что ж, если общество предпочитает наблюдать за тем, как его поместья разваливаются, а деревни умирают, оно, конечно же, может придерживаться своих старых порядков.

Перед тем, как откусить от шоколадного печенья, леди Лансдаун обмакнула его в чай. Потом сказала:

– Мой Генри уже довольно сильно привязан к одной юной леди. Но вы можете нанести в Лондоне визит моей сестре, леди Альберте Спенсер-Черчилль.

Альву такой поворот слегка озадачил. Деверь Дженни Черчилль, восьмой герцог Мальборо, развелся с леди Альбертой вскоре после того, как от него родила ребенка замужняя дама, которую он со временем тоже оставил, чтобы уйти к Лиллиан Прайс, вдове нью-йоркского миллионера. История запутанная и неприятная – у Альвы не возникало желания узнать о ней больше, чем то, что она уже знала. Поэтому она ответила:

– Я была бы рада с ней познакомиться, но не знаю, успеем ли мы заехать в Лондон.

– Имение ее сына, Бленхейм, находится в плачевном состоянии и требует внимания. Юный герцог, мой племянник, как раз начинает присматривать себе будущую жену. Это чудесный молодой человек. И королева весьма благосклонна к семейству Спенсер-Черчилль – несмотря на оплошности покойного герцога, – прибавила леди Лансдаун, предугадав опасения Альвы. – Ему хватило такта умереть и избавить всех от неприятностей.

– Вот как. В таком случае нам, возможно, и удастся выкроить время на визит.

– Я рада. Ваша дочь такая рассудительная, учтивая и привлекательная барышня – я очень удивлюсь, если она не заинтересует моего племянника. Если же между ними возникнет симпатия, я уверена, что британская общественность не сможет отказаться от такого пополнения в рядах знати. Между прочим, его герцогство – единственное, в котором титул переходит по женской линии. Поэтому никто не станет донимать их требованиями произвести на свет наследника.

Хотя Альва и успела оценить положительные стороны знакомства с юным герцогом, мысль о том, что ее дочери необходимо будет выполнять супружеские обязанности, мгновенно вернула ее на землю.

– Она еще слишком мала, чтобы выбирать себе спутника жизни.

– Шестнадцать лет – подходящий возраст. Если вы будете ждать слишком долго, лучшие женихи начнут заглядываться на более юных леди.

– К тому же она совершенно неопытна. Недавно мы обнаружили, что она готова ответить симпатией любому, кто проявит к ней интерес.

Альва обсудила с Уильямом поведение Резерфорда, и было решено, что Уильям с ним серьезно поговорит, когда тот вновь присоединится к ним в Ницце. Будет лучше, если Консуэло узнает о превратностях любви таким образом.

– В таком случае позаботьтесь о том, чтобы она успела получить необходимый опыт, а сами между тем замолвите за нее словечко перед будущим кандидатом в мужья. Если ей совершенно не понравится этот джентльмен, кем бы он ни был, вы сможете все отменить, – посоветовала леди Лансдаун. – Разве ваша мать не выбирала для вас подходящую партию?

– Обязательно выбрала бы, только она слишком рано умерла.

После визита Альва думала о перспективах, открывавшихся перед Консуэло, с воодушевлением. Если ее дочь сумела получить одобрение леди Лансдаун, она с легкостью завоюет любого жениха из подходящей страны. Если же по какой-либо причине герцог Мальборо ей не подойдет, они выберут еще какого-нибудь симпатичного титулованного джентльмена, чьи интересы не ограничиваются уходом за лошадьми и игрой в поло. Который будет любить историю и гордиться своей родословной, а его положение и вес в обществе будут определяться не только его состоянием. Если Консуэло суждено влюбиться, почему бы ей не выбрать для этого юношу, который может все это предложить?

Осознав свою миссию, Альва почувствовала себя гораздо бодрее. У нее появилась цель. Теперь она знает, к чему стремиться. И сделает все, что в ее силах, чтобы не позволить дочери превратиться в очередную скучающую светскую львицу, для которой цвет кожи чужой служанки – серьезная проблема.

Они покинули Индию и направились во Францию, где к ним должны были вновь присоединиться друзья Уильяма. Планы в отношении Чарльза Спенсера-Черчилля Альва пока держала в тайне –

Консуэло все равно и слышать не захочет о других мужчинах, пока сходит с ума по Резерфорду. Его постоянное присутствие лишь подогревало ее интерес. Альва могла и подождать. У нее еще будет достаточно времени, чтобы направить желания дочери в нужную сторону.

Когда яхта прибыла в Ниццу, у Альвы уже имелась готовая стратегия. Независимо от предложений о замужестве, которые непременно поступят в Париже, они отправятся в Лондон и ознакомятся с местными возможностями. Хотя супруга для Консуэло выберут Альва и Уильям, девочке следует оценить разнообразие всех джентльменов, которые ею заинтересуются, и осознать, насколько жалок в сравнении с ними Резерфорд.

После похода на местный рынок и на почту они сели на поезд до Парижа. Приятели Уильяма ехали тем же поездом. Позже все они устроились в салоне.

– Мы очень рады снова увидеться с вами, – произнесла Альва, входя в вагон вместе с семьей.

На Оливера она не смотрела.

Гувернантка повела Гарольда в следующий вагон, а Уильям сказал:

– Надеюсь, за время нашей разлуки вы обошлись без нежелательных приобретений вроде болезней, арестов, жен или татуировок.

– Никаких татуировок, – ответил Оливер.

Альва мельком взглянула на него. С тех пор как они виделись, он сильно загорел, отчего его светлые брови и зеленые глаза стали еще ярче. Как он провел последние недели? Нежился в лучах солнца? Альва надеялась, что он каким-нибудь чудесным образом позабыл о той беседе, что он истолковал ее как-то иначе, ошибся в своих предположениях.

– Никаких жен и всего остального, – вставил Резерфорд. Он не подвинулся в сторону Консуэло, однако обменялся с ней недвусмысленным взглядом.

Наивная детская любовь Консуэло почти умиляла. Почти.

Уильям спросил:

– Кто желает выкурить сигару? Пойдемте в вагон для курящих, чтобы не причинять нашим дамам неудобств.

Альва продемонстрировала всем пакет с письмами.

– Джентльмены, не беспокойтесь – можете нас оставить. Нам с дочерью все равно нужно разобраться с корреспонденцией.

– Я не буду курить, – отказался Резерфорд. – Дым раздражает глаза.

– Мама, а можно я помогу попозже? Я хочу посмотреть на локомотив, – попросила Консуэло.

Ее намерение было шито белыми нитками. Бедное дитя!

Альва ответила:

– Да, конечно, только возьми с собой Гарольда. Он обрадуется, если вам удастся поговорить с кондуктором.

– Но ему нужно поспать. Он ведь жаловался, что устал.

Альва сдержала улыбку.

– Уверена, что он передумал.

– Ладно. Пойду за ним. – Консуэло вышла из вагона и пошла вперед, к семейному вагону, а мужчины, включая Резерфорда, направились в хвост поезда – вагон для курящих находился за вагоном-рестораном. Альва осталась одна.

Она рассортировала письма. Стопку венчал толстый конверт от герцогини, которая должна была встретиться с ними в Париже, предварительно съездив с девочками на Кубу, повидать родственников – в прошлом письме она назвала это благотворительной поездкой, предпринятой ради стареющей тетушки, которая, если приложить необходимые усилия, будет относиться к ним благосклонно как до, так и после своей смерти. Альва думала, что в этом письме она прочтет подробный рассказ об их путешествии. Ошибиться сильнее она вряд ли могла.

Лондон, 17 апреля 1893 года

Милая моя Альва!

Подкрепившись виски, я опускаю перо на бумагу и обещаю себе не отнимать его и не сдаваться, поскольку ты – самый верный и дорогой друг из всех, что были в моей жалкой жизни. Я должна быть честна с тобой.

Когда умер мой муж, я воображала, будто почувствую освобождение. Будто я восторжествую, оттого что он страдал в конце жизни так, как я страдала все эти годы.

Он слабел, усыхал, хрипел, кашлял, харкал кровью (я этого почти не видела – с ним нянчилась моя свекровь), а я ужинала с друзьями, ездила с детьми за город и напевала «Скоро, скоро, тра-ля-ля, герцог умрет, тра-ля-ля, и в мире станет одной несчастной душой меньше – будет больше места для нас!»

И вот он умер, я попыталась восторжествовать, однако у меня не получилось.

Вместо этого я почувствовала себя обманутой. Обманутой, потому что он выбрался из мусорной ямы, в которую превратил нашу жизнь, а меня оставил по колени в ней. А мне еще пришлось говорить правильные слова ради детей, соблюдать все ритуалы, положенные скорбящей герцогине, и следить за процедурой передачи титула Киму – я чуть с ума не сошла от всего этого.

И вот однажды старый друг, который собирался в Англию, присылает мне телеграмму. Я уже давно чувствовала к нему определенную симпатию, как и он ко мне – хотя в прошлые наши встречи из этого почти ничего не выходило, так, короткие интрижки для развлечения, не более того. Он писал, что собирается встретиться с корабельщиками. Ему нужна новая яхта. Ему нужна невероятная яхта, лучше всех, которые когда-либо ходили в море. Лучше, чем его последняя яхта «Альва», которая затонула.

Альва ахнула и перечитала предложение, не веря своим глазам.

Уильям.

Интрижки.

Не более того.

Дверь вагона открылась, и в вагон зашла ее дочь со словами:

– Я передумала.

Не взглянув на Альву, она уселась в кресло, полистала журналы, выбрала один и углубилась в чтение.

Лицо Альвы пылало. Она заморгала, чтобы сдержать слезы. Ей было тяжело поверить словам, которые она только что прочла, тому, что они значили. Какой-то ужасный обман. Страшное предательство.

Однако, помня о присутствии дочери, Альва продолжила читать:

В этот раз, как, наверное, и в прошлые, причиной всему было мое одиночество. Я знала о твоих чувствах к нему. Ты призналась, что в твоей жизни есть любовь, а может быть, и любовник, и я убедила себя, что ничего страшного не произойдет. В этот раз. Я думала, это продлится пару ночей. Может, неделю, а потом исчерпает само себя.

Но когда он вернулся спустя несколько месяцев, все продолжилось как-то само собой. Девочки души не чают в «дядюшке Вилли», который всегда с ними так обходителен.

Мы с ним были осторожны, но, как ты знаешь, сплетни – это валюта, которая высоко ценится в свете. Полковник Манн и его вездесущие шпионы обо всем разузнали и подготовили колонку в «Таун Топикс», собираясь устроить скандал. Полковник оказался достаточно «мил», чтобы предупредить Уильяма о надвигающейся катастрофе. «Пожертвование» в сумме двадцати пяти тысяч долларов помогло Манну пересмотреть свое решение, и, когда яхту наконец достроили, я покончила с этим романом навсегда. Я не хотела, чтобы это продолжалось так долго. Я не люблю его и никогда не любила. Когда все закончилось, мне стало легче.

Но он разозлился и ни капли не раскаивался, когда я пыталась сказать, как безнравственно наше поведение и какую вину я чувствую за то, что предала тебя. С чего бы ему расстраиваться? Он ведь мужчина – притом мужчина невероятно богатый.

Возможно, я поступила глупо, не приняв его предложение – или, вернее будет сказать, деньги, которые получила бы, став его постоянной любовницей.

Но нет. Нет. Я поступила не глупо. Это шепот моей жадности, и я могу ей отказать, как я отказалась от его предложения.

А я, настоящая я, хорошая я, которая так долго оставалась похороненной заживо, будет скорбеть, если лишится твоей любви, Альва, любви, которую я не могу

даже надеяться заслужить, если не обнажу перед тобой свою душу. Пока я не получу от тебя ответ, я буду держаться в стороне. Но прошу тебя, не оставляй меня в неведении.

И не думай, что в будущем эта история продолжится. Уверяю тебя, я с ним покончила. Моя верность и моя любовь всегда с тобой, но пока я не предала тебя, я и не представляла, насколько тебя люблю.

Возможно, ты не сможешь простить меня и мое признание никому, кроме меня, пользы не принесет – даже в этом случае мне станет немного легче. Ну и пусть. А возможно, ты сможешь принять меня как настоящую подругу, которой я всегда старалась быть. Ты никогда не любила Уилла, но всегда любила меня.

И еще кое-что, раз уж я зашла так далеко. В тот день, о котором ты писала в своем письме – день после бала, когда я спросила, есть ли у тебя тайна, – в тот день я провела утро в постели Уилла. Той ночью я увидела, как ты говоришь на лестнице с Оливером Белмонтом – он был так очевидно в тебя влюблен! Я почувствовала зависть. Я завидовала тому, что тебя любят, что у тебя есть прекрасный новый дом, все эти деньги, тому, как ты царишь в обществе. И я разыскала мужчину, который давным-давно сделал мне предложение, и которого я отвергла потому, что у него не было титула – и позволила ему себя соблазнить.

Альва, все мужчины – либо гремучие змеи вроде моего мужа, либо самодовольные повесы, как Берти, Уилл и множество других моих знакомых.

Есть ли любовь на свете?

Си

В оцепенении Альва сложила письмо, сунула его в конверт и спрятала в сумочку. Поезд выпустил облака пара, мимо пронеслись деревни, вдали виднелись покрытые снегом вершины Альп. Мужчины вернутся с минуты на минуту. До ужина оставалось не меньше двух

часов, до Парижа еще дольше... Как ей выдержать это время, не устроив скандала и вообще не выдав себя?

– Я хочу сойти с поезда.

– Мама, ты что-то сказала? – спросила Консуэло.

Что это за жизнь! И теперь получается, что она вырастила дочь только для того, чтобы та тоже угодила в ловушку, которую мужчины готовят для женщин? Для хороших, добропорядочных женщин, женщин, на которых можно рассчитывать, которым можно доверять. Которых можно использовать в корыстных целях...

– Что? – переспросила Альва. – Нет, милая, просто мысли вслух.

Как долго она просидела, покачиваясь вместе с вагоном, неспособная думать ни о чем, кроме того, что прочла в письме? Это двойное предательство пронзило ее сердце, как нож. Ей казалось, что она истекает кровью и вот-вот свалится на пол бездыханная, но свободная от ужаса и стыда.

Преданный ей Уильям. Он называл ее «мой ангел».

«Расставание изменило Уильяма. Он стал таким внимательным». Какой же душой она была! Совершенно ничего не замечала! А подруга то отталкивала ее, то приближалась к ней, когда заблагорассудится. И при этом уверяла, что любит ее! Видно, именно эта так называемая любовь вынудила ее признаться в своем аморальном поведении. И заставила ее отказаться от того, чтобы стать содержанкой Уильяма. Интересно, герцогиня всех своих друзей любит так же сильно или Альве была оказана особая честь?

Звук открывающейся двери вывел ее из оцепенения. Уильям с друзьями появились в салоне. От них пахло сигарами. «Только посмотрите на него, – думала Альва. – Такой самодовольный, такой уверенный в своих привилегиях, в том, что мир принадлежит ему». У кого лучшие лошади, лучшие яхты, самые красивые дети и самая прекрасная жена? Чьи дед и отец числились среди богатейших людей в мире? Чье семейство застроило своими домами самые престижные авеню Манхэттена и Ньюпорта? Кто в сорок три остается таким же привлекательным и элегантным, каким был в двадцать три? Его волосы ничуть не поредели. Перед ним разворачивался богатейший выбор лошадей, вин, женщин, друзей и занятий – он был хозяином собственной жизни. Если ему хотелось пропадать месяцами вдали от дома, он так и делал. Если ему хотелось изменять жене с ее лучшей

подругой, он так и делал. За все это он мог заплатить деньгами, а денег у него больше, чем он мог потратить.

Когда мужчины подошли к Альве, она коротко сказала: «Я прогуляюсь», встала и вышла в противоположные двери.

Альва остановилась на площадке между вагонами бегущего поезда и посмотрела на пролетающую под ногами землю – сливающиеся в сплошное пятно камни и рельсы. Можно прямо сейчас спрыгнуть с поезда. Никому ничего не нужно будет объяснять, она умрет задолго до того, как ее хватятся в вагоне. Станет всего лишь телом на рельсах. Узлом из юбок и гравия. И, наверное, крови. С унижением будет покончено. Интересно, пожалеют ли о ее смерти Уильям и его двуличная шлюха? Вероятнее всего, нет.

Вспомнив о том, что у нее есть сыновья, которых надо воспитывать, и дочь, которой она с божьей помощью обязана обеспечить лучшее замужество, Альва шагнула в другой вагон.

Она прошла состав насквозь один раз, второй, вернулась обратно и наконец, когда все ушли на ужин, скрылась у себя в купе, пожаловавшись на головную боль. Когда поезд прибыл на Лионский вокзал в Париже, она сослалась на усталость и быстро попрощалась с мужчинами. Избегая вопросительного взгляда Оливера, она помогла детям забраться в экипаж, а Уильяма попросила остаться с гувернанткой и другими слугами и проследить, чтобы не возникло проблем с багажом.

– Уже поздно. Дети устали. Увидимся с вами за завтраком.

Они и вправду устали – Гарольд прислонил голову к ее плечу и сразу заснул. Консуэло облокотилась на ручку сиденья, широко зевнула и закрыла глаза. Убаюкиваемая покачиванием повозки и цокотом копыт по мостовой, Альва тоже позволила себе забыться.

Вид Тюильри из окон отеля «Континенталь» напомнил ей о вечерах, которые она проводила, наблюдая за роскошными каретами, катящими по улице Риволи. Она представляла себя взрослой изысканной леди, в ее сверкающую повозку будут впряжены лучшие лошади – все одной масти, и когда они гарцуют, потряхивая гривами, свет фонарей играет на их лоснящихся боках. Все будут смотреть на нее и восхищаться, ведь она станет одной из самых известных леди в

Париже. Каким простым это казалось в детстве. Какой наполненной представлялась ей такая жизнь.

Оставшись одна в комнате, Альва вышла на балкон. Слева чернел Нотр-Дам, справа светилась Эйфелева башня. Показывая ей с детьми башню, меье Эйфель сообщил, что на ней установлены десять тысяч газовых ламп. «Но это уже устаревшая технология, – тут же добавил он. – Однажды их заменят лампочками Эдисона. Человек всегда стремится ко всему новому и яркому».

Герцогиня Манчестер была не новее Альвы. Но, безусловно, ярче. В определенном смысле.

Вернувшись в комнату, Альва достала из сумочки письмо и развернула его на столе. Почерк когда-то любимой подруги был мелким и аккуратным, как штриховка на рисунке хорошего художника.

Подкрепившись виски, я опускаю перо на бумагу и обещаю себе не отнимать его и не сдаваться, поскольку ты – самый верный и дорогой друг из всех, что были в моей жалкой жизни...

Письмо не было импульсивным. Леди Си хорошенько его обдумала, прежде чем написать.

– Эгоистка, – фыркнула Альва. – От исповеди становится легче только самому грешнику.

Сердце ее было тяжелым, ей казалось, будто оно наполнилось грязью и раздулось в четыре раза, сдавив легкие и мешая дышать. Пустой желудок урчал. Мысли скакали от воспоминания к воспоминанию, показывая в новом свете прежние разговоры и ситуации. Господи, как они с Уильямом, должно быть, смеялись над ней!

И все это время ее собственное поведение оставалось безупречным.

Альва схватилась за ручку кресла, как за кинжал. Уильям изменил ей. Он был лгуном и изменником уже тогда, когда приставал к Мэри и затем прогнал ее, притворившись, что защищает интересы семьи и интересы Альвы. Как благородно с его стороны! Ему же хуже.

Так просто с рук ему это не сойдет. Она что-нибудь придумает. Например, убьет его. Убить Уильяма гораздо разумнее, чем убить себя.

По всей стране каждый день судьи оправдывали людей, у которых имелись веские основания для убийства.

Либо она может просто развестись с ним, хотя это, конечно, принесет ей гораздо меньше удовлетворения. Его неверность давала ей право подать иск в Нью-Йорке.

В любом случае газеты начнут смаковать эту историю во всех подробностях. Овдовевшая американская герцогиня, чьей лучшей подругой была жена ее любовника-миллионера – гуляки Вандербильта, за которого всегда всю работу делал его брат. Герцогиня, которая помогла своей подруге покорить высшее общество Нью-Йорка на легендарном костюмированном балу 1983 года. Герцогиня, в честь которой эта подруга назвала свою дочь – ее собственная дочь также носила имя подруги. Герцогиня, чей муж был тем еще распутником и умер бесславной смертью. Вся история выглядела запутанной и гадкой. Помимо вреда, который был бы причинен репутации Альвы, этот скандал сильно уменьшил бы возможность удачного замужества для Консуэло. Шансы же близняшек Монтагю свелись бы к нулю – репутация их семьи уже подорвана поведением их отца.

Кроме того, Альва должна была учесть последствия своих действий для собственного будущего и будущего своих сыновей. Если судья решит, что она должна поступить как любая хорошая богобоязненная жена – то есть перестать жаловаться и не мешать бедному мужу развлекаться, – ее могут даже лишить родительских прав. Кроме того, одно дело – чувствовать свою правоту, невзирая на общественное порицание, и другое – быть бедной и изгнанной из общества. Ей придется продать Мраморный дом и жить на эти деньги до конца жизни.

Смешно, если, защищая свою честь, она, по жестокой иронии, окажется в таком же положении, в коем оказалась бы, вовсе не вступая в брак по расчету. Такая концовка была бы достойна пера Генри Джеймса.

«Я этого не допущу», – сказала Альва самой себе. «Неужели? И каким образом ты собираешься этого избежать?» – твердил внутренний голос. «Я уеду от него». Она поселится отдельно от Уильяма в Лондоне или, скажем, в Париже. Скорее всего, он даже не возразит. Будет оплачивать ее счета, а ей не придется пятнать свою репутацию.

Однако все будут знать, что они разошлись. Ее отъезд из Нью-Йорка начнут обсуждать бурно и часто. В разводе обвинят ее. Ее, Альву! Ведь ни одна благоразумная леди ни за что не пожелает оставить такого джентльмена, как Уильям Киссэм Вандербильт. В ее жизни будут деньги и все, что за них можно купить, но не будет ни уважения других, ни самоуважения, и она умрет одинокой и злобной старухой.

Или... вообще ничего не предпринимать и продолжать жить так, словно ничего и не было.

«Нет, я так не могу».

Что бы ни выбрала Альва, она обречена на неудачу.

«Такое вполне могло бы произойти в романе мистера Джеймса. – Она горько усмехнулась. – А он, оказывается, прекрасно разбирается в людях...»

От звука поворачивающейся ручки Альва едва не подпрыгнула.

– Кто там?

– Уильям. Я могу войти?

– Ваша комната напротив.

– Альва, откройте.

Она не ответила.

Минутой позже она услышала, как в двери поворачивается ключ. Уильям сказал «*Merci beaucoup*»^[52], и дверь открылась.

– Что происходит? – спросил он, закрывая за собой дверь. – Вы говорили, что устали, но до сих пор не спите. Вы даже не переодевались. – Его голос звучал сухо и отрывисто. – Мы с Оливером зашли в ресторан возле вокзала. Он стал расспрашивать меня: «Что случилось с Альвой? Она не заболела? Может быть, стоит послать за врачом?» Он очень о вас беспокоится.

– Уже поздно. Мы можем поговорить об этом утром.

– Вы с ним постоянно общаетесь, – продолжил Уильям, не слушая. – Что вы обсуждаете? До лошадей вам дела нет...

– Почему же, я люблю ездить верхом, – возразила Альва, увидев возможность уйти от беспокоящей ее темы. Неужели муж решил, что ее странное поведение связано с Оливером, и снова приревновал?

– Ездить верхом – может быть, но не разводить коней и не участвовать в скачках, – а со мной он говорит исключительно об этом. Так о чем же вы ведете беседы?

– Я уже сказала вам – о лошадях.

– Альва.

– О конюшнях Белмонтов, – продолжила она беззаботно. Она не станет играть в его игры. – Августу никак не удастся вывести фаворита. Они думают попробовать кормить кобыл разным кормом.

– И вы думаете, я в это поверю?

– Хорошо, я признаюсь – это не все. Мы также обсуждаем архитектуру, строительные материалы и предметы интерьера, государственную денежную политику, а также смогут ли они с Перри когда-нибудь достичь согласия во взглядах на прогрессивизм – Перри такой ретроград. Еще мы говорим о детях.

– А обо мне?

– О вас?

– Он говорит что-нибудь обо мне? Например, о том, что я провожу время с другими женщинами?

Интересный поворот.

– С чего бы ему это делать? – спросила Альва.

– Потому что Оливер влюблен в вас, хотя и не признается. Очернив меня, он мог бы завоевать ваше расположение. Он может наговорить обо мне всякое – и чем ужаснее, тем лучше для него.

– Оливер Белмонт в меня не влюблен... – Внезапно Альва кое-что поняла или решила, что поняла. – Погодите-ка... Оливер знает?

Выходит, в тот день на яхте Оливер имел в виду измену Уильяма. Услышав ее слова о том, что можно закрыть глаза на проблему, он решил – она знает об интрижке мужа и только притворяется, что ничего не происходит – так делают многие жены, попавшие в подобную ситуацию. А она-то думала, он намекал на ее собственные переживания.

Но как же так? Оливер знал об измене Уильяме и ни разу не сказал ей об этом? За все время, пока муж был в отъезде, не сказал ни слова! Повсюду ее сопровождал, чтобы она не успела что-нибудь заподозрить. Усердно защищал друга – пока не услышал ее слова о том, что можно на все закрыть глаза.

Да как он посмел спрашивать ее о счастье, когда сам участвовал в этом обмане?

Он был частью обмана. Оливер – лжец.

Вот, кажется, и нашлось то средство, которое избавит Альву от глупой и отчаянной привязанности к нему.

– Что он знает? – спросил Уильям.

– Знает о вас и герцогине. Она мне во всем призналась в письме.

Уильям на мгновение замолчал. Потом проговорил:

– Я бы хотел увидеть это письмо.

– Оно хранится в безопасном месте.

– Герцогиня вам наврала. Она сейчас очень сильно расстроена – возможно, она даже не в себе. Мандевиль оставил ее в непростых обстоятельствах. Как вы знаете, я с ней виделся, но в этой встрече ничего такого не было. Альва, не верьте ей. Она играет в карты. У нее много долгов.

– Нет, она рассказала мне правду – других причин преподнести все так, как она это сделала, у нее просто быть не может. – Альва почувствовала ком в горле. – Если в вас еще осталось уважение ко мне, гордость или самолюбие, вы должны покончить с этим спектаклем.

Уильям сел в кресло и закрыл лицо ладонями. Опустив руки, он сказал:

– Это совершенно ничего для меня не значило.

– Какая злая ирония. Для меня это значит очень много.

– Но почему? Я даю вам все, в чем вы нуждаетесь. У мужчин... у нас есть постоянные... потребности. И я не хотел обременять вас... – Он осекся. Его лицо стало пунцовым.

Альва тихо произнесла:

– Она была моей самой близкой подругой. Вы что, не могли остановить свой выбор на ком-нибудь другом?

Уильям ничего не ответил.

– Вы предали и оскорбили меня. Но хуже всего то, что вы подвели детей – и наших, и ее. Не понимаю, как вы осмелились рисковать будущим девочек. Если пойдут слухи...

– Никаких слухов не будет.

– Молитесь, чтобы их не было. Потому что в противном случае у наших дочерей нет будущего. Пятно на их репутации останется на всю жизнь. А учитывая, что шансы близняшек и без того значительно подорваны...

– Да, да, я согласен, это было опрометчиво с моей стороны! Но ведь я делал это не один. Она...

– Если бы не девочки, я бы заставила вас обоих предстать перед судом, как настоящих преступников. Но я знаю, каково это – идти на уступку при выборе мужа, и не желаю им подобной участи.

– Вы хотите сказать, что, выбирая меня, пошли на уступку?

– Да. Я могла найти кого-нибудь получше.

– Вроде Мандевиля? Посмотрите, что он сделал с Консуэло.

– Да, бедняжка. Будь у нее шанс стать вашей женой, ее предал бы американский джентльмен. Это было бы гораздо лучше.

– Я отдал вам Мраморный дом! Хотя не должен был этого делать – я ничего вам не должен. Я порядочный мужчина, и любая другая женщина была бы мне благодарна.

– Благодарна за предательство? А если бы так поступила с вами я?

– Ваша злость...

– Справедлива и заслуженна! Или вы с этим не согласны?

Уильям помолчал и ответил:

– Согласен.

Он провел рукой по волосам. Встал. Пару раз прошелся по комнате.

– На самом деле я рад, что это выяснилось. Все кончено – она написала об этом? Я хотел закончить все и забыть, но почувствовал, что должен предложить ей материальную поддержку. Надеюсь, вы сможете простить меня.

– Вы думаете, все так просто? Я еще не решила, что должна предпринять в этой ситуации.

– Предпринять? Тут нечего предпринимать – я сказал вам, все кончено, и мне очень жаль. Что еще вам нужно?

Альва посмотрела на мужа в упор. Он говорил всерьез.

– Мне нужно время, чтобы все хорошенько обдумать.

– Вы же не думаете о разводе? – фыркнул Уильям. – Это было бы просто смешно.

Его самонадеянность стала последней каплей.

– Не смейте указывать мне, о чем думать. – Альва встала. – Честное слово, мое терпение заканчивается. Видеть вас больше не могу. Убирайтесь из моей комнаты. Сию минуту.

– Моя дорогая. – Уильям потянулся к ней.

– Не смейте, – произнесла Альва, сделав шаг в сторону. Ее трясло. – Если бы я знала, что мне это сойдет с рук, я бы вырвала

сердце у вас из груди и скормила вашим псам.

Он поднял руки, словно сдаваясь:

– Я понял. Но завтра...

– Убирайтесь.

– Вы имеете полное право злиться на меня, но...

– Вон! – Она схватила первое, что подвернулось под руку – тарелку с горкой вишневых вафель – и швырнула в Уильяма. Тарелка ударилась о каминную полку и разлетелась вдребезги.

Не будь Альва в ярости, она бы расхохоталась при виде того, как муж пулей вылетел из комнаты.

Она заперла дверь на ключ, подошла к кровати, взяла подушку, прижала ее к лицу и закричала.

Успокоившись, Альва вышла на балкон – зализать раны. Нет, она не чувствовала себя несчастной. В любом случае, сейчас она в лучшем отеле Парижа. В сейфе внизу хранится ее жемчуг, когда-то принадлежавший императрице, чей дворец – на другой стороне улицы. Она родила троих детей, которые живы и здоровы, – и она оставалась собой.

И все же ей было жаль себя – но разве Альва не заслужила немного жалости? Она покорила высшее общество, хранила домашний очаг, заботилась о нуждающихся, и муж все равно предал ее. Его лучший друг, который когда-то уверял ее в своей любви, знал об этом предательстве и скрыл его. Ее лучшая подруга оказалась непосредственной участницей этой грязной интриги. И это было, возможно, самое худшее – то, что Альва не могла разделить свою боль с единственной подругой, которой всю жизнь поверяла горести и невзгоды.

Но почему? Почему это случилось с именно ней? Она же всегда была примером для подражания, черт возьми.

Над улицей Риволи, над садом Тюильри, Сенной, Левым берегом и всем Парижем разнесся ее крик:

– Я всегда была примером для подражания!

И это была не жалоба – это было предупреждение.

Глава 6

Прямо сейчас Альва не могла позволить себе погрузиться в мысли о разбитом сердце, о том, какой доверчивой она оказалась и как жестоко была обманута. Думать об убийстве или разводе тоже не представлялось целесообразным. Никакие радикальные меры, принятые сейчас (и ставшие достоянием общественности) не пошли бы на пользу ее главной цели – как можно скорее выдать замуж Консуэло. Всю жизнь Альва постигала тонкости подобающего поведения в обществе. Пусть оно еще немного ей послужит.

Первый выход Консуэло в свет должен был состояться на bal blanc^[53], который проводил для своей дочери герцог де Грамон. Двумя днями позже планировалось, что она появится на вечернем салоне графини Мелани де Пурталь – графиня была уже в летах и испытывала все меньше желания устраивать приемы у себя дома, оттого ее салоны стали большой редкостью.

– Моей матери удалось получить для нас приглашение в салон графини всего раз или два, – рассказывала Альва дочери по пути в магазин Уорта, где они собирались заказать для нее белое платье. – Когда-то я мечтала стать одной из постоянных гостей салона. Быть приглашенной – большая честь.

– Почему?

– Потому что это значит – графиня признает твою значимость или твои заслуги.

Они ехали по Рю-де-ля-Пэ, по которой Альва много раз ходила в магазин Уорта. Фасад из черного мрамора был единственной достопримечательностью на совершенно обычной улице. Серость окружающей обстановки резко контрастировала с теми чудесами, которые открывались посетителям внутри магазина.

– Какие заслуги? – уточнила Консуэло.

– Твой вклад в жизнь общества, в культуру.

– Я считаю, гораздо важнее заботиться о благе народа. Богатые люди должны бороться с упадком и пороками.

«Если бы только твой отец считал так же».

– Это правда. Но тебе следует понять – чтобы иметь возможность принести пользу, придется не только выжить в змеиной яме под названием французский или английский двор, но и преуспеть в ней. Графиня де Пурталь, императрица Евгения и подобные им дамы понимали, что женщина, которая хочет оставить свой след в истории, должна быть расчетливой и изобретательной. Иначе чем она отличается от безжизненного украшения? Притом весьма недолговечного. Ты станешь настоящей красавицей. Долгие годы тобой будут восхищаться, перед тобой будут преклоняться. Тебе нужно решить, что ты хочешь получить в итоге.

Девочка явно пришла в замешательство. Что ж, скоро ей предстоит все испытать на собственном опыте. Альва всего лишь продолжит освещать ее путь, объяснять все и, если нужно, оберегать от опасности и предотвращать очевидные катастрофы. Насколько же проще воспитывать сыновей!

Перед тем как зайти в магазин, Консуэло спросила:

– Почему я впервые выйду в свет здесь, а не на собственном балу дома, как Гертруда?

– Потому что маму Гертруды устраивают местные перспективы.

– Я тоже знаю очень приличных американских джентльменов.

– Неужели?

– Да.

Продавщица открыла дверь магазина и поприветствовала их на французском:

– Мадам Вандербильт, мадемуазель Вандербильт. Мы так рады снова видеть вас у себя.

– Взаимно, – ответила Альва. – Моей дочери необходимо подобрать идеальное белое платье. Также я думаю заказать кое-что для ее свадебного наряда. Мне хотелось бы увидеться с месье Уортом. Он у себя?

– К сожалению, его нет. В последнее время он неважно себя чувствует, мы видим его редко.

– Передайте ему мои пожелания скорейшего выздоровления, – сказала Альва и обратилась к дочери: – Месье Уорт шил свадебное платье императрицы Евгении.

Консуэло спросила ее по-английски:

– Почему вы решили купить мне платье сейчас?

– Мы не вернемся сюда до следующей весны, – пояснила Альва. Она не призналась, что, может быть, они не вернутся в Париж никогда – по крайней мере, сама Альва могла к тому времени потерять возможность не только одеваться у Уорта, но и путешествовать. Вслух же она добавила: – Кто знает, что произойдет за это время?

Их с Консуэло проводили к диванчику, с которого полагалось рассматривать предлагаемые платья. Альва спросила дочь:

– Ты сказала, что знакома с достойными джентльменами – у тебя есть на примете кто-то конкретный?

– Что? Нет, никого.

– В таком случае перестань волноваться и подумай о *les jeunes hommes*^[54], которых встретишь на балу, *s'il vous plait*^[55].

– У меня нет настроения. Папа все время сердится, и вы...

– Что со мной?

– Мисс Харпер сравнивает вас с быком. Она говорит, иногда вы упираетесь головой и толкаете, пока не получите то, что хотите.

Мисс Харпер оказалась куда более наблюдательной, чем думала Альва.

– Да, возможно, и так.

– И вас не обижает такое сравнение?

– Она же сделала мне комплимент! Даже если и ненамеренно. Послушай меня, – проговорила Альва, повернув к себе лицо дочери так, чтобы заглянуть ей прямо в глаза: – Запомни: не важно, что думают о тебе другие, главное – твое собственное мнение о себе.

Вскоре перед ними появились три юные леди, одетые в белоснежные платья разных фасонов. И девушки, и платья были великолепны. Консуэло указала на вторую девушку.

– Мне нравится то, что на ней.

Альва отрицательно покачала головой.

– Нет, рюши на груди тебе ни к чему. Дальше! – попросила она.

Девушки скрылись в примерочных и вернулись в новых нарядах. И снова Консуэло указала на то, что ей понравилось больше, и снова Альва отослала всех трех. Когда девушки вышли в третий раз, Альва сказала продавщице:

– Вот это, последнее, – нам оно подойдет, но рукава нужно переделать.

Она встала, подошла к модели и объяснила ассистентке, что именно нужно изменить.

Когда Альва закончила свои объяснения, Консуэло вполголоса возразила:

– Но мне это платье не особенно понравилось.

Альва подвела дочь к возвышению, на котором снимали мерки.

– В этом платье ты будешь выглядеть лучше всего. Это главное.

– Но все платья белые, я буду выглядеть в них одинаково. Почему нельзя было выбрать то, что нравится мне?

– Твой вопрос лишь доказывает, как мало ты понимаешь в таких вещах. Поэтому я и принимаю за тебя все решения. – Альва отошла, чтобы позволить швее снять мерки, и продолжила: – Выбирать наряды – целое искусство. Можешь считать, что я художник, а ты – полотно. Вместе с тобой – и с помощью швеи месье Уорта – мы создадим портрет скромной, но сногшибательной юной красавицы, и тогда на балу сможем познакомиться с настоящими ценителями подобного искусства.

Швея улыбнулась словам Альвы. На Консуэло же они впечатления не произвели.

– Но вы ведь сказали, главное – мое собственное мнение о себе.

– Да, и я не отказываюсь от своих слов. Но ты пока не знаешь, на чем основано твое мнение, – тебе едва исполнилось семнадцать. Твоя подготовка еще не закончена.

– Как будто я одна из папиных гончих, – буркнула Консуэло.

Альва с трудом сдержала улыбку. Кажется, дочь наконец-то научилась показывать зубки! Хороший знак, хотя и в не очень подходящий момент.

– Если бы с тобой было так же легко справиться, как с гончими! С детьми приходится возиться гораздо больше, а ты еще почти ребенок. Подумай о том, что я для тебя сделала, и будь благодарна!

– Что вы имеете в виду?

– Какие языки ты знаешь?

– Английский, немецкий, французский, немного итальянский и испанский.

– Что ты изучала?

– Историю, литературу, искусство, математику, географию...

– И немало путешествовала.

– Да.

– А чем ты занимаешься здесь?

– Хожу в музей, Театр Франсэ... да, еще в Сен-Сюльпис по воскресеньям, послушать, как играет на органе месье Видор. Он невероятно талантливый. Еще мы с мисс Харпер ходим читать в сад Тюильри... Иногда я езжу в Булонский лес...

– Только послушай себя! Сколько всего интересного, сколько культуры и знаний! Это я сделала так, чтобы твое образование ничем не уступало образованию любого джентльмена. Кроме того, ты прекрасно едешь верхом, умеешь править гигом^[56], знаешь все танцы и можешь одинаково свободно общаться с портье и президентами. Как тебе кажется, неплохую работу я с тобой проделала?

– Я думаю, неплохую.

– Ты думаешь. Отлично. И как считаешь, могу я еще немного этим позаниматься?

Альва много раз за последние годы представляла себе этот вечер. Лучшие из юных джентльменов Парижа выстраивались в очередь ради танца с ее дочерью, невероятно элегантной в белом тюлевом платье – им так хотелось впечатлить ее кадрилию или вальсом. У Консуэло было все, о чем Альва когда-то мечтала.

В течение одного танца могло произойти очень многое, поскольку на балах, подобных этому, времени, чтобы побеседовать между танцами, попросту не имелось. Тем общим, что объединяло всех девушек на балу, независимо от их статуса или внешности, была непорочность – именно она и демонстрировалась. Все махинации родителей – обсуждение и рассмотрение потенциальных союзов, если юная леди оправдает ожидания (или если ее семья сможет всех убедить, что это так) оставались за кулисами.

В молодости прагматическая сторона первого выхода в свет ничуть не беспокоила Альву – она думала только о романтической стороне события и с замирающим сердцем пыталась угадать, который из добивающихся ее джентльменов получит одобрение отца.

Что касается ее дочери – Консуэло могла думать лишь об Уинтропе Резерфорде, который уехал в Испанию смотреть бои быков. Если сегодняшний вечер и казался ей романтическим, таинственным и волнительным, она очень хорошо это скрывала. Перед самым выходом

из отеля Консуэло спросила: «А нам обязательно оставаться там допоздна?»

Со своего кресла Альва наблюдала за Консуэло, которая приветствовала каждого из джентльменов скромной улыбкой, выполняла все фигуры танца, а затем, улыбаясь так же скромно, их покидала. Те из юношей, которые желали продолжить знакомство (а этого желал каждый без исключения) подходили к Альве, чтобы обсудить эту возможность. Уильям проводил все время в салоне или в гостиной в кругу подобных ему джентльменов, обсуждая лошадей, яхты, ипподромы и гончих псов.

Такой вывод в свет дочери принципиально отличался от того, что выбрала Элис для Гертруды. Элис собиралась открыть двери своего дома только тем американским наследникам, чьи фамилии ласкали ей слух. Она уже давно позволяла Гертруде ездить с друзьями на конные прогулки без сопровождения – совсем как когда-то мать леди Си. И какие плоды это принесло? Юная и цветущая мисс Консуэло Изнага позволила Уильяму (и кто знает, кому еще) снять с нее «пробу», а потом вышла замуж за человека, которого привлекали именно такие женщины, и в результате ее жизнь превратилась в череду несчастий, измен и, наконец, чудовищного предательства, следствием чего стала потеря самой близкой подруги, брак которой, вполне возможно, разрушен. Альва не собиралась пускать свою дочь по такой же скользкой дорожке.

Краем глаза Альва увидела Уильяма, который приблизился к ней и заявил:

– Наша дочь – самая прелестная девушка на балу.

Альва промолчала.

– Ее мать тоже прекрасна.

Альва оставила его стоять в одиночестве.

Последняя неделя в Париже. Дальше – Лондон. В Лондоне их ждал ужин с леди Альбертой Спенсер-Черчилль и ее сыном-герцогом, а также с парой десятков гостей и знакомых. Хотя именно здесь, в салоне графини Мелани де Пурталь, у Альвы появилась возможность помечтать о том, как темные блестящие волосы Консуэло украсит королевская корона – среди гостей графини был...

– Принц Франц Иосиф Баттенберг, – сообщила герцогиня Альве, которая сидела с ней рядом. – Многие считают, что он не так влиятелен, как его братья. Но если его влияние подкрепить достаточными средствами, в свое время он вполне может стать правителем Болгарии.

Альва окинула принца Иосифа взглядом. Высокий, стройный, вытянутый в струнку, с густыми волосами и привлекательным лицом... Она спросила:

– Кажется, один из Баттенбергов женился на дочери королевы – принцессе Беатрисе?

– Да, это был Генри. Виктория дала согласие на их союз, что пошло на пользу всем родственникам.

Открывшаяся перспектива заинтересовала Альву, и она не без гордости заметила:

– Несколько лет назад я говорила своей снохе: девочкам обязательно надо учить немецкий язык и историю Германии. Ее дочь на два года старше моей, но гораздо меньше подготовлена для того, чтобы занять положение в обществе.

Альва располагала некоторыми сведениями о семье Баттенберг, помимо свадьбы Генри и принцессы – она вспомнила, что лет десять назад старший из братьев был правителем Болгарии, но после конфликта с Россией и собственным правительством отрекся от власти. Она спросила герцогиню:

– А кто сейчас правит Болгарией?

– Принц Фердинанд Саксен-Кобургский. Королева не очень довольна этим выбором. – Альва надеялась, что герцогиня объяснит, что именно не устраивает королеву, но та лишь сказала: – Зато Баттенберг довольно хорош собой, не так ли? – На лице герцогини появилась знаменитая лукавая улыбка: – Только представьте себе, какие прелестные у них будут дети.

– Они едва познакомились, а вы уже думаете о наследниках!

– Такова жизнь. Он начнет ее добиваться, вот увидите. Мне нравятся Баттенберги. Они себя еще покажут, попомните мое слово.

Большую часть вечера Консуэло провела в беседах с принцем, который не отходил от нее ни на шаг. Альва заметила, как разругивалась Консуэло – безраздельное внимание такого мужчины наверняка кружило ей голову (и было прекрасным контрастом

общению с Уинти). Альва бывала в компании мужчин вроде принца в том нежном возрасте, когда дальше разговора дело зайти не могло. Она помнила, как сама сияла в свете той изысканности, на которую сейчас с такой радостью отзывалась ее дочь. Она помнила, как ее остроумные высказывания весьма занимали тех мужчин, а сама она занимала немаловажное место в сердце каждого из них (тогда она была в этом уверена), и она не сомневалась, что, когда она подрастет (а это случится совсем скоро, нужно чуть-чуть подождать), один из них, не важно кто, но непременно самый великолепный, придет к ее отцу с предложением.

– Если бы не моя мать...

– Вы бы сами носили корону? Возможно. Нам всем было жаль вас и ваших сестер. Но ведь вы добились своего! Вы правите лучшими людьми Америки, разве не так? И можете купить себе корону не хуже той, которую могли бы получить в наследство.

– Я ими не правлю – в лучшем случае, веду за собой. И, даже купив корону, я не получу титула. Я никогда не смогу купить статус и престиж, который есть у аристократии – хотя, как я убедилась, титул вовсе не является гарантией нравственности.

– Неужели? – удивилась герцогиня.

– Английский герцог Манчестер.

«И его жена».

– Да, это правда. Если можно выбирать, нужно делать это внимательно.

– В любом случае по-настоящему Америкой правит молодежь. За некоторыми весьма немногочисленными исключениями, леди постарше могли бы попросту не существовать. Одна из многих вещей, которые мне нравятся во Франции, – то, что подобные вам изысканные дамы, обладающие влиянием, никогда это влияние не теряют.

– Если только не растратят его впустую. Или не перестанут над ним работать.

– В вашем случае этого можно не опасаться.

– Совершенно верно. Ваше влияние также останется при вас, если вы не ошибетесь в выборе. – Герцогиня говорила о Консуэло и принце. Однако Альва думала об Уильяме.

Хотя Альва и пыталась игнорировать мужа и мысли о том, какие неприятности он ей принес, слова герцогини не шли у нее из головы до самого утра.

Она не хотела потерять все, что досталось ей таким трудом. Однако, если не предпринять никаких действий сейчас, все ее дальнейшее существование будет отравлено знанием о том, что произошло.

Но неужели жить в этой испорченной роскоши лучше, чем быть бедной и отвергнутой?

В юности ответ на подобный вопрос был очевиден.

Проведя бессонную ночь в размышлениях о том, как поступили бы на ее месте герцогиня или императрица, Альва отправила Уильяму записку с приглашением позавтракать у нее в комнате. Она надела скромное платье из голубой саржи, гладко причесала волосы, припудрила лицо, чтобы скрыть следы бессонницы, а в уши вдела простые серьги из жемчужин.

Приказала подать тележку с завтраком, села у маленького столика и стала ждать, глубоко дыша и готовясь в очередной раз сыграть нужную роль.

Войдя в комнату, Уильям уселся в кресло напротив.

– Надеюсь, вы хорошо себя чувствуете сегодня, – сказал он, поднимая крышки с блюд и наполняя едой свою тарелку.

Голова Альвы раскалывалась, живот сводило. Она ответила:

– Очень хорошо, благодарю.

– Вы не хотите есть? – спросил он, заметив, что перед ней стоит лишь чашка кофе.

– Я решила требовать у вас развода по причине неверности.

Уильям откусил от колбаски.

– Я так не думаю.

– Я не прошу вашего позволения.

– Вы же сами говорили – мы должны защитить свою дочь и девочек Монтагю... – Уильям откусил тост, пожевал и проглотил: – О разводе не может быть и речи. Кроме того, я разводиться не хочу. Мы ведь отлично справляемся. И будем справляться еще лучше, если вы возьмете себя в руки.

– Попробуем сделать так. После того, как я с детьми уеду в Лондон, вы останетесь здесь и наймете женщину, которая сыграет роль вашей любовницы. Вы снимете для нее квартиру с прислугой в хорошем доме и будете регулярно наносить ей визиты. Станете брать ее с собой на ипподром. Сделаете так, чтобы друзья часто видели вас вместе. Не обязательно, чтобы это продолжалось долгое время. Хотя, если она вам понравится, можете ее себе оставить. Мне все равно. Когда новости о вашем поведении просочатся наружу, я устрою сцену, а затем передам все в руки своему адвокату. Вы выплатите мне денежную компенсацию, а также средства на содержание Мраморного дома и нового жилья в городе – наш общий дом вы обесчестили, теперь он ваш. Также вы гарантируете поддержку детей, которые останутся со мной. – Альва пододвинула к нему сложенную бумагу. – Здесь я обозначила общие детали.

Уильям уставился на нее. Альва продолжала сидеть с невозмутимым видом, выпрямив спину, и изо всех сил держала себя в руках. В голове стучало.

– Я должен разыграть измену, чтобы вы получили развод?

– Нет, вы должны разыграть новую измену, чтобы защитить репутацию девочек.

– Но я могу защитить их, просто ничего не делая. С чего вы взяли, что я соглашусь на ваш план? Я уже сказал вам, что не желаю развода.

– А я не желаю оставаться замужем за лицемером, который называет яхты моим именем, а сам развлекается с моей лучшей подругой!

– Альва, она для меня ничего не значит. Я никого кроме вас не...

– Не смейте говорить «любил». Неужели вы готовы на такую ложь ради того, чтобы сохранить немного денег и гордости?

– Что бы я ни говорил, это ничего не изменит.

– Наконец-то вы меня поняли. Прекрасно.

– Да, я понял, что вы хотите лишиться всего, чего добивались двадцать лет, только чтобы потешить собственную гордость.

– Я предпочитаю думать, что это поможет мне восстановить самоуважение.

– И ради этого вы с радостью испортите шансы дочери на удачное замужество.

– Причина всего, что сейчас происходит, – вы. Я лишь пытаюсь смягчить последствия. Если вы поступите по-моему, то будете в глазах общества выглядеть просто глупым, а не подлым, жестоким и бессердечным. В таком случае наш развод не станет для Консуэло слишком большой неприятностью. У одного из лучших кандидатов на ее руку родители тоже в разводе.

– Кажется, вы и не сомневаетесь в своей правоте.

– Как вы думаете, почему? Послушайте, через двадцать минут меня ждут в «Мезон-Дусет», – соврала Альва. – Скажите, вы согласны следовать моему плану?

– А если я откажусь?

– Полковник Манн с радостью опубликует мое подтверждение вашей связи с герцогиней. Статья получится еще лучше той, которую он хотел напечатать, пока вы от него не откупились.

Уильям еще откусил от колбаски и, дожевывая, помотал головой.

– Вы не сможете так поступить с девочками.

Альва сухо ответила:

– Да, мне очень не хочется это делать. Но если вы решите, что вольны действовать, как вам заблагорассудится, и снова избежать наказания – я отдам вас на суд общественности.

Она наблюдала за его лицом. Поверил ли он ей?

– Не понимаю, почему вы не можете просто забыть обо всем.

– Да, совершенно очевидно, что вы этого не понимаете.

Уильям взял сложенный лист бумаги и положил в нагрудный карман:

– Я подумаю об этом, – сказал он и покинул комнату.

Альва осталась в кресле. Она чувствовала себя опустошенной. Головная боль навалилась на нее со всей силой.

Он подумает об этом. Он подумает об этом, он обязательно подумает, потому что не может это не сделать.

На следующий день после обеда принц Франц Иосиф нанес визит Консуэло. Устроившись в противоположном углу гостиной, Альва делала вид, что разбирает корреспонденцию, а сама прислушивалась к их разговору, который понемногу превратился в монолог принца.

– София, где находится болгарский престол, конечно, не идет ни в какое сравнение с Парижем. Но я провел там немало прекрасных дней,

прежде чем моего брата вынудили отречься от трона. Климат там великолепный. Не стану докучать вам болтовней о политических ухищрениях, которые мне необходимо предпринять, чтобы меня избрали правителем. Но с большой долей вероятности все пройдет мирно...

Сегодня в Консуэло и следа не осталось от той раздумывавшейся инженю, которой она была прошлым вечером. Слушая принца, она улыбалась и делала вид, что ей по-настоящему интересно, однако в глазах ее затаилось беспокойство, для принца, скорее всего, незаметное, но очевидное для Альвы, которая без труда догадывалась, о чем думает дочь.

Альва и сама была обеспокоена. Конечно, в какой-то мере она решилась надавить на Уильяма, полагаясь на то, что именно принц сделает предложение Консуэло. Но она не была до конца уверена, что этот мужчина, каким бы привлекательным и благородным он ни казался, ей подходит. Кроме того, политические силы на Балканах и вокруг Балкан в постоянной борьбе, а следовательно, даже если принцу Францу Иосифу удастся воплотить свой план и свергнуть принца Фердинанда, его в скором времени могут точно так же потеснить. Стоят ли нестабильность и постоянный риск политического переворота тех преимуществ, которые Консуэло даст королевский титул? Да, немногим девушкам приходится думать о подобных вещах.

– ...и поэтому, – сказал принц, поднимаясь, – я вынужден вас покинуть. Благодарю за гостеприимство. Я рад нашему знакомству и надеюсь его продолжить.

Консуэло кивнула и протянула руку.

– Это взаимно.

Альва проводила принца. Вернувшись в гостиную, она не обнаружила там Консуэло. Дочь ушла в свою комнату и заправляла там ручку чернилами.

– Неотложное дело? – поинтересовалась Альва.

– Просто хочу кое-что записать. Гертруда ведет дневник. Она говорит, это помогает привести мысли в порядок. Я тоже хочу попробовать.

– Великолепный джентльмен, правда?

– Да, очень интересный.

– Если у него получится воплотить задуманное, он станет править своим кусочком мира.

– Он сказал, что любит читать греческих философов. Это хорошо. Что он любит читать.

– Графине не терпится увидеть вас вместе.

– Да, он мне говорил. Но ведь... он меня почти не знает.

– Ты создаешь благоприятное впечатление, – сказала Альва, решив не упоминать политические убеждения и сочетание великодушия и меркантильности, которые правили желаниями графини. Она сменила тему: – Проведем вечер дома? Гарольд говорил, что готов сразиться с тобой в безик^[57].

– Можете вы с ним поиграть? – Консуэло отвернулась к столу. – У меня нет настроения.

– Он, конечно, расстроится, но я попробую его уговорить.

Альве тоже было не до игры в карты (хотя ради Гарольда она могла притвориться). Игра, которую она затеяла с Уильямом, не принесла ей ожидаемого удовлетворения. Все так непонятно. Альва чувствовала себя как вол, бредущий по грязи в непогоду.

Спустя три часа пришло предложение о браке от принца. К нему прилагалась записка от Уильяма, в которой он давал на брак свое согласие, если таково будет желание Консуэло. Оставив Гарольда ужинать с мисс Харпер, Альва отправилась с Консуэло в обеденный зал для дам. Когда подали вино и суп, она показала дочери письмо от принца.

– Кажется, ты покорила сердце Франца Иосифа Баттенберга быстрее, чем предполагалось. Что ты об этом думаешь?

– Я... я, конечно, ужасно польщена... – Огромные карие глаза Консуэло стали еще больше, на ее лице появился одновременно восторг и страх. Она прижала ладонь к губам, сдерживая нервный смех. – Это ведь огромная честь, правда?

– Да, это замечательно. Он мог выбрать любую другую юную леди.

– Но вполне возможно, что его просто привлекли папины деньги...

– Ты должна понимать, что твое наследство всегда будет играть определенную роль, – проговорила Альва, рассматривая принесенное блюдо (им подали жареную утку с фаршированным инжиром,

ломтиками моркови и салатом фризе. Если с Уильямом договориться не получится, очень скоро ей придется скучать по таким блюдам). Она продолжила: – Мужчин, чьи средства соразмерны твоим, очень и очень мало.

– Но мне кажется, я и вправду ему понравилась.

– Я тоже так думаю.

– И он довольно симпатичный.

– Это правда.

Консуэло сжала руки:

– А что, если, кроме него, больше никто не сделает мне предложение? Вдруг я откажу ему и останусь одна, как тетя Армида?

– Не беспокойся, предложения будут. Уже были.

– Когда? От кого?

– От нескольких молодых людей, с которыми ты танцевала на балу у герцога де Грамона. Они прислали предложения твоему отцу и мне, мы поблагодарили их и отказались.

– Их было много?

– Можешь не сомневаться – если ты откажешь принцу, новые предложения последуют незамедлительно.

– Но что, если бы я хотела принять предложение кого-нибудь из тех, кому вы отказали?

Альва попробовала вино и ответила:

– Поверь мне на слово, они не стоили твоего внимания. Зато вино сегодня отменное.

– А как же Ким? – воскликнула Консуэло, вспомнив о сыне герцогини. – Он ведь герцог.

– Ты и Ким? Всего лишь семейная шутка. Кроме того, он тебе не подходит.

– Но вы постоянно твердите, что у меня должен быть титул.

– Я скорее выдам тебя за лакея, чем за молодого Манчестера. Только не говори, что думаешь об этом всерьез.

Консуэло покачала головой:

– Нет, мне просто интересно, что вы скажете. Но мы хотя бы увидимся с близняшками? Я думала, они тоже приедут в Париж.

– У них изменились планы.

Альва подумала о письме, которое носила с собой в сумочке. Она всегда держала его при себе для подстраховки, однако ответ так и не

написала. И не собиралась.

Альва молча наблюдала за тем, как Консуэло передвигает кусочки моркови с одной стороны тарелки на другую.

– А что думает папа о принце?

– Он думает, что это достойный кандидат. И я с ним полностью согласна.

Еще несколько кусочков моркови переменяло свое положение, и Консуэло произнесла:

– Он очень милый, но мне кажется... мне кажется, ему совершенно не важно, кто я, лишь бы у меня были хорошие манеры и фамилия Вандербильт.

– Немало великих союзов заключены именно таким образом.

– А мне бы хотелось кого-нибудь по-настоящему заинтересовать – это плохо?

– Нет, но пойми – часто интерес появляется позже, когда ваши отношения со временем разовьются и вы узнаете друг друга получше.

– Значит, я поступлю неправильно, отказав ему?

Альва выдержала паузу. Конечно, можно закрыть глаза на риск и выдать Консуэло замуж прямо сейчас. Но ведь ее главная цель – счастливое и стабильное будущее дочери. Герцог Мальборо мог предложить ей в этом плане гораздо больше. Конечно, он может сделать ей предложение, но может его и не сделать. В положительном случае Консуэло будет жить в Англии, а не в Болгарии, никто не попытается свергнуть ее мужа, и она не столкнется (Альва и думать о подобном не желала) с разъяренными толпами и гильотинами, как некоторые другие королевы. Разумеется, всего этого может и не быть. Но разве Мария-Антуанетта не думала точно так же?

– Как твоя мать, я бы чувствовала себя гораздо спокойнее, если бы он уже был всеми любимым правителем Болгарии.

Консуэло вздохнула с облегчением.

– Значит, мне следует ему отказать. Дождусь предложения, которое понравится мне больше.

– Хорошо, – кивнула Альва, моля Бога, чтобы они обе не ошибались. – Значит, покончим с этим делом и отправимся в Лондон.

Утром перед отъездом Альва получила записку от Уильяма – он приглашал ее зайти к нему в одиннадцать: «Мы должны окончательно

обо всем договориться, пока вы не уехали».

Значит, он принял ее условия. Отлично. Чем скорее все останется позади, тем лучше.

В назначенное время Альва вошла в его номер со словами «хорошо, давайте все быстро...».

И замолчала. Прямо перед дверью, сложив руки на груди, стоял Корнель. Выражение его лица было страдальческим.

– Здравствуйте, Альва.

– Брат надеется, мы позволим ему выслушать наши проблемы, – объяснил Уильям.

– Вы могли предупредить меня.

– Прошу вас, – сказал Корнель. – Давайте присядем. Хотите чего-нибудь? Можем заказать кофе или выпечки...

– Спасибо, я ничего не хочу, – прервала его Альва, усаживаясь в кресло. – Пожалуйста, не затягивайте. У нас с детьми поезд в три, а еще нужно все упаковать.

Мужчины тоже сели. Первым заговорил Корнель:

– Я приехал, как только получил телеграмму от Уильяма. Он очень расстроен таким поворотом событий...

– Чего вы хотите? – прямо спросила Альва.

– Я хочу сохранить ваш брак. Из-за банального недопонимания может разрушиться союз, которому уже почти двадцать один год.

– Нет никакого недопонимания. Все совершенно ясно. Или Уильям вам не рассказал? Все эти годы они с леди Мандевиль были любовниками. Я узнала об этом только потому, что она посчитала нужным сознаться. Теперь нам всем все понятно?

Мужчины переглянулись. Корнель сказал:

– Я неправильно выразился. Да, мой брат повел себя недостойно и теперь раскаивается.

– Очень на это надеюсь.

– Почему же вы не хотите его простить? – удивился Корнель. – Альва, ведь он подарил вам весьма и весьма достойную жизнь. Более того, вы дали клятву перед Богом. Вы не должны быть так легкомысленны. Нарушение клятвы влечет за собой последствия...

– Вы хотите сказать, я попаду в ад? Вот это аргумент! То есть мужчина может поступать со своими клятвами, как ему вздумается, но как только их нарушает женщина, ее ждут вечные муки.

– Боже мой, какая же вы упрямая. – Уильям встал со стула и зашагал по комнате.

– Альва, что вам даст развод? Ни одна уважаемая леди не примет вас в своем доме. Какая жизнь вас ждет? Подумайте, как это отразится на детях... и на моей матери – она слабеет с каждым днем. Вы разошлись, и я это прекрасно понимаю. Но Уильям изменится, – заверил Корнель, делая Уильяму знак сесть. – Он постарается загладить свою вину, и вы заживете как прежде. Вы заявляете, что его предательство вас оскорбляет, хотя вашей собственной любви к нему недостаточно для того, чтобы его простить. Развод при таких обстоятельствах кажется мне совершенно эгоистичным поступком.

Альва смотрела на свои перчатки, которые украшала изящная вышивка Мэри. Корнель прав – она не могла возразить ни на один из его аргументов.

На самом деле у нее не имелось никаких рычагов давления – угроза обличить Уильяма была всего лишь блефом. Если он это поймет, то унизит ее еще больше. А если она проиграет дело о разводе – ей конец.

Насколько проще было бы не продолжать борьбу, а просто сдаться.

Альва могла бы согласиться с доводами Корнеля, забыть обо всем и поселиться отдельно, как в свое время сделала ее подруга. Безусловно, это значило бы, что Уильям снова победил, но что, если именно такую цену она должна заплатить за то, что когда-то, сидя в саду Гринбрайера, согласилась на его предложение?

Какой умной она тогда себе казалась! Какой очаровательной и убедительной. Альва чувствовала себя героиней – ведь она самостоятельно сумела покончить со всеми бедами.

Как же она тогда обманулась. Не обманывает ли она себя и сейчас?

Альва подняла взгляд на Корнеля и произнесла:

– Вы совершенно правы.

– Очень рад это слышать. Уильям, вот видишь, обо всем можно договориться.

С каким самодовольным выражением брата посмотрели друг на друга... Они привыкли, что все происходит именно так, как нужно им! А потому Альва с особенным удовольствием заявила:

– Вы рано обрадовались – я еще не закончила. Я согласна с вашими словами и тем не менее собираюсь разводиться с вашим братом. Давно пора подать пример другим женщинам, иначе мужчины всегда будут обходиться с нами подобным образом.

– Просто невероятно! – прорычал Уильям, снова вставая со стула. – Кажется, вы считаете, что имеете право на все?

– Зачем же, только на уважение.

– Заклинаю – подумайте еще раз, – взмолился Корнель. – Вы должны стать примером христианского всепрощения. Иначе вам придется за все отвечать перед Господом.

– С удовольствием это сделаю, – уверила его Альва и взглянула на Уильяма: – Спрашиваю в последний раз – намерены ли вы поступить как джентльмен и последовать нашему плану?

– Этот план исключительно ваш.

Альва подождала.

Уильям сухо сказал:

– Как я вам всегда говорил – я человек чести. Поэтому сделаю все необходимое.

– Мудрое решение, – одобрила Альва. – Можете поставить в известность герцогиню – она будет рада узнать, что ее письмо возымело должный эффект.

Выйдя из номера, она закрыла за собой дверь, остановилась в коридоре и подняла глаза к потолку.

Победа!

Еще важнее то, что эту победу одержал не Уильям.

Недавно она посетила лекцию, где Виктория Вудхалл доказывала, что Бог – женского пола. Сегодня Альва впервые подумала, что это вполне может быть правдой.

Глава 7

Лондон в августе – не самое гостеприимное место. Солнце скрылось за пеленой облаков, и все окутала дымка какого-то тусклого безразличия. Альва надеялась, что за городом, в коттедже, который она сняла под Марлоу, все будет иначе. Она сняла его импульсивно, чтобы не ожидать в Ньюпорте последствий того спектакля, который должен разыграть Уильям. В Ньюпорте ей придется повидаться с Элис и в очередной раз выслушать то, что ей уже успел сообщить Корнель относительно вечных мук. Либо же, если Элис еще не в курсе дела, придется притворяться, что ничего не произошло. Лучше провести остаток лета на берегах Темзы, где к ним присоединятся Люси Джей с дочерьми. Вилли и его гувернер тоже должны были скоро подъехать.

Но сперва они уделят время леди Паже. Одна из придворных фавориток Берти, урожденная Минни Стивенс, она дружила с Альвой в начале семидесятых, прежде чем выйти замуж за сына английского лорда. Теперь она превратилась в проницательную и бойкую на язык леди, чьи суждения высоко ценились в обществе. Она не только познакомит Альву с леди Альбертой и ее сыном, герцогом, но и проследит за тем, чтобы Консуэло была, как она написала в письме, «полностью подготовлена» для лондонского света и, независимо от намерений юного герцога, производила должное впечатление на любого джентльмена и на общество в целом.

Альва приехала с дочерью в особняк леди Паже на Белгрейвсквер. Дальше по улице раскинулись сады Букингемского дворца.

– Она довольно хорошенькая, – вынесла свой вердикт леди Паже. – Но выглядит чересчур невинно для местной публики. К званому ужину в четверг обязательно выберите платье из сатина. Все должны полюбоваться этой молочной кожей. Перчатки выше локтя. На шею – ленту.

Она рассматривала Консуэло так, словно та была манекеном.

– Сатин? У нее нет ничего из сатина. Придется нанять портниху... прямо сегодня, – забеспокоилась Альва.

– Так и сделайте. Он не сможет устоять перед такой изысканностью.

Говоря «он», леди Паже подразумевала Чарльза Спенсера-Черчилля, герцога. На ужине будут присутствовать также мать юного герцога и его тетка Дженни со своим сыном Уинстоном, который приехал на побывку из Королевского военного училища. Дженни как-то писала, что Уинстон «решительно одержим» службой в кавалерии – в своей прежней школе он учился неважно и теперь хотел исправиться и чего-нибудь достичь. Двумя годами ранее он едва не погиб после падения с моста, поэтому Альву обрадовала весть, что он не сдастся. Тем не менее она надеялась, что Дженни не прочит Уинстона или его младшего брата в мужья Консуэло – все ставки были на герцога.

Пока Альва беседовала с леди Паже, взгляд Консуэло был направлен в никуда.

– Кажется, ты устала от нашей болтовни, – заметила Альва. – Может, выпьешь с нами чаю? – Консуэло помотала головой. – Ладно, пусть тогда слуга леди Паже отправит тебя в отель. Повторите с мисс Харпер историю и географию Англии. Я знаю, что ты все выучила, но лучше освежить знания, тогда за ужином ты будешь чувствовать себя увереннее.

Когда Консуэло ушла, Альва расспросила леди Паже о герцоге. Та сообщила, что ему двадцать три года, но выглядит он моложе – светловолос и внешне еще совсем мальчик. Родился в Индии, его отец там служил. Два года назад отец умер, и титул перешел Чарльзу. Образование он получил в Тринити-колледже.

– У него нет каких-то особых интересов, – отметила леди Паже.

– Тем лучше – принц Франц Иосиф был слишком напористым.

– Но, возможно, именно ваша дочь пробудит в нем интерес, – подмигнула Альве леди Паже. – Мы должны ее к этому поощрить.

– Прошу вас. Речь идет о моей дочери.

– Но это работает. Проверено вашей покорной слугой, а также нашей герцогиней и леди Черчилль. Кстати, а почему вы не вышли замуж за аристократа?

– Не было денег.

– Ах, да – об этом легко забыть, зная о вашем теперешнем состоянии.

Леди Паже также поведала, что Бленхейм, поместье герцога, было именно таким, каким описала его леди Лансдаун.

– На деньги его мачехи в замок провели электричество и отопление – настоящее чудо, там теперь вполне можно жить. Само здание занимает около семи акров. Тонны камня. Очень впечатляет. Рядом расположен очаровательный городок Вудсток, прямо-таки кладезь истории.

– Консуэло это понравится.

– А кому бы не понравилось? Пусть Санни^[58] – мы так зовем герцога – сам ей обо всем расскажет.

– У него и вправду солнечный характер?

– От слова «Сандерленд». Он – граф Сандерленд. Что же до характера – я не могу припомнить, чтобы хоть раз видела на его лице улыбку.

В назначенный вечер Консуэло, в специально подобранных платье и украшениях, посадили между юным герцогом и его кузенком. Насколько могла судить Альва, дочери приносило удовольствие их общество во время ужина и после. Спустя несколько бокалов вина, Альва сказала леди Паже: «Посмотрите, как Санни освещает мою девочку», отчего та прыснула со смеху.

Консуэло прекрасно знала, ради чего их познакомили, но, похоже, вскоре забыла об этом и просто наслаждалась вечером.

Следующие несколько месяцев будут непростыми. Консуэло особенно расстроится из-за слухов и развода. Она боготворила отца – что вполне естественно. В ее глазах он был королем, всегда любил ее, всегда оставался «золотым мальчиком», каким прослыл в юности. Однако этим вечером она упивалась вниманием двух интересных молодых людей и наконец-то могла отведать вкус взрослой жизни. Альва не сомневалась – с возрастом ее дочь станет еще привлекательнее и увереннее в себе. И ее брак будет не просто выгодным – она выйдет за человека, которого полюбит. У Консуэло будет все, чего была лишена ее мать.

– Кажется, получилось, – поздравила Альву леди Паже. – Представляю, как вы рады. У вас впереди чудесная жизнь!

– Вы так думаете? – осведомилась Альва.

Первыми о скандале написали в «Уорлд». Уильяма К. Вандербильта неоднократно видели в Париже в компании мисс Нелли Нойстреттер, хорошенькой американки лет тридцати. Детективы со

рвением, достойным лучшего применения, вынюхивали все подробности: объект неприкрытой симпатии мистера Вандербильта оказалась родом из Сан-Франциско, а в Европу приехала отдохнуть. Она жила в престижных апартаментах, и ее прислуга носила ливрею Вандербильтов.

Первый репортер настиг Альву, когда она выходила из своего дома на Пятой авеню, где пока продолжала жить – исключительно ради соблюдения приличий. Дом больше не производил на нее бывшего впечатления. Она бродила по нему, подобно призраку мистера Стюарта, и недоумевала, как некогда великолепная жизнь в мгновение ока может стать одним лишь воспоминанием.

– Миссис Вандербильт, – обратился к ней репортер, – что вы думаете о происходящем между мисс Нойстреттер и вашим мужем?

– Я вне себя от ярости, – сказала Альва, не кривя душой. – Ему должно быть стыдно. Вам так не кажется?

Репортер снял шляпу.

– Согласен, мэм.

– Чтобы защитить честь своих детей и свою собственную, я не стану терпеть это оскорбление. Разрешаю вам это процитировать.

Теперь можно было двигаться дальше.

Она встретила со своим юристом, мистером Джозефом Чоутом, и продемонстрировала ему все доказательства измены – «Уорлд» и еще три газеты с подобными репортажами, а также телеграмму от Уильяма: «Сожалею, но вынужден подтвердить слухи». Кроме того, она подготовила документ, в котором перечислила условия развода, на которые Уильям ранее дал согласие: она получит два миллиона долларов, права на всех троих детей, а также по сто тысяч долларов на содержание каждого ребенка ежегодно – по достижении совершеннолетия они продолжат получать эти деньги самостоятельно. Из дома на Пятой авеню она переедет в новую, более подходящую для новой жизни городскую резиденцию на Восточной Семьдесят второй улице.

Альва передала все документы мистеру Чоуту, высокому господину с густой седеющей шевелюрой и нафабранными усами.

– Как вы думаете, этого для судьбы будет достаточно? – спросила она.

Адвокат просмотрел бумаги.

– Да, безусловно. Столь же безусловно, как ваше право чувствовать обиду. Тем не менее считаю своей обязанностью указать вам, миссис Вандербильт, что ваши действия могут стать медвежьей услугой для представителей вашего класса. Поэтому рекомендую вам не прибегать к услугам суда.

– Что вы имеете в виду?

Он откинулся на спинку кресла, раскурил трубку и произнес:

– Если взглянуть на высшее общество как на отрез полотна, то каждый из членов общества – нить этой материи. Одна из причин, которая делает ткань прочной и способной всех защитить, – это то, что власть и деньги находятся в руках идеально подходящих для этого людей. Ваш муж – из их числа. Мужчины заботятся о благополучии своих семей и таким образом служат общественной гармонии – другими словами, создают накидку, которая всех укрывает, защищает и согревает. Если вы дадите ход делу, то уменьшите средства мистера Вандербильта, и материя ослабнет. Ваш пример посеет в головах других леди мысль о том, что они тоже могут обратиться в суд со своими претензиями – это приведет к дальнейшему разделению средств и еще большему истончению материи. Накидка, которая надежно всех укрывала, превратится в побитую молью ветошь. Помимо этого, дамы не способны распоряжаться средствами. Любое хозяйство – это череда капиталовложений. Деньги, которые достанутся вам и другим леди, непременно окажутся растраченными впустую, материя нашего общества придет в полную негодность, вы лишитесь всего и не сможете позаботиться ни о себе, ни о своих детях, ни о домах. Уверен, вы достаточно разумны, чтобы понять, к чему это может привести.

– Ваши опасения достойны восхищения. Безусловно, я не хочу стать творцом собственного крушения.

Мистер Чоут довольно кивнул:

– Значит, вы поняли, что я хочу сказать.

– Да, поняла, даже слишком хорошо. Ваша теория весьма занимательна. Но проблема любой теории в том, что никогда нельзя с уверенностью судить, верна ли она или нет, не опробовав ее опытным путем. Что, если вы правы, и когда я добьюсь своего, эта «накидка нравственности» действительно разойдется на нити, и многим из нас придется столкнуться с самыми неприятными сторонами жизни? Мне

лично очень любопытно это узнать. Поэтому прошу вас дать делу ход и присылать дальнейшие сообщения и вопросы мне на Семьдесят вторую улицу.

– Но мадам...

– Может, мне стоит поискать другого юриста, которому теории не помешают выполнять работу, за которую ему платят?

– Прошу вас, прислушайтесь к моим словам – это не игра. Допустим, вы решили потешить свое самолюбие. Но неужели вы хотите, чтобы и другие дамы разрушили свои семьи?

– Я хочу, чтобы джентльмены перестали вызывать в своих женах желание с ними развестись! Возможно, наши уважаемые друзья усвоят этот урок, когда один из «великих мужей» лишится кругленькой суммы.

Альва вернулась в свой дом 660 на Пятой авеню, и полчаса спустя к ней приехали Элис и мисс Вандербильт, которая сильно похудела, побледнела и как-то съежилась со времени их последней встречи.

Она взяла Альву за руку.

– Уильям это сделал, не подумав. Он всегда был немного импульсивным, не таким серьезным, как Корнель. Такова уж его природа.

Альва помогла ей устроиться в кресле.

– При всем уважении – я прожила с Уильямом двадцать лет. Если учесть время, которое он провел во время учебы в школе, я с ним жила дольше, чем вы, и совершенно точно знаю, какой у него характер. Мне жаль доставлять вам неудобства, но вы должны понимать, насколько мой поступок необходим и правилен.

Элис присела рядом со свекровью и произнесла:

– Боюсь, вы сами себя обманываете. Мы, как и все остальные, сейчас видим в вас лишь озлобленную несчастную женщину, которая от обиды клацает зубами.

– Я не чувствую злобы – только гнев, и этот гнев оправдан. Уильям ранил мою гордость, дурно обошелся со мной, предал и унизил меня. Я этого не заслужила.

– Ну вот, совершенно очевидно – вы злитесь, – пожурела Элис.

Миссис Вандербильт добавила:

– Он не хотел вас обидеть, вы и сами это знаете. Эта парижанка ничего для него не значит, он просто позволил себе развлечься.

– И это освобождает его от ответственности? – Альва обратилась к Элис: – Неужели наши сыновья должны равняться на подобное поведение?

– Прощать – угодно Господу, – заявила Элис.

– В таком случае Уильям может получить прощение непосредственно от Господа Бога, – парировала Альва, присев напротив гостей. – Я не хочу бросать слов на ветер. Вы должны понять – если мужчины не станут отвечать за свои ошибки, они никогда не изменятся. В этом просто не будет нужды.

– Не уверена, что они вообще могут измениться, – возразила Элис. – Это ведь в их природе...

– У Корнеля есть любовницы?

– Конечно, нет! Он не из таких мужчин.

Альва обратилась к миссис Вандербильт:

– А вам доводилось испытать подобное унижение?

Миссис Вандербильт покачала головой.

– Так, значит, это не в их природе. Просто некоторые из мужчин делают такой выбор. И вы не представляете, как это больно.

– Мне неудобно об этом говорить, – начала Элис, – но... возможно, будь вы лучшей женой, он бы не сбился с пути.

Альва сжала кулаки. Вот теперь она разозлилась по-настоящему.

– Неужели фамилия Вандербильт лишила вас умения различать хорошее и плохое? – Она ударила кулаком по столу. – Пострадавшая сторона здесь – я!

Элис поднялась:

– Идемте, матушка Ви. Мы понапрасну тратим время.

Миссис Вандербильт встала с трудом. Альва подошла к ней и взяла за руки.

– Вы всегда были доброй и разумной женщиной. Вы должны войти в мое положение.

Элис потянула миссис Вандербильт за руку и оттащила от Альвы в сторону дверей. Миссис Вандербильт, лицо которой было печальным и расстроенным, ничего не ответила, однако и не оказала сопротивления Элис.

– Альва, я не представляю, что станет с вашей душой, – произнесла Элис. – Гнев Господа праведен и страшен.

– А вы чем его заслужили?

– Прошу прощения?

– Вы говорите о гневе Бога – за какие такие страшные грехи этот гнев обрушился на ваших невинных детей?

Слушая, что говорит, Альва поняла, что зашла слишком далеко. Выражение лица Элис это только подтвердило.

– Прошу прощения, я не хотела... Я знаю, что вы не виноваты...

– Вы недостойны называться леди, – холодно сказала Элис, остановившись в дверях. – Я всегда это знала, просто надеялась, что ошибаюсь. Да простит вас Господь.

Однажды вечером, как раз перед возвращением Вилли в школу Святого Марка – начинался осенний семестр, – приехал Уильям. Вероятно, он прибыл из Парижа. Альва не спрашивала, а он ничего не написал об этом в телеграмме.

Когда он прибыл, Альва и Консуэло находились в домашней библиотеке. Консуэло, которая не поверила словам Альвы, когда та сообщила ей и Вилли о поступке отца, тут же вскочила с кресла.

– Папа! Как хорошо, что ты вернулся!

Уильям обнял дочь.

– Вот она – улада для утомленных глаз.

– Правильно говорить – для усталых глаз. Но твои глаза вовсе не утомленные и не усталые. И я рада, что тебе приятно меня видеть.

Он рассмеялся.

– Хорошо, хорошо, теперь буду говорить правильно. Скажи, – сказал он, выпуская ее из объятий, – твои братья дома? У меня вечером еще много дел, поэтому я ненадолго.

– Но ты ведь только приехал!

– Они дома, – вмешалась Альва. – Сделаем это сейчас?

Уильям кивнул. Она позвала мальчиков.

– Что вы хотите сделать? – недоуменно спросила Консуэло.

– Проведем маленькое семейное собрание, – пояснил ей Уильям.

Мальчики прибежали сверху, тоже радуясь встрече с отцом. Если бы Альва могла хоть на минуту забыть о том, что пишут в газетах, о признании Консуэло и о своей обиде, эта сцена показалась бы ей по-

настоящему трогательной. Последний раз они собирались впятером на прошлое Рождество.

Поздоровавшись с сыновьями, Уильям сказал:

– А теперь сядьте, пожалуйста. – И повернулся к Альве: – Вам слово.

– Вы считаете, это должна сделать я?

– Вы же все затеяли.

Он и дети выжидающе смотрели на нее.

– Ладно. Тогда я не стану заходить издалека. В силу некоторого... инцидента, который невозможно разрешить иначе, мы с вашим отцом решили развестись. Вы останетесь со мной, но мы переедем. Я выбрала нам дом к востоку от парка. Совсем недалеко.

Старшие потрясенно молчали. А Гарольд спросил:

– А что значит «развестись»?

Альва ответила:

– Это значит, что мы больше не будем женаты. Мы станем жить отдельно.

– Тогда... кто будет моим папой?

– Я всегда буду твоим папой, – заверил Уильям, подойдя к сыну. – Детей развод не касается, только взрослых.

Гарольд все равно выглядел озадаченно.

Альва попыталась объяснить:

– Мы остаемся твоими мамой и папой. Просто мы перестанем быть женой и мужем.

– Да?... – неуверенно произнес мальчик.

Вилли встал, сказал «прошу меня извинить» и, не глядя на родителей, быстро вышел из комнаты.

Консуэло едва сдерживала слезы:

– Почему вы это делаете?

– Ты знаешь причину, – сказала Альва.

– Я думала, это неправда.

– Какая неправда? – спросил Гарольд.

– Папочка? – спросила Консуэло.

Уильям отвел взгляд.

Альва сказала Гарольду:

– Она думала, неправда, что мы с твоим папой поссорились. Но это правда, и из-за этого мы решили развестись.

– Твоя мама настояла на этом, – добавил Уильям.

– Это правда? – спросила его Консуэло. – Этот... этот инцидент?

– Уильям, – сказала Альва, – ответьте своей дочери.

Не поднимая глаз, он кивнул:

– Я совершил ошибку.

Консуэло была ошарашена.

Альва сказала:

– Мы можем обсудить это в следующий раз. Сейчас мы хотим, чтобы вы – все вы, – сказала она, указав на верхний этаж, куда ушел Вилли, – знали, что на вашей жизни это никак не отразится. Мы будем заботиться о вас, как заботились всегда, просто по отдельности.

– Например, на это Рождество вы поедете вместе со мной в Палм-Бич, – сообщил Уильям.

У Альвы от негодования открылся рот – ни о чем подобном он не предупреждал, а теперь смотрел на нее и довольно улыбался, понимая, что она не сможет ничего возразить.

– Вот видите? – произнесла она. – Разве не здорово? Вы хорошенько повеселитесь там все вместе.

Консуэло смотрела на свои колени.

– Не могу поверить, что вы так с нами поступаете.

Дочь подняла взгляд на Альву.

– Я знаю, это тяжело... – начала было Альва, но Консуэло встала и зашагала к двери прежде, чем она закончила фразу.

Гарольд сидел и плакал. Уильям предложил:

– Пойдем поищем твоего брата. Я хотел рассказать вам один анекдот.

Выходя из комнаты, он оглянулся на Альву:

– Прекрасная работа.

Зато Мэйми Фиш поняла Альву прекрасно.

– Дети все переживут, – заявила она, выслушав рассказ Альвы о том, что произошло. Она пришла посмотреть на новую городскую резиденцию, в которой обустроивалась Альва. – Никто ведь не умер.

– Если судить по тому, как тоскует Консуэло, в этом легко усомниться.

– Она еще слишком юна и не способна понять, что вы, как воин, сражаетесь за права всех женщин. Скажите ей, что вы могли

прибегнуть к более традиционному решению и просто его застрелить.

– Я и правда рассматривала такой вариант. Застрели я его, это могло бы благотворно сказаться на состоянии общества, – горько пошутила Альва.

Теперь, когда слухи о приближающемся разводе распространились повсюду, Альву не принимали почти нигде. Большинство женщин трусили и избегали ее компании, дабы не навлечь на себя презрение Элис.

– Еще не поздно, – поддержала ее Мэйми. – У меня есть ружье, могу вас научить им пользоваться.

– Вы очень добрый и щедрый друг.

Мэйми разлила бурбон по бокалам.

– Когда состоится слушание?

– Не раньше следующей весны. Мне кажется, судья и юристы думают, если дело затянется, я раскаюсь и передумаю.

– Дамы думают то же самое.

– Да, конечно, я не раз хотела все бросить. Нелегко катить камень на гору, только чтобы посмотреть, как он скатится обратно. Но в минуты слабости я твержу себе – я воин, я воин. – Альва подошла к лестнице и крикнула наверх: – Консуэло, я – воин!

– Приходите в следующий четверг к Лоре Дэйвис на собрание Общества поддержки матерей, – предложила Мэйми. – Покажете им, что не лыком шиты. Это будет полезно для всех. В полпятого.

– Но я не состою в этом обществе.

– Я вас внесу в список.

В четверг Альва надела скромный зеленый костюм, выбрала одну из самых простых шляпок и отправилась на встречу. Украшения она тоже выбрала самые скромные. И вести себя решила скромно: внимательно слушать, говорить, только если спросят ее мнение, предоставить в распоряжение общества свои деньги или время – в зависимости от того, что им понадобится. Иначе говоря, она станет обычной пчелкой-труженицей. Вежливой, улыбчивой, непритязательной пчелкой. Не навсегда, разумеется, а только чтобы продемонстрировать, что она настолько же отзывчива и добра, как любая из них. Это напомним им, что Альва – женщина благоразумная, следовательно, благоразумным является и ее решение о разводе. Они

просто должны увидеть в ней пример, которому при необходимости смогут последовать. Они еще поблагодарят ее за это. Ее станут уважать не за то, что она была когда-то миссис Уильям К. Вандербильт, а за то, что она осталась собой.

Служанка открыла ей дверь, помогла снять пальто и проводила в гостиную. Как только Альва вошла, голоса собравшихся леди затихли. Десять напудренных лиц с удивлением уставились на нее.

Альва заметила, что Мэйми еще не появилась. Так или иначе, с каждой из присутствующих дам она была знакома уже давно. Те из них, кто успел поразмыслить над тем, что она делает, должны быть благодарны, ведь она прорубает для них дорогу в этих джунглях, полных опасности, так что им больше не придется жить взаперти в золотых клетках. Каждая из них сможет наконец добиться уважительного отношения к себе. Возможно, они захотят поговорить об этом после того, как обсудят дела общества.

– Добрый день, – произнесла Альва, обращаясь к хозяйке дома.

Лора Дэйвис молча отвернулась от нее.

Спустя мгновение остальные сделали то же самое.

– Будет вам, – сказала Альва появившемуся перед ней морю воротников, плеч и волос, хотя голос ее прозвучал не так бодро, как хотелось бы.

Она решила не сдаваться.

– Безусловно... – начала Альва, чувствуя, как лицо заливают краска.

Ни одна из женщин не шелохнулась. Они не двинутся с места и не произнесут ни слова – сегодняшняя царица улья дала свое распоряжение, и ни одна из пчелок не посмеет навлечь на себя ее гнев.

– Вы все совершаете ошибку, – проговорила Альва. – Я ни в чем не виновата. Я помогаю каждой из вас.

Тишина.

Альва вернулась в холл и попросила служанку принести пальто. Стоя спиной к гостиной, она слышала, как дамы уже начали вполголоса ее обсуждать. Мол, она предала своих детей и разрушила семью. Ее поведение эгоистично, безнравственно и низко. Ее всегда интересовали только деньги Вандербильтов, и очень жалко, что Уильям попался на ее крючок. С чего это ей вздумалось уйти от него? Скорее всего, у нее просто нервы не в порядке. Ведь даже ее адвокат,

мистер Чоут, пытался отговорить ее давать делу ход. Он во всех подробностях рассказал об этом их мужьям.

«Боже мой, – думала Альва, – какими жестокими могут быть женщины». Она знала, что скажет Мэйми – что ей хотелось получить все и сразу. Совсем как в тот вечер, когда они с Уильямом впервые попали на Бал Патриархов. Неужели она ничему не научилась за эти годы?

Слава богу, вот и служанка.

Альва накинула пальто, вышла на улицу, уселась в свою повозку и только тогда дала волю слезам.

В канун Рождества пошел снег. Крупные хлопья укрыли землю пушистым ковром и таять не собирались. Альва обулась, надела шубу и собралась на прогулку в парк. Едва она вышла из дому, как возле бордюра остановилась карета и раздался мужской голос:

– Добрый день! Подождите меня!

В темноте Альве не удалось хорошенько рассмотреть лицо человека в окошке. Однако голос его был ей до боли знаком. Оливер. Дверца коляски открылась, но Альва лишь ускорила шаг, проговорив на ходу:

– Нет, спасибо. Я предпочитаю гулять сама по себе.

Спустя мгновение Оливер ее нагнал.

– Предпраздничная хандра? У меня такое тоже бывает.

Она остановилась и повернулась к нему лицом. Одетый в пальто с меховым воротником и блестящий бобровый цилиндр, в свете фонарей Оливер казался идеальным джентльменом, сошедшим со страниц романа Диккенса. Альва ответила ему:

– Благодарю за беспокойство, но я в порядке.

– Я не позволю вам провести этот вечер в одиночестве. Вы направляетесь в парк? – Он указал рукой через дорогу. – Великолепное зрелище, не находите?

– Нахожу, вот только вы все портите. Оставьте меня, пожалуйста.

Оливер был ошарашен.

– Да вы и в самом деле не хотите меня видеть!

– Не разыгрывайте удивление. Я считала вас одним из своих самых верных друзей! Ваше предательство немногим лучше их.

– Вы расстроены тем, что я до сих пор не оказал вам поддержку? Но я был в отъезде и до сих пор ничего не знал...

– Прошу, не нужно притворяться, будто вы ничего не понимаете. Проявите ко мне хоть толику уважения.

Теперь он был в замешательстве.

– Но я и правда не понимаю... Каким образом я вас предал?

– Вы не рассказали мне то, что знали! Настоящий друг не позволил бы мне оставаться непосвященной, не дал бы водить меня за нос день за днем. Все время, что вы его заменяли...

Альве был ужасно неприятен этот человек. Она отвернулась от него и поспешила на запад, едва остановившись на углу Парк-авеню, прежде чем перейти улицу. Оливер двинулся вслед за ней. Он держался рядом, но ничего не говорил. Через несколько шагов Альва остановилась и посмотрела ему в глаза.

– Убирайтесь. Я хочу погулять в этот прекрасный вечер, а вы продолжаете его портить.

– Я пытаюсь вас понять, но то, что вы говорите, не имеет смысла. Ведь до прошлого лета у него не было отношений с этой Нойстреттер.

– Я говорю о герцогине Манчестер.

– Уильям был с герцогиней?!

Оливер выглядел по-настоящему удивленным. Альва возмутилась:

– Если вы хотите показаться невинным...

– Я не притворяюсь.

– Вы в самом деле не знали об этом?

Он покачал головой.

– А когда?..

– Когда строили «Вэлиант», – ответила Альва.

Так, значит, он не предавал ее?

Он ее не предавал.

Она добавила:

– До этого тоже, время от времени. На протяжении нескольких лет. Прошу, скажите, что вы ничего не знали.

– Я не знал, что у него отношения с вашей подругой. Но были и другие, и о них-то я и пытался вам сообщить. Только вы не хотели ничего слышать.

– Я была упряма.

– Вы были благородны. А вот он – настоящий подлец и... Но как вы узнали о том, что между ними происходит?

– Она написала мне обо всем в письме, которое ждало меня в Ницце во время нашего путешествия по Индии.

– Боже мой... Так вот из-за чего вы так расстроились!

– Помните, как на «Вэлианте» вы спросили, придаю ли я значение счастью?

– Помню.

– Но если вы ничего не знали о тех женщинах и не думали, что я тоже в курсе происходящего, почему вы задали тот вопрос?

– Потому что знал, как вы несчастны. На протяжении всего круиза вы были сама не своя. Я беспокоился о вас.

– И это все?

– Все. Но вы говорите, что узнали об измене только в Ницце...

– Я прочла письмо в поезде.

– И все же вы были не в духе и раньше.

«Потому что вы находились рядом. Потому что вы всегда так близко и так далеко».

Альва пожала плечами:

– Возможно, интуиция мне что-то подсказывала.

Оливер присел на ближайшую скамейку.

– Не могу поверить тому, что вы говорите. – Он поднял на нее взгляд: – И он все подтвердил?

– А вы думали, у нее просто воображение разыгралось? Простите, совершенно не понимаю, с чего я вдруг начала ее защищать... Да, он все подтвердил.

Альва присела рядом и почувствовала запах его любимого лосьона... Запах Оливера... Ее друга, который знал, что она несчастна, и не постеснялся ее об этом спросить.

– А я предположила, что вы все знали и поэтому исчезли. Ни в Нью-Йорке, ни в Ньюпорте вы не появлялись.

– Как я уже сказал, я был в отъезде. Политические вопросы. Я все еще не понимаю – как после всего этого он пошел еще дальше и в открытую связался с Нойстреттер?

– Я сама заставила его это сделать. Для отвода глаз. Об этом не знает никто, кроме Корнея. Возможно, Уильям поставил в известность герцогиню, не могу сказать.

– Значит, вы с ней до сих пор не виделись?

– Я ей даже не написала. Не могу собраться с духом. И заклинаю вас – ради благополучия девочек не делитесь ни с кем этой информацией.

– Можете на меня рассчитывать. – Оливер приблизил к ней свое лицо. – Слышите меня? Я совершенно серьезен – я хочу, чтобы вы на меня рассчитывали.

По старой привычке сердце Альвы затрепетало в ответ на его слова. И по старой же привычке она его усмирила.

– Благодарю. Не стану отрицать, в последнее время настроение у меня неважное. Добродетель – слабое утешение, когда дом опустел, а те немногие друзья, что у меня еще остались, заняты своими делами. Конечно, меня поддерживают сестры, но поблизости живет только Армида, а я не хочу становиться для нее обузой. – Она встала со скамейки. – Давайте прогуляемся? Расскажите, как у вас дела.

По заснеженным дорожкам парка гуляли и другие пары, юные и постарше. Встречались и дамы, гулявшие вдвоем. Мужчины, обсуждающие затянувшуюся депрессию и ее влияние на их деньги. Дети гонялись друг за другом, играли в снежки и делали снежных ангелов и снеговиков на поляне.

Оливер рассказал, что недавно основал прогрессивный еженедельник «Вердикт» и стал его издателем, редактором и репортером. Это позволило ему делиться своими взглядами и чаяниями в отношении политики страны. В газете он критиковал бизнесменов и политиков, подверженных коррупции, империализму и корпоративной алчности – недугам, которые делали общество местом, непригодным для обычного человека. Его острое перо не знало пощады.

– А ведь раньше я играл с этими джентльменами в теннис, они принимали меня в своих домах. Знаете Эндрю Карнеги? Только он перешел на мою сторону. В отличие от, скажем, моего брата Августа. Он перестал со мной разговаривать.

– А от меня отвернулись все Вандербильты. Нам остается только черпать в этом силы.

– Вот только они заняты тем же.

– Да, вот только правда на нашей стороне. – Альва засмеялась.

Когда они дошли до Иглы Клеопатры, обелиска напротив Музея Мет, она сказала:

– А вы знаете, что после того, как египетское правительство предложило установить обелиск, за все заплатил отец Уильяма? Сто тысяч долларов ради того, чтобы жители города имели возможность взглянуть на частичку Древнего Египта. Он был хорошим человеком. И он был бы весьма недоволен своим сыном.

– Я помню, что вы ему очень нравились. Как и мне. «Хоть и мала, неистова и зла». Шекспир.

– «Неистова». Мне это по душе.

– Как Жанна д'Арк.

– Вот уж кто был по-настоящему неистов.

– Только видеть вас горящей на костре мне бы не хотелось.

– Но я ведь теперь еретик. Меня вполне может ожидать такая участь.

Когда они вернулись на ее улицу, Альва спросила:

– Вы собираетесь провести вечер с родными?

– Да, сейчас поеду к Перри – возможно, чтобы до него добраться, мне понадобятся сани. Присоединитесь к нам?

– Спасибо, но я откажусь. Армида приедет на мессу со своей подругой мисс Крэйн, а после мы ужинаем у меня дома. У меня дома, – повторила она. – Как здорово это звучит – мой дом.

– Вы его заслужили.

– Не могу не согласиться.

Оливер протянул ей руку.

– Значит, друзья?

– Друзья. – Альва ответила на рукопожатие.

Хотя его появление этим вечером и не походило на рождественское чудо, оно все равно было подарком.

Снежинки танцевали в свете фонарей, окружавших церковь. В потоке поднимающихся по ступеням людей Альва увидела знакомую фигуру и сказала своим компаньонкам:

– Можете меня не ждать – я хочу кое с кем поговорить.

Она пробралась сквозь толпу к мужчине, который привлек ее внимание.

– С Рождеством.

Уорд Макаллистер обернулся, узнал ее и остановился. Лицо его было утомленным, наряд же, как всегда, безукоризнен.

– Боже мой, неужели Альва Вандербильт собственной персоной! Невероятно! Как проходит ваше Рождество?

– Уже неплохо. И, смею надеяться, станет еще лучше, если вы примете мои извинения.

– Кажется, этим вечером в вас вселился дух Христов! – Слова Уорда балансировали на грани сарказма, однако не переступили ее – наверное, в некоторой степени благодаря жизнерадостности, которую Альва изо всех сил пыталась излучать. Он продолжил: – И пусть не говорят потом, что Уорд Макаллистер не способен на благородный поступок! Эта неожиданно протянутая вами оливковая ветвь и меня наполнила великодушием.

– Очень этому рада. Вы, наверное, слышали, что я сейчас испытываю некоторые трудности...

– Прошу вас, – прервал он, выставив вперед руку. – Только не просите помощи – я не уверен, что моего великодушия на это хватит.

Она покачала головой:

– Нет, что вы. Я просто хотела сказать, что жалею о том, как с вами обошлась. Я собиралась прийти на ваш вечер независимо от того, что писали в газетах. Клянусь вам, я даже помню свой наряд – в вашу честь я надела ярко-желтое платье. Я уже собиралась выехать, но муж мне не позволил. Но в том, как я себя вела после, мне винить некого. Я думала только о себе. Меня волновала моя репутация в глазах общества, а на самом деле мне стоило позаботиться о том, чтобы сохранить свою репутацию в глазах достойных людей.

Уорд улыбнулся.

– За словом в карман вы никогда не лезли.

– Но я говорю от чистого сердца!

– Да, прекрасно это вижу и понимаю. Я тоже был не прав – гордость помешала мне позвонить, когда я получил вашу записку. Хотя все же меня вы обидели сильнее, чем я вас. Мне очень хочется быть достаточно великодушным, чтобы не замечать эгоистичных поступков. Так что ваше извинение принято. Нас обоих научили скромности те неприятности, которых мы не заслужили. Вы не хуже моего знаете об опасности, которой чревато совершенство, – оно привлекает насмешки

и издевательства. И все же мы не можем позволить себе играть какую-то другую роль.

Вокруг них начинали собираться любопытные. Уорд предложил ей свою руку.

– Идемте вместе?

– С удовольствием.

Глава 8

Альва присоединилась к скромной компании, собравшейся в этот мартовский день у нее в гостиной, где повсюду стояли вазы с розами – все утро приходили цветы от друзей Консуэло в честь ее восемнадцатилетия. Этот способ высказывать теплые чувства вошел в моду совсем недавно, но уже неплохо отразился на благосостоянии цветочников. Альва радовалась тому, что дети тех, кто отвернулся от нее, не отвернулись от ее дочери.

Светская жизнь сыновей была не менее бурной. Если не считать официального слушания о разводе, их жизнь прочно встала на новые рельсы, и они все прекрасно к этому приспособились.

Гарольд, который вместе с Консуэло и Армидой ждал ее, чтобы покататься на велосипедах, спросил:

– Почему так долго?

– Я переодевалась. – Альва продемонстрировала им свои новые шаровары – замечательное изобретение, которое она впервые увидела на прошлой неделе во время выставки цветов в Медисон-сквер-гарден, где две женщины с велосипедом демонстрировали у своей палатки, как удобен этот забавный наряд.

– Первый раз вижу женщину в брюках.

– Будь уверен, не последний, – улыбнулась Армида. – Я тоже собираюсь себе такие купить. Оглянуться не успеешь, как все дамы начнут подходить к выбору одежды так же разумно, как твоя мама.

– Я никогда такое не надену. Ни за что, – заявила Консуэло.

Альва рассмеялась.

– Ты просто не видела презентации! Если они окажутся настолько идеальными, как расписывали те дамы, я сожгу все наши юбки.

Они спускались по лестнице в холл, когда в дверь позвонили. Альва предвкушала доставку очередного букета, но нет – лакей распахнул дверь, и на пороге возник Уинтроп Резерфорд, которого Альва давненько не видела, с охапкой алых роз.

– Доброго всем дня! Я пришел, чтобы поздравить мисс Вандербильт, – возвестил он. И, взглянув на Консуэло, добавил: – С днем рождения!

Все прочие друзья и воздыхатели ограничились цветами – они знали, что на следующий день семья отправляется во Францию и на празднование дня рождения времени не будет. Интересно, по какой причине Резерфорд решил, что ему позволено большее.

Счастливая Консуэло подошла к двери и приняла розы.

– Спасибо! А мы как раз собирались покататься. – Она махнула рукой в сторону тротуара, где стояли их велосипеды.

– Неужели? Как здорово, что я тоже сегодня на колесах.

Действительно, когда Консуэло передала цветы служанке и все наконец вышли на улицу, Альва увидела слева от двери еще один велосипед. Какое поразительное совпадение!

– Покатаетесь с нами? – спросила Консуэло.

– Это будет для меня огромной честью.

– Мама, вы не против?

Если верить газетам, этой зимой Резерфорд постоянно посещал те же самые вечера, на которых присутствовала Консуэло. Альва не придавала этому особого значения – Консуэло никак не показывала, что все еще находится под влиянием этого человека. Теперь же стало совершенно ясно, что тайный роман развивается полным ходом. Дочь оказалась более скрытной, чем подозревала Альва.

Чтобы собственными глазами увидеть, как далеко зашли их отношения, Альва сказала своему скрытному ребенку:

– Разумеется, не против.

Они покатали через Центральный парк к Риверсайд-драйв. Хотя природа еще не проснулась после зимы, день выдался мягкий и безветренный, в воздухе пахло влажной землей. Альва болтала с Армидой и Гарольдом и наблюдала за парочкой влюбленных, – те понемногу увеличивали расстояние между ними, пока не отъехали достаточно далеко, чтобы их не было слышно. Альва с интересом проследила, как они остановились. Резерфорд, по всей вероятности, просил о чем-то. Консуэло оглянулась на Альву и что-то ему ответила. Она вся светилась от радости.

– Ты же понимаешь, что там сейчас происходит? – спросила Армида.

– Уильям уже разъяснил ему, что Консуэло – не для него.

– Кажется, он плохо слушал.

– Да. И я очень сомневаюсь, что его появление здесь на ее день рождения – чистая случайность.

– Думаешь, он сделал ей предложение?

– А ты взгляни на нее.

– Что ты предпримешь?

– Сейчас? Увезу ее в Европу. И буду следить за почтой.

Консуэло совершенно не умела врать. Хотя Альва ничего у нее не спрашивала о Резерфорде, дочь принялась объяснять, что он всего лишь хотел поговорить с ней об отце («он не хотел делать это при вас, чтобы не расстраивать») и об их общей подруге («она очень страдает – джентльмен, в которого она влюблена, ей отказал»), и о кузене Нейли («он встречается с девушкой, которая не нравится тетушке Элис и дядюшке Корнелю»). Последнее было правдой – все говорили о его увлечении мисс Грэйс Уилсон, девушкой, которая когда-то была влюблена в его брата Билла. По словам Мэйми Фиш, отец с матерью запретили Нейли видеться с Грэйс и пригрозили, что перестанут его содержать и лишат наследства. «Это лишь разозлит его, – говорила Мэйми. – Детям нельзя ничего запрещать – они только возненавидят тебя и будут продолжать делать по-своему».

Насколько радостной была Консуэло в свой день рождения, настолько же подавленной и нервной она стала во время их путешествия через Атлантику в Париж. Альва ничего ей не говорила, чтобы их отношениям не мешали (пока что) ненужные обсуждения или запреты. Дочери всего лишь кажется, что она влюблена.

Это – беспочвенная и бессмысленная любовь, любовь, вызванная лестью и вниманием со стороны человека, который умел казаться искренним, но в итоге принес бы ей только вред. Эта любовь пройдет – и Альва об этом позаботится.

Европейским джентльменам, которые интересовались Консуэло, не было никакого дела до развода ее отца – разумеется, до той поры, пока он оставался владельцем десятков миллионов американских долларов. Поэтому нынешняя весна Консуэло, как и прошлая, была заполнена походами по магазинам, вечерами в салонах, зваными ужинами, балами и предложениями о замужестве, которые порой поступали даже от самых скучных и предвзятых мужчин. Альва

объясняла дочери, в чем заинтересован каждый из них, пока однажды уже сильно разочаровавшаяся в кандидатах Консуэло не воскликнула:

– Мне кажется, я для них всего лишь чистокровная кобылица!

– Для некоторых – нет.

Консуэла не знала, почему «Уинти» до сих пор не удосужился ответить на ее письма. Не появлялся он и на тех вечерах, где она ожидала его увидеть. Дочь ничего не говорила об этом, однако с головой выдавала себя своим поведением. Резерфорд не получал письма Консуэло по одной простой причине – их перехватывали. Она не получала от него вестей по той же самой причине. А не встречались они потому, что Альва уведомила хозяек главных домов Парижа – мероприятия, на которые приглашен мистер Резерфорд, мисс Вандербильт посетить не сможет.

Альва уже забеспокоилась, станет ли герцог Мальборо исключением из череды безразличных к делу о разводе европейских кавалеров – а точнее, титулованных джентльменов, нуждающихся в материальной поддержке, когда получила от него записку:

«Весной я был в разъездах, но теперь надеюсь увидеть мисс Вандербильт в Бленхейме».

Альва передала записку Консуэло на прогулке в Люксембургском саду. Погода стояла ясная, пышная листва покрывала деревья, в их кронах гонялись друг за другом певчие птички. Свежий ветерок рябил поверхность пруда. Считалось, что призрак Марии Медичи благоволит молодым влюбленным, которые приходят в парк. Альва надеялась, что это благоволение распространяется и на тех, кого должно соединить, а потому, даже если до парка добирается лишь один из предполагаемой пары, все просто обязано получиться.

– Но мне не очень хочется ехать, – запротестовала Консуэло. – В прошлом году он общался со мной только из уважения. Мне показалось, дальше дружбы дело не пойдет.

– Разве его приглашение не говорит об обратном?

– Не понимаю.

– Он хочет произвести на тебя впечатление. Остальные просто приходят и говорят: «Я хочу жениться на вашей дочери, прошу вашего

согласия». А герцог не тешит себя мыслью, что ты в нем не заинтересована, и поэтому пытается тебя завоевать.

– Он сам говорил об этом?

– Об этом говорит логика.

– Логика также говорит, что ему нужны деньги, поскольку его мачеха перестала выдавать средства на поместье.

– Ты еще в таком нежном возрасте, а уже столько цинизма.

– Разве я не права?

– Замку действительно не помешают деньги Вандербильтов. Но почему он в таком случае не начал искать расположения Гертруды, а выбрал тебя? Ее отец богаче, и их семья не замешана в скандалах.

Консуэло задумалась.

Альва продолжила:

– Кроме того, есть множество наследниц с фамилиями менее звучными, чем твоя, отцы которых с радостью приобретут за свои миллионы титул для дочери. Будь герцог к тебе действительно безразличен, он мог бы легко найти себе такую жену.

– Наверное, вы правы.

– И даже если ему не удастся тебя завоевать, – разве ты не хочешь увидеть Бленхейм? Это же историческое место! Рядом с ним меркнет даже Оксфордшир.

– Если вам так хочется, я не против съездить.

– А что же еще нам делать летом? – произнесла Альва беззаботно. – Английские пейзажи ничуть не хуже других.

Каждого, кто видел Бленхейм впервые, потрясали его невероятные размеры и великолепие дворца. Он напоминал Версаль, но без позолоты.

Консуэло при виде замка только и смогла вымолвить:

– О боже....

Альва, которая ехала вместе с ней в повозке, спросила:

– Представляешь себя его хозяйкой? Лично я представляю.

– Я и подумать не могла...

– А он обязательно на ком-нибудь да женится.

В мощенном камнем парадном дворе их встретил герцог.

– Предпочитаете отдохнуть после дороги или сперва осмотреть дворец?

– Дворец, – сказала Консуэло.

Он предложил ей руку:

– Тогда позвольте мне быть вашим проводником.

Альва чуть замешкалась, чтобы следовать за ними на небольшом отдалении. Герцог немного уступал Консуэло в росте, но выглядел безупречно. От идеально причесанных волос до жакета, брюк без единой складочки и новых туфель, он являл собой воплощение «утонченного сквайра в домашней обстановке».

– Итак, для начала общие сведения: в тысяча семьсот четвертом году первый герцог Мальборо, Джон Черчилль, разбил французов в сражении при местечке Бленим. В награду королева Анна пожаловала ему земли, внушительную сумму денег и разрешение на постройку дворца. Как вы можете заметить, он принял ее волеизъявление слишком близко к сердцу. Не могу не добавить, что это единственный в Англии дворец, который не принадлежит короне.

– Вы имеете полное право им гордиться, – заметила Консуэло.

Герцог провел гостей внутрь.

– Также, как вы наверняка уже поняли, мой отец оказался не самым безупречным хозяином – окна необходимо застеклить, крыша течет. – Он указал на пятно на потолке в зале, где они стояли. – Мне бы хотелось вернуть дворцу прежнее величие. Я слышал о пышности ваших домов, поэтому уверен – вы знаете, как приятно, когда за прекрасными вещами ведется должный уход.

– Это правда, – ответила ему Консуэло. – Моя мать сама почти архитектор.

– Да, – подтвердила Альва. – Мы относимся к подобным вещам довольно серьезно.

Герцог улыбнулся:

– Вот и отлично.

Они провели целый день, осматривая дворец и сады. Герцог Мальборо был обходительным гидом, Консуэло – жадным до нового туристом. И хотя Альве сложившиеся между молодыми людьми отношения показались не более чем дружескими, когда Мальборо упомянул, что летом собирается посетить Соединенные Штаты и был бы рад возможности погостить у них в Мраморном доме, Альва подумала – дружбы может быть вполне достаточно. А вот что думала об этом ее дочь – другой вопрос.

Замок Кимболтон, 18 марта 1895 года

Моя милая Альва!

Прошлым летом, узнав, что ты в Лондоне, я была ужасно расстроена тем, как сильно тебя обидела и чем все обернулось, поэтому решила не докучать тебе своим присутствием и держаться поодаль. Ты имела полное право игнорировать меня, не отвечать на мое признание и избегать встречи со мной. Но сейчас я услышала, что ты снова посетила наши края, и надеюсь, что это письмо найдет тебя скоро и в добром здравии.

В прошлом году я не говорила друзьям, что Мэй больна. Мне казалось, нет нужды кого-то беспокоить – еще меньше мне хотелось напрашиваться на жалость. Мне, женщине, что так бессовестно предала тебя и поставила под удар. Я молчала в надежде, что мои подозрения о чахотке ошибочны. Мэй и вправду стало лучше, она, конечно, была еще слаба, но, кажется, начала поправляться.

Четыре дня назад мои надежды рухнули. Во время поездки в Рим моя милая, прекрасная девочка потеряла сознание и не очнулась. Альва, ее больше нет.

Не знаю, кто переживает это тяжелее – я или ее сестра. Ведь они с Элис близнецы, и, несмотря на то, что жили в двух телах, всегда казалось, что сердце у них одно. Правда, Элис приходится переживать только утрату, я же помимо этого чувствую ужасающую вину за то, что не смогла защитить Мэй или вылечить ее. Я не смогла стать той матерью, которую она заслуживала.

Я ничего не чувствую от ужаса, не могу спать, не хочу видеть никого, кроме моей Элис, которая после возвращения домой все время лежит в кровати. И вот я читаю о том, что ты добилась развода на собственных условиях. Лондонские газеты пишут об этом во всех подробностях. Конечно, они превратили тебя в настоящего демона – ведь твой пример опасен. Если дамы смогут при разводе получать не только опеку над детьми, но и миллионы

долларов, от этого общества вскоре останутся лишь руины.

А я думаю – ну и пусть. Ты восстанешь из пепла, как феникс. Надеюсь, однажды у меня это тоже получится.

Завтра здесь, в Кимболтоне, мы похороним леди Мэй. Я бодрствую, дышу и ем только ради моей оставшейся дочери. Храни ее – и тебя, и твоих детей – Господь.

Твоя

Консуэло

Альва читала письмо, зажав рот ладонью.

Как ужасно! И несправедливо.

Матери не должны переживать своих детей.

Вся в слезах, она сходила за бумагой и пером, села и написала:

Консуэло, мы были в отъезде, поэтому прости мне запоздалый ответ. Твое письмо доставили в отель, когда мы уже покинули Лондон...

Мне, наверное, никогда не было так тяжело, как сейчас. Хотя я решила вычеркнуть тебя из своей жизни и не удаивать твое признание ответом, я не могу не ответить на это письмо. Мне ужасно, ужасно жаль тебя и Элис. Я сожалею о страданиях, которые перенесла Мэй.

Все это время я хотела, но не могла спросить – почему ты вводила меня в заблуждение и притворялась моим верным другом. И если ты до сих пор считаешь меня другом, как ты могла лгать мне и предавать снова и снова? Если ты презирала меня настолько, чтобы пользоваться мной, то притворяться в дружбе (хотя ты заявляешь, что она всегда была настоящей)...

Альва перестала писать и отложила ручку. Сейчас не время обсуждать эту проблему – тем более она и не смогла бы собраться для этого с мыслями. Она взяла новый лист и начала заново. И вновь у нее не получилось высказать соболезнования без того, чтобы затем перейти к извинениям за то, что не писала раньше и к своей обиде.

Словно, открыв сердце, чтобы проявить сочувствие, она не могла обуздать другие его порывы.

Однако письмо не могло остаться без ответа. Наконец Альва взяла еще один лист и написала:

Нью-Йорк, 28 июня 1895 года

Герцогиня Консуэло Монтагю и мисс Элис Монтагю, мы с детьми выражаем свои самые искренние соболезнования в связи с уходом из жизни леди Мэй. Наши сердца с вами. Упокой Господи ее душу.

Миссис Альва Вандербильт, Консуэло Вандербильт, Вилли Вандербильт и Гарольд Вандербильт

Глава 9

– Мы прекрасно провели время в компании герцога, – сообщила Альве Люси Джей, вернувшись на лето в Ньюпорт.

Они встретились на балу, который давало одно из новоявленных семейств, только недавно попавших в высшее общество, поэтому присутствие там Альвы было для них куда важнее ее развода. Для людей этого ранга Вандербильты оставались Вандербильтами, и все, что им было нужно, – заполучить любого из них и потом этим хвастать. Наверное, они делали это по подсказке Уорда. Альва же была не прочь уделить внимание хорошим людям – особенно, если они не боялись осуждения со стороны Элис. Той самой Элис, чей заново отстроенный дом неизменно становился главной темой любой беседы.

Элис наслаждалась вниманием публики, несмотря на то, что Ричард Хант, которого они совершенно извели этим домом, лежал в постели, истощенный и обессиленный. Посетителей он не принимал. Его жена Кэтрин Хант сказала Альве, что конец уже близок.

– Он просил меня передать вам, как он благодарен. Не только за дело, но и за дружбу.

Альва проговорила сквозь слезы:

– Я была не самым простым заказчиком...

– Намного проще остальных. – Она улыбнулась. – Он вас любит и восхищается вами.

– А я – им. Передадите ему?

Альва вытерла слезы и покинула дом Хантов, отказываясь верить, что больше не увидит Ричарда живым.

А сейчас она сидела и наблюдала за тем, как в переполненной столовой, превращенной в бальный зал, Консуэло танцует с одним из сыновей хозяйки – высоким молодым человеком, который изучал право, неплохо играл в поло и был другом Гарри Уитни, нового жениха Гертруды. Он собирался посвятить свою жизнь защите бедных и угнетенных, а также был совершенно очарован Консуэло. Если ничего не выйдет с герцогом Мальборо, он может оказаться неплохим кандидатом.

– Бленхейм просто великолепен. – Альва продолжила свой разговор с Люси Джей. – Даже лучше, чем Брейкерс. Хотя, конечно, во дворец нужно вложить деньги, и как можно скорее.

– А Консуэло там понравилось?

– Да, конечно. Хотя потом ее энтузиазм поутих.

– Позвольте мне угадать – дело в мистере Резерфорде?

– Она ужасно упряма, – подтвердила Альва, взяла предложенный официантом бокал вина и прошла к окну, подышать свежим воздухом. – И все-таки дворец ей понравился, это очевидно. Там такое ощущение, будто перед твоими глазами разворачивается история Англии. Гробницы герцогов. Военные трофеи в комнатах. Южный портик венчает огромный бюст Людовика XIV – совсем как головы, которые когда-то надевали на колья.

– А когда герцог приедет сюда?

– Говорил, что в конце августа.

– Он сделает ей предложение?

– Мне бы очень хотелось это знать!

– Как думаете, она сама этого ждет?

– Мне кажется, она ожидала получить предложение, еще находясь там, а когда оно не поступило, была удивлена и расстроена. Она бы его не приняла, поскольку верна своему дорогому мистеру Резерфорду. Но ей было бы лестно.

– А кому не было бы?

– Действительно, – произнесла Альва, мысли которой на мгновение обратились к мужчине, о лестных словах которого она всегда мечтала.

Оливер снова был в разъездах – шла кампания по выборам президента, и он поддерживал Уильяма Дженнингса Брайана, выходца из Небраски, с которым и покорял сейчас Средний Запад. Открытки от Оливера приходили из городов, о существовании которых Альва и не подозревала, – Оцеола, Барабу, поселение Милан на Рок-Ривер, название которого следовало произносить как «Майлан», чтобы не путать с одноименным итальянским городом. Хотя, как писал сам Оливер:

«Тот, кто видел оба города, ни за что их не перепутает! А люди здесь хорошие. По большей части

фермеры, которые мирно сосуществуют с индейцами сауки. Брайан отлично ладит с коренным населением. До сих пор у нас не возникало никаких проблем. Вкуснее местных кукурузы и говядины я никогда не пробовал. Но, конечно, я скучаю по вашей компании. Надеюсь, у вас все в порядке. Пишите мне в Чикаго до востребования».

– Консуэло не подозревает, что вы препятствуете их встречам? – спросила Люси.

– Не имеет ни малейшего понятия. Я надеялась, что она потеряет терпение еще во время нашей поездки за границу, а потом герцог сделает ей предложение, и она его примет – в том числе, от злости. Я даже позволила себе заказать свадебное платье. Но все вышло иначе. Тем не менее я не вижу в этом ничего страшного. Она должна выйти замуж, только когда ясно оценит положение дел – и не ошибется в своей оценке.

С этими словами Альва обернулась, чтобы посмотреть на танцующих, и увидела, что Консуэло танцует... с Уинтропом Резерфордом.

– Вы знали, что он здесь будет? – удивилась Люси.

– Меня уверяли в обратном.

Ликование на лице дочери на мгновение ввело Альву в ступор, однако она быстро опомнилась, решительно прошла к паре, взяла Консуэло за руку и оттащила от Резерфорда, бросив ему: «Не вздумайте следовать за нами».

– Отпустите меня, – потребовала Консуэло, но Альва молча вывела ее в холл, подозвала лакея, стоявшего у двери, и приказала:

– Подайте мою коляску.

– Это несправедливо! – воскликнула Консуэло и попыталась вернуться в бальный зал, но Альва не выпускала ее руку.

– Этот мужчина тебя погубит.

– Это неправда. Он любит меня.

Альва вывела дочь на улицу.

– Конечно, любит. А еще он любит своих лошадей и кентуккийский бурбон, а также возможность хвастаться своей победой во всех клубах, членом которых он станет, заманив в свои сети наследницу Вандербильтов.

– Отчего же он тогда не выбрал Гертруду?

Альва потащила дочь к подъехавшей коляске. Консуэло забралась внутрь, Альва вслед за ней. Кучер молча закрыл дверцу.

Во время непродолжительной поездки в Мраморный дом они не проронили ни слова. Выйдя из коляски, Альва скомандовала:

– Наверх.

Когда Альва закрыла за ними дверь своей спальни, Консуэло заявила:

– Ваши усилия бесполезны. Я буду его женой. Мы помолвлены уже несколько месяцев.

– Считайте, что помолвка расторгнута.

Консуэло метнула в нее яростный взгляд.

– Почему вы стараетесь разрушить мою жизнь?

– Я? Вообще-то ее разрушит Резерфорд, если я не остановлю тебя или его.

– Он сказал, что был и в Париже, и в Лондоне. Он пытался увидеться со мной. Он не получил ни одного из моих писем. Как вы можете быть такой жестокой?

– Если бы не я, он бы уже тайно с тобой обручился.

– Я уже взрослая и могу сама выбрать себе мужа.

– Неужели тебе хочется превратиться в хорошенькую чековую книжку для человека, которому на тебя плевать?

– Вы его не знаете! Он любит меня!

– Долгие годы, которые ты провела, свернувшись на диванчике с книжками, полными поэзии, философии или истории, я слушала о его похождениях. Он, не скрываясь, искал внимания исключительно состоятельных юных леди до тех пор, пока не получал отказ от их отцов – между делом он также состоял в отношениях с замужними дамами, для которых был чем-то вроде любимой зверушки. Консуэло, никто не воспринимает его всерьез, оттого он до сих пор не женился. Поэтому преследует тебя – ты настолько наивна, что ему уже почти что удалось воплотить свой план.

– Он предупреждал, что вы будете говорить подобное! Мне все равно – это всего лишь сплетни.

– Господи, неужели ты действительно ничего не понимаешь?

– Он сказал, что вы мне завидуете, потому что вас никто никогда не любил. Поэтому вы не дадите нам встречаться. Вы не уважаете меня,

не верите, что я могу принимать самостоятельные решения.

– Человек, за которого тебе якобы хочется выйти замуж, сделает тебя несчастной. Я не могу этого допустить.

– Тетя Элис не говорила Гертруде, за кого выходить.

– Правильно, но Корнелю говорит. Гертруда, в отличие от вас, слишком умна, чтобы выбрать жениха, который не понравится родителям.

– Вы оскорбляете меня на каждом шагу! – расплакалась Консуэло.

– Ты путаешь оскорбление с констатацией фактов, – произнесла Альва, стараясь не выходить из себя.

– Вы считаете, что я не имею права жить так, как мне хочется?

– Если ты тайком выйдешь за этого человека, я лично возьму ружье, выслежу его и пристрелю. Я не шучу. Если ты не в состоянии избавиться от него самостоятельно, я решу этот вопрос раз и навсегда!

Консуэло в ужасе развернулась и вышла из комнаты.

Дрожащими пальцами Альва нажала на кнопку, чтобы вызвать дворецкого. Когда он пришел, она проинструктировала его:

– Моя дочь не должна покидать дом без сопровождения мисс Харпер. Также все письма, которые она отправляет, и все посетители, которые приходят к ней, должны получать мое одобрение.

– Да, мэм.

Когда он покинул комнату, Альва подошла к окну. Ей было жарко, грудь сдавило. Она едва успела понять, что происходит, как ее вырвало в вазу. Согнувшись пополам и задыхаясь, она поборола новую волну тошноты и добралась до звонка горничной. Та застала хозяйку скорчившейся у подоконника. Теперь Альве было страшно, кожу покрыл холодный пот. На «Вэлианте» когда-то произошло то же самое. Возможно, с ней что-то не так.

– Прошу прощения, – махнула Альва в сторону вазы. – Вызовите, пожалуйста, доктора и пошлите за миссис Джей.

– Я умираю? – спросила она доктора после осмотра. Люси Джей стояла рядом, и на ее лице был написан тот же страх, что мучил и Альву. – У моего отца были проблемы с сердцем. Он с ними не справился.

Если не сказать больше.

– Ваше сердце и нервная система перенесли серьезное потрясение. Но если вы позволите себе отдохнуть и будете избегать

дальнейших расстройств, то обязательно поправитесь.

Доктор достал из чемодана флакончик лауданума, объяснил Альве, как его принимать, и ушел, сказав, что проведает ее завтра.

– Какое облегчение, – проговорила Люси, проводив его.

– Да. Если он не ошибся.

– Конечно, не ошибся. Вы уже выглядите гораздо лучше.

– Не говорите об этом моей дочери.

– Не говорить? Но она же волнуется.

– Пусть поволнуется еще немножко.

Приняв лекарство и отдохнув несколько часов, Альва снова почувствовала себя собой. Грудь больше не давило, тошнота прошла. Тем не менее она уединилась в своей комнате, оставив шторы задернутыми. Люси распорядилась, чтобы домочадцы вели себя потише. Теперь оставалось только дожидаться, что решит Консуэло.

На следующий день, спустя полчаса после непродолжительного визита Консуэло в сумрачную спальню Альвы, Люси доложила:

– Она спросила меня, есть ли шанс, что вы измените свое решение. Я сказала, что нет.

– Хорошо.

– Еще я сказала: «Если вашу матушку что-нибудь расстроит так же сильно еще раз, удар может оказаться смертельным. Не думаю, что вам хотелось бы принять на душу такой грех».

– Это серьезное заявление. – Альва от всей души понадеялась, что оно также является и серьезным преувеличением.

– Серьезное, но чего не сделаешь ради общего блага. И оно уже возымело свое действие!

– Да? Что же произошло?

– Она попросила меня сообщить мистеру Резерфорду, что не выйдет за него.

– Ах, какие прекрасные новости! – обрадовалась Альва. – Вы уже написали ему? – Люси кивнула. – Надеюсь, она все же руководствовалась моими доводами, а не угрозой. И все-таки я рада, что все получилось.

Герцог Мальборо прибыл в Ньюпорт поздно вечером в последнюю субботу месяца. Вместе со скромной свитой и объемным багажом он был доставлен в Мраморный дом прежде, чем публике

удалось его увидеть. Общественное любопытство было удовлетворено лишь на следующее утро, когда вместе с Альвой, Консуэло, Вилли и Гарольдом герцог посетил Троицкую церковь.

В торжественной обстановке, которая сдерживала реакцию публики, Альва воспользовалась возможностью сказать Мэйми Фиш голосом, достаточно громким, чтобы его услышало ближайшее окружение:

– Сегодня с трех часов двери Мраморного дома будут открыты – герцогу не терпится познакомиться с жителями Ньюпорта.

– Да, это правда, – подтвердил герцог. – Очаровательное место.

В три часа пять минут в дом уже набилось столько гостей, что лакеям Альвы и полиции Ньюпорта пришлось удерживать оставшуюся толпу на пороге.

В такие дни Альве больше всего не хватало Уорда Макаллистера.

В конце января тот ужинал в клубе «Юнион». Подойдя в очередной раз к его столику, официант обнаружил, что клиент мертв. Перед ним стояли ребрышки, зажаренные с картофелем, горошком и трюфелями, и бокал красного вина, которое Уорд принес с собой. Похоже было, что он просто перестал дышать... Далеко не худшая из смертей, и многие потом говорили, что он и сам одобрил бы такой способ уйти из жизни.

В прошлом, когда Альве требовалось проработать затейливый план действий, они собирались с Уордом у него или в гостиной ее дома на Пятой авеню и обсуждали все шаги, пока дети играли или спали наверху. С ним обо всем можно было говорить запросто и без обиняков. Она всегда могла поделиться своим беспокойством, не боясь показаться эгоистичной или жадной. Он был ее другом.

Послужили тому причиной поздний час, напряжение, которое она испытывала в течение дня, а может быть, алкоголь или принятый лауданум, но Альве почти удалось убедить себя, что Уорд сидит рядом с ней на диванчике, положив открытый блокнот на столик и по своему обыкновению зажав карандаш на весу между кончиками пальцев...

«А теперь давайте определим цель нашей кампании», – сказал бы он.

«Я хочу увидеть, как моя дочь окончательно порвет с мистером Резерфордом и будет помолвлена с герцогом Мальборо».

«А разве Резерфорд до сих пор представляет какую-то угрозу?»

«Присматривать за дочерью я пока не перестану, это наверняка».

Тогда Уорд скажет: «Что ж, очень хорошо. Вы собираетесь дать бал, и герцог будет на нем почетным гостем, так?»

«Да, мне бы хотелось организовать что-то похожее на тот бал, где почетной гостьей была герцогиня Манчестерская».

Он услышит горечь в ее голосе и скажет: «Милая моя, пора вам уже избавиться от этого бремени! Ни к чему так себя мучить. Это не приносит вам никакой пользы».

«Я поступаю так не ради своей пользы».

«Да, я это прекрасно вижу».

«И я пригласила вас не для того, чтобы выслушивать лекции о всепрощении».

«Я еще и не начинал читать лекцию! И не собираюсь, – добавит он, увидев, что она и без того еле держит себя в руках. – Расскажите мне о бале».

Альва расскажет обо всех приготовлениях, которые ведутся в Мраморном доме, о развлечениях, которые заказала, о блюдах, которые будут поданы, о списке гостей, который она подготовила, включив в него даже тех, кто до сих пор отказывался принимать у себе разведенную женщину – она надеялась, что их желание оказаться в числе счастливиц, получивших возможность поговорить или потанцевать с герцогом, победит негласно принятый обычай предавать ее остракизму. А потом они оправдают свой визит тем, что, будучи истинными христианами, простили Альве ее прегрешения. Такой ход событий ей нравился.

Исключение Альва сделала только для Вандербильтов – они приняли сторону Уильяма, поэтому их она простить не могла. На сердце от этого было тяжело, но ничего не поделаешь – иногда жизнь тяжела.

«Я пригласила Оливера Белмонта, он будет принимать гостей вместе со мной...»

«Вот как».

«Что это значит?»

«Его вы в повестке дня не упоминали».

«Оливер не входит в мою повестку дня».

«Отчего же? Вы прилагаете столько сил, чтобы герцог заинтересовался девушкой, мать которой стала чуть ли не персоной нон-грата в высшем обществе. Вы делаете все возможное, чтобы вновь занять в этом обществе достойное место. Но вы не делаете ничего ради собственного счастья?»

«Я буду счастлива, когда первые два условия будут выполнены».

«Пфф. Положение в обществе еще никому не приносило счастья – а вам и подавно не принесет. У вас в одном мизинце больше ума, чем эти недалекие дамочки могут себе вообразить».

(Это было бы весьма лестным замечанием с его стороны.)

«Но и первый попавшийся мужчина тоже не сможет сделать меня счастливой».

Тут бы Уорд сардонически улыбнулся: «Ну что вы такое говорите. Оливер Хазард Перри Белмонт – не «первый попавшийся мужчина».

«Это не важно. Он всего лишь мой близкий друг».

«Так, что-то я увлеклась», – опомнилась Альва, закончила этот мысленный диалог и вызвала камеристку. Ей следовало отдохнуть. Завтра, послезавтра и последующие дни будут заняты мероприятиями, которые она организовала, чтобы развлечь, впечатлить и вдохновить герцога, а также предоставить своей дочери возможность провести с ним время.

Следуя справочнику Уорда, Альва договорилась с прессой, чтобы каждое событие получало широчайшую огласку. Герцог женится на Консуэло, даже если Альве придется пожертвовать ради этого собственной жизнью.

На бал явились все приглашенные.

Погожим сентябрьским днем, когда Альва решила посидеть в тишине в залитом солнцем алькове, герцог позвал Консуэло в Готический зал. Десять минут спустя Консуэло прибежала к матери.

– Герцог попросил моей руки, – сказала она, пытаясь отдышаться.

«Слава тебе, Господи», – подумала Альва и спросила:

– Это то, чего ты хотела?

– Да, – мрачно кивнула Консуэло.

– Ты влюблена в него?

Дочь отрицательно покачала головой:

– Нет. Нет, я не чувствую себя влюбленной.

– И к лучшему – иначе это была бы слепая страсть. Настоящая любовь придет позже.

Если вообще придет.

Однако ни мать, ни дочь не произнесли этого вслух.

– Но мне нравится проводить с ним время. Он такой интеллигентный, и, похоже, я ему по-настоящему нравлюсь.

– Я тоже это заметила.

– Уверена, мне понравится быть хозяйкой Бленхейма. И я хочу помогать тем, кто живет в Оксфордшире. Это занятие кажется мне подходящим.

– Тогда... отправим твоему отцу телеграмму и потом сделаем официальное заявление?

Консуэло кивнула, Альва встала и обняла ее:

– Поздравляю, моя милая девочка. Конечно, это само собой разумеется, но я одобряю твой выбор и очень тобой горжусь.

На протяжении шестидесяти дней, последовавших за предложением, Альва приложила все свои силы, дабы подготовить свадьбу как можно скорее. Внутренне она молилась, чтобы ни герцог, ни дочь не изменили своего решения. Причин для этого, конечно, не имелось. Однако, как жизнь научила Альву, для беды причина не нужна.

В прессе о свадьбе писали не меньше, чем о кампании по назначенным на следующую осень выборам президента. Большинство журналистов восхищались зарождающимся между наследницей и герцогом романом, но были и те, кто обвинял Альву в том, что она не позволила дочери выйти за человека, которого та любила по-настоящему, и силой заставила выбрать герцога. Возможно, это была месть Резерфорда.

Из-за этого Альве приходили письма следующего содержания:

«Миссис Вандербильт, сначала вы испортили жизнь хорошему человеку, решив с ним развестись, а теперь решили испортить жизнь всей Америке, продав свою дочь иностранцу. Состояние Вандербильтов принадлежит экономике нашей страны. Если все эти герцоги, графы и

тому подобные – столь важные особы, пусть британцы содержат их на собственные деньги».

И такого:

«Мисс Вандербильт, я прочитал в газете о том, как ваша жестокая мать заставляет вас выйти замуж за герцога-коротышку. Я выше его, красив и давно в вас заочно влюблен. Только скажите, и я избавлю вас от этой страшной и печальной судьбы».

А также такого:

«Таких, как вы, нужно душить».

Альва усилила охрану дома и отправила миссис Жозефине Реддинг, главному редактору «Вог», приглашение на чай. При встрече она сказала:

– Как вы, наверное, знаете, моя дочь выходит замуж за девятого герцога Мальборо. В связи с предстоящей свадьбой некоторые журналисты пишут совершенно невообразимые вещи. Я буду вам очень благодарна, если вы сможете правильно осветить события. Взамен вы можете написать в своем журнале о ее свадебном гардеробе.

Альва проделала то же самое и с другими редакторами, предлагая одним уникальные подробности грядущего события, другим – приглашения на свадьбу, в зависимости от того, чего требовали их возможности, желания или читатели. Всех устраивала такая сделка. Наследница Вандербильтов! Самый завидный из герцогов Англии! Они с жадностью бросились описывать все, что узнавали, – от пряжек на туфлях до лент на чепцах.

Альву все это ужасно утомило.

«Чего бы это ни стоило».

Между тем ей предстояло также подготовить дочь к тому, с чем девушке придется столкнуться в первую брачную ночь – и ночи, последующие за ней. В разговоре, который состоялся в комнате Консуэло за вином и тортом, Альва не стала прибегать к помощи слов «колышек» и «доска». Она надеялась, что для Консуэло этот

необходимый акт, возможно, окажется не таким отвратительным, как для нее. Поэтому она со всей беспристрастностью описала Консуэло все, что ей нужно будет предпринять, когда юный герцог придет к ней, чтобы совершить «действия полового характера, которых не нужно бояться. Это естественный и необходимый акт».

Приблизительно описав прелюдию, Альва добавила:

– Тебе будет стыдно, и это совершенно нормально. Он, скорее всего, тоже будет смущен, хотя изо всех сил постарается этого не показывать. Всем мужчинам объясняют, как именно все делается, поэтому просто доверься ему. Его... выпрямленный орган сделан так, чтобы уместиться между твоих ног, там, где находится отверстие...

Глаза Консуэло еще никогда не открывались шире.

Альва рассмеялась:

– Да, понимаю, звучит совершенно нелепо. Но не я это придумала. Так вот, он должен попасть внутрь, и... – (Господи, это оказалось гораздо сложнее, чем она думала.) – Спустя некоторое время после... этого, он задрожит, и все закончится. Когда он задрожит, из него исторгнется жидкость, необходимая, чтобы ты зачала от него ребенка. Ну что, все понятно? Посмотри только, что за торт! Боже – с шоколадным кремом! Кухарка сегодня постаралась на славу, да?

– Звучит просто ужасно! – ответила Консуэло.

Альва понимала, что она имеет в виду вовсе не торт.

– Как и кровяной пудинг, который ты тем не менее просто обожаешь. Не волнуйся. – Она долила вина в бокалы. – После первого раза это уже не будет иметь для тебя большого значения – просто одна из рутинных необходимостей.

В течение подготовительного периода герцог решил поискать развлечений на коневодческих фермах в окрестностях и в Кентукки. Оливер, который после работы с Брайаном и сам был намерен заняться государственной службой, отложил свои дела, чтобы сопровождать его. «Вам необходим тот, кто позаботится о ваших интересах, – заявил Оливер Альве. – На роль компаньона я, конечно, не претендую. Скажем, что я его посол. Он малый с большим самомнением, ему это понравится».

Впрочем, Америка оказалась не готова к этому «малому с большим самомнением», который иногда вел себя совершенно очаровательно, иногда – невыносимо надменно, а иногда – и так и так

одновременно. Он не был высоким, сильным, лощеным атлетом, какими обычно оказывались герои Америки. Не увлекался ни одним видом спорта, кроме езды на велосипеде (хотя верхом держался не хуже других) – словом, совершенно не походил на члена какого-нибудь клуба, хотя ни один клуб не отказался бы сделать его своим членом, появившись у герцога такое желание.

Репортеры со страстью описывали все перемещения герцога, а его представитель остался в Нью-Йорке, чтобы обсудить с Уильямом условия предстоящего брака. Сам Мальборо вернулся в Нью-Йорк в начале ноября. В ближайшем будущем его ожидали два миллиона долларов, с помощью которых он сможет восстановить фамильный дворец, а также ежеквартальное содержание в сумме двадцать пять тысяч долларов – столько же будущий тесть назначил для невесты. Все шло хорошо. Все действительно шло хорошо.

Утром шестого ноября скамьи церкви Святого Томаса заполнили гости, и, хотя им пришлось потесниться, все были безумно горды оказаться в числе приглашенных, особенно зная о том, что на улице собралась толпа из пяти тысяч менее удачливых, но не менее жадных до зрелища людей. Полицейские ограждения сдерживали самых активных из них – в основном размахивающих платочками юных девушек, которым этим утром хотелось лишь одного – хотя бы мельком увидеть ангельское личико невесты.

Заканчивая последние приготовления в церкви, Альва окинула все оценивающим взглядом. Герцог, епископы, цветы. Органист и хор. Семейство Астор. Не хватало только невесты и ее отца, которому было поручено доставить дочь в церковь.

Назначенный час пробил. Невеста не появилась.

Прошло три минуты.

Пять минут.

Гости начали переговариваться. Альва прошла к своему месту. Консуэло и Уильям вот-вот появятся. Обязательно появятся. Она села в первом ряду рядом с сестрами. Жених встал у ступеней алтаря. С серьезным выражением он взглянул на епископа. Тот ободряюще ему улыбнулся.

– Надо было мне остаться с ней, пока не приехал Уильям, – сказала Альва сестрам.

Но кто бы тогда проследил за тем, чтобы все было готово в церкви. На таком важном событии нельзя действовать наудачу.

– Не волнуйся, они сейчас приедут, – попыталась успокоить сестру Армида.

– Да, вероятно, лошадь захромала.

А может, Консуэло занервничала и задержалась у ворот. Или же, дождавшись, пока мать уедет в церковь, сбежала с Резерфордом, проучившим Альву, которая строила свои планы, когда сердце дочери принадлежало ему и только ему. А Уильям отправился за ними вдогонку и не успел оповестить ее об этом.

Органист продолжал играть. Прошло еще пять минут. Гомон толпы становился громче.

Альва привстала со словами «я, наверно, пойду...» и вдруг увидела, как герцог и епископ Литлджон приняли торжественные позы. За дверями церкви слышался радостный гул.

Через миг двери распахнулись. Заиграл «Свадебный марш» из «Лоэнгрина», и в проходе появились подружки невесты – четыре девушки проследовали в левую часть алтаря, четыре – в правую, в точности как на репетиции. Хор из пятидесяти голосов вознес хвалу Богу, и вслед за подружками показались сама невеста в платье с вуалью и ее серьезный отец – оба были на месте.

Альва едва не разрыдалась.

Всю долгую церемонию из ее глаз катились слезы. Когда молодых объявили мужем и женой, слезы превратились в бурный поток.

Она сделала это.

Все получилось.

Ее дочь навсегда защищена от охочих до богатых наследниц ловеласов, от сожалений о том, как ее подругам достается лучшая доля. Чередой моментов Консуэло Вандербильт словами человека, которого она, вероятно, никогда больше не увидит, была превращена в живую историю.

Остаток утра прошел для Альвы как в тумане. Конечно, она вышла из церкви, села в коляску, проехала по улицам города и добралась до своего дома, где гостям был подан свадебный завтрак, принимала поздравления, разговаривала, смеялась, ела. Но все эти события подернулись пеленой. Как неожиданно новобрачным пришла пора уезжать. И вот уже осыпаемые рисом герцог и новоиспеченная

герцогиня покинули дом, чтобы отправиться в свадебное путешествие по Италии и Египту.

Альва наблюдала за ними в окно. Консуэло помахала ей. Альва помахала в ответ. Возможно, в этот момент они подумали об одном и том же: «Господи, что я наделала?»

Глава 10

Холодным днем незадолго до Рождества Оливер удивил Альву, появившись на веранде Мраморного дома, где она стояла, подставив лицо солнцу.

Последний раз он писал ей из Цинциннати, где вместе с Брайаном участвовал в заседаниях, а также «посетил слона Гарольда» – когда ввиду прегрешений Уильяма партнерство «Грей Крэг» прекратило существование, Оливер передал большинство животных в зоопарк Цинциннати.

Конечно, Альве хотелось, чтобы он остался с ней после свадьбы, но и злиться на него из-за отъезда она не могла. Альва им даже гордилась – ведь он с легкостью мог поступить как большинство подобных ему мужчин – использовать все свои средства для собственного развлечения (как, например, Уильям К. Вандербильт). Мог завести себе молоденькую жену. Почему Оливер до сих пор не женился? Предположения у Альвы были разные – возможно, уход Салли оказал на него непоправимое воздействие, а возможно, он был тайно влюблен в светскую львицу со странным именем. Альва прекрасно осознавала, что ее роль в жизни Оливера Белмонта обсуждается в обществе. Вот бы эти сплетницы наконец оказались правы!

Их отношения тем не менее продолжали быть исключительно платоническими. От того, что когда-то заставляло Оливера проявлять свои чувства к ней, не осталось и следа.

Он приблизился к Альве со словами:

– Миссис Эвелин сообщила мне, что вы сбежали с цирком Барнума.

– Так и есть, – сказала Альва, обернувшись. – Выступала на трапедии. Но в честь праздников мистер Барнум отпустил нас на выходные, и я решила побыть здесь.

– Весьма разумно. Непростой выдался год.

– Да, непростой.

– Год назад в это же время вы считали меня врагом.

– И продолжила бы считать, если бы вы не приехали повидать меня в канун Рождества.

– Как вы чувствуете себя теперь, завоевав общество по обе стороны Атлантики?

– Хорошо. Моя жизнь наконец вернулась в привычную колею. Хотя для этого мне пришлось потерять все, что у меня было. Признаюсь, в этом году я чувствую себя покинутой – дочь уехала в Англию, мальчики отправились с Вандербильтами в новое поместье Джорджа – Билтмор.

– Значит, дом уже достроили?

– Уильям сказал, гостей принимать уже можно. Работу заканчивают сыновья Ричарда. Я слышала, там есть боулинг и бассейн под крышей. Неудивительно, что у Ричарда из-за этого заказа случались приступы.

– Не то что мои конюшни в Белкурте.

– Уверена, Белкурт проблемой для Ричарда вовсе не был.

Они стояли рядом и щурились, глядя на барашки волн. Альва поинтересовалась:

– И все же, какими судьбами вы в наших краях? Я думала, вы уже закрыли свой особняк на зиму.

– Как я вам и говорил – не хочу, чтобы вам было одиноко. В Нью-Йорке вас не оказалось, и я забеспокоился.

Она рассмеялась.

– Правду говорят, что вы сумасшедший.

– Вы и представить себе не можете, насколько. Но, с другой стороны, не я ведь решил оставаться снаружи прекрасного теплого дома в такой холод.

– Будь у меня хоть немного совести, я бы пригласила вас зайти внутрь!

– Надеюсь, у вас ее нет – тогда вам будет легче простить мне вот это. – Оливер положил руку ей на затылок и поцеловал.

Если бы у него за спиной развернулись крылья и подняли его в воздух, Альва удивилась бы не меньше.

Из нежного поцелуй превратился в решительный. Когда они наконец оторвались друг от друга, оба тяжело дышали, пар окружал их точно облако.

– Ну вот, я нарушил свое обещание, – произнес Оливер. – И мне ни капельки не жалко.

Альва не могла вымолвить ни слова.

– Более того, – продолжил он, – я намерен это повторить.

И поспешил подтвердить свои слова. Когда он выпустил Альву из своих объятий, она удивленно выговорила:

– Но я думала, что вы не... то есть, что вам удалось перебороть...

– О нет, мне ничего не удалось. Посмею предположить, что мои чувства взаимны? Если я ошибся, то спешу принести свои самые искренние извинения и прямо сейчас отправлюсь на станцию...

– Нет! Нет, вы не ошиблись. Ваши чувства взаимны. И были взаимны всегда.

– Я так и знал! Несмотря ни на что. Хотя вы никак этого не показывали...

– Разве я могла?

– Нет, конечно, нет. Но я всегда это ощущал. Близость. Своего рода притяжение. Гравитация, не меньше той, что связывает Луну и Землю, Землю и Солнце.

Альва рассмеялась. Оливер был так доволен собой.

Она не могла поверить, что это происходит наяву. Даже если бы она и попыталась представить подобную сцену в своем воображении, то ни за что не смогла бы сделать ее такой радостной.

Так вот что такое любовь!

– Вы не только ученый, но и поэт?

– Я мастер на все руки. Бывалый человек. Человек Альвы, с ее позволения.

– Не знаю, что и думать! Разве что нам лучше зайти внутрь и – я не знаю – все обсудить.

Они прошли в Готический зал и уселись возле камина. Этот зал Оливеру нравился больше всего, как и Альве. Обстановка здесь была более аскетической, чем в других комнатах, более камерной. Место для спокойных раздумий. Хотя сейчас в мыслях Альвы происходило совершенно противоположное. Ее поцеловал Оливер Белмонт! Все теперь будет по-другому. Что же дальше? Каковы его намерения? Внутри Альвы бушевали такие эмоции, словно она была пятнадцатилетней девушкой, никогда не знавшей мужчины. Неужели

на отчаянное и безрассудное стремление к любви возраст никак не влияет?

– Значит, вас не возмутил мой поступок? – осведомился Оливер.

– Возмутил? Меня? Вам пришлось бы для этого сильно постараться.

Единственная служанка, которую Альва оставила на зиму, принесла поднос с кофе и печеньем и незаметно исчезла при словах Оливера:

– Когда вы разошлись с Вандербильтом, я впервые подумал, что у меня, возможно, появился шанс. Признаюсь, мне было сложно не торопить события и дожидаться подходящего момента. Мне не терпелось скорее перейти к действиям.

– Я невероятно рада, что вы на них все-таки решились.

– О, я полон решимости.

Он налил кофе и подал чашку Альве. Ей нравились его руки – длинные пальцы, аккуратные ногти, мозоли от поводов на подушечках. Ей показалось, или его руки дрожали, когда он протянул чашку? Она сосредоточилась на собственных руках, позволяя теплу чашки их согреть и пытаясь думать только об этом, а не о сердце, которое колотилось. Не о губах Оливера, которые прижались к ее губам. Не о жаре его дыхания. Однако она не могла об этом не думать. Поэтому думала обо всем этом, а еще – о теплом и волнующем ощущении внутри, ощущении, на которое прежде она обращала внимание редко и не без стыда.

Сейчас стыда она больше не чувствовала. И не собиралась.

– Будет очень плохо, если я признаюсь, что страдала и хотела, чтобы вы тоже страдали? Я была безоглядно верна своему браку – как оказалось, совершенно напрасно, и все же...

– Да, это плохо. Совсем непростительно. – Оливер встал и протянул Альве руку. – Поэтому теперь вы можете нарушить все свои клятвы. В доме есть кто-то кроме служанки?

– Только внизу, – ответила она, вложив свою ладонь в его.

Теперь ее сердце билось так сильно, что Альва боялась потерять сознание до того, как произойдет то, что должно произойти. Просто смешно! Она уже слишком стара, чтобы испытывать страх, головокружение, страсть – но она чувствовала все это, следовательно, не так уж она и стара.

Держа ее за руку, Оливер провел Альву по лестнице в спальню. Закрыв дверь и запер ее на ключ.

– Сейчас, – сказал он, прижав ее спиной к стене.

– Но, Оливер, я...

– Что такое?

– Я уже не так молода, как раньше.

Он строго посмотрел на нее.

– Ты хочешь, чтобы я тебя поцеловал?

– И я уже очень давно не...

– Ты дашь себя поцеловать?

Она рассмеялась.

– Конечно.

И он поцеловал ее. Он прижался к ней всем телом. Их дыхание стало прерывистым.

– Сколько лет миновало? – прошептал он, целуя Альву в шею. Прикусил мочку уха. Провел языком. – Мы так долго ждали этого.

– Да, – согласилась она.

Оливер снял с ее рук перчатки и бросил на пол. Его ладони ласкали ее плечи, шею, грудь; расстегивали крючки и пуговицы. Он сбросил пальто, жакет, рубашку. Стянул лиф платья с ее плеч, лаская теплую кожу. Стащил вниз юбку. Расстегнул корсет и отбросил в сторону. Потянул Альву к кровати и упал вместе с ней на покрывало.

– Я не буду тебя осуждать – но у тебя был кто-нибудь, кроме Уильяма?

Она помотала головой:

– Нет, никогда... и я не...

Он приподнялся на локте.

– Тогда начнем отсюда, – произнес он, прикоснувшись к бретельке сорочки на ее плече. – Я буду баловать тебя так, как ты и представить себе не можешь. Ты это заслужила.

– Не знаю, – прошептала Альва. – Вдруг я тебя разочарую?

– Тогда я выброшу тебя, как рыбак плохую рыбешку.

Она снова рассмеялась.

– Справедливо.

– В некоторых странах молодых людей учат доставлять наслаждение своей любимой, прежде чем получить удовольствие самому. Я всегда видел в таком подходе не только справедливость, но и

мудрость. Мы должны использовать каждую возможность, предоставленную нам Господом, для достижения счастья в отношениях. Я много об этом читал.

– Ах, вот откуда ты все это знаешь, – из книг.

Поцеловав Альву в лоб, Оливер сказал:

– Ты – единственная женщина, которую я всегда по-настоящему желал.

Он спустил бретельку с ее плеча, его губы последовали за его пальцами. Руки скользнули на талию, поднялись к груди. Оливер гладил ее шею, распустил волосы и запустил в них пальцы. Целовал ее подбородок, лицо, губы.

Когда он говорил «поцелуй меня», Альва целовала, когда говорил «дотронься до меня», дотрагивалась, а когда положил свою руку на то место, до которого ей когда-то дотрагиваться было запрещено, когда сказал «просто доверься мне», она больше ничего не боялась. Его пальцы ласкали ее, он прижался бедрами к ее ноге, чтобы она почувствовала его желание, и, когда Альва вскрикнула, лег на нее, и она потянула его к себе.

– Я хочу этого, – сказала она, глядя ему в глаза.

Оливер улыбнулся.

– И ты это получишь.

Ощущения были знакомыми, но совершенно иными. Он не спешил, целовал ее, наблюдал за ней, приподнимался, меняя позу, чтобы ей было удобно, прижимал ее к постели, спрашивая «тебе хорошо?». Да, Альве было невероятно хорошо, и это длилось и длилось. Возбуждение охватило все ее существо, она думала лишь о том, что сейчас происходит между ними, об Оливере. Он двигался невероятно чувственно, его голос возбуждал и поощрял ее. Альва начала хватать воздух, вскрикнула, а когда закричал он, разразилась слезами удивления, радости и благодарности.

– Ты станешь моим мужем? – спросила она.

Оливер рассмеялся.

– Ну наконец-то! Дама пришла в чувство. – Он приподнялся, чтобы взглянуть на нее: – Я собираюсь баллотироваться в палату представителей. Ты готова стать женой конгрессмена?

– Только если ты готов стать конгрессменом.

– Думаешь, дети не будут против?

– Ты всегда им нравился. Все будет хорошо.

– Тогда я согласен. Альва, будь моей женой. Целый мир откроется перед нами.

– Покажи мне его.

В январе, на следующий день после свадьбы, Альва и Оливер отправились на ужин в «Шерри». В фойе они встретили Лору Дэйвис с мужем. Лора Дэйвис, та самая женщина, которая два года назад повернулась к Альве спиной на собрании благотворительного общества и с тех пор ни разу не удостоила ее своим вниманием, расплылась в улыбке.

– Да это же мистер и миссис Белмонт! Позвольте поздравить вас с этим радостным событием!

– Спасибо. Я и сама так рада, что у меня слов нет, – ответила Альва и кивком попросила метрдотеля проводить их к столику. Усаживаясь, она сказала Оливеру:

– Эта женщина два года делала вид, что меня не существует.

– Два года ты не была замужем. А теперь все снова в порядке. Все на своих местах.

– Не могу с этим не согласиться.

Вскоре после этого Вилли приехал с вестями о том, как после очередной ссоры с Нейли по поводу Грейс Уилсон Корнель проснулся утром, позавтракал, отправился к себе в кабинет и потерял сознание. По заключению врачей, с ним случился удар.

Элис винила во всем Нейли. Впрочем, Нейли все равно женился на своей избраннице, а Корнель от инсульта не умер.

Пока он восстанавливался, Альва и Оливер отправились на Лонг-Айленд, чтобы выбрать в Ист-Медоу участок для своего нового дома. У них уже был Мраморный дом в классическом стиле, Белкурт – в готическом. Почему бы на сей раз не построить что-нибудь в неокOLONIALном?

Новый дом строился, а здоровье Корнеля становилось хуже и хуже. Пока Альва завоевывала расположение Азара, слуги Оливера, и руководила всеми изменениями, коим пришлось подвергнуть Белкурт, чтобы сделать его более подходящим для семейной жизни, Элис, присутствовавшая при втором инсульте Корнеля, вновь пришлось

иметь дело с сильными и выносливыми сиделками. Они укладывали ее мужа в постель, пересаживали в кресло, помогали забраться в ванну...

Пока Альва ездила в Англию, чтобы увидеть рождение своего первого внука; пока она была в Ньюпорте, поощрив Вилли ухаживать, а затем и жениться на Берди, младшей сестре Тесси Олрикс; пока она выбирала в Верхнем Ист-Сайде местечко для городской резиденции, которую они с Оливером планировали построить возле Центрального парка, – все это время Элис переживала из-за ухудшающегося здоровья супруга. Однажды утром ее разбудил голос из спальни Корнеля: «Кажется, я умираю». И он не ошибся.

В то время, как Элис привыкала к черному, который ей придется теперь носить до конца жизни, Альва начинала жизнь совершенно новую. Ей было очень жаль Элис, однако ни о чем другом она не жалела.

– Поможешь мне застегнуть цепочку? – Альва обратилась к Мэри.

Она сидела за туалетным столиком, наряженная и готовая к вечернему торжеству. Одной из главных радостей новой жизни была возможность общаться с Мэри как с другом.

Мэри подошла к ней, взяла кольцо в руки и сказала:

– Мне очень нравится, что вы перестали приказывать.

Колье было простым: серебряная цепочка и специально заказанная камешка с изображением профиля Оливера. Камешка напоминала значки, которые получит каждый гость новогоднего вечера. Не только старый год уходил этим вечером – шли последние часы девятнадцатого века.

В верхней части значка значилась надпись «Конгресс», а в нижней – «Оливер Х.П. Белмонт». В центре значка была фотография Оливера в профиль. Он выглядел очень авторитетно, как и подобает конгрессмену.

– Готово, – произнесла Мэри.

Альва дотронулась до камешка.

– Мой Оливер так хорош собой, правда?

– Правда. Жаль, женщинам голосовать нельзя.

– Да, жаль, и не только из-за Оливера, – согласилась Альва, вставая со стульчика. – Вот это да! Ты сегодня настоящая красавица.

Мэри, которая до сих пор выглядела молодо, разве что вокруг глаз появились морщинки, встала возле трюмо и улыбнулась своему отражению.

– Я старалась. Но, к сожалению, это не значит, что ваши гости будут очень рады нас видеть.

Говоря «нас», Мэри имела в виду себя и своего мужа Калеба Тэйлора, юриста с практикой в Сан-Хуан-Хилле. Они были женаты уже три года.

– Если они не будут вам рады – значит, они не голосовали за Оливера, они мне не друзья и могут убраться восвояси.

– Должна заметить, вы превратили умение избавляться от всего лишнего в настоящее искусство. В том, что вы на это способны, я никогда не сомневалась, просто не была уверена, что и вправду это сделаете.

– Пусть горящие за мной мосты – если мне придется сжигать их в будущем – освещают дорогу другим!

– Альва, здесь нет никого, кроме меня.

– Я репетирую.

– Я думала, сегодня вечером говорить будет Оливер.

– Но однажды слово достанется и мне. И я должна быть готова.

Хотя Альва наконец обрела любовь и счастье, она не могла позволить себе провести остаток дней, поедая эклеры и почитывая рассказы, скажем, Эдит Уортон (какими бы хорошими они ни были). Альва испытывала благодарность к своей подруге, в прошлом известной как Эдит Джонс, за то, что та развивала свой талант. Она восхищалась женщинами, которые умели действовать, поэтому и сама не желала ограничиться только чтением книг. Им предстояло начать кампанию, выиграть место в Конгрессе, и, к сожалению, Альва (как и любая другая женщина) могла сделать это только через мужчину. Ничего не попишешь, надо же с чего-то начинать.

Они с Оливером наняли оркестр из десяти музыкантов, а также нового шеф-повара из «Дельмонико» – на вечере ожидалось не менее трех сотен гостей. Альва обнаружила мужа перед оркестром – сложив руки за спиной, он смотрел, как музыканты настраивают инструменты, на голове у него блестела корона из жести.

– Король Оливер, если я не обозналась?

Он обернулся.

– Ах, моя прелестная королева! – Оливер заметил ее венок из цветов и фруктов и улыбнулся: – Выглядит очень аппетитно.

– Увы, ваше величество – но наши гости придут с минуты на минуту. Тэйлоры здесь.

– Я знаю – глава семейства уже отправился в гостиную за коктейлем. Замечательное название для напитка – коктейль. Это как нужно было подгулять, чтобы сравнить хвост петуха – или, может быть, лошади с алкогольной смесью?

С напитком в руке к ним подошел Калев Тэйлор – за пятьдесят, на висках и подбородке седина. Он заметил:

– Это как же нужно было подгулять богатому человеку, чтобы выдвигаться от Прогрессивной партии?

– Да, некоторые могут подумать, что я пьян все время.

– А сколько друзей вы потеряете только из-за того, что среди ваших гостей – я и моя жена?

– Так пусть горящие за нами мосты освещают дорогу другим! – возвестила Альва и добавила: – Я репетирую.

– Да, по сжиганию мостов мы настоящие мастера, – согласился Оливер и поцеловал в знак согласия Альву.

К ним присоединилась Мэри. Она принесла еще корон – для себя, своего мужа и Альвы, которая сказала:

– Взгляните-ка на нас! Четыре исключительных, интеллигентных и одаренных личности, три из которых начали свою жизнь в качестве собственности богатых белых мужчин. Я не имею в виду, что мы все тогда были в одинаковом положении – я лишь хочу подчеркнуть, что любую социальную несправедливость можно победить. – Она взяла со столика бокалы для себя и Мэри и добавила: – Пусть в новом веке этому поспособствуют французское вино и будущий член палаты представителей от Нью-Йорка Оливер Белмонт, мой муж!

Этот бал мало отличался от других. Прибывали гости. И там, и тут дамы восхищались платьями, брошами, мехами и прическами друг друга. Джулия пришла с мужем, французским графом Шарлем Гастоном де Фонтенилья (настоящим денди, как можно было догадаться), одетым в белоснежную шубу из песка. Лилось шампанское. Звучала музыка, были танцы и разговоры на всевозможные темы – от только завершившейся «маленькой войны»

с Испанией до ограбления поезда в Аризоне, совершенного Перл Харт (женщиной!); от урагана, который уничтожил дома и ромовые заводы в Сен-Круа (в которых многие из гостей имели долю), до открытия Бронкского зоопарка (в котором Альва с Гарольдом, который всего две недели назад приехал на каникулы из школы Святого Марка, побывали уже пять раз). Значительное число гостей (хотя, конечно, не все) побеседовали с Тэйлорами. Мэри даже как-то подошла к Альве и призналась: «Я еще никогда не видела, чтобы белые люди так старались быть вежливыми».

В 23.45 прибыл Гарри Лер, сопровождающий Мэйми Фиш. Альва застыла посреди бального зала и не могла оторвать от них взгляда. Конечно, Гарри – не Уорд Макаллистер, а Мэйми – не Кэролайн Астор. И все же на миг Альве показалось, что время остановилось. А что, если никто из них не уникален? Что, если они просто очередные актеры, играющие роли, которые испокон веку существуют в этой бесконечной постановке одной и той же пьесы?

Оливер взял Альву за локоть.

– Идем со мной.

– Куда?

– На террасу.

Ночной воздух охлаждал лица. Луны не было, и звезды казались особенно яркими на бархатном небе. Оливер одной рукой обнял Альву за плечи.

– Я знаю, здесь очень холодно. Но мне хотелось хотя бы пару минут побыть с тобой наедине.

Вдалеке виднелся Центральный парк, темный и пустой в этот час, с едва заметными голыми деревьями и тихим озером, отражавшим звездное небо.

– Здесь так тихо, – проговорила Альва. – И совсем не холодно.

– У нас с тобой скоро годовщина. Четыре удивительных года. Как будем отмечать?

– Всего четыре года! Как странно – мне кажется, мы всегда были вместе, а то, что случилось в прошлом, я просто выдумала или прочитала в книге. Правда, пять минут назад я увидела Гарри Лера и Мэйми Фиш и поняла, что с той поры ничего не изменилось. Время ведет себя очень странно.

– Помню, как впервые увидел тебя на балу Флоренс Вандербилт. Мне едва исполнилось шестнадцать, и я был тощим стеснительным юнцом, который пытался выдать себя за джентльмена. Отец заставил нас всех прийти на бал из уважения к старику Командору.

– Ты заметил меня?

– Ты была в зеленом платье и чувствовала себя неловко – не в платье, конечно, а на балу.

– Я почти никого там не знала. И у нас только закончился траур по матери.

На тот бал ее заставила пойти Консуэло Изнага.

– Я хотел поговорить с тобой, но не смог набраться смелости. Тогда ты на меня и не взглянула бы.

– Но представь, как все могло произойти: ты бы заговорил со мной, понравился мне – в этом я не сомневаюсь, – мы подружились бы, а спустя время эта дружба переросла бы в любовь и закончилась браком.

– И вот мы стояли бы с тобой у балюстрады, мороз пощипывал нас за нос, а мы ждали бы конца века.

– И начала века нового.

Оливер посмотрел на нее.

– Раньше я не верил в любовь. Это ведь такое нелепое чувство. В нем нет ни капли достоинства. Кому охота становиться сентиментальным болваном? А ведь мне, судя по всему, охота. Спасибо, что изменила мою жизнь.

– Это взаимно.

Они поцеловались, и Альва нехотя сказала:

– Наверное, нам лучше вернуться к гостям. Все это немножко напоминает тот день, когда ты приехал ко мне в Мраморный дом, помнишь? Только сегодня тебе нужно произнести речь совсем иного рода. Ты готов стать кандидатом Белмонтом?

Оливер отступил от нее на шаг, расстегнул пуговицы пиджака и большими пальцами оттянул подтяжки. Театрально откашлявшись, он начал свою речь:

– Я верю в то, что человек по своей природе добродетелен. Я верю, что мы стоим на пороге века, который станет самым мирным и изобильным в истории...

– А вы оптимист!

– Вот незадача, да? Политика перемалывает таких, как я, и выплевывает искореженными и бесполезными. Но... Я не знаю, как быть другим. – Оливер притянул Альву к себе и обнял: – Поэтому я здесь, правда?

– Именно там, где и должен быть.

Альва смотрела через плечо Оливера на огни стоящих вдоль парка домов Пятьдесят девятой улицы, на огромную усадьбу Элис и расстилающийся за ней ночной город. Она знала, что радость, которую чувствует сейчас, не продлится вечно. Трудности всегда поджидают за углом. Однако в этот краткий миг она была женщиной, стоящей на террасе под звездным небом в объятиях человека, которого она обожала. В этот краткий миг.

Созвездие

*Проснись, невеста, веки разомкни
И утро яркое затми
Очей сиянием лучистым!
Да славят птахи щебетом и свистом
Тебя и этот день!
У звезд ларцы небесные истребуй
И все алмазы, лалы, перлы неба,
Как новое созвездие, надень!
Пусть лучезарное явленье
Нам предвещает и твое паденье,
И новый, ослепительный восход...*

Джон Донн [\[59\]](#).

Глава 1

Когда ее спрашивали о Вандербильтах и Белмонтах, о торжествах и бесчинствах, особняках и балах, тяжбах, предательствах и размолвках, – когда спрашивали о причинах ее шокирующих поступков, Альва отвечала, что жизнь непредсказуема, и ты никогда не знаешь, чего от нее ожидать. Жила-была женщина, которая вышла замуж по расчету, о чем впоследствии пожалела. Потом ее предали, она сожгла за собой все мосты и вышла замуж за человека, которого любила. Шел 1908 год. Наступила весна. В свои пятьдесят пять она наконец могла позволить себе спокойно наблюдать за тем, как ее усилия приносят плоды.

– Вы же придете к нам на собрание? – спросила Альву миссис Китти Макэй, случайно встретив ее в новом великолепном отеле «Плаза», куда Альва и Армида зашли выпить чаю – Альва впервые видела, чтобы чай в ресторанах подавали в чашках из тончайшего фарфора.

Китти была одной из школьных приятельниц Консуэло и, по словам последней, недавно основала Общество равного избирательного права. В настоящее время она разрывалась между Манхэттеном и Лонг-Айлендом, где были ее дом, муж и дети, а также многочисленными благотворительными организациями. Консуэло упомянула о возможной связи между Китти и врачом ее мужа. Так оно или нет, но юная леди была миловидной, искренней и неудержимой – она продолжала говорить, несмотря на то, что Альва и Армида явно увлеклись поданной к чаю башенкой пирожных и сэндвичей.

– Собрание состоится сегодня в восемь в клубе «Колония». Нам нужна поддержка таких женщин, как вы. Вы ведь хотите, чтобы у женщин было право голоса?

– Я всегда этого хотела, – ответила Альва.

– Тогда обязательно приходите! У нас будут выступать такие исключительные особы, как миссис Кэрри Катт, миссис Ида Тарбелл...

– Я читала ее книгу – она доставила столько неприятностей Джону Рокфеллеру, – объяснила Альва Армиде и обратилась к Китти: –

Хорошо, включите меня в список. Я хочу посмотреть, чем занимаются эти дамы.

– Превосходно, просто превосходно, – обрадовалась Китти. – Я писала герцогине, что обязательно найду вас и затащу на собрание! Отлично. Хорошего вам дня! До встречи!

Армида едва не расхохоталась.

– Интересно, долго она бы верещала, если бы ты не дала согласие?

– Тише, тише, – сказала Альва, выбирая нежнейшую бриошь с икрой. – Зато теперь мы можем насладиться вот этим.

Затем Альва насладились еще одной булочкой, и третьей для ровного счета. Ей нравилось, когда всего именно столько, сколько нужно.

Зал клуба «Колония» был заполнен лишь наполовину, когда собрание началось. Присутствовавших дам Альва не знала, но почти все они были ее ровесницами. Китти принадлежала числу горстки представительниц молодого поколения.

Первая из выступавших, миссис Мэри Эллен или что-то вроде, говорила так тихо, что, прислушиваясь к «преимуществам права голоса... бедные, без каких-либо средств... демократические...», Альва невольно наклонялась в сторону трибуны и едва не выпала из своего кресла на даму, сидевшую впереди.

Следующим оратором была миссис Обри или Одри, которая монотонно читала по бумажке о том, что «каждый человек, волей Бога пришедший в этот мир, в эту страну щедрости и изобилия, теперь, когда наступают благоприятные времена, должен получить право голоса в управлении этой страной, и я говорю обо всех белых женщинах, но не об индейских женщинах, которые этого не заслуживают, потому что совершают преступления против правительства США. Я также считаю, что негритянки недостойны этого права, поскольку негритянки уступают в своем развитии даже мужчинам своей расы...».

– Но это не так! – прервала ее Альва.

– Тише! – шикнула на нее сидевшая рядом дама.

– Она ошибается. Негритянки так же интеллигентны, как мы с вами!

Удивленная таким поведением, миссис Обри или Одри помолчала, а потом снова опустила взгляд в свой конспект, пальцем нашла место, на котором остановилась, и продолжила вещать. Это длилось семнадцать бесконечных минут (Альва засекала по часам), в течение которых некоторые дамы, поначалу согласно кивавшие, стали просто-напросто клевать носом.

Выступили еще три женщины – все они лучше разбирались в вопросе, но ни одна из них не горела идеей. Когда все закончилось, Альва узнала не больше, чем знала в начале вечера.

Направляясь к выходу, она поблагодарила Китти и из вежливости (девочка ведь так старалась) сказала:

– Это было очень мило.

– Значит, вы придете снова? – обрадовалась та.

– К сожалению, я уезжаю на лето в Англию. Но желаю вам удачи в этом предприятии.

– Встречи продолжатся осенью. Я могу рассчитывать на вас?

– Милая моя, ваша настойчивость достойна восхищения. Но если вы вместе с остальными участницами этой организации не направите свои силы на самую программу, к вам в лучшем случае будут приходить одни и те же люди. Все, что здесь говорили сегодня, известно уже пятьдесят лет.

– Но наша цель – просвещать...

– Вдохновлять, – поправила Альва. – Вы должны вдохновлять. Вы должны сделать так, чтобы у ваших ровесниц появился повод пропустить игру в бридж или урок фортепиано. Найдите хотя бы одну активистку – кого-нибудь вроде этой англичанки Кристабель Панкхерст, которую без конца арестовывают. Организуйте поход на клуб «Метрополитен» в Вашингтоне – там вы наверняка найдете больше конгрессменов, чем в палате. Рисуйте плакаты. Пишите письма. Делайте что-нибудь!

Китти улыбнулась так же вежливо, как Альва улыбалась минуту назад.

– Мы подумаем об этом. Спасибо за совет.

– Знаете, для интеллигентной женщины вы не особенно благоразумны.

По дороге домой Альва думала уже совсем о другом. Они с Оливером собирались провести вечер за картами и коктейлями в

компании своего новенького сделанного на заказ фонографа Эдисона и стопки записей регтаймов. Этот новый аппарат давал такой хороший звук, что казалось, будто оркестр играет прямо в комнате.

Когда Альва вошла в гостиную, Оливер готовил коктейли, заглядывая в книгу «Как смешивать напитки». Из проигрывателя доносились звуки банджо Весса Оссмана.

– Как прошло собрание? – поинтересовался он.

– Если бы они придерживались программы, которую я вижу сейчас перед собой, это пошло бы им на пользу.

Оливер протянул ей коктейль с ромом, который они в шутку называли «Никербокер», и поднял свой бокал со словами:

– Такая программа пошла бы на пользу любому.

– Кажется, у меня несварение, – пожаловался Оливер одним вечером в начале мая.

Они только приехали в Брукхолт, свою резиденцию на Лонг-Айленде. На ужин поели холодного цыпленка, потом выпили по рюмочке перед сном и уже собирались ложиться спать.

Оливер надел халат.

– Пойду прогуляюсь по дому.

Весна на Лонг-Айленде выдалась превосходная, и они хотели насладиться ею в полной мере, прежде чем переезжать на лето в Англию. Несмотря на проигрыш Уильяма Дженнингса Брайана Уильяму МакКинли, Оливер стал членом Конгресса и сейчас делал все возможное, чтобы продвигать свою программу вопреки консервативному большинству. Когда в 1901 году МакКинли скончался через неделю после того, как в него стрелял анархист, в должность вступил Тедди Рузвельт, страна перешла в руки прогрессистов, и Оливер мог вновь вернуться к хорошему вину, первоклассной кухне, неторопливым путешествиям, поездкам на ипподром Белмонта и ночам, в завершение которых они с Альвой тихо лежали в постели – Оливер позади нее, положив руку ей на бедро. Если Альва о чем-нибудь и жалела, так это о том, что не развелась с Уильямом раньше.

В последнее время Оливер и Вилли, который серьезно увлекся гоночными автомобилями, планировали построить на Лонг-Айленде гоночную трассу – их планам помешало только участие Вилли в гонке в Дэйтоне на звание мирового рекордсмена. Гарольд изучал право в

Гарварде, но его настоящей страстью оставалось море. Ни один из сыновей не проявил интереса к семейному бизнесу, несмотря на то, что сейчас его возглавлял Уильям – который в действительности скорее за ним наблюдал, чем что-то делал. А Консуэло – что ж, на долю Консуэло выпало немало испытаний, поэтому Альве не терпелось вернуться в Англию и помочь дочери во всем разобраться.

Оливер обул домашние туфли и сказал:

– Не нужно ждать меня, ложись спать.

– Нет, я подожду.

Через сорок минут, когда Оливер вернулся, она сидела в постели и делала наброски оранжереи. Стоя в дверном проеме, муж сказал:

– Должен признаться, я никогда от этого не устану.

– От несварения?

– Нет, с этим, кажется, уже лучше. Никогда не устану видеть тебя в своей постели.

Альва отложила альбом в сторону:

– Докажи.

– Этот свежий воздух меня убивает, – пожаловался Оливер как-то вечером в середине мая.

После завтрака они вместе с Альвой руководили работой в садах и работали сами – возили землю и кустарники, убирали камни с новых тропинок. Альва была в своих велосипедных шароварах и блузке, он – в комбинезоне. Оба перепачкались в грязи и пыли и нуждались в ванне.

Оливер растянулся на диванчике в гостиной.

– Я немного отдохну, а потом поднимусь.

– Но от тебя ужасно пахнет.

– Значит, попахнет еще немного.

Голос мужа прозвучал непривычно резко. Альва склонила голову.

– Ты что-то недоговариваешь?

– Может человек немного полежать? Или его обязательно нужно донимать вопросами?

– Пожалуйста, делай что хочешь, – ответила Альва и оставила его.

Они никогда не ругались прежде. Через несколько минут Альва вернулась в гостиную, чтобы поговорить с Оливером. Но он спал, свернувшись на диванчике.

Следующим утром он разбудил ее, принеся свежесрезанную розу и свои извинения.

– У меня просто разболелся живот, но я не хотел об этом говорить. Простишь меня?

– Сейчас все в порядке?

– Есть не хочется, но боль почти прошла.

– Я не знала, что от боли ты становишься злым.

– Я тоже не знал – к счастью, я полагаю. У меня всю жизнь было отменное здоровье. Постараюсь держать себя в руках, если это повторится.

– Лучше узнать причину боли и полечиться до путешествия.

– Все в порядке. Наверное, мышцу потянул, когда помогал ворочать камни. – Оливер вытянул руки в стороны, согнул их и продемонстрировал свои бицепсы: – Впечатляет? Признайся, ты никогда не видела мужчины прекраснее, чем тот, что стоит перед тобой?

– Выглядит он замечательно. Но вот пахнет... – Альва закрыла нос.

– А еще он невероятно изобретателен. Он знает, что если надавить вот сюда, – он нажал на звонок горничной, – его ванна скоро наполнится горячей водой. Его умение решать проблемы непревзойденно.

– Кажется, я читала о его способностях в газете.

– И ознакомилась с ними непосредственно. – Оливер пошевелил бровями. – О таком любовнике мечтают все леди, но только ты смогла завоевать его сердце.

В конце мая после обеда, который, как обычно, состоял из нескольких пикантных блюд и бутылки первоклассного вина, Оливер, держась рукой за живот, пробормотал:

– Кажется, я переел.

– Живот болит?

– Немного, – кивнул он, подойдя к ней. – Я полежу в своей комнате. Мне бы хотелось сказать, что я буду скучать по тебе, но, боюсь, я буду думать совсем о другом, – сказал он, поцеловав ее в лоб.

– Не нравится мне это.

– Мне тоже. Но волноваться не стоит.

Но когда прошла ночь, за ней день и еще одна ночь, а боль и тошнота не утихали, Оливер согласился, что ему нужна помощь.

После консультации со своим местным врачом, он сообщил Альве:

– Загадка разгадана – у меня просто расстройство печени. Теперь мне можно есть только пресные блюда. И никакого алкоголя. Еще мне дали лекарство. Вот видишь? Все быстро лечится.

– Если тебе нужно время, чтобы восстановить силы, мы можем поменять билеты.

– Через пару дней я буду в форме. Не вздумай ничего менять.

Однако первого июня, когда Оливер не смог подняться или даже пошевелиться, не поморщившись от боли, а цвет его кожи стал ужасным и он пожаловался на жар, Альва решительно заявила:

– Я отправляю телеграмму нашим докторам в Нью-Йорке.

Доктора Булл и Маккош прибыли дневным поездом. Осмотрев Оливера и поговорив с доктором Лэйнхартом, они втроем пригласили Альву в комнату Оливера и сообщили супругам плохую новость.

– Хотя печень и может быть расстроена, как заметил доктор Лэйнхарт, – сказал доктор Маккош, – сейчас боль вызывает аппендикс. Мы надеемся, что медикаментозного лечения будет достаточно. Мистер Белмонт должен принимать морфин в качестве обезболивающего, каломель – слабительное, а также ихтиол от тошноты. Мы пришлем медсестру, которая будет за ним присматривать и ставить припарки на живот, чтобы облегчить боль.

Оливер посмотрел на Альву.

– Кажется, нам все-таки придется отложить поездку.

Говорил он с уверенностью, однако выражение его лица было беспокойным, а дыхание прерывистым. Альва вспомнила, что чувствовала себя примерно так же, когда рожала.

Весь вечер она просидела у кровати мужа. Пока он дремал, она читала книгу. Припарки и морфин сняли боль. Медсестра, заглянувшая проверить, как он себя чувствует, сказала Альве:

– Доктора надеются, что постельный режим поможет органу восстановиться.

– Так обычно и происходит?

– Да, – сиделка помолчала. – Бывает и такое.

Альва зашла к миссис Эвелин и спросила:

– Сколько у нас солонок?

– Две, кажется.

– Отправьте человека в город, пусть купит еще две. Нет, четыре. Наполните их солью и принесите в комнату мистера Белмонта.

– Зачем, мэм? – удивилась миссис Эвелин.

– Их надо поставить под кровать – они привлекают целительных духов или что-то в таком духе. Мы ведь должны испробовать все средства, правда?

Миссис Эвелин обняла Альву.

Спустя два дня с начала лечения никаких улучшений не последовало. Доктора сели возле кровати Оливера и сообщили ему и Альве, что дальше медлить нельзя – нужна операция.

– А если я откажусь? – спросил Оливер. – Я не боюсь – я уверен, что в вашем распоряжении лучшие специалисты. Но сколько времени уйдет на поправку? Нам отплывать на следующей неделе.

– Милый мой, не думай об этом. Англия никуда не денется.

– Но ты уже столько месяцев ждешь встречи с Консуэло и мальчиками.

Он спросил доктора Маккоша:

– Как вы думаете, мы могли бы еще немного подождать? Чтобы знать наверняка?

– Я понимаю ваши опасения. Но послушайте меня: если аппендикс не удалить, он раздуется от инфекции и вскоре лопнет. Боль, которая за этим последует, будет просто невообразимой, и вы наверняка умрете. Я уже послал за своими помощниками и инструментами. Мы проведем операцию утром.

Доктор вышел из комнаты.

– Ну и сухарь, – заметил Оливер.

– Все ведь и правда очень серьезно.

Муж потянулся к ее руке:

– Мне жаль, что так вышло.

– Замолчи, пожалуйста, – сказала Альва, стараясь не допустить предательской дрожи в голосе.

– Зато сейчас мы покончим с этим наверняка, и, когда придет время отправляться, я буду здоровее, чем раньше.

– Может быть, мне тоже стоит удалить аппендикс? Всегда лучше перестраховаться.

– Вот это солидарность, – слабо улыбнулся Оливер.

Утром Вилли, Берди и Гарольд приехали посидеть с Альвой, хотя что-то, а сидеть на месте ей совсем не удавалось. Этот день казался ей самым долгим в жизни. Она мерила шагами коридор перед гостевой комнатой, которую Маккош превратил в операционную, потому что окна оттуда выходили на юго-восток. Заглянув в комнату, пока медсестры сновали туда-обратно с тазами горячей воды, Альва заметила окровавленные простыни и Оливера, лежащего без сознания на столе. Запах вернул ее в 1874 год, в тот самый день в трущобах, когда они с Армидой обнаружили мертвую девушку. Нынешний запах оказался еще хуже. Здесь пахло кровью и гнилью, испорченным мясом.

– Произошло нагноение, – объяснила одна из медсестер. – От этого запах. Постарайтесь не волноваться. Они все вычистят.

Альва повернулась к детям:

– Они все вычистят. Господи...

Поздно вечером доктор Маккош наконец вышел из комнаты.

– Мы закончили операцию. Состояние мистера Белмонта стабильное. Должен признаться, я восхищаюсь его стойкостью – когда мы начали делать операцию, оказалось, что аппендикс уже лопнул. – Он с сожалением покачал головой и продолжил: – Бактерии попали в мышцы живота. Брюшина – то есть внутренняя стенка живота – тоже была заполнена ими. Мы вырезали аппендикс, вычистили брюшину и вымыли стенки теплой водой. Это все, что в наших силах.

– Он в сознании? – спросила Альва.

– Еще нет.

– А это нормально?

– Ваш муж все еще под действием эфира. Мы сможем сказать больше через некоторое время.

– Я хочу его увидеть.

Теперь в комнате пахло моющим средством и бинтами. Окровавленные простыни исчезли, Оливера переместили на кровать. Его лицо было пепельно-серым. Если бы Альву не уверили в обратном, она подумала бы, что смотрит на мертвеца.

– Мой храбрец, – сказала она, поцеловав его в щеку. – Ты все прекрасно перенес. Доктора говорят, что ты полностью поправишься.

Так это или нет, она не имела ни малейшего понятия.

Проходили часы. Альва отправила детей спать, а сама осталась с Оливером, чтобы увидеть, как он очнется. Иногда сиделка пыталась его разбудить, но в ответ слышалось только невнятное бормотание.

На рассвете доктор Лэйнхарт зашел проведать Оливера. Он попросил Альву подождать за дверью.

– Мне нужно осмотреть разрез.

– Шов выглядит хорошо, но жизненно важные функции мистера Белмонта слабы, – сообщил он вскоре, пуская Альву в комнату. – Должен предупредить вас – если ваш супруг не очнется в ближайшее время, его состояние может оказаться смертельным.

– Оливер, ты слышишь? Милый, открой глаза. Докажи доктору, что он ошибается.

Оливер шевельнулся. Его глаза приоткрылись.

– Впервые...

– Да?

– Впервые... – повторил он и поморщился.

– Что такое?

– Впервые я сочувствую МакКинли, – закончил он и попытался улыбнуться.

Альва усмехнулась.

– Мой Оливер вернулся.

Муж снова закрыл глаза.

– Побудь со мной, – сказал он и приподнял руку, она взяла ее в свою ладонь.

– Я всегда буду с тобой.

Газеты внимательно следили за болезнью Оливера. Сначала они писали, что положение безнадежное, на следующий день – что он идет на поправку. Потом – что его состояние ухудшилось. Затем – опять стабилизировалось. Это продолжалось четыре дня. Четыре дня Альва не выпускала руку Оливера, разговаривала с ним вполголоса, видела, как ее надежда крепнет, и не давала ей угаснуть. Она почти не ела, спала еще меньше – еще успеет все наверстать, когда муж будет в безопасности. Ничего страшного, если она немного похудеет – Оливер ведь исхудал ужасно. Они останутся в Брукхолте до осени, пока он не наберется сил. Они будут нежиться на солнце, читать друг другу и есть

печенье, которое она испечет сама, с джемом из их собственной малины.

На пятый после операции день Альва задремала у постели Оливера и внезапно проснулась. Солнце только встало. За окном щебетали крапивники и кардиналы. В комнате не было никого, кроме нее и Оливера. Наверное, сиделка вышла и разбудила ее... Повернувшись к мужу, она услышала слабый короткий выдох.

И больше... ничего.

За окном поднималось солнце. Птичьи трели не умолкали.

Альва отказалась превращаться в заливающуюся рыданиями вдову. Да, за черной вуалью ее глаза и нос были красными от слез – в течение последних дней она много плакала, иногда даже не осознавая этого. Но даже если бы она и была предрасположена к истерикам, Оливер не одобрил бы такого поведения, поэтому на людях она держала себя в руках.

А вот тихую, но яростную скорбь он бы одобрил с готовностью. Никто не догадался бы, что в конце похоронной церемонии, вцепившись пальцами в открытый гроб, Альва с трудом боролась с желанием забраться внутрь и захлопнуть крышку. Никто не догадался бы, что по пути в Англию она точно так же вцепилась в перила на корабле. Возможно, Оливер знал, что она совершенно потерялась. Возможно, он знал, что внутри она сходит с ума от непоправимости того, что произошло. Она надеялась, что он знает. Она бы все отдала, чтобы узнать это.

Глава 2

– Что тут происходит? – спросила Альва у дочери. – Никогда не видела здесь столько народу, даже по воскресеньям.

От порта до теперешнего дома Консуэло в Мейфэре добраться было невозможно. Коляски и автомобили всех мастей и размеров заполнили улицы. Консуэло с водителем встретили Альву на новеньком «Сиддли», который разогнался до сотни миль в час, но сейчас его мог бы обогнать даже едва научившийся ползать младенец.

– Мама, прошу прощения. Я потому и оставила мальчиков дома – хотя и предположить не могла, что все настолько плохо, иначе посоветовала бы тебе дождаться следующего рейса.

– Не нужно беспокоиться. Времени у меня теперь даже слишком много. – Альва горько усмехнулась. – Послушай, что я говорю. Господи, ну я и плакса.

– Ты имеешь на это право.

– Он бы меня отругал за такое поведение. – Альва посмотрела в окно: – Сегодня что-то отмечают?

– Помнишь, я присылала тебе газету «Право голоса для женщин»? Ее издательница вместе с Женским социально-политическим союзом^[60] собрались завтра организовать в Гайд-парке «Митинг Монстров». Сегодня в «Таймс» написали, что митинг посетят сотни тысяч. Я тоже собиралась там выступить, но потом Оливер... В общем, я решила отказаться.

Альва не видела Консуэло уже два года – как раз с тех пор, как они с Мальборо разошлись. Они оба очень старались – у них родились два сына, дворец отремонтировали, их любили простые люди и высший свет Британии. Проблема заключалась в том, что, по мере того, как роль Мальборо становилась более значительной – сначала он занял должность генерального казначея, затем – заместителя министра по делам колоний, – он делался все более чопорным и напыщенным, в то время как Консуэло, которой окружающая церемонность казалась не более чем замысловатой игрой с переодеваниями, становилась все менее серьезной. Нет, она, конечно, серьезно относилась к своему статусу, связанным с ним обязанностям и собственному стремлению

улучшить жизненные условия женщин из работающего класса и детей. Она продолжала выполнять все ритуалы придворной жизни, соблюдала обычаи и традиции. Просто для этого ей нужно было сохранять чувство юмора.

Отношение же Мальборо к происходящему начало казаться ей раздражающим. А ему отношение жены стало казаться слишком американским. Если верить слухам, оба искали «утешения» на стороне. Развод в их случае был делом немыслимым – для этого Мальборо пришлось бы доказать, что жена ему изменила, либо Консуэло – что муж ее покинул или подверг физическому насилию. А потому они решили разойтись на удобных для всех условиях. Прощлый раз Альва приезжала, чтобы поддержать Консуэло и помочь ей плыть против течения. В этот раз все было наоборот.

А течение... Течение сейчас было совершенно иным. Альва впервые в жизни чувствовала его мощь и безжалостность. Оно окружало ее со всех сторон, затягивало и не выпускало из своих цепких объятий. Это течение было черным, как беспомощная злоба и вероломная скорбь, сквозь нее не мог пробиться ни единый лучик света. То был мрак мавзолея.

– Мы обязательно должны попасть на этот митинг, – сказала Альва, помотав головой, чтобы разогнать дурные мысли. – Они могут найти для тебя время в расписании.

– Прошу тебя, даже не думай об этом.

– Но это поможет мне отвлечься. Мне нужно какое-то занятие.

Консуэло кивнула.

– Хорошо, тогда ходим. Я прослежу, чтобы нам оставили зарезервированные места. Эммелин Панкхерст будет...

Альва постучала в стекло, отделявшее их от шофера.

– Остановитесь!

– Прямо здесь? – удивилась Консуэло.

– Пешком мы дойдем быстрее. – Альва потянулась к ручке двери.

– Мама, погоди. Я бы с удовольствием прошла, но... Быстрее добраться не получится. Меня здесь все знают и будут останавливать на каждом шагу.

Альва откинулась на сиденье, посмотрела на туфли дочери – голубые шелковые лодочки с серебряными пряжками – и признала:

– Да и обута ты не для прогулок. – Она снова постучала в окошко и крикнула: – Едем дальше!

– Скажи, – поинтересовалась она у дочери, когда машина продолжила свой черепаший ход, – тебе никогда не хотелось все изменить? Если бы тебе дали такую возможность, ты бы выбрала другую жизнь?

– Нет, ни за что.

– Ты даже не задумалась!

– Потому что я много думала об этом. Знаю, когда-то я вела себя так, словно ты разрушила все, что имело для меня значение, тогда я не кривила душой – моему неискушенному взгляду мистер Резерфорд действительно казался галантным кавалером и удивительным человеком. Я верила, что влюблена в него. Но когда я стала герцогиней Мальборо, передо мной открылся новый мир. Мне очень нравится заниматься общественными делами, особенно проблемами детей и женщин. Поэтому я бы не стала ничего менять – кроме характера Мальборо. Не будь он таким педантом... – Консуэло рассмеялась: – Обожаю это слово. «Педант». Замечательное слово.

– Мы с тобой – удивительные создания, – заметила Альва. – Две независимые женщины, умудренные жизненным опытом.

В воскресенье Альву разбудила настойчивая песенка крапивника за окном спальни. Небо только начинало светлеть, но она знала – уснуть ей уже не удастся. Последнее время Альве не удавалось поспать больше нескольких часов за ночь – достаточно для того, чтобы не падать с ног от усталости, но недостаточно, чтобы отдохнуть по-настоящему. Как только она просыпалась, в ее мыслях начинали возникать образы из прошлого, и сон уходил, не в состоянии побороть воспоминания.

Рана, которую продолжают беречь, не затягивается. Поэтому когда Альве не хотелось погружаться в прошлое – а чаще всего так и было, – она выбиралась из постели и находила себе какое-нибудь занятие. Но поступать так в пять часов утра в доме дочери – не очень хорошо, так что Альва осталась в постели, несмотря на то, что первой мыслью, пришедшей ей в голову, была мысль о бывшей подруге, герцогине Манчестерской. Что ж, возможно, песня крапивника отвлечет ее, и мысли примут другой ход.

Альве следовало ожидать, что Лондон заставит ее думать о прошлом – это происходило каждый раз, когда она сюда приезжала. Герцогиня, ее старая подруга, где-то здесь, в городе. Она не переехала даже после того, как восемь лет назад тоже от туберкулеза умерла ее вторая дочь.

Альва всегда представляла, что может случайно столкнуться с герцогиней, а потому всегда была начеку и думала о том, как поведет себя, если их пути пересекутся. Эта душевная рана тоже не заживала, но была небольшой и незаметной для других, поэтому Альва решила ничего с ней не делать. Оливер поддержал ее решение. Он подарил ей полутораметровую мраморную статую Жанны д'Арк, которая стала украшением парадного зала в Белкурте, со словами:

– Как и Жанна, ты всегда знаешь, в каких сражениях принимать участие.

Трель крапивника прозвучала чуть дальше, потом еще дальше и наконец стихла совсем.

И Альва Вандербильт, и герцогиня Манчестерская стали вдовами. Обе женщины уверенно вошли в свои зрелые годы (которые, впрочем, приносили все больше неуверенности). Они вряд ли найдут новую любовь – Альве и думать об этом не хотелось, Оливер слишком ее избаловал. Значит, у них обеих впереди оставалось время, которое необходимо наполнить чем-то важным.

Возможно Альва ошибалась, игнорируя эту рану. Возможно, она зря думала, что ничего хорошего не выйдет, если они встретятся лицом к лицу. Она когда-то любила Консуэло Изнага. И она полюбит ее снова.

Альва села в кровати. Небо уже совсем просветлело. Послышались звуки другой птицы – на сей раз голубя, который нежно ворковал на соседнем подоконнике. Да, ее ждет день, полный событий, но что потом? Ей необходимо узнать, где сейчас живет герцогиня Манчестерская, та самая Консуэло, которая, как и Альва, когда-то была подающей надежды, но не поддающейся на уговоры юной леди, мечтавшей о приключениях. Надо послать старой подруге записку. Может быть, им удастся отыскать ресторанчик с хорошим видом, где подают чай по-девонширски?

Вместе с дочерью Альва присоединилась к процессии, которая должна была пройти от Набережной Виктории к Гайд-парку. В других частях города собралось еще шесть процессий. Они все состояли из женщин, прибывших со всех уголков Англии и несущих плакаты и флаги с названиями городов и лозунгами. Большинство женщин оделись в белое, у некоторых на шляпках или сумочках были зеленые и пурпурные украшения. В этом сезоне белый цвет пользовался необыкновенной популярностью – дамы прошли по лондонским магазинам как саранча, не оставив после себя и отреза белой ткани.

Консуэло объяснила Альве:

– Как видите, Женский союз выбрал для своих представительниц определенные цвета: пурпурный символизирует собой королевскую кровь, которая, по мнению миссис Панкхерст, течет в жилах каждой благонамеренной женщины. Белый – чистота души и намерений. Зеленый – это надежда, обновление и весна.

– Отличный выбор, – одобрила Альва. – Армия не должна вступать в войну без знамени.

– Я предпочитаю думать об этом не как о войне, а как о длительных переговорах.

– Во время переговоров обычно происходит обсуждение. Со стороны правительства я пока не вижу особого желания что-нибудь обсудить. Думаю, миссис Панкхерст не просто так прибегает к военным принципам. Она знает, с кем имеет дело.

– Значит, вас не возмущает то, что ее дочь арестовали за нарушение общественного порядка и провокации? Можете не отвечать – ответ написан у вас на лице. А когда мы были маленькими, вы заставляли нас вести себя хорошо и слушаться взрослых!

– Все зависит от обстоятельств.

– Мама, ее отправили в тюрьму!

Они шли в голове процессии, которая направлялась мимо резиденции премьер-министра на Даунинг-стрит к Сент-Джеймскому парку, затем, минуя Букингемский дворец и Арку Веллингтона, должна была выйти к Гайд-парку. Вдоль маршрута выстроились любопытные – в основном мужчины постарше, некоторые из них хмурились и неодобрительно покрикивали.

– Мне нравится, что я сегодня в белом. Черный цвет слишком мрачен, он вытягивает из меня все жизненные силы. Кому захочется

выглядеть так, словно его собственная смерть не за горами? Повязки на руку вполне достаточно.

Альве, безусловно, шло белое платье, но Консуэло в белом выглядела невероятной красавицей. Впрочем, она была красавицей в любом цвете. Альва думала о том, что никогда не видела свою дочь такой прекрасной, какой она стала в тридцать один год. Ее лицо словно создано самими ангелами. Из нескладного олененка она превратилась в грациозную газель. Доктор, прописавший ей в детстве чудовищный корсет, похожий на средневековое орудие пыток, явно отдавал себе отчет в том, что заботится о будущих интересах дамы.

– Но мы ведь сами себя ограничиваем строгими общественными нормами, – возразила Консуэло. – А мужчины ограничивают нас еще больше и продолжают это делать, если мы им не запретим.

Женщина, которая шла за ними, крикнула:

– Верно! Верно!

– Когда Оливер был избран членом Конгресса, я устроила званый ужин, на котором почетными гостями стали сестры Вудхалл и Клафлин, основательницы «Еженедельника». Ты знала, что Виктория Вудхалл собиралась выдвинуть свою кандидатуру на пост президента? Мне тогда было лет девятнадцать, не больше, и я вообще не думала о таких вещах – я хотела выйти замуж, а до того, кто заседает в Белом доме, мне и дела не было! Так вот, за ужином они с сестрой прочитали нам увлекательную лекцию о том, почему женщины должны получить право голоса. Конгрессменов такой поворот, разумеется, вывел из себя – может быть, именно поэтому мне так понравился тот вечер.

Консуэло рассмеялась:

– А вы всегда были такой бунтаркой?

– И да, и нет. Я всегда пыталась играть по правилам, но у меня это не очень хорошо получалось.

– А мне не по душе агрессия. В этом я больше похожа на папу.

– Ты думаешь, твой отец не агрессивен? – рассмеялась Альва. – Наверное, для тебя он до сих пор остается чем-то средним между Николаем Чудотворцем и бассет-хаундом.

– В любом случае... все эти... страсти. – Консуэло обвела рукой толпу. – Меня они пугают. Для чего они? Ведь мы и без этого делали успехи...

– Консуэло, всю мою жизнь женщины терпеливо обсуждали подобные вопросы друг с другом и с мужчинами, которые стоят у власти – теми, кто пользуется нашей вежливостью и сговорчивостью, порицая любое отличное от этого поведение. Мужчины уважают только силу. И мы должны стать сильными.

И снова женщина поблизости крикнула:

– Верно, верно!

Альва продолжила:

– Я чувствую свою вину – до сегодняшнего дня я не дала этому движению ничего, кроме пустых разговоров. Ты подаешь мне хороший пример. Как и все эти люди.

Все эти люди – процессия из сотен женщин, – безусловно, производили впечатление. Но от того, что они увидели, дойдя до Гайд-парка, у Альвы перехватило дыхание. В обычное время в июне Гайд-парк представлял собой обширное зеленое пространство и походил на Центральный парк в Нью-Йорке. Но сегодняшний день не был обычным. Сегодня здесь яблоку негде было упасть от заполонивших его людей – в основном женщин, хотя попадались и дети, а также немало сочувствующих движению мужчин. В парке не осталось и свободного клочка травы. Вдоль дорожек стояли фургончики с едой и столики с брошюрами и символикой в цветах Союза. Неподалеку духовой оркестр играл марш.

От всего увиденного Альва воспряла духом. Как и американки, британские женщины более пятидесяти лет требовали равноправия, и более пятидесяти лет им говорили, что общество рухнет, если мужчины предоставят им эти права. Предоставят! Как будто права хранились в банковских сейфах, и мужчины могли раздавать их лишь тем, кого считали достойными.

Чем старше становилась Альва, тем более нелепой ей казалось такое положение дел. Она сама была умнее, интеллигентнее и способнее едва ли не всех мужчин, которые встречались ей в жизни, и хотя она не могла с уверенностью заявить, что любая женщина справилась бы с мужскими обязанностями лучше – хуже они бы точно не сделали. Если законы поменяются в Англии, ее примеру последуют другие страны. Альва не знала ни одного американского джентльмена, который бы не хотел во всем походить на своего английского собрата.

– У меня от этих жареных орехов слюнки текут! – воскликнула Альва. – Купим немного? И посмотри – фургончик с колбасками! Я не ела уже... – Подняв глаза к безоблачному небу, она сказала: – Вот видишь, я проголодалась. Так что не волнуйся, чахнуть я не собираюсь.

– Мама, с кем ты разговариваешь?

– С колбасками, конечно, столько возни... Ограничимся орехами. – И она отошла, оставив дочь в недоумении.

Альве не удалось понять, что изображал ее взгляд – беспокойство или изумление, но это и не важно.

Пусть все думают, что она помешалась, – те, кто не терял любимого человека, не знают, какая это отдушина – поговорить с призраком. Не то чтобы Альва безоговорочно верила в существование призраков – она всего лишь его не отрицала. Ей было приятно, что желание перекинуться с Оливером словечком возникло у нее сейчас – будто им и в самом деле удалось приехать вместе, и теперь он с ней рядом.

На территории парка установили двадцать помостов, на каждом из которых выступит известная представительница суфражистского движения Англии. Альву больше всего интересовало выступление Эммелин Панкхерст, поэтому вместе с Консуэло они направились туда, где она должна была говорить. Перед помостом, под охраной полицейских, в пять рядов стояли раскладные стулья для приглашенных гостей и почетных лиц. Когда Альва устроилась на своем месте, Консуэло представила ее нескольким знатным дамам, которые, как и Консуэло, уделяли свое время и силы вопросу о правах женщин. Позади них стала собираться толпа – приближалось время выступления миссис Панкхерст.

Альва знала о ней немного. Миссис Панкхерст моложе ее на пять лет. До того, как овдоветь, была замужем за джентльменом прогрессивных взглядов. Правами женщин начала заниматься тридцать лет назад, но лишь недавно, потеряв терпение от медлительности и неэффективности способов, к которым прибегали ее коллеги, порвала с ними и основала новую, решительно настроенную организацию под названием «Женский социально-политический союз». Упрямая и бесстрашная женщина.

Группа полицейских провела сквозь толпу нескольких дам к правой части помоста. Женщина одного с Консуэло возраста (но, в отличие от нее, совершенно не грациозная) зашла по ступенькам на платформу и подняла руки в знак приветствия. Потом подождала, пока толпа утихнет. К ее платью, как у многих, была приколата зелено-бело-пурпурная лента.

– В этот исторический день, – прокричала она, – мне выпала честь представить вам женщину, настойчивость и мудрость которой всегда будут говорить нам о ее лидерских качествах! Ее неутомимые усилия и приверженность борьбе за наши права делают ее примером для нас всех. Встречайте – Эммелин Панкхерст!

Под радостные крики толпы Эммелин Панкхерст заняла место говорившей и встала перед морем людей со спокойным, даже несколько сухим выражением на лице, сцепив руки на груди. Через плечо у нее была перекинута лента с надписью «Право голоса для женщин».

Хотя миссис Панкхерст выглядела спокойной, ее лицо было полно того магнетизма и драматичности, которые часто присущи титулованным особам. Длинный, патрицианский нос, глубоко посаженные глаза, каштановые волосы и кипенно-белая шляпка. Ее платье тоже сверкало белизной. Ястребиным взором она обвела толпу: женщин в воскресных платьях и женщин в лохмотьях, женщин в шляпках и без, блондинок, брюнеток, шатенок, рыжих, седеющих и совсем седых. Женщин с младенцами на руках. Женщин с прислонившимися к их ногам маленькими дочерьми. Всех тех, кто устал от того, что правительство их не слышит, но собрался с силами, чтобы в свой единственный выходной прийти и часами стоять в Гайд-парке в ожидании выступления всего лишь одной женщины. И теперь они радовались миссис Панкхерст, словно та освободит их от бремени, как персидский царь Кир освободил евреев из вавилонского плена.

Альва посмотрела в ярко-голубое небо – огромная редкость для Лондона. Казалось, можно взлететь и утонуть в нем.

Миссис Панкхерст подошла ближе к краю помоста. Толпа затихла.

– Не словом, а делом! – возвестила она.

Женщины взорвались ликованием еще громче прежнего. Они топали ногами и кричали. Чтобы лучше видеть, Альва встала. Слезы

навернулись на ее глаза и потекли по щекам. Столько страсти! Столько уверенности! Как они убеждены в своей правоте!

Что, если ей удастся добиться такого же в своей стране? Что, если она сможет вдохновить американских женщин бороться за свои права и победить в этой войне? Оливер гордился бы ею. Она сама будет горда собой!

Конечно, она не Эммелин Панкхерст, но у нее есть собственное оружие – связи, знание политики, а также огромные средства. Однажды ей сказали, что деньгами помочь нельзя – неоднократно Альва чувствовала это и сама. К счастью, она обладает не только деньгами. У нее есть идеи и талант. Амбиции и запал. У нее есть время.

Всю жизнь она так часто старалась что-то изменить. Общество носило ее на руках, когда она действовала в его интересах, затем бичевало, когда она преследовала свои. И все же – разве их интересы не взаимны?

Жизнь – череда контрастов. Света и тьмы. Комедии и трагедии.

Она окинула взглядом толпу и увидела знакомое лицо...

Альва Смит и Консуэло Изнага. Альва Белмонт и Консуэло Монтагю.

Конец. Начало.

От автора

С того момента, когда Альва Смит Вандербильт Белмонт решила использовать свои внушительные средства для поддержки суфражистского движения в Америке, ее было уже не остановить. Она начала объединяться с суфражистскими лидерами, а когда разочаровалась в некоторых из них, основала на Манхэттене собственную организацию – Ассоциацию политического равенства, филиалы которой открылись и в других районах, в том числе в Гарлеме, где Ассоциация стала первым учреждением подобного рода. Альва была одной из немногих суфражисток, которые настойчиво призывали афроамериканок присоединиться к борьбе за право голоса. Несмотря на то, что Мэри Смит Тэйлор – персонаж вымышленный, она передает реальное отношение Альвы к проблемам афроамериканского населения в то время, когда многие граждане (включая суфражисток) в большинстве штатов двигались в направлении официального оформления расовой сегрегации посредством законов Джима Кроу^[61].

Созданная Альвой Ассоциация проводила лекции, главной целью которых было научить женщин принимать решения в пользу себя и своих детей. Под ее началом также находился Отдел гигиены, где женщины могли посещать занятия, на которых освещались вопросы воспроизводства и контрацепции и на которые медики того времени не могли дать им ответы. В Отделе гигиены можно было приобрести все: от косметики до средств для лечения опущения матки – проблемы, с которой часто сталкиваются женщины, забеременевшие и родившие в течение короткого промежутка времени. На базе Брукхолта, своего дома на Лонг-Айленде, Альва организовала занятия по фермерству для женщин, интересующихся сельским хозяйством. Она искала любые способы, чтобы улучшить жизнь представительниц своего пола из рабочего класса.

В годы борьбы за принятие Девятнадцатой поправки^[62] Альва написала сатирическую пьесу «Мелинда и ее сестры» – в 1916 году состоялась ее благотворительная постановка. Вдохновившись примером миссис Панкхерст и ее дочерей, Альва заказала продукцию

«Голосов для женщин» и устроила их продажу в Америке, чтобы собрать деньги для поддержки этой организации. Она писала статьи и открытые письма в американские газеты и журналы. Она наняла лоббиста и многократно проводила встречи с членами законодательного собрания, продвигая поправку о правах женщин как на уровне штата Нью-Йорк, так и на государственном уровне. Она приобрела здание в Вашингтоне для Национальной женской партии, которую учредила вместе с Элис Пол и Люси Бернс. Дом Альвы Белмонт, теперь известный как Национальный памятник женскому равенству имени Белмонт и Пол, стал музеем и первым государственным памятником истории женского движения на территории США.

В 1926 году дочь Альвы Консуэло и герцог Мальборо, которые официально развелись еще в 1920 году, решили аннулировать брак. Как пишет Консуэло в своих мемуарах «Блеск и золото», для аннулирования брака необходимо было убедить представителей церкви, что Консуэло вышла замуж против своей воли. Альва с готовностью подтвердила, что силой заставила дочь вступить в этот союз, очень сильно преувеличив свою настойчивость. Слушание должно было быть закрытым, однако подробности просочились в прессу, имя Альвы в очередной раз попало в заголовки, и в очередной раз ее выставили эгоистичной и жестокой дамой. Мифы о жизни Альвы по большей части основаны на подобных историях. Никто не пытается взглянуть на ситуацию шире, не упоминает, как близки они были с дочерью. А близки они были настолько, что Консуэло частенько снимала дом поближе к тому месту, где жила Альва. настолько, что построенный в Маналапане (Флорида) дом Консуэло назвала в честь матери «Casa Alva».

Одна из причин, которая побудила меня рассказать историю Альвы (а также историю Зельды Сейр Фицджеральд, героини моего прошлого романа «Z – значит Зельда») – то, что наши представления о женщинах, которые сыграли важную роль в истории, зачастую сводятся к скандальным подробностям их жизни. Сильных женщин – в особенности если они решили проявить себя за пределами домашнего очага – часто показывают вне контекста, изображают совершенно однобоко (то же самое произойдет с любым человеком, если его судить по единственному поступку или черте характера) и навешивают на них

сексистские ярлыки. Так интеллигентные, амбициозные и прямолинейные женщины оказываются «бесцеремонными», «деспотичными», «резкими», «истеричными», «крикливыми» и так далее. Чаще всего они получают подобные нелестные отзывы от мужчин, но иногда и от женщин.

Альву постоянно награждают такими эпитетами, заявляя, что в своей жизни она преследовала только две цели – богатство и социальный авторитет. Роль Оливера в государственной политике при этом практически не упоминается. Неудивительно, что те, кто писал об Альве, часто не могли объяснить, почему она приложила столько усилий для поддержки движения за женское избирательное право. Если об этом и пытаются рассуждать, то в качестве самой вероятной причины указывают скуку. Что же касается борьбы Альвы Вандербилт за права афроамериканских женщин – насколько я могу судить, об этом вообще никто до сих пор не писал.

Хотелось бы отметить, что, передавая взгляды и речь Альвы, я намеренно использовала слова «девушка» и «юная леди» как синонимы, придерживаясь норм девятнадцатого века. Хотя я – современная феминистка, эта книга является подражанием романам девятнадцатого века, с соответствующими персонажами и стилем повествования. Я считаю, что, в противопоставление современным взглядам на вопросы феминизма, этот выбор говорит сам за себя и позволяет мне избавиться от влияния современного восприятия на работу.

После принятия Девятнадцатой поправки Альва (и Национальная женская партия) сосредоточилась на борьбе за равенство прав – вопросе гораздо более сложном, чем суфражизм, но волновавшем ее не меньше. Она также не забывала о другой своей страсти, продолжая покупать и реставрировать дома в Париже и на Юге Франции, а также построила на побережье Лонг-Айленда особняк Бикон Тауэрс, который, по мнению многих исследователей, вдохновил Фрэнсиса Скотта Фицджеральда на написание «Великого Гэтсби».

Весной 1932-го она перенесла удар. В начале 1933 года Альва Белмонт умерла у себя дома в Париже, через неделю после своего восьмидесятилетия. Ее похоронили рядом с Оливером в мавзолее, который она спроектировала и построила после его смерти на кладбище «Вудлон». Проводить Альву пришлось более полутора тысяч

человек. По ее просьбе гроб несли женщины. Он был задрапирован транспарантом со словами «Поражение невозможно».

Благодарности

При работе над биографическим романом писатель получает огромную помощь от историков и биографов, пользуясь предоставленной ими информацией. Вот самые важные из публикаций, к которым я обращалась: «Женщины семейства Вандербильт» Клариссы Штаз, «Альва Вандербильт Белмонт» Сильвии Д. Хофферт, «Дети Фортуны» Артура Т. Вандербильта, «Пора славы» Грега Кинга, «Викторианская Америка» Томаса Джея Шлерета, «Когда Асторы правили Нью-Йорком» Джастина Каплана, «Позолоченный век в Нью-Йорке» Эстер Грэйи, а также мемуары Консуэло Вандербильт Бальсан «Блеск и золото». Конечно, помимо этих текстов, я прочла множество других книг и статей об истории, местах и людях, о которых написан этот роман. Художественные произведения Эдит Уортон и Генри Джеймса также мне очень помогли – все-таки они были непосредственными свидетелями эпохи.

Семейство Вандербильт изучено историками не так хорошо, как хотелось бы. Из-за этого характеры отдельных лиц и мотивы их действий разнятся от источника к источнику и чаще всего основаны на анекдотах, апокрифах и газетных статьях, которые зачастую полны неточностей. Насколько это возможно, я старалась придерживаться фактов.

Мне очень повезло получить поддержку издательства «Сент-Мартин Пресс», поэтому я хочу выразить свою признательность Салли Ричардсон, Джорджу Витте и Анне О'Грэйди. Их активная помощь в продвижении этой книги в печать именно в такой форме неоценима. Я хочу поблагодарить своего агента по рекламе Джессику Лоуренс, руководителя отдела рекламы Дори Вайнтраб, гуру маркетинга Пола Хохмана и Мартина Квинна, а также замечательных людей, которые вели закулисную работу по рекламе, маркетингу, дизайну и продажам. Также я хочу поблагодарить Лизу Сенц и Дженнифер Эндерлин, которые внесли свой вклад в появление книги. Я в особенности благодарна своему издателю Хоуп Деллон за чуткое сопровождение этого проекта от этапа концепции до завершения, за неизменную

поддержку моего взгляда на то, какой должна стать книга, и умение направить меня к достижению правильного результата.

Благодарю Венди Шерман, моего литературного агента, друга, первого читателя, ставшего голосом разума в этом непростом и временами безумном деле – написании и продаже книг. И коль уж речь зашла об агентах, не могу не поблагодарить Люси Стил за то, что она вызвалась заняться телепостановкой по роману (надеюсь вскоре увидеть плоды данного предприятия).

Для меня огромная честь снова сотрудничать с Лизой Хайтон и «Ту Роуд Букс», которые занимаются публикацией и распространением книги на территории Великобритании, Новой Зеландии, Австралии, Южной Африки и прочих мест за пределами Северной Америки, где люди покупают книги на английском языке.

Спасибо моим сыновьям, их женам, моей падчерице, а также моим деверям и золовкам – возможно, не все вы читаете мои книги, но вы всегда меня поддерживаете, а это дорогого стоит.

Когда писательство – твоя основная профессия, временами одиночества не избежать. Но мне повезло познакомиться с рядом таких же писателей, чья компания, пусть зачастую и виртуальная, поднимает мне настроение и напоминает, что за стенами домашнего кабинета есть жизнь. (Друзья, вы знаете, о ком я говорю). Королева среди них – Шэрон Курцман, которая поддерживает меня с той поры, как я только решилась вступить на путь писателя-романиста. Ее дружба для меня просто бесценна.

Еще раньше, чем Шэрон, я встретила Джона Кессела, первого в моей жизни самого настоящего писателя, профессора литературы и писательского мастерства, который первым сказал мне (это было в 2000 году), что, приложив должные усилия, я могу начать писать книги, которые будут публиковаться. Он – мой Оливер. Наше путешествие было непростым, пути – запутанными, но, Читатель, я вышла за него замуж.

notes

Примечания

1

Цитата из романа Джорджа Элиота «Феликс Холт, радикал», 1866 г. (*Здесь и далее прим. перев.*)

В XVIII веке род Рузвельтов разделился на две ветви: Рузвельты из Гайд-парка на реке Гудзон и Рузвельты из Ойстер-Бей. (*Здесь и далее прим. перев.*)

3

Гражданская война в США 1861–1865 гг.

Никербокер (от голландской фамилии Knickerbocker) – коренной белый житель Нью-Йорка, ведущий свою родословную из голландского Нового Амстердама XVII века.

Файв-Пойнтс – район в южной части Манхэттена, существовал в XIX веке, печально известен своими трущобами.

Ньюпорт – город в штате Род-Айленд; в конце XIX века – популярное место летнего отдыха среди самых богатых семейств Америки.

Командор – высшее воинское звание во флоте США. Корнелиус Вандербильт получил такое прозвище, став владельцем крупнейшего пароходного бизнеса в 1830-е гг.

Падение Второй империи во Франции в 1870 году.

Императрица Евгения (1826–1920) – последняя императрица Франции, супруга Наполеона III.

Шарль Луи Наполеон Бонапарт, позже Наполеон III – первый президент Французской Республики (1848–1852), французский император (1852–1870).

Клуб «Юнион» – клуб джентльменов, открытый в Нью-Йорке в 1836 году, один из самых старых и престижных клубов США.

Американская революция 1775–1783 гг., закончившаяся образованием США.

Не так ли? (*фр.*)

Вы говорите по-французски? (*фр.*)

15

Я очень хорошо говорю по-французски (*фр.*).

Музыкальная академия – оперный театр в Нью-Йорке,
существовавший с 1854 по 1926 г.

Кэролайн Астор (1830–1908), – светская львица.

Уильям Текумсе Шерман (1820–1891) – американский политик, полководец и писатель. Один из известных генералов Гражданской войны 1861–1865 гг., воевал на стороне Севера.

Страмониум – гомеопатическое средство на основе дурмана обыкновенного. Оказывает сильное влияние на мозг.

Фаулеров раствор – раствор калия арсенита, лекарственный препарат, предложенный в 1786 году английским врачом Т. Фаулером в качестве общеукрепляющего средства.

Французского языка (*фр.*).

Лотарио – персонаж оперы Амбруаза Тома «Миньон». Старый бродячий арфист, питающий особую нежность к Миньон – юной девушке, похищенной цыганами.

Кампания британской армии и флота против Континентальной армии в ходе американской Войны за независимость 1775–1783 гг.

Гражданские беспорядки в Нью-Йорке 11–16 июля 1863 года. Их причиной стали изданные Конгрессом законы, предполагавшие призыв на военную службу на Гражданскую войну. Призыва можно было избежать, заплатив 300 долларов.

Чинц – лощеная декоративная хлопчатобумажная ткань с набивным рисунком.

Салфетку, пожалуйста (*фр.*).

Джордж Виктор Дрого Монтегю (1853–1892) – восьмой герцог Манчестер.

Дженни Черчилль – знаменитая красавица, дочь американского финансиста, супруга младшего сына герцога Мальборо Рэндольфа Черчилля, мать сэра Уинстона Черчилля.

«Вудхалл и Клафлин» – еженедельная газета, которую выпускали Виктория Вудхалл (1838–1927) и Теннеси Клафлин (1844–1923). Главными темами были борьба женщин за избирательные права, трудовая реформа, легализация проституции и свободные отношения.

Смысл существования (*фр.*).

Хэнды и футы – единицы измерения, созвучные с английским названием ладони (hand) и ступни (foot).

Газель персидского поэта XIII века Джалаладдина Руми дана в переводе с англ. Т. Ермашкевич.

Александр Тюрни Стюарт – миллионер, предприниматель ирландского происхождения, переехавший в Америку и открывший крупнейший универмаг в Нью-Йорке.

Уильям Твид – американский политик XIX века, чье имя стало нарицательным для обозначения политической коррупции.

Перевод с англ. Юлии Качалкиной.

Маленький замок (*фр.*).

«Поле золотой парчи» (англ. Field of Cloth of Gold) – прозвание, которое получило место мирных переговоров Генриха VIII Английского и Франциска I Французского, проходивших с 7 июня по 24 июня 1520 г., и сама эта встреча из-за необыкновенной роскоши свиты обоих королей.

Быть примером (*фр.*).

Лучший (*фр.*).

Персонаж английского детского стихотворения (песенки) «Малютка Бо-Пип» про девочку, которая потеряла своих овечек.

Популярный в XIX веке в Европе и Америке винный напиток с содержанием кокаина.

Единственный в своем роде (*лат.*).

Без обуви (*фр.*).

На «языке цветов» одно из значений гардении – тайная любовь.

Универмаги в Париже.

Чарльз-Фредерик Уорт, Жак Дусе – парижские модельеры XIX века, владельцы домов моды.

Общественный союз (орден) в США, целью которого было улучшение положения всех категорий рабочего класса. Существовал с 1869 по 1949 г.

Перевод с английского Т. Ермашкевич.

Войдите (*фр.*).

Мои детки (*фр.*).

Алкольный коктейль на основе бурбона, воды, дробленого льда и свежей мяты.

Большое спасибо (*фр.*).

Белый бал (*фр.*).

О молодых людях (*фр.*).

Пожалуйста (*фр.*).

Гиг – двухколесный экипаж на одну лошадь.

Безик – интеллектуальная карточная игра.

Солнышко (*англ.*).

Эпиталама, или Свадебная песнь, в честь принцессы Элизабет.
Перевод Г. М. Кружкова.

Женский социально-политический союз (ЖСПС) – организация, ведущая борьбу за предоставление женщинам избирательных прав в 1903–1917 годах, основательница – Эммелин Панкхерст.

Неофициальное название законов, применявшихся в южных штатах и направленных на расовую сегрегацию. Имели юридическую силу до 1965 года.

Девятнадцатая поправка к Конституции США была принята Конгрессом 18 августа 1920 года. Ею вводились избирательные права для женщин.